82.3(2)
Я-498

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «КЫЫС ДЭБЭЛИЙЭ»

99-04415

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Т, 4.

ОЛОҤХО

КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ

ВО "Н А У К А"
НОВОСИБИРСК
1993

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ

НГОНБ Новосибирск
LIBER
18362
Новосибирская областная научная библиотека
№ 004414

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1993

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

РОССИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н.К. ЧЕРКАСОВА
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

А/О "РУССКИЙ ДИСК"

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА
№ 904414

Р-38

Ц 40-00

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев, Э.Е. Алексеев, В.М. Гацак (зам. главного редактора), А.П. Деревянко (главный редактор), Н.В. Емельянов, И.И. Земцовский, А.С. Каргин, Х.Г. Короглы, Е.Н. Кузьмина (ответственный секретарь), Д.С. Лихачев, Б.Н. Путилов, В.М. Санги, Ю.И. Смирнов, А.Б. Соктоев (зам. главного редактора), М.И. Тулохонов, Ю.И. Шейкин

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ СО РАН
КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сказитель
Н.П. Бурнашев

Запись
С.К. Дьяконова

Подготовка текста
П.Н. Дмитриева, В.В. Илларионова, Л.Д. Нестеровой

Перевод
Н.В. Емельянова, П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской

Редактор перевода
С.П. Рожнова

Вступительная статья
Н.В. Емельянова, В.Т. Петрова

Музыковедческая статья
А.П. Решетниковой

Нотные записи
В.С. Никифоровой

Фотоиллюстрации
В.Т. Новикова

ББК 82.3Я
К97

Рецензенты

доктор филологических наук Б.Л. *Рифтин*
кандидат филологических наук А.Н. *Мыреева*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО РАН

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук С.Ю. *Неклюдов*

Ответственный редактор
музыковедческого раздела тома
кандидат искусствоведения Ю.И. Шейкин

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. — Новосибирск:
К97 ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1993. — 330 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—029749—6.

Публикуемое впервые олонхо "Кыыс Дэбилийэ" — один из лучших образцов якутского эпоса — относится к типу сказаний о женщинах-богатырках. Основная сюжетная линия олонхо — борьба родоначальника первопредков якутов с темными силами Нижнего мира. Призванная на помощь Кыыс Дэбилийэ выступает защитницей своих соплеменников и устроительницей их мирной созидательной жизни.

Научный аппарат тома содержит подробные сведения о поэтике якутского эпоса, в комментариях и словарях дается толкование мифологических образов, топонимов, этнографических реалий. Том сопровожден музыковедческим анализом сказания, нотировками и грампластинкой.

Книга рассчитана на фольклористов, филологов, любителей устного народного творчества.

К $\frac{4702000000-119}{042(02)-93}$ 615—91 II полугодие

ББК 82.3Я

© Институт филологии СО РАН, 1993
© Российская Академия наук, 1993
© Сибирская издательская фирма ВО "Наука", 1993

ISBN 5—02—029749—6

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Огромное число вариантов, версий, произведений публикуются впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка.

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

В состав серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
"Очи-Бала". Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Бурятский фольклор (в 7 т.)
"Аламжи Мэргэн". Героический эпос
"Осодор Мэргэн". Героический эпос
Волшебные сказки
Новеллистические сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

*

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Мифы и предания

*

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Волшебные сказки и о животных
Легендарные и бытовые сказки
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

*

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

*

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

*

Якутский фольклор (в 6 т.)
"Кыыс Дэбилийэ". Героический эпос
"Модун Эр Соготох". Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы и предания

*

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

Вступительная статья к серии помещена в первом томе — "*Эвенкийские героические сказания*" (1990 г.).

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Эвенкийские героические сказания
"Аламжи Мэргэн". Бурятский героический эпос

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1992 год

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока

1993 год

Бурятские волшебные сказки
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные. О животных
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Легендарные. Бытовые
Нанайский фольклор. Нингман, сиохор, тэлунгу

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС "КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ"

Неотъемлемой частью многовековой якутской культуры является устное народное творчество. Богаты и многообразны по жанровому составу *олонхо*, якутские сказки, песни, обрядовая поэзия, исторические предания и рассказы, загадки, пословицы и поговорки.

Якуты — один из коренных народов Республики Саха (Якутия) (численность по данным Всесоюзной переписи 1989 г. — 382 тыс.). Вопрос об этногенезе якутов окончательно не решен. Начиная с первых исторических известий о них сложилось мнение, что якуты — народ, пришедший с юга, из Прибайкалья или других районов Южной Сибири. Эта гипотеза опирается прежде всего на устные якутские предания о легендарных первопредках Омогой Баае и Элляй Боотуре, известных еще путешественникам конца XVII—XVIII в., а также на сходство языка, материальной и духовной культуры якутов и тюрко-монгольских народов Южной Сибири. Однако современные исследователи, признавая наличие южных элементов в этническом составе якутов, приходят к выводу, что их окончательное формирование в этнос произошло в районе среднего течения Лены, откуда они расселились по огромной территории северо-востока Сибири. По грамматическому строю якутский язык относится к тюркской группе, а его лексический состав сложился из тюркских, монгольских и эвенкийских (тунгусских) слов; происхождение части слов остается невыясненным [61, с. 5, 7—19].

На протяжении веков при отсутствии письменности традиционный фольклор был важнейшей и почти единственной формой духовной жизни народа, отражающей мировоззрение, взгляды на природу и человеческое общество, основным средством просвещения и воспитания детей. Благодаря своей синкретической сущности устная поэзия сопровождала человека в семейной и общественной жизни, в труде и во время праздников, в радости и горе.

Начало собирания и изучения якутского фольклора тесно связано с развитием русской науки и общественно-политического движения в России. Образцы устного творчества якутов впервые были записаны

Э.К. Пекарский (1858—1934).

участниками Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, в программе которой особое значение придавалось этнографическим материалам. Участники экспедиции зафиксировали предания и мифы, песни и обряды [46]. На основе преданий и языка якутов Г.Ф. Миллер сделал вывод об их несомненном родстве с народами Южной Сибири [50, с. 183]. По сложившейся традиции сбором образцов устного народного творчества занимались участники и последующих экспедиций. Важным для изучения якутского фольклора явилось путешествие по северу и востоку Сибири в 1842—1845 гг. акад. А.Ф. Миддендорфа, который записал и опубликовал образцы обрядовых песен, преданий, легенд и один отрывок из олонхо [51]. В 1851 г. акад. О.Н. Бётлингк, автор классического труда "О языке якутов", издал с переводом на немецкий язык олонхо, которое было записано по памяти русским уроженцем Якутии А.Я. Уваровским, замечательным знатоком языка и фольклора якутов [105].

Особая заслуга в изучении якутского фольклора принадлежит русскому революционеру и ученому И.А. Худякову. В трудных условиях верхоянской ссылки он за короткий срок овладел якутским языком, составил алфавит на основе русской графики, сделал превосходные записи образцов почти всех ведущих жанров якутского фольклора и перевел их на русский язык [16; 54, ч. II]. Кроме того, И.А. Худяков написал замечательный труд о материальной и духовной культуре населения Верхоянского округа Якутской области, в котором всесторонне исследовал тяжелую жизнь якутского народа, находящегося под тройным гнетом: местных *тойонов*, русских купцов, царского самодержавия, — и выступил в его защиту. В устном народном творчестве, в эпосе олонхо исследователь видел отражение жизни и быта простых людей, богатство их духовной жизни [88].

Вслед за И.А. Худяковым многие политические ссыльные изучали этнографию, фольклор и язык якутов. Особое место среди них занимает Э.К. Пекарский, автор знаменитого "Словаря якутского языка", в котором основой фразеологического фонда явился язык сказок и песен [60, вып. 1, с. IV]. В "Словаре" Э.К. Пекарского можно найти толкование имен фольклорных персонажей, сведения по мифологии и устному

народному творчеству, объяснения и переводы отдельных эпитетов, фразеологизмов, присущих фольклорному языку. Огромное значение имеют изданные Э.К. Пекарским "Образцы народной литературы якутов" [54].

Наряду с Э.К. Пекарским сбором этнографических и фольклорных материалов занимались политические ссыльные В.М. Ионов, В.Ф. Трощанский, С.В. Ястремский, Н.А. Виташевский, В.Л. Серошевский [18, 33, 34, 80, 85, 103] и др. Многие из них совместно с Э.К. Пекарским стали участниками Якутской (Сибиряковской) экспедиции Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в 1894—1896 гг. [19]. Таким образом, в XIX в. изучением якутского фольклора в основном занимались ссыльные революционеры, оказавшиеся на поселении среди коренных жителей Якутии.

П.А. Ойунский (1893—1939).

Общественный интерес к народному творчеству пробудился в Якутии с началом движения за развитие национальной культуры под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. На страницах местной печати появились литературно-художественные произведения, навеянные фольклорными мотивами, проникнутые духом протеста против гнета царизма и пафосом борьбы с несправедливостью [8, 57, 82, 92]. В 1906 г. в Якутске было впервые осуществлено сценическое представление якутского олонхо [17]. В этот период свою собирательскую и исследовательскую деятельность начали А.Е. Кулаковский и С.А. Новгородов [42, с. 466—467; 52].

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда якутский народ получил свою письменность, начинает складываться новая художественная культура, зарождается театральное и музыкальное искусство, развивается массовая художественная самодеятельность. Важным источником формирования литературы и искусства становится фольклор.

В 20-е гг. собирание и исследование якутского фольклора было начато Комиссией АН СССР по изучению Якутской АССР и научно-исследовательским обществом "Саха кэскилэ" ("Якутское возрождение") [97, с. 61]. Более планомерный и систематический характер работа в этом направлении приобретает с организацией в 1935 г. Науч-

Г.У. Эргис (1908—1968).

но-исследовательского института языка и культуры при Совете Народных Комиссаров Якутской АССР (ныне Якутский институт языка, литературы и истории СО РАН). Возглавил работу института видный общественно-политический деятель, ученый, основоположник якутской советской литературы Платон Алексеевич Ойунский. Еще в 20-е гг. он отстаивал конкретно-исторические принципы в оценке фольклорных произведений, противостоял вульгарно-социологическому подходу к народному творчеству. П.А. Ойунский призывал якутских писателей глубоко изучать родной фольклор. В статье, специально посвященной олонхо, П.А. Ойунский исследовал вопросы генезиса якутского эпоса и его исторические основы [55]. Под его руководством институт развернул работу по собиранию, изданию и изучению фольклора [10, 12, 39], в 1938—1941 гг. организуются экспедиции С.И. Боло и А.А. Саввина в вилюйские и северные районы. Эта работа не прекратилась и в период Великой Отечественной войны. Героика олонхо, борьба богатырей против зла на земле были созвучны высокому патриотизму советских людей. В тяжелую военную пору приобрели новое содержание и новый смысл такие древние жанры якутского фольклора, как благословение (*алгыс*) и проклятие (*кырыыс*). Якутские народные певцы создавали поэтические импровизации о героизме и самоотверженности советских солдат и работников тыла, о победе советского народа в Великой Отечественной войне [11, 44, 76].

После окончания войны вновь организуются фольклорные экспедиции, ставшие с 60-х гг. систематическими, разрабатываются пособия для собирателей устной народной поэзии [95, 96]. Издание олонхо "Нюргун Боотур Стремительный", осуществленное Г.У. Эргисом в 1947 г. [53], положило начало научным публикациям образцов якутского фольклора ЯИЯЛИ. Принятые в этой книге научно-текстологические принципы легли в основу последующих двуязычных (тексты на якутском языке с переводом их на русский язык) изданий [32, 78, 98, 100, 101]. Последователь традиций И.А. Худякова и С.В. Ястремского Г.У. Эргис был убежденным сторонником перевода, максимально приближенного к оригиналу. Этот принцип получил дальнейшее развитие в научной публикации олонхо "Строптивый Кулун Куллусту-

ур", подготовленного к печати А.А. Поповым, И.В. Пуховым, Г.У. Эргисом и изданного в 1985 г. в серии "Эпос народов СССР" [83].

Значительным явлением в якутской фольклористике можно считать выход в свет обобщающих трудов по истории развития якутского фольклора и поэтике традиционных жанров, а также по проблемам развития устно-поэтического творчества якутов в советскую эпоху [14, 97]. Были достигнуты успехи в изучении идейно-эстетического содержания олонхо, эпических образов и сюжетов, исследовались проблемы отношения олонхо к эпосу других тюрко-монгольских народов, звуковая организация и ритмическая система стиха и своеобразие повествовательной структуры олонхо [15; 25; 27; 53, с. 5—60; 69—72], искусство якутских олонхосутов [31, 68, 90]. Исследуются роль фольклора в становлении якутской литературы, глубинные связи современной якутской поэзии и прозы с устно-поэтическими традициями [62—64, 79]. Кроме того, якутский фольклор часто привлекается для уяснения общетеоретических вопросов фольклора в историко-типологическом и структурно-типологическом анализе памятников эпоса народов СССР [29, 48, 49, 67, 87].

* *
*

В жанровой системе якутского фольклора центральное место занимает олонхо. Олонхо — это и общее обозначение якутского героического эпоса, и название отдельных сказаний, например "Дыырай Бэргэн", "Эр Соготох", "Нюргун Боотур", "Кыыс Нюргун" и др. Они представляют собой стихотворные произведения от 6 до 20, в отдельных случаях до 30—40 тыс. строк.

Олонхо — вершина развития якутской устной поэзии, в нем синтезировано все лучшее, что было достигнуто духовной культурой якутов. Первый исследователь и собиратель якутского фольклора И.А. Худяков, подчеркивая огромное значение эпоса в духовной жизни народа, назвал олонхо "главным родом поэзии, главным средством просвещения" [88, с. 372].

Как жанр устно-поэтического творчества олонхо объединяет более или менее однородные сказания, имеющие общую идейно-эстетическую систему, устойчивую сюжетно-композиционную структуру и традиционных персонажей. Якутский эпос глубоко связан с мифологией и насыщен мифологическими представлениями и образами. Его отличают также специфические условия бытования и особый тип сказительского исполнения.

Олонхо формировалось в процессе этнической консолидации якутов и запечатлело в эпической форме зарождение и развитие их самосознания. Если судить по содержанию героических сказаний, этническое самосознание складывалось в период постепенного разложения родового строя и возникновения раннеклассовых общественных отношений, еще сохранявших патриархальный характер. В то время родоп-

леменная идеология имела особую ценность для широких масс. В этих сказаниях можно усмотреть своего рода призыв к единению в эпоху межродовых и межплеменных распрей, когда "племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе" [1, с. 99]. Основная тема олонхо — это судьба эпического союза племен *айыы аймага*, налаживание мирной, счастливой и богатой жизни в предназначенном племенам *айыы* Среднем мире. В олонхо повествуется о жизни *ураангхай саха*, взаимоотношениях членов семьи, рода и племени, об их борьбе со злом.

Обычно сказание открывается зачином, в котором сообщается время описываемых событий. Это особое эпическое время "бранных лет", "ратных подвигов". В зачине также говорится, что до "бранных лет" были времена, когда еще "якуты не появились", времена сотворения трех мифологических миров, средний из которых предназначен для человеческого рода, эпического племени людей *айыы аймага*. Ему покровительствуют добрые божества *айыы*, живущие в Верхнем мире, и духи-хозяева — *иччи*, обитающие в Среднем мире. Во вступительной части с особой любовью описывается страна героя, представленная и как весь Средний мир, и как его часть, именуемая Сибиир (земля Сибиир), и как обыкновенный *алаас* — удобное в хозяйственном отношении угодье, место поселения якутов. Так, с самого начала в содержании олонхо переплетаются мифологическое с реальным, а макрокосм эпического мира неотделим от микрокосма создателей олонхо.

Вступительная часть служит экспозицией для развертывания сюжета, и, кроме страны героя, в ней описывается внешний облик богатыря, его жилище и усадьба, имущество и богатство, его образ жизни. Большое место в описании занимает священное дерево Аал Кудук (Луук) мас, олицетворяющее все светлые начала Среднего мира, "символ неувядающего плодородия земли и вечного расцвета в ней" [14, с. 91].

Олонхо присущи три основных сюжетно-композиционных компонента: 1) завязка, которая содержит первопричину конфликтной ситуации сказания; 2) кульминация, когда сюжетное движение достигает апогея в сценах единоборства героя с его главным противником; 3) развязка — традиционное завершение всех событий победой светлых сил и установлением мирной, созидательной жизни для продолжения рода *ураангхай саха*.

В связи с развитием параллельных или однотипных фабульных линий многие сюжетные звенья нередко повторяются, например, богатырский поход, преодоление препятствий, похищение невесты или жены, поединок богатырей и т.п. Часто в традиционные сюжетные линии включаются новые персонажи и повествования о двух или трех поколениях богатырей (отец, сын, внук).

Система персонажей олонхо устойчива и неизменна почти во всех произведениях. Главный герой — богатырь (или богатырка) из племени *айыы аймага*. Основная функция его как родоначальника — борьба за создание семьи и защита интересов племени. Противником обычно

выступает богатырь из племени *абаасы* — мифологических жителей Нижнего и Верхнего миров, носителей зла, постоянных врагов племени *айыы аймага*. Конфликт всегда разрешается победой героя, уничтожением или изгнанием богатыря-*абаасы*. Иногда противником выступает богатырь-соплеменник, что, вероятно, отражает внутриродовые (или внутриплеменные) противоречия. Сюжетные коллизии в таких случаях обычно имеют мирный исход.

Остальные персонажи группируются вокруг главного героя и его противника, представляя собой членов семьи и племени (отец, мать, братья, сестры и соплеменники). Особое место среди действующих лиц олонхо занимают мифологические персонажи. Верховное божество Юрюнг Айыы Тойон выступает в роли главного покровителя племени *айыы аймага*, прародителя (деда, отца) родоначальника племени людей *ураангхай саха*. Прямым предком *ураангхай саха* является также божество Кюрюё (Кюн) Джёсёгёй, дарующее людям лошадей. Эти божества становятся дарителями всех благ земной жизни. Кроме того, племена Среднего мира находятся под покровительством божеств Иэйиэхсит и Айыысыт, которые способствуют рождению людей и размножению домашних животных, им помогают духи-хозяева — *иччи*, живущие в Среднем мире. Что касается мифологических персонажей, относящихся к *абаасы*, обитающих в Нижнем и Верхнем мирах, то их образы чрезвычайно сложны и связаны отчасти с представлениями о враждебных иноплеменниках.

В сюжетном составе якутского героического эпоса выделяются три группы сказаний: 1) о заселении Среднего мира *айыы аймага*; 2) о родоначальниках *ураангхай саха*; 3) о защитниках племен *айыы аймага* и *ураангхай саха*.

К первой группе олонхо относятся сказания об отверженных потомках божеств *айыы*, изгнанных из Верхнего мира и поселенных в Среднем мире. В этих сказаниях еще слабо отражается этническое самосознание якутов и почти отсутствует классический для богатырского эпоса мотив героического сватовства [27, с. 11—92]. К этой же группе примыкают олонхо о девах-богатырках, первых людях Среднего мира, появившихся одновременно с возникновением эпической страны.

Вторую группу олонхо составляют сказания о героях-первопредках Средней земли, которые после трудной и упорной борьбы с силами зла становятся родоначальниками племени *ураангхай саха*. Главный герой многих сказаний названной группы носит имя Эр Соготох (Муж Одинокий). В содержании этих олонхо раскрывается значение имени героя с постоянным для него эпитетом "*эрэйдээх-буруйдаах*", т.е. многострадальный, познавший много бед. Так, герой опубликованного О.Н. Бётлингком олонхо "Эр Соготох" [105, с. 78—96], одинокий и не знающий о своем происхождении, вдруг начинает тяготиться своим одиночеством и, обратившись к духу-хозяйке (*иччи*), обитающей в священном дереве, узнает о своем божественном происхождении и о высоком предназначении стать родоначальником племени *ураангхай*

саха. Герой отправляется за суженой и после многих испытаний и подвигов возвращается в свою страну с добытой в героическом сватовстве женой. Эр Соготох и приведенные его женой люди становятся первопредками племени *ураангхай саха.*

В олонхо о родоначальниках преобладают темы героического сватовства, устройства семьи и заботы о продолжении рода. Однако следует учесть, что в этих сказаниях находят отражение более широкие и сложные общественные связи между вступающими в родство представителями родоплеменных образований, между женихом и невестой, женихом и родственниками невесты, между отцом и сыном, матерью и детьми и т.п. Все эти взаимоотношения персонажей обусловлены сознанием их принадлежности к союзу племен *айыы аймага* и подчинены главным идеям олонхо: обеспечению благополучной судьбы племени *ураангхай саха*, устранению конфликта внутри племени и устройству мирной жизни.

Третью группу олонхо объединяет тема защиты племени *айыы аймага* от агрессивных *абаасы*, злых существ Нижнего и Верхнего миров. В некоторых сказаниях богатыри-защитники назначаются божествами, и они по просьбе подвергшихся нападению жителей Среднего мира спускаются с неба [53]. В других олонхо защитниками своего племени становятся чудесно рожденные дети самих жителей Среднего мира [12].

Следует сказать, что не каждое сказание в жанре олонхо можно отнести к той или иной группе. Во многих произведениях указанные темы и мотивы соединяются, образуя сложные сюжетные переплетения.

В олонхо, повествующих о подвигах богатырей двух или трех поколений, сюжетно-композиционная структура подчиняется общей идейно-тематической схеме, раскрываемой в системе образов: самый первый человек Среднего мира — родоначальник — защитник племени.

* *
*

В настоящем издании впервые публикуется эпос "Кыыс Дэбилийэ", записанный в июне—июле 1941 г. со слов сказителя из Усть-Алданского района Николая Петровича Бурнашева Степаном Константиновичем Дьяконовым.

Усть-Алданский район издавна славится знаменитыми олонхосутами, такими как Д.М. и И.И. Говоровы, Н.Р. Петухов, Р.П. Алексеев, среди которых достойное место занимает и Н.П. Бурнашев. Современники знали его под именем Олонхосут. Это имя-прозвище, данное Н.П. Бурнашеву народом, свидетельствует о признании его большого таланта.

Олонхо "Кыыс Дэбилийэ" принадлежит к лучшим образцам якутского эпоса и относится к типу сказаний о женщинах-богатырках. Всего известно девять записей полных текстов олонхо о богатырках и

С.К. Дьяконов (1913—1966).

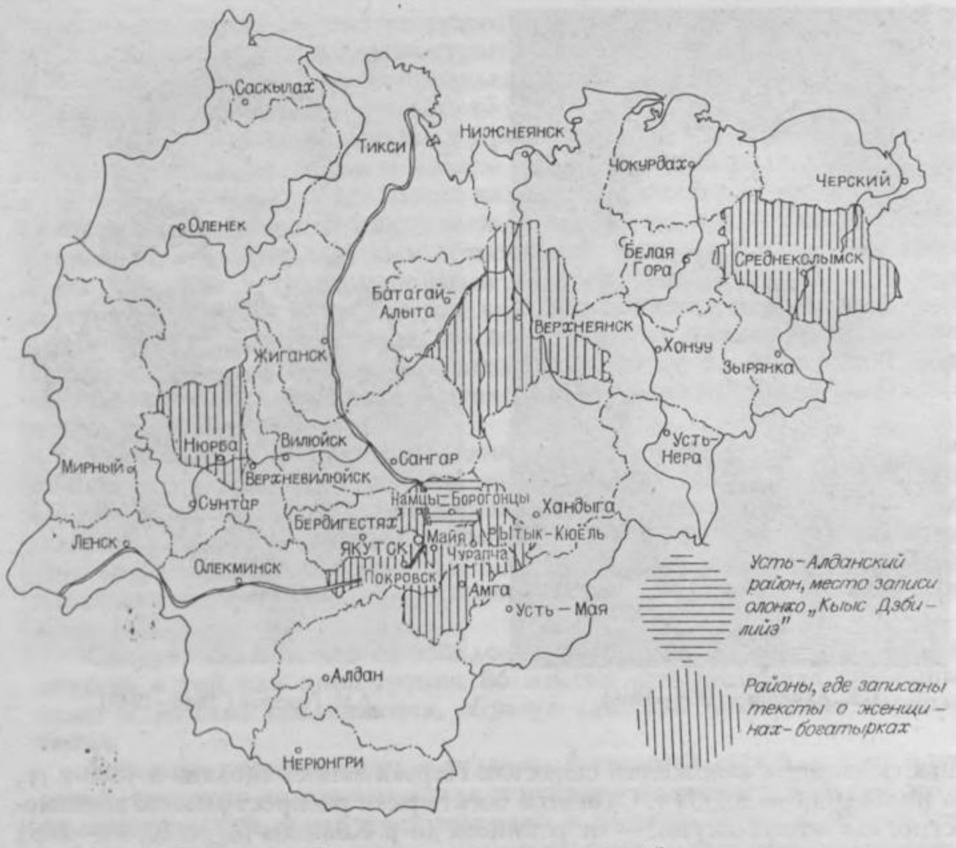
Д.М. Говоров (1848—1943).

шесть записей изложений сюжетов. Первая запись сделана в 1880-х гг., а последняя — в 1959 г. Олонхо о богатырках распространены повсеместно, где живут якуты, — от р. Енисея до р. Колымы [27, с. 10, 94—209]. Сюжеты большинства этих олонхо развиваются как переплетение двух фабульных линий: взаимоотношения богатырки и побежденного ею богатыря, который становится ее рабом, и поиск героиней пропавшего коня (ребенка, брата).

Олонхо "Кыыс Дэбилийэ" по идейно-эстетическому содержанию, по широте охвата эпических тем, характерных для указанных выше трех групп олонхо, — сказание многоплановое.

Зачин, являясь началом вступительной части, состоит, как и весь текст сказания, из свободных аллитерационно-ассонансных стихов, складывающихся на основе внутренних законов сингармонии якутского языка. Поэтический текст имеет тирадную структуру: цепочка стихов образует один законченный смысловой период со множеством ритмико-синтаксических параллелизмов и повторов [15, с. 101]. Так, первая тирада — период (ст. 1—28) — состоит из трех смысловых блоков, первый из которых (ст. 1—9) является зачином, а представляющие собой синтаксический параллелизм второй и третий блоки (ст. 10—17 и 18—28) — поэтическим описанием, создающим образ неба. Второй период (ст. 29—82), слагающийся из шести смысловых блоков,

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА



Карта-схема бытования олонхо о женщинах-богатырках.

рисует величавую картину "изначальной матери-земли", т.е. Среднего мира. Третий период (ст. 83—112) содержащий два смысловых блока, повествует о земле, называемой Западный Сибиир, части Среднего мира. В четвертом (ст. 113—133) и пятом периодах (ст. 134—179) рассказывается о прекрасной благодатной стране, в характеристике которой фантастика, навеянная мифологическим миросозерцанием, сочетается с картиной реальной природы таежной части Якутии. Описание изобилует многообразными развернутыми эпитетами и сравнениями. Так, земля (страна, мир) определяется сложным постоянным эпитетом: "восьмиободная-восьмикрайняя", "изначальная" (ст. 74—79); низкие кустарники сравниваются с русскими девушками в сарафанах, березы — с именитыми людьми (ст. 149—159) и т.п. Все эти описательные эпитеты, многовариантные сравнения и параллелизмы группируются в блоки, образующие устойчивые эпические формулы и типические места [23, с. 113—120; 31, с. 69, 95].

О языке и стиле олонхо якутский исследователь фольклора Г.М. Васильев писал: "Выросшее на почве мифологии и проникнутое духом исторических легенд, оно (олонхо) слилось со сказочной фантастикой, пропиталось культовой поэзией, шаманскими заклинаниями и сконцентрировало в себе все силы, краски, выразительные средства народного языка" [14, с. 100]. Все это свойственно языку и стилю олонхо "Кыыс Дэбилийэ".

Кроме упомянутого выше рассказа об эпической стране Западный Сибиир (ст. 1—217) и страны Чугдаан Бухатыыра (ст. 1026—1106), сказание изобилует выразительными описаниями *ысыаха* (ст. 1108—1136), сбора в поход и отъезда богатыря (ст. 1937—2160), богатырских поединков (ст. 1338—1400, 1545—1606, 3291—3459), поля битв (ст. 3140—3192), очищения богатырей *айыы* от скверны *абаасы* (ст. 3790—3869) и т.п. Разнообразен также песенный состав олонхо. Так, многозначны по своему содержанию и психологическим оттенкам диалогические песнопения персонажей — *тойуки*. Они разнообразны и в жанровом отношении: это песни-заклинания (ст. 3001—3045, 3206—3290, 4199—4276), песни-призывы (ст. 1406—1425), песня-бахвальство богатыря (ст. 1507—1528), песня-плач (ст. 3479—3522), песня-повеление божеств (ст. 3645—3691), песня-проклятие (ст. 3724—3760) и т.п. Композиционное построение публикуемого олонхо отличается тем, что экспозиция, предшествующая развитию основной сюжетной линии о героическом подвиге Кыыс Дэбилийэ, занимает очень большое место. Представительница темных сил, женщина-*абаасы* Сарахана Кюкюкэнньик, младшая дочь главы Нижнего мира Арсан Дуолая, поселяется в цветущей стране Западный Сибиир, части Среднего мира, предназначенной для жизни людей *айыы аймага*. Захваченная ею земля становится как бы опорным пунктом агрессивных действий Сараханы Кюкюкэнньик против племени *айыы аймага*. Сарахана — хитрый и коварный враг, поставивший перед собой цель присвоить землю людей *айыы*. Даже ее отец Арсан Дуолай не одобряет замысла дочери поселиться в Среднем мире. Он опасается ее неуживчивого и злого нрава (ст. 311—331). Глава Нижнего мира хочет жить в мире с людьми *айыы* и не желает, чтобы его дети ссорились с ними. В этом угадывается образ иноплеменного вождя, стремящегося к мирной жизни. Арсан Дуолай разрешает своей дочери поселиться в Среднем мире только после того, как она дает зарок, что никогда не нанесет вреда людям (ст. 340—355). Сарахана Кюкюкэнньик нарушает свою клятву: сразу же после переселения замышляет зло против жителей Среднего мира. Как и все женщины-*абаасы* в олонхо, Сарахана не обладает ни богатырской силой, ни сверхъестественными способностями, чем наделены другие персонажи Нижнего мира. Она действует против племени *айыы аймага* коварством и хитростью. Поселившись в Среднем мире с тремя своими сестрами, Сарахана похищает трех детей из трех миров и воспитывает их в ненависти к племени *айыы аймага*. Питомцами женщины-*абаасы* оказались сын небожителя Кюн Джёсёгёя (в других олонхо Кюрюё Джёсёгёя), почитаемого в качестве божества —

дарителя и покровителя лошадей; сын жителя Среднего мира Саха Саарын Тойона и сын одного из родоначальников Нижнего мира Елюю Етюмэхтэя, т.е. из трех воспитанников двое — потомки *айыы аймага.* Они, вскормленные молоком женщины-*абаасы,* воспринимают все повадки *абаасы* и относятся враждебно к родным по крови представителям племени *айыы аймага,* мало отличаясь от третьего воспитанника — сына жителей Нижнего мира. По достижении ими десятилетнего возраста Сарахана нарекает своих приемных детей именами, соответствующими их племенной принадлежности и характеру представителей этих племен: мальчиков из Верхнего и Среднего миров — благозвучными именами, а мальчика Нижнего мира — именем, раскрывающим его хищный звериный нрав (ст. 690—712). Подросшие выкормыши *абаасы* жаждут кровавых походов и грабежей. Сарахана же, олицетворение начала всех зол и бедствий, подготовив своих питомцев для совершения злодеяний, отходит на второй план эпических событий, возмутителями спокойной мирной жизни людей *айыы* становятся ее выкормыши.

Следует отметить, что в обрисовке Сараханы Кююкэнньик присутствуют элементы психологизации, например, в описании ее поведения во время разговора с родителями, когда она просит у них разрешения поселиться в Среднем мире (ст. 251—260, 336—355, 369—383), или в сцене с питомцами, когда те требуют от нее указать объект для нападения (ст. 675—686, 778—787, 796—805). Воспитанники же Сараханы, в особенности сын Нижнего мира Дыгыйдаан Бёгё, характеризуются в повествовании односторонне: они злые разрушители благополучия людей *айыы.*

Жертвой питомцев женщины-*абаасы* становится Чугдаан Бухатыыр, образ которого в данном олонхо воплощает положительные черты родоначальников и защитников людей *айыы аймага.* Он живет в одной из благодатных стран Среднего мира. Его страну восемь божеств *айыы* благословеньем осенили (ст. 1030—1034), в долине, "травой луговою обильной", пасется "бессчетное множество" рогатого скота и лошадей (ст. 1074—1093). Широкий по натуре, Чугдаан Бухатыыр часто устраивает кумысный праздник-*ысыах.* В олонхо красочно повествуется, как народ, живущий в мире и довольстве, радуется и веселится на празднике. С этнографической точностью воспроизводится ход и порядок проведения *ысыаха* и народных игр, организуемых во время всеобщего веселья (ст. 1108—1136).

Счастливая жизнь Чугдаан Бухатыыра омрачается внезапным нападением выкормышей *абаасы.* Герой проявляет выдержку и терпение. Он мужественно переносит уничтожение четвертой части скота, сознавая, что во время праздничного торжества всего племени неуместно затевать кровавое побоище с оборотнями. Чугдаан Бухатыыр забеспокоился только тогда, когда увидел, что половина его богатства уничтожена, а питомцы *абаасы* не собираются прекращать своих злодеяний.

Чугдаан Бухатыыр неотделим от своего племени, он советуется со своим народом и только после одобрения собравшихся решается

вступить в неравный бой с грабителями. Но он желает мирно решить конфликт, не хочет кровопролития и вступает в переговоры с питомцами *абаасы*. Чугдаан напоминает им: "Хоть и вскормила вас мать-*абаасы*, все же кровь *айыы* ведь течет в вас... Вы ведь внуки *айыы*, так людской нрав проявите!" (ст. 1306—1317). Однако уговоры богатыря *айыы* не действуют на воспитанников *абаасы*. Чугдаан Бухатыыр, чувствуя, что приходит гибель его роду, мужественно вступает в неравный бой с двумя противниками. Теперь облик его иной, гнев богатыря передается устойчивыми метафорическими формулами: "гневная кровь, по ребрам заклокотав, бурлить стала" (*уордайар хаана ойоҕоһунан кииpэн, оргуйан барда*); "яростные слова в горле его застряли" (*хардааччы санаата хабарҕатыгар хааттарда*); "подобно креневому дереву назад откинулся, подобно крепкому дереву гневно выпрямился" (*Киил мас курдук кэдэччи таттарда, чоруун мас курдук чоноччу тартарда*) и т.п. (ст. 1338—1354). Кровавый бой между богатырем *айыы* и питомцами *абаасы* рисуется эпическими формулами, которые создают ужасающую картину жестокого сражения (ст. 1369—1400, 1546—1583).

До нашествия оборотней *абаасы* род, возглавляемый Аджына Баай Тойоном, отцом Чугдаан Бухатыыра, жил в мире и согласии "глуше, чем в яйце, молчаливее рыб..." (ст. 1911—1919). Нападение оборотней перевернуло спокойную жизнь людей *айыы* и принесло много бедствий.

Самой тяжелой утратой для племени *айыы аймаға* явилось похищение воспитанником *абаасы* Ургунньук Баатыром сестры Чугдаан Бухатыыра, любимой дочери Аджына Баая и Эджинэ Баай Хотун. Аджына Баай печалится не о том, что нашествием *абаасы* уничтожены многочисленные стада коров и табуны лошадей, разрушена и осквернена их прекрасная страна, он оплакивает Хаанчылаан Куо, "ласточку их черного дома", "мотылька их белого дома" (ст. 1684—1721). Словами патриарха рода выразительно передана одна из центральных идей олонхо: для племени *айыы* самое ценное богатство — это люди-соплеменники (ст. 1867—1894). Столь же важна и другая идея олонхо — взаимовыручка людей *айыы*. Каждый человек *айыы* и боги-покровители обязаны немедленно отзываться на призыв о помощи, ощущая беду как свое личное горе. Вот потому-то за людьми *айыы аймаға* закрепляются постоянные эпитеты "отзывчивые сердца имеющие" (*аһыныгас санаалаах*), "с поводьями за спиной" (*көхсүттэн тэһииннээх*), "с поводьями за плечами" (*арҕаһыттан тэһииннээх*) (ст. 187—196). В этих образных метонимических словосочетаниях заключается мысль о постоянной связи людей *айыы аймаға* друг с другом и с покровительствующими им божествами.

Эпический образ женщины-богатырки восходит к древним истокам. В архаическом эпосе палеоазиатских и тунгусских народов широко распространены сюжеты о воинственных девах, не желающих выходить замуж, что связано с более древними мифологическими мотивами, например, тайным браком со зверем или с волшебными

предметами [45, с. 12—14]. В эвенской эпике эти архаические сюжеты преобразуются в сюжет поиска эпической героиней суженого, в котором богатырство женщины более четко обрисовывается в брачном состязании [45, с. 24—26]. В эпическом творчестве тюрко-монгольских народов преобладает образ женщины—защитницы своего народа от иноземных завоевателей. В бурятском фольклоре дева-воительница Алма Мэргэн защищает своих сородичей от чудовищ [41, с. 61—64]. В алтайском сказании "Очы-Бала"[58] героиня ведет борьбу против злого завоевателя Кан-Тадьи-бия, освобождает народ от рабства и устанавливает мирную жизнь на Алтае. Героиня каракалпакского эпоса "Кырк кыз" Гюль-аим возглавляет сорок дев-воительниц в борьбе против хана-завоевателя и спасает свой народ от нашествия иноземцев [29, с. 18].

Образы богатырок якутских олонхо занимают промежуточное положение между образами архаических героинь северных народностей и женщинами-воительницами тюрко-монгольских народов. В олонхо встречается два типа богатырок. Первый — богатырка, борющаяся за свою свободу от посягательств мужчин и тем самым активно выступающая против брака [27, с. 94—130]. Образ такой богатырки близок воинственным женщинам эпоса северных народностей. Второй тип представлен образами богатырок (шаманок), вступающих в борьбу за создание семьи и защищающих племя *айыы аймага* [27, с. 150—208]. Этот тип богатырок перекликается с образами героинь эпоса тюрко-монгольских народов.

Образ Кыыс Дэбилийэ вбирает в себя черты обоих типов богатырок якутского эпоса. Он раскрывается по мере движения сюжета. Впервые имя Кыыс Дэбилийэ упоминается в самый критический момент событий, когда Чугдаан Бухатыыр не смог победить воспитанников *абаасы*, совершивших нападение на его страну. Он, посоветовавшись со своими родителями, решает обратиться за помощью к богатырке Кыыс Дэбилийэ, слава о могуществе которой распространилась на все три мира. С одной стороны, судьба этой богатырки, отверженной божествами и сосланной за богатырские молодечества в Средний мир верховным божеством Юрюнг Айыы Тойоном (ст. 1813—1841), напоминает участь отверженных потомков *айыы* из олонхо типа "Дыырай Бэргэн" [27, с. 11—92]. С другой стороны, образ Кыыс Дэбилийэ в Среднем мире и некоторые эпизоды ее боевых походов совпадают с аналогичными фрагментами эпических сказаний о богатырке и побежденном ею богатыре-рабе [27, с. 94—126]. У Кыыс Дэбилийэ есть рабы, охраняющие ее коней, она ведет борьбу с посягнувшим на ее честь богатырем-*айыы*, заключает его в темницу, а потом прощает его (ст. 2691—2706). Однако эти сюжетные линии не получают полного развития, они остаются лишь эпизодами, косвенно характеризующими Кыыс Дэбилийэ. Если в олонхо об отверженных потомках основная коллизия эпического сюжета построена на взаимоотношениях между богатырем и его невестой-оборотнем, а в олонхо о богатырке и ее рабе — между богатыркой и побежденным ею в поединке богатырем, который затем ста-

новится ее рабом, то в этом олонхо героиня Кыыс Дэбилийэ ведет борьбу против агрессивных *абаасы* и защищает интересы племени *айыы аймага*.

Внешний облик Кыыс Дэбилийэ дан в представлении Чугдаан Бухатыыра, увидевшего при первой встрече с богатыркой женщину "статью сильную, станом могучую, с виду быстроногую, из женщин самую лучшую", которая сидела перед ним, "...белизной белков сверкая, умный быстрый взгляд бросая, шелковисто-нежные волосы расчесывая, в длинную волнистую косу заплетая" (ст. 2394—2404). Здесь сочетаются две традиционные эпические формулы: описание женщины-богатырки и описание женщины-красавицы, которые в совокупности рисуют внешность Кыыс Дэбилийэ. В диалоге между Кыыс Дэбилийэ и Чугдаан Бухатыыром намечается психологическая мотивировка поведения персонажей олонхо. Герой начинает разговор с обычного бытового приветствия якутов, расспросов о том, как "житье-бытье", не осмеливаясь сразу просить о защите (ст. 2433—2435). Кыыс Дэбилийэ встречает его сурово, но тут же в повествование включается ее внутренний монолог о том, что нужно принять гостя из далекой страны, как велит обычай, с почестями (ст. 2449—2461). Во время гостеприимного застолья Чугдаан Бухатыыр рассказывает о беде, постигшей его семью и сородичей. Слушая богатыря, Кыыс Дэбилийэ испытывает душевное противоречие: то злая кровь досады взыграет, когда она думает, что первый встречный просит ее помощи (ст. 2547—2556), то горячая кровь сочувствия хлынет, когда она слышит рассказ испытавшего горе человека (ст. 2557—2562). Кыыс Дэбилийэ высказывает свою обиду на то, что ей, сосланной женщине, никто из родного племени не только не выразил сострадания, но даже «"здравствуй..." не молвил» (ст. 2573—2591). Несмотря на такое противоречивое восприятие просьбы богатыря *айыы*, Кыыс Дэбилийэ с пониманием относится к бедственному положению единоплеменников. Она преодолевает свою внутреннюю раздвоенность, забывает обиды, ставя превыше всего общеплеменные интересы. Кыыс Дэбилийэ призывает на помощь свою сестру Аан Ахталыйа, могучую богатырку, проживающую на небе, освобождает из темницы богатыря *айыы* Эриэдэ Бэргэна, когда-то заточенного ею за попытку покуситься на ее честь, и возглавляет поход богатырей *айыы* против врагов. Цель борьбы богатырей *айыы* выражена в обращении Кыыс Дэбилийэ к духу-хозяину поля брани, в котором говорится, что "Когтистый Дыгыйдаан Бёгё неколебимого Среднего мира благодатную жизнь взволновал... на людей солнечных напал" и они ведут борьбу за спасение "светлых душ" людей племени *айыы* и за то, чтобы "счастье человеческого рода не угасло" (ст. 3233—3247).

В олонхо с осуждением повествуется об ужасах боя между враждующими богатырями, битва описана зловещими красками (ст. 3330—3471). Их сражение приводит в волнение все три мира, разрушает все живое. Битва происходит на предназначенном для богатырских поединков поле. Страшен вид этого поля (ст. 3140—3192), где затаились кровожадные духи войны и раздоров — Илбис Кыыса и Осол Уола,

самые отталкивающие персонажи якутской мифологии, насылающие исступление и жестокость на сражающихся. В их образах отражается народное представление о противоестественности всяких убийств и войн. Даже дух поля битв сетует на то, что "сон мой спокойный — сладости, жизнь мою — благополучия, пищу мою — вкуса лишили" (ст. 3484—3486). Он отправляет сражающихся богатырей на самое дно Нижнего мира, на скалу у огнедышащего моря (ст. 3480—3522). Только вмешательство верховных божеств прекращает затяжную битву шести богатырей. Боги считают виновником всех кровавых бед Дыгыйдаан Бёгё *абаасы* Нижнего мира.

Все олонхо пронизывает идея необходимости мирной спокойной жизни. Обитатели Нижнего мира по решению верховных божеств заключают навечно в темницу своего сородича Дыгыйдаан Бёгё "смерть и убийство в сердце носящего, о кровопролитии лишь помышляющего" (ст. 3683—3684). Осуждаются также Кыыс Дэбилийэ за ведение слишком долгой битвы, нарушившей жизнь трех миров. И божества дают совет остановить начатую битву, оставить "мстительную злобу" (ст. 3670—3676). В призыве жить без кровавых столкновений выражаются самые заветные чаяния создателей олонхо "Кыыс Дэбилийэ".

После окончания битвы и восстановления спокойствия в жизни трех миров главной героине предписывается новая функция — забота о судьбе своих соплеменников и устройстве их мирной жизни. Особое внимание Кыыс Дэбилийэ уделяет двум воспитанникам женщины-*абаасы*, выходцам из племени *айыы аймага*. Великая богатырка не только усмиряет этих выкормышей *абаасы*, но возвращает их в лоно родных по крови соплеменников. "Перерождение" их в людей *айыы аймага* происходит путем обряда очищения от нечисти, воспринятой ими от *абаасы* (ст. 3812—3869). Юноши, "будто от обморока очнувшись, будто ото сна пробудившись, будто после кошмара опомнившись", превратились "в прекрасных, статных собою, с серебряным ликом сыновей солнечной *айыы*" (ст. 3861—3867). Таким образом, ни один человек *айыы аймага* не остается вне своего племени.

Сына Верхнего мира, Кюн Эрили, Кыыс Дэбилийэ отправляет на родину: "В изначальную страну свою к сородичам вернувшись, Уютного дома хозяином стань, детям рождающимся счастье определи!" (ст. 3914—3917), а Ургунньук Баатыра решает поселить в долине Унаарытта, где он воспитывался и рос.

Новая жизнь в долине Унаарытта устраивается общими усилиями всего племени *айыы аймага*. Кыыс Дэбилийэ выступает в роли основательницы этой новой жизни. Она обращается с призывом к верховным божествам, чтобы они содействовали восстановлению оскверненной *абаасы* страны, предназначенной для жизни людей *айыы аймага*. Небесная шаманка Айталыын совершила обряд очищения — *арчы*, и зачахнувший край, "в именитую прославленную землю *айыы* опять превратившись", расцвел (ст. 4307—4309). А небесные мастера-плотники строят дом для Ургунньук Баатыра и его жены Хаанчылаан

Куо. На одной из земель Среднего мира начинается жизнь родоначальников *ураангхай саха.*

Так, в последовательном и стройном эпическом повествовании раскрывается образ женщины-богатырки Кыыс Дэбилийэ, защитницы и устроительницы мирной созидательной жизни племени *айыы аймага.* В ее действиях просматривается одна из центральных тем якутского эпоса — взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени *айыы аймага.* Положительные герои олонхо имеют глубокое этническое самосознание принадлежности к "солнечному" племени *айыы аймага.* Люди этого племени сплочены, они придерживаются принципа "один за всех, все за одного", по первому зову попавшего в беду соплеменника готовы оказать ему помощь.

В олонхо отражены также внутриплеменные конфликты, например, конфликт между мужчиной и женщиной (ст. 2682—2818), который разрешается в этом олонхо мирным путем. Столкновение богатырей *айыы* и воспитанников *абаасы* выходит за рамки внутреплеменных противоречий, но и оно обходится без смертельного исхода. Люди *айыы аймага* пытаются избежать кровавых битв, разрешить конфликты мирным путем. Воплощенное в олонхо стремление первопредков якутов к мирной созидательной жизни, к мирному сосуществованию племен выражает вековые гуманистические чаяния народов и соответствует мыслям и желаниям современных людей.

Последняя часть сказания (ст. 4789—4969) служит своеобразным эпилогом. В нем обрисованы события, завершающие сюжет, намечается дальнейшая судьба Кыыс Дэбилийэ. Не желавшая выходить замуж богатырка, прощаясь с Чугдаан Бухатыыром и его родителями перед тем, как отправиться к себе на родину, мысленно соединяет свою судьбу с героем.

Итак, олонхо "Кыыс Дэбилийэ" представляет собою сказание о первом поколении эпических богатырей, благодаря подвигам которых искореняется зло, устанавливается мир в трех эпических странах и на земле племени *айыы аймага,* в долине Унаарытта Эбэ Хотун, части Среднего мира, налаживается жизнь первопредков якутов.

Н.В. Емельянов

В.Т. Петров

МУЗЫКА ЯКУТСКИХ ОЛОНХО

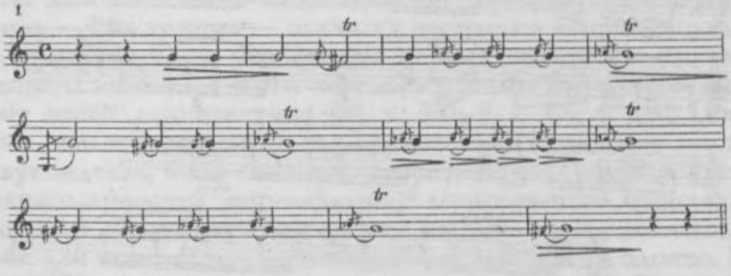
Публикуемое героическое сказание "Кыыс Дэбилийэ" записано от выдающегося сказителя Н.П. Бурнашева, мастерски владевшего традиционным искусством якутских олонхосутов. К сожалению, в распоряжении исследователей оказалась лишь словесная запись без фонограммы. Но и в ней в определенной мере отразились особенности музыкальной композиции произведения, позволяющие судить о декламируемых и напеваемых разделах. Кроме того, мы располагаем сведениями о музыкальных принципах олонхо, а также нотациями и фонозаписями ряда сказаний. На этом основании можно судить об олонхо как явлении словесно-музыкального творчества.

Дореволюционый собиратель фольклора И.А. Худяков писал: "Якутская сказка (олонхо. — *А.Р.*) есть зародыш народной оперы. Все мотивы, почти все разговоры, всякая длинная речь... не рассказываются, а поются сказочником (олонхосутом. — *А.Р.*), что весьма оживляет рассказ" [88, с. 366]. Далее автор классифицировал музыкальный материал, отмечая в нем индивидуальные исполнительские приемы: "Хороший сказочник всегда имеет способность удачно петь только песни одного рода личностей; один умеет отлично петь песню разгневанного витязя, другой — рассерженного дьявола, третий — песню моря (духа-хозяина моря. — *А.Р.*), четвертый удачно передает отчаяние, пятый — радостные куплеты лебедей-волшебниц (небесных *удаган*. — *А.Р.*) и пр. Песни женщин, всегда плачевные, поют хорошо женщины-сказочницы, песни дьяволов-женщин удачно поются только мужчинами" [88, с. 367—368]. В.Л. Серошевский в этнографическом исследовании приводит устные свидетельства своих информантов о том, что в старину олонхо исполнялось только группой сказителей: "Один соглашается рассказать то, что подлежит рассказчику, именно описание местности и хода действия; другой исполняет партию доброго героя-богатыря; третий — его противника, богатыря злого, иные берут на себя исполнение песен отца, матери, духов, наконец, коня, который в якутском эпосе играет немалую роль" [80, с. 592].

Однако записи якутского героического эпоса, сделанные в течение полутора веков, не содержат надежных материалов, подтверждающих

эти очень интересные свидетельства о традиционности ролевого исполнения олонхо. Неизвестно, чем именно отличались тексты сольных олонхо от ансамблево-ролевых. Скорее всего, в приведенных высказываниях зафиксирована практика нечастого коллективного исполнения олонхо, когда собравшиеся на праздник участники импровизированного "ансамбля" выбирали популярное в сольном исполнении сказание, известное всем олонхосутам, и распределяли текст по "ролям". В целом песенные разделы, поющиеся от лица различных героев, выделяют якутское олонхо среди эпоса других тюркоязычных народов. Можно полагать, что легенда о былой традиции коллективного исполнения эпоса, вдохновлявшая олонхосутов добиваться ролевого эффекта в сольном исполнении, восходит к архаическим основам: драматургическим аналогом эпического "театра одного актера", на наш взгляд, можно считать камлание, при котором голосовое перевоплощение шамана воспринималось участниками ритуала как реальное многоперсонажное действо. Явно ощущаемые элементы драмы в диалогичности эпоса были реализованы в начале XX в. в сценических реконструкциях коллективного исполнения олонхо, явившихся своеобразным толчком к возникновению национального театра [97, с. 55].

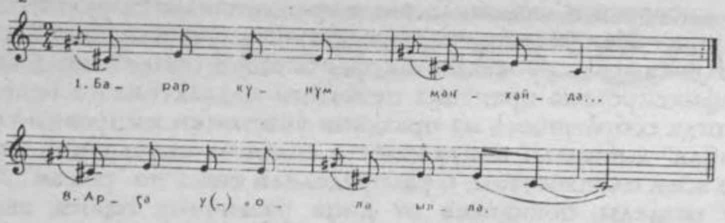
Первые нотные записи якутских песен находим в трудах А.Ф. Миддендорфа [51, с. 808] и В.Л. Серошевского [80, с. 591]. Авторы оговаривают приблизительность своих фиксаций, тем не менее данные нотировки являются своеобразными памятниками, так как благодаря им началось практическое нотирование особенностей якутского эпического интонирования. Судя по схематической записи, приводимой в монографии А.Ф. Миддендорфа, в ней запечатлена средняя часть типовой мелострофы, характерной для героических образов:



Полутоновыми форшлагами в нотировке осуществлена попытка обозначить призвуки, отличающие эпическое пение. Необычный же октавный форшлаг в пятом такте, очевидно, зафиксировал формирование первого звука музыкальной строки вдохом-глиссандо с неопределенного, "речевого" уровня.

В нотировке, опубликованной В.Л. Серошевским [80, с. 591], — фрагмент из неизвестного олонхо, записанный от неизвестного исполнителя. По содержанию это, вероятно, срединный раздел плача девушки, просватанной за "юношу с Запада" (возможно, *абаасы*. — А.Р.).

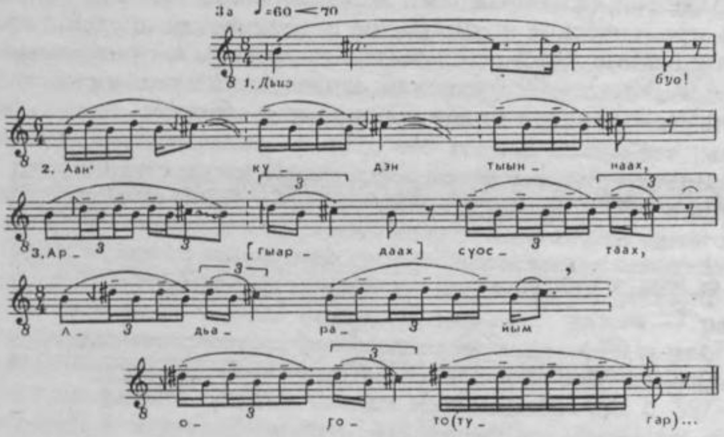
2



Автор этой нотировки верно уловил ритмическую определенность интонирования текстовой части напева, характеризующего персонажей Верхнего мира. Знак многократного повтора первых двух тактов, возможно, ввел в заблуждение М.Н. Жиркова, отнесшего данный напев к мелодическому стилю комедийных персонажей [28, с. 18]. Квинтовый форшлаг определенно указывает на присутствие особых призвуков, характеризующих пение героических персонажей.

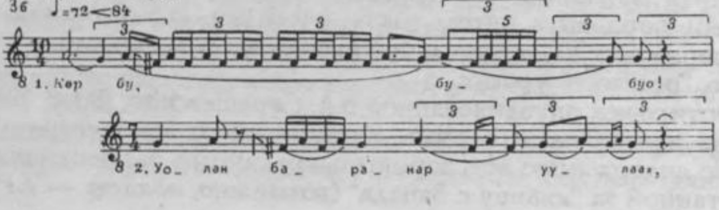
Следующим шагом в процессе нотной фиксации напевов было применение фонографа. В 1901—1902 гг. в урочище Родчево вблизи Среднеколымска В.И. Иохельсон записал четыре песни из олонхо от Ивана Петрова. Хранящиеся в фонограмархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) записи (инв. № 1185—1188) позднее нотированы Э.Е. Алексеевым.

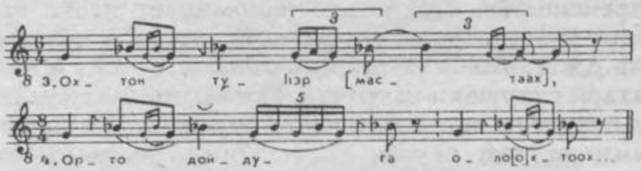
3а



Нарочито грубо

3б





Первый фрагмент (3а) представляет боевую песнь основного героя олонхо "Оҕо Тулаайах". Вместо специфических призвуков, отличающих мелодику героических персонажей, здесь встречается треле- или форшлагоподобное интонирование, присущее эпическому пению северных якутов.

Второй фрагмент (3б) представляет песнь богатыря Нижнего мира. По мнению Э.Е. Алексеева, записавшего нотами обе фонограммы, в напеве "...мы наблюдаем... высотно приблизительное интонирование на двух чередующихся уровнях..." [6, с. 180]. Интервал этих уровней постоянно варьирует.

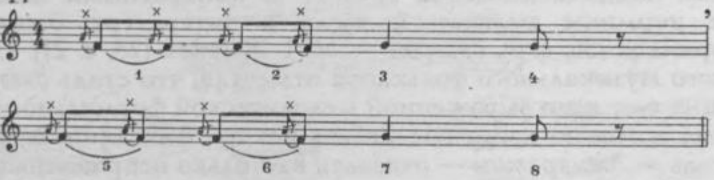
В советский период фольклористика и эпосоведение Якутии обогащаются результатами музыковедческих исследований. В якутской песенности были определены два основных песенных стиля: *джиэрэтии* и *дэгэрэн ырыа*. Необходимость вести исследования на стилистическом, а не на жанровом уровне была продиктована незакрепленностью определенных ладомелодических средств за конкретными жанрами. Народные термины выявили и ввели в литературу: *джиэрэтии* — Ф.Г. Корнилов [36, с. 5], *дэгэрэн* — М.Н. Жирков [28, с. 21]. Собиратели якутского музыкального фольклора отмечали, что стиль *дэгэрэн* в силу присущих ему ясно выраженной мелодической формульности и четкого ритма довольно легко поддавался нотной фиксации. Другой песенный стиль — *джиэрэтии* — оказался настолько непривычным по звукоподаче, ритму и ладу, что авторы первых нотировок выражали свое сожаление о невозможности передать нотами все интонационное своеобразие песен данного типа [21, с. 335; 9, с. 26; и др.]. Постепенное освоение стиля *джиэрэтии*, занимающего центральное место в якутском звукоидеале, было связано с теоретическим осмыслением глубинных закономерностей национального музыкального мышления [6]. Выделение двух стилей интонирования имело важное методологическое значение для понимания музыкальной драматургии олонхо. Ниже при описании музыкальной композиции олонхо "Кыыс Дэбилийэ" мы уточним эту интонационную оппозицию, дополнив ее конкретными материалами из работ советских этномузыковедов.

Первые музыковедческие классификации напевов олонхо представляли собой попытки подсчитать количество "характерных мелодий" [37]. В 1930 г. Ф.Г. Корнилов писал: "В сказках (олонхо. — *А.Р.*) якуты различают следующие виды мотивов: 1) мотив богатыря Среднего мира, который и есть основной якутский сказочно-былинный мотив (*джиэрэтэн ыллааччылар*); 2) мотив дьявольского богатыря *абаасы*. Под этим мотивом разумеется особый род пения... грубым мужским голосом с характерными окончаниями, напоминающими собой нечто вро-

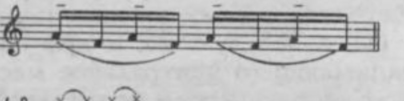
де стона из преисподней. Пение это напоминает нечто страшное и невольно наводит на суеверных слушателей... страх и чувство трепета, ужаса; 3) мотив Джэгэ-Бааба (женщины-*абаасы.* — А.Р.) и 4) Симэхсин Эмээхсин, дряхлой старушки-батрачки. Последние мотивы по характеру исполнения представляют собой нечто отрывистое и нервное. Разница между ними та, что первая поется более высоким тоном и в быстром, отрывистом темпе, а у второй эта самая отрывистость выражена в более слабой степени; 5) если фигурирует представитель тунгусских богатырей, то бывает особый тунгусский мотив..." [36, с. 7—8]. Обратим внимание на выделенный автором тип пения, по сей день не имеющий специального музыковедческого определения. Он отличен от стилей *джиэрэтии* и *дэгэрэн.* Впервые об этом типе пения упоминает И.А. Худяков: "Песни дьяволов нарочно поются фальшивыми нотами с разными повышениями и понижениями и во многих случаях дополняются жестами" [88, с. 368].

Характеристика музыкальных образов олонхо, предложенная Ф.Г. Корниловым, была введена в науку В.М. Беляевым. В своей статье со ссылкой на источник он дает корректную дефиницию материала, иллюстрируя его нотными примерами [9]. Нотная запись большинства эпических напевов была осуществлена Ф.Г. Корниловым либо самим В.М. Беляевым с голоса Корнилова.

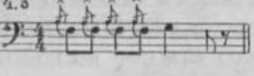
4.1



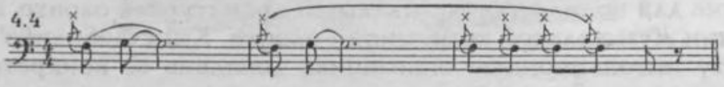
4.2



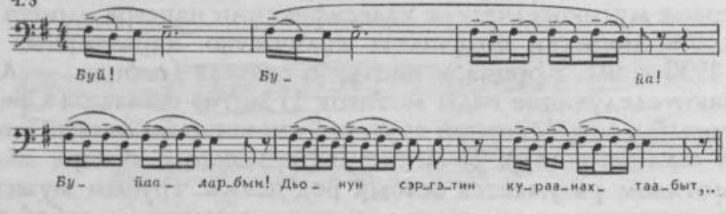
4.3



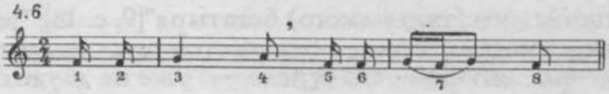
4.4



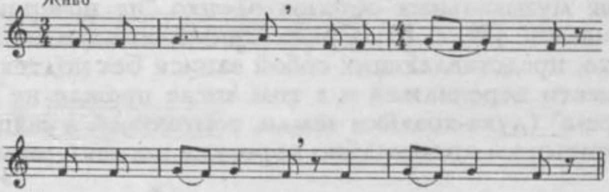
4.5



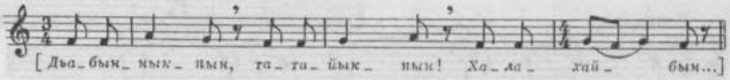
4.6



4.7 Живо



4.8



4.9

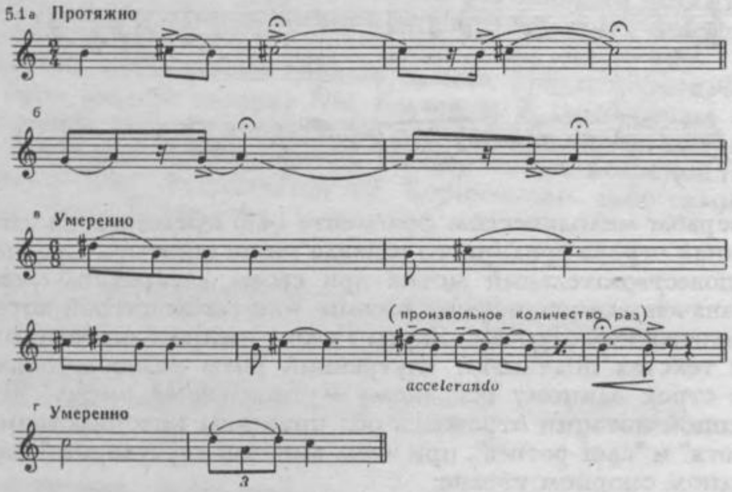
В первом мелодическом фрагменте (4.1) представлена схематично записанная строка срединного раздела песни богатыря Среднего мира. "Этот повествовательный мотив при своем двукратном исполнении предназначен для исполнения восьми- или семислоговой хореистической стихотворной строчки... Якуты в своих импровизированных стихотворных текстах подчиняют внутренний ритм разнослоговых стихотворных строк единому основному музыкальному ритму" [9, с. 14]. В обобщенной нотации отражены оба принципа интонирования текста: "слог-нота" и "слог-распев", при этом выписан двухударный распев слога на одном опорном уровне.

Здесь же (фрагмент 4.2) иллюстрируется "своеобразный придыхательный звук", исполняемый "на сильных долях такта" [9, с. 14]. Напевы 4.3, 4.4 и 4.5 репрезентируют богатыря-*абаасы* Ала Мургуна. В третьем и четвертом фрагментах нотировщик (возможно, Ф.Г. Корнилов) зафиксировал характерные ниспадающие окончания мелострок, а также низкую тесситуру пения богатыря-*абаасы*. В пятом (4.5) фрагменте нотировщик (возможно, В.М. Беляев) изменил форму записи мелизматики: верхний тон здесь трактуется не как форшлаг, а как самостоятельная ступень тетрахорда с высотно неопределенной субопорой.

Напевы 4.6, 4.7, 4.8 родственны между собой, хотя фрагмент 4.6 представляет жалобную песню побежденной героем женщины-*абаасы* [9, с. 16], а 4.7 — старуху Симэхсин Эмээхсин [9, с. 17]. Восьмой напев (4.8) — зачин воинственной песни женщины-*абаасы* [там же]. Показательно, что В.М. Беляев подчеркивает родство этих мелодий: "...по сути своей это один и тот же мотив", интонируемый "отрывисто, резко и высоким голосом" [9, с. 16]. Последний фрагмент нотировки (4.9) явля-

ется "мотивом эвенкийского (тунгусского) богатыря"[9, с. 18]; "этот мотив — и мелодически и ритмически — отличается от остальных якутских былинно-сказочных мотивов", его основа — "уже не двудольный, а шестидольный ритм" [там же].

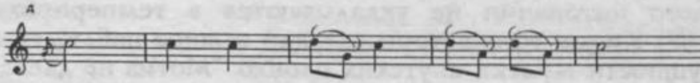
Откликаясь на статью В.М. Беляева, Н.И. Пейко и И.А. Штейнман отметили, что круг музыкальных образов олонхо "не исчерпывается этими пятью мотивами" [59, с. 85]. Среди приведенных ими нотных примеров из олонхо, представляющих собой записи без подтекстовок, отметим напевы шести персонажей и в том числе прежде не упоминавшихся: "феи дерева" (духа-хозяйки земли, обитающей в священном дереве), невесты богатыря и чрезвычайно короткие попевки шаманки и шамана [59, с. 88].



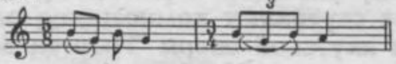
Все записи осуществлены в 1939 г. Часть напевов была записана в Догдогинском наслеге Мегино-Кангаласского района от участников инсценированной постановки олонхо "Нюргун Боотур Стремительный": песня невесты Нюргун Боотура (фрагменты 5.2а, б), две песни богатыря Нижнего мира(фрагменты 5.4а, б) и песня тунгусского богатыря (фрагмент 5.6). Три нотировки — из сольных сказаний: песни "феи дерева" (фрагмент 5.3) и главного героя (5.1) из олонхо "Богатырь Уол Туйгун" (записано от сказителя Н.И. Степанова из колхоза "Чуя"); песня женщины — (5.5) из олонхо "Сын лошади Дьырай Бэргэн" (исполнено неизвестным сказителем в с. Мая) [59, с. 86—89; 37, с. 9—10].

Н.И. Пейко и И.А. Штейнман стремились выделить "одну-две короткие попевки", на основе которых эпическая песня "продолжается 10—12 минут" [59, с. 88]. Авторы нотировок подчеркивали сложность нотной фиксации виртуозных звуковых украшений якутских олонхосутов, которым "...легко удаются трели, тремоло — часто на довольно широкие интервалы (например, кварта) и самые необычайные

а

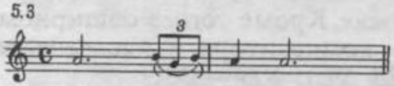


5.2а

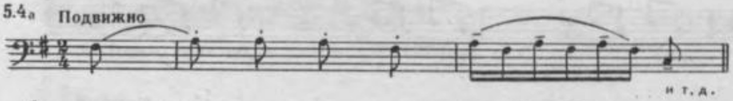


б

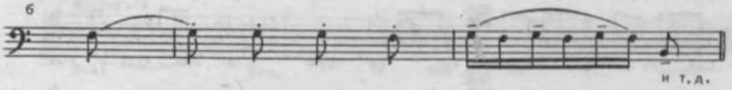
5.3



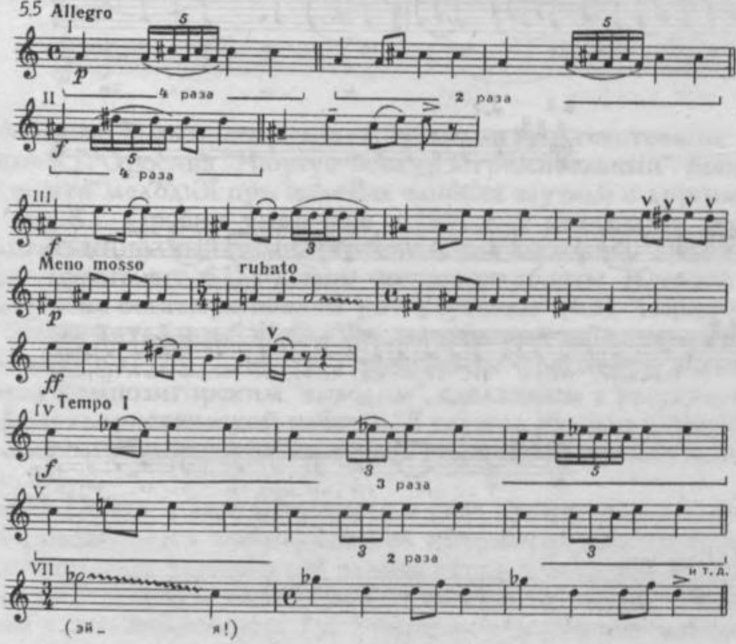
5.4а



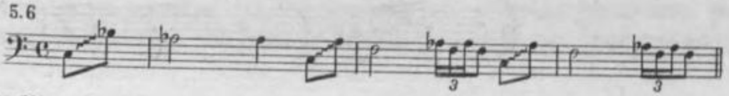
б



5.5



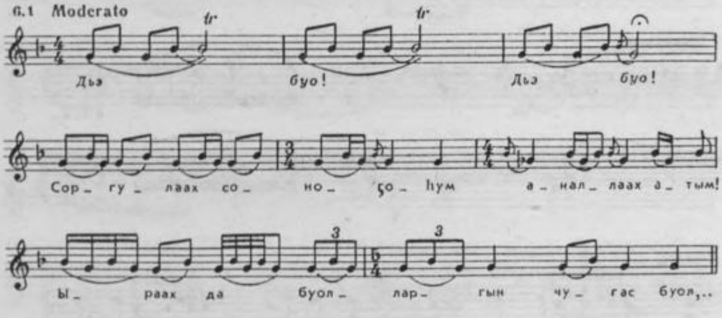
5.6

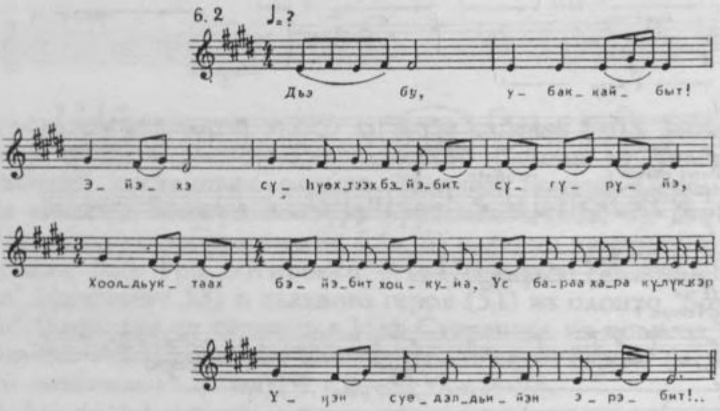


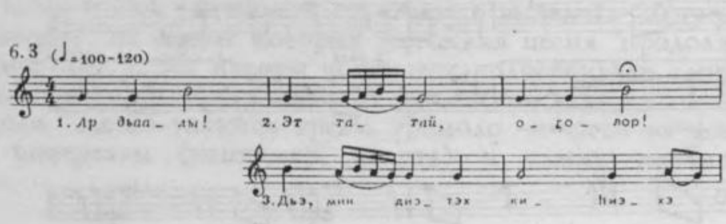
3 Заказ № 564

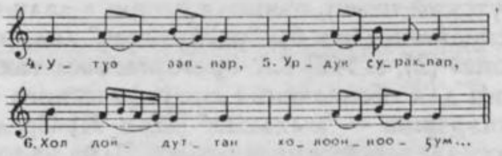
мелизмы... часто интонации не укладываются в темперированный строй" [59, с. 89]. Кроме того, авторы сделали важное наблюдение для понимания сущности музыки якутских олонхо: "Мотив не дается статично, а изменяется в соответствии с состоянием героя" [59, с. 86].

Средства "сквозного" развития музыкальных образов, образующиеся интонационные "арки", которые скрепляют композицию олонхо, выявил М.Н. Жирков, автор первой якутской оперы "Нюргун Боотур Стремительный" (1937). Позже в соавторстве с Г.И. Литинским он переработал это произведение (1945). Вокальный материал сольных монологов первой якутской оперы можно назвать своеобразной коллекцией наиболее ярких образцов творчества олонхосутов 1930-х гг., представленных в композиторской аранжировке. Кроме того, в обширном творческом наследии М.Н. Жиркова — композитора и исследователя — много полевых записей из олонхо [28; 53, с. 403—406].

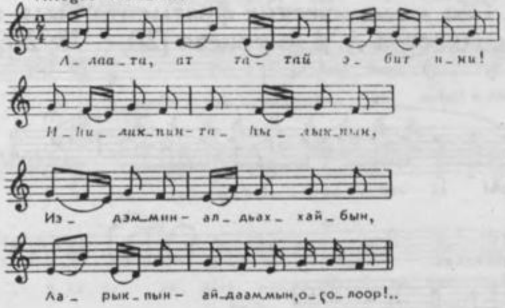




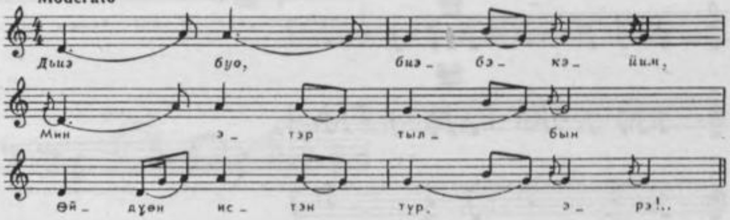




6.4 Allegro moderato



6.5 Moderato

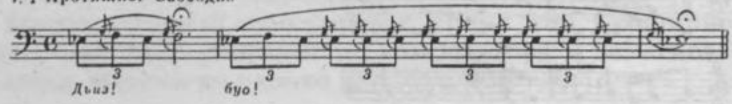


В приводимых нотировках мелодии подтекстованы словами из олонхо К.Г. Оросина "Нюргун Боотур Стремительный". Вполне возможно, что эти мелодии при полевых записях звучали с другими текстами, так как К.Г. Оросин умер еще в 1901 г. В коллекции М.Н. Жиркова представлен полный комплект эпических мелодий: "Песня Нюргун Боотура" (фрагмент 6.1), "Песня женщины-*абаасы* Ючюгей Юкэйдээн" (6.2), "Песня богатыря-*абаасы* Уот Усутаакы" (6.3), "Песня шамана-*абаасы* Ытык Хахайдаан" (6.4), "Песня небесной шаманки Айыы Умсуур" (фрагмент 6.5) [28, с. 52—62]. Приводимые фрагменты являются своеобразным композиторским "выводом", сделанным в результате многолетней фольклористической работы: "Я слушал немало хороших олонхосутов, поэтому считаю необходимым поделиться своими впечатлениями" [28, с. 35].

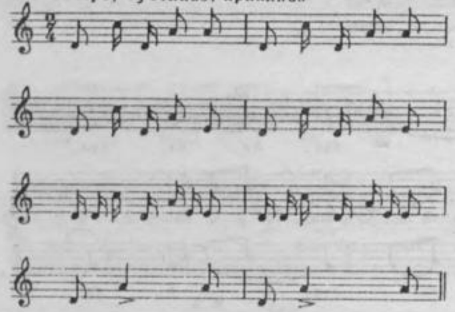
Н.И. Пейко и И.А. Штейнман в свое время сделали ценное наблюдение, касающееся специфичности интонаций якутской песенности: в комментарии к развернутой записи песни женщины-*абаасы* они отметили "постепенное расширение мелодического шага" [59, с. 87—88]. На основе этого наблюдения Г.А. Григорян предложил методологический ключ к пониманию закономерностей интонационного развития "нетемперированных" якутских песен — понятие "раскрывающийся лад":

«Часто якутский певец, начиная песню в ладу с узким диапазоном, по ходу ее исполнения как бы "раскрывает" лад, расширяя его до большого диапазона» [21, с. 342]. Г.А. Григорян ввел также в литературу народный термин для обозначения специфического фальцетного призвука в песнях *джиэрэтии* — "*кылысах*" [22, с. 71]. Среди нотных записей можно отметить две эпические мелодии. Одна из них характеризует персонаж Верхнего мира (7.1), а другая — комедийный персонаж — "деву Нижнего мира" (7.2). Оба мелодических фрагмента были записаны от верхневилюйского олонхосута А. Дмитриева [20, с. 78; 216, с. 335, 337].

7.1 Протяжно. Свободно



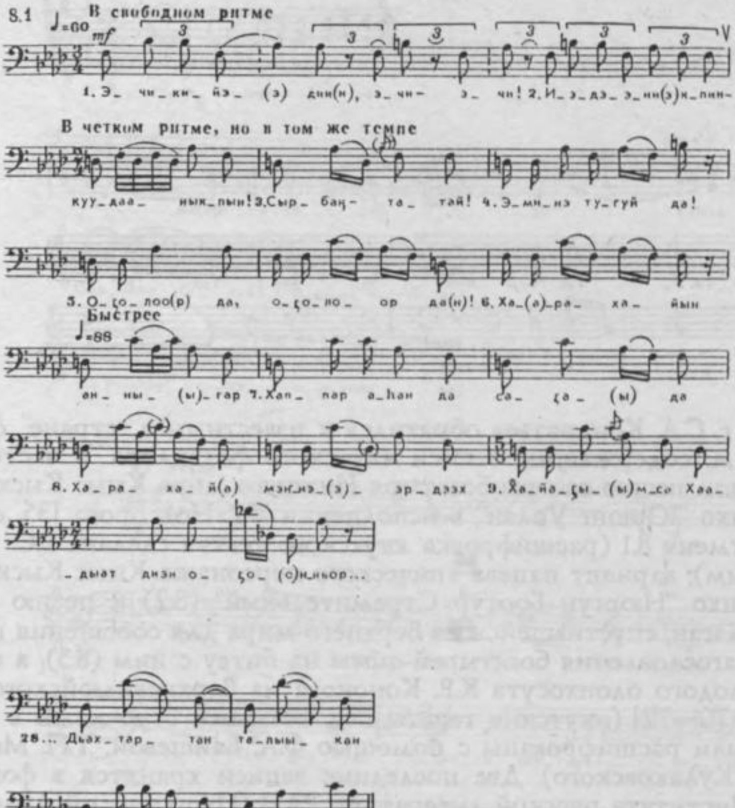
7.2 Быстро, суставно, крикливо



К сожалению, автор публикации не указывает олонхо, из которого записаны приводимые мелодические фрагменты, но не вызывает сомнения цель данной композиторской записи — представить два основных эпических стиля *джиэрэтии* и *дэгэрэн*.

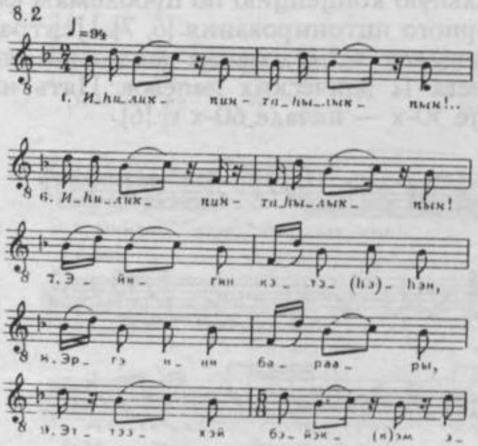
Новый период в якутском музыкознании связан с применением магнитофонной техники. С.А. Кондратьев стремился к аналитической нотной транскрипции фольклорных образцов и на основании детализированных развернутых расшифровок подтвердил наблюдение Г.А. Григоряна о раскрывающемся ладе. Его нотировки свидетельствуют о том, что "обычно верхние звуки лада обнаруживают тенденцию к повышению, а нижний звук либо понижается, либо остается неизменным" [35, с. 25]. Автор по-новому описывает необычную подачу звука *кылысахов*: «...звучат квинтой выше опорного тона, настолько коротки, "мгновенны", что слух не ощущает перерыва в звучании нижнего "бурдонного" тона» [35, с. 22]. С.А. Кондратьев в своих расшифровках *кылысах* обозначает по-прежнему — форшлагом. Введенные им в нотопись условные обозначения микроповышений (+) и микропонижений (|) звука, незначительных сокращений (◡), расширений (⌒) длительностей должны были передавать специфику якутского пения.

8.1

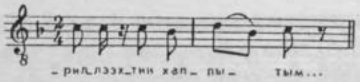


♩=60 В свободном ритме
mf
1. Э_ чи_ки_ йэ_ (э) дин(н), э_чи- э_ чи! 2. И_э_дэ_э_ни(э)н_пин-
В четком ритме, но в том же темпе
куу_даа_ нык_пын! 3. Сыр_ бан- та_ тай! 4. Э_ми_нэ ту_гуй да!
5. О_ҕо_лоо(р) да, о_ҕо_но_ ор да(н)! 6. Ха_(а)_ра_ ха_ йын
Быстрее
♩=88
ан_ ны_ (ы)_гар 7. Хап_ пар а_һан да са_ ҕа_ (ы) да
8. Ха_ра_ ха_ й(а) мэҥ_нэ_(э)_ эр_дээх 9. Ҕа_йа_ҕы_(ы)м_са Хаа_
дыат диэн о ҕо_ (с)н_ньор...
28... Дьах_тар_ тан та_лыы_ кан
29. Дьах_тар а_һан да буо_ла_ бын!..

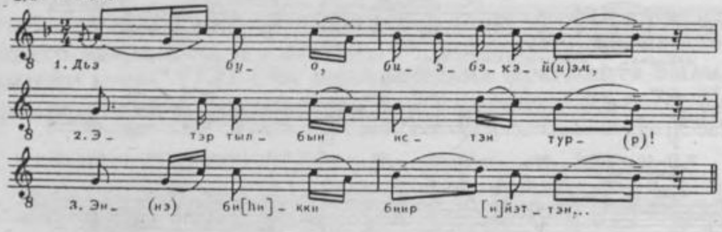
8.2



♩=94
1. И_һи_лик_ пин- та_һы_лык_ пык!..
6. И_һи_лик_ пин- та_һы_лык_ пык!
7. Э_ йи_ гин кэ_ тэ_ (һэ)_ һэн,
8. Эр_ гэ н_ ии ба_ раа_ ры,
9. Эт_ тээ_ хэй бэ_ йэх_ (н)эм э_



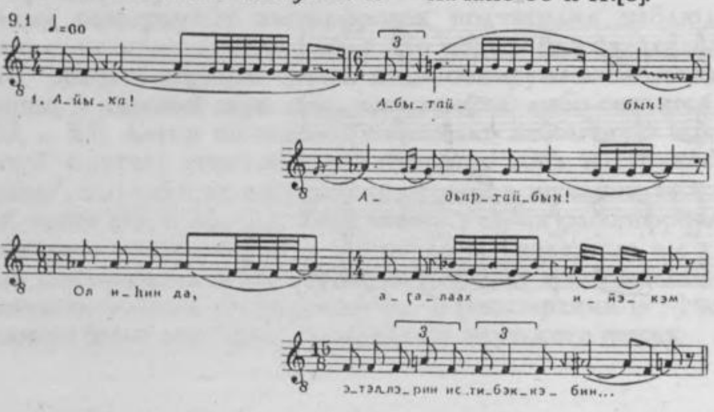
8.3 ♪=100



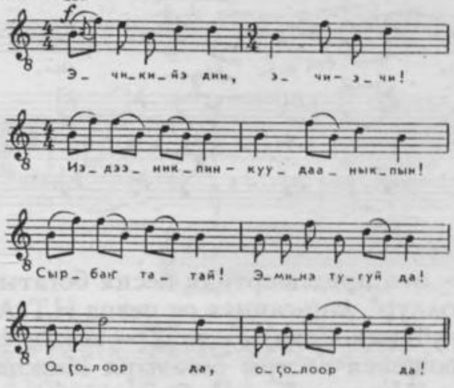
В 1953 г. С.А. Кондратьев обратился к известным в стране фонограмархивам, содержащим записи якутского фольклора. В частности, он нотировал песню сестры богатыря Нижнего мира Кыыс Кыскыйдаан из олонхо "Юрюнг Уолан" в исполнении У.Г. Нохсорова [35, с. 73—76] — фрагмент 8.1 (расшифровка якутского текста сделана Г.С. Сыромятниковым); вариант напева эпического персонажа Кыыс Кыскыйдаан из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" (8.2) и песню Айыы Усмуур Удаган, спустившейся из Верхнего мира для сообщения имени врага и благословления богатырей-*айыы* на битву с ним (8.3), в исполнении молодого олонхосута К.Е. Кононова из Верхневилюйского района [35, с. 70—72] (якутские тексты под нотными строчками в обоих случаях были расшифрованы с помощью Ф.А. Баишевой, Т.П. Местникова, Н.Г. Кулаковского). Две последние записи хранятся в фонограмархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

Выдающийся исследователь музыкального фольклора якутов Э.Е. Алексеев собрал и обобщил все известные сведения о музыке северного народа. Он разработал специальную концепцию по проблемам формирования лада и раннефольклорного интонирования [6, 7]. Центральное место в этой концепции занимает исследование мелодики якутов. Среди нотировок Э.Е. Алексеева 11 эпических напевов. Пять из них Э.Е. Алексеев выполнил в конце 50-х — начале 60-х гг.[6].

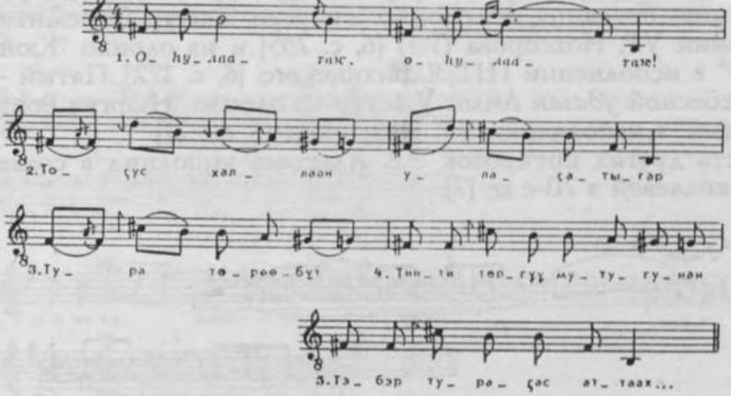
9.1 ♩=60



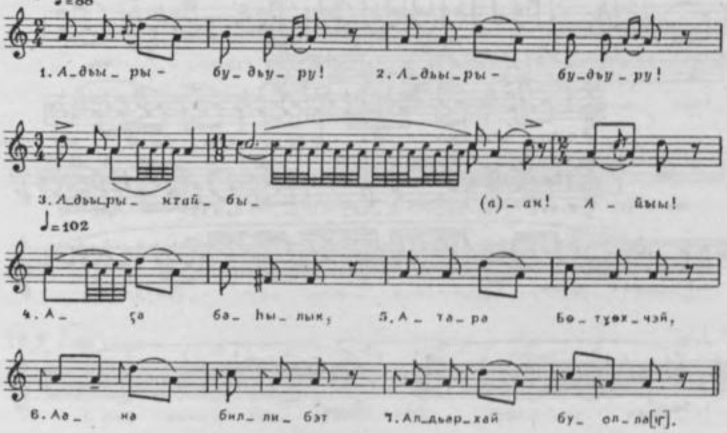
9.2


♩=152
Э_ чн_ки_йэ днн, э_ чи_ э_ чн!
Из_ дээ_ ник_пин_ куу_ даа_ нык_пын!
Сыр_ баҥ та_ тай! Э_ми_на ту_гуй да!
О_ ҕо_лоор да, о_ ҕо_лоор да!

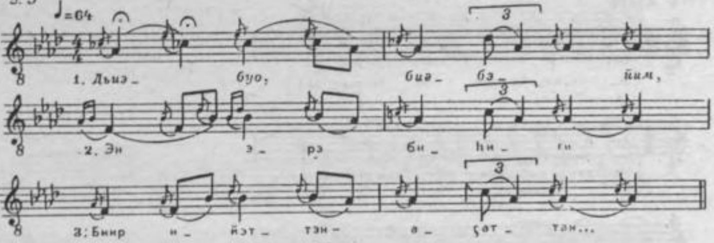
9.3


♩=128
1. О_ һу_ лаа_ таж, о_ һу_ лаа_ таж!
2. То_ ҕус хал_ лаан у_ па_ ҕа_ ты_ гар
3. Ту_ ра тө_ рөө_ бүт 4. Тии_ ти төр_ гүү му_ ту_ гу_ нан
5. Тэ_ бэр ту_ ра_ ҕас ат_ таах...

9.4


♩=88
1. А_дьы_ ры_ бу_ дьу_ ру! 2. А_дьы_ры_ бу_дьу_ ру!
3. А_дьы_ры_ нтай_ бы_ (а)_ ан! А_ йыы!
♩=102
4. А_ ҕа ба_ һы_ лык, 5. А_ та_ ра Бө_ түөх_ чэй,
6. Аа_ на бил_ ли_ бэт 7. Ал_дьар_хай бу_ ол_ ла[ҥ].

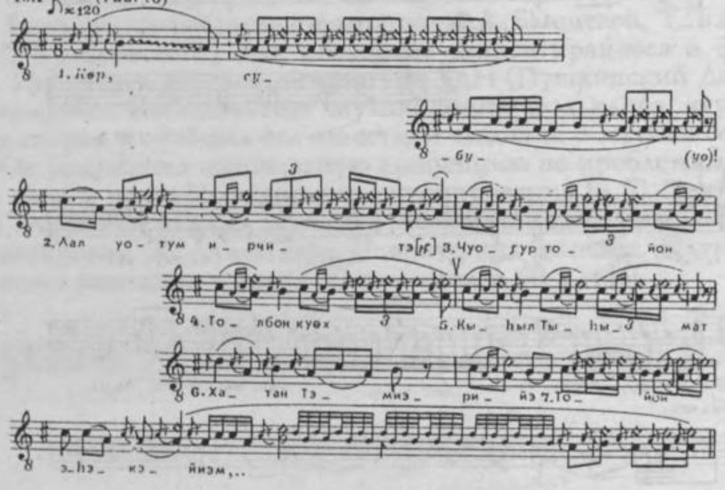
9.5



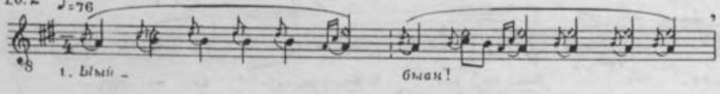
Первый фрагмент (9.1) — это предсмертная песня богатыря Нижнего мира из олонхо "Кюр Толлур", записанная от певца Н.Т. Алексеева (Усть-Алданский район Республики Саха) [6, с. 127—128; 7, с. 29—30]. Второй (9.2) — песня сватающейся сестры богатыря Нижнего мира Кыыс Кыскыйдаан из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный", записанная от У.Г. Нохсорова [6, с. 10]. Третий (9.3) и четвертый (9.4) фрагменты — песни характерного персонажа Сорук Боллура, выполняющего функцию посланца, из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" в исполнении У.Г. Нохсорова (9.3) [6, с. 235] и из олонхо "Кюн Джёсюёлджют" в исполнении П.П. Ядрихинского [6, с. 172]. Пятый — песня-*алгыс* небесной *удаган* Айыы Умсуур из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" в исполнении У.Г. Нохсорова [6, с. 221].

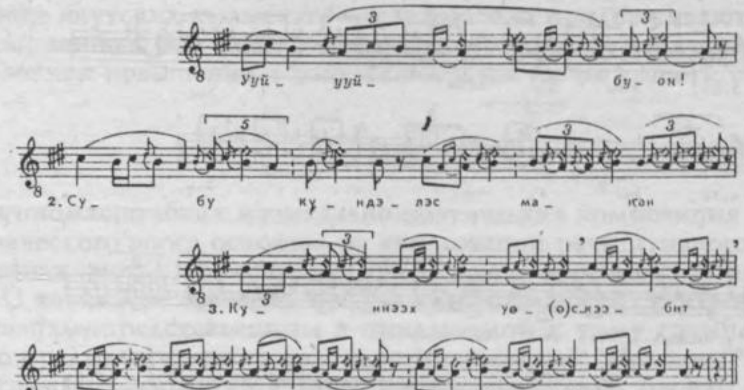
Шесть других нотировок Э.Е. Алексеев выполнил в соавторстве с Н.Н. Николаевой в 70-е гг. [7].

10.1

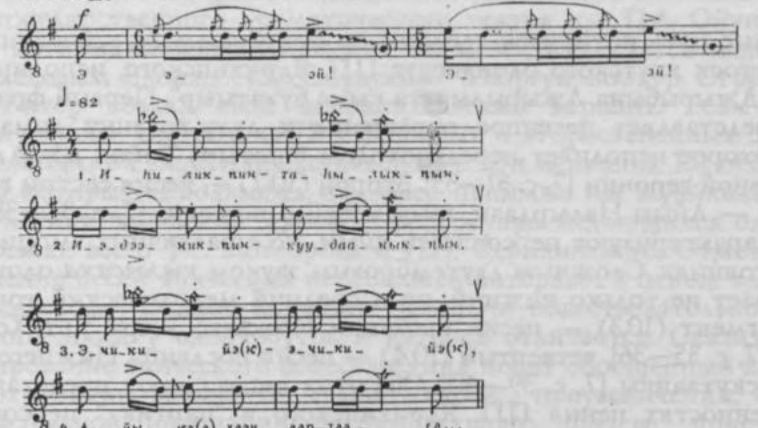


10.2

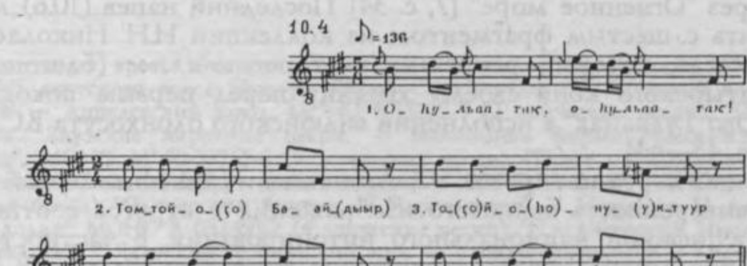




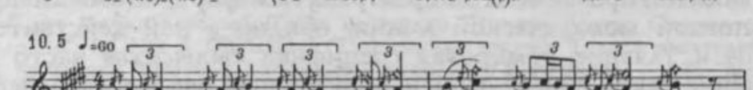
10.3 ♪=120

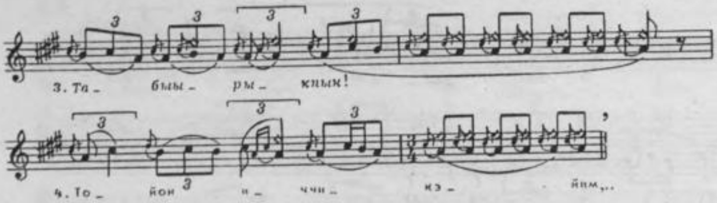


10.4 ♪=136

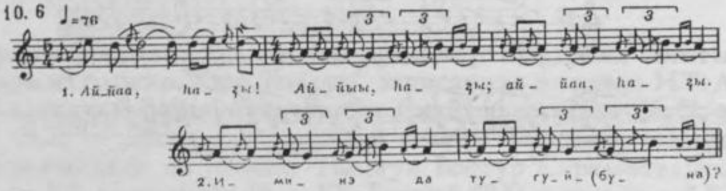


10.5 ♩=60





10. 6



Первые пять нотировок сделаны по фонограммам, записанным от выдающегося якутского олонхосута П.П. Ядрихинского, исполнившего олонхо "Джырыбына Джырылыатта кыыс бухатыыр". Первый фрагмент (10.1) представляет песенное обращение к духу-хозяину домашнего очага, которое исполняет перед походом богатырь Тойон Джеллюс — брат главной героини [7, с. 31—33]. Второй (10.2) — песня сестры главного героя — Айыы Налырдаан, взывающей о помощи [7, с. 37—38]. Оба напева характеризуют персонажей *айыы*, но в различных эмоциональных состояниях. Сложным двутембровым звуком *кылысаха* олонхосут окрашивает не только нижний, но и средний мелодический тон. Третий фрагмент (10.3) — песня шаманки Нижнего мира Уот Хобочой Удаган [7, с. 35—36], четвертый (10.4) — песня посланца Нижнего мира Суор Чоскутаанкы [7, с. 39—40]. Оба этих напева дают представление об особенностях пения П.П. Ядрихинского в "партиях" персонажей *абаасы*. Пятый фрагмент (10.5) — песня богатырского коня перед перелетом через "Огненное море" [7, с. 34]. Последний напев (10.6) можно сопоставить с шестым фрагментом из коллекции Н.Н. Николаевой и Э.Е. Алексеева, который репрезентирует песню-*алгыс* (благопожелание) богатырского коня своему хозяину перед первым походом из олонхо "Оҕо Тулаайах" в исполнении вилюйского олонхосута В.С. Каратаева [7, с. 43—44].

Основная черта нотировок Э.Е. Алексеева и Н.Н. Николаевой — это научная выверенность знакового изображения и строгое соотнесение его со спецификой национального интонирования. В частности, Э.Е. Алексеев предложил новое изображение якутского *кылысаха* и подверг критике нотирование его перечеркнутым форшлагом: "...непрерывность основной мелодической линии, обилие в ней действительных форшлагов и, главное, тембровая специфика *кылысахов* часто ставят под сомнение такой способ записи. В настоящей работе ярко выраженные *кылысахи* обозначаются ромбическими флажолетными знаками на месте их действительного звучания"[6, с. 8]. В дальнейшем при

нотировке якутских *кылысахов* исследователи придерживаются именно такой записи. Э.Е. Алексеев ввел целую систему микроальтерационных знаков: повышение и понижение звука на 1/6 тона [7, с. 20].

* *
*

Крупномасштабная музыкально-поэтическая композиция якутского героического эпоса основана на чередовании речитативного (повествовательная часть) и песенного (прямая речь персонажей) интонирования. О характере звучания олонхо читатели могут судить не только по образцам, представленным в прилагаемой к тому грампластинке, но и по предыдущим выпускам пластинок фирмы "Мелодия"*.

В грамзаписях представлены песенные разделы олонхо в исполнении как сказителей, так и актеров, владеющих национальной манерой пения. Среди актерских исполнений фрагментов спектаклей Якутского государственного драматического театра им. П.А. Ойунского, в основе которых сюжеты эпических сказаний, выделяется исполнение Г.Г. Колесовым олонхо П.А. Ойунского "Нюргун Боотур Стремительный". Актер создал свой исполнительский вариант. Если олонхо П.А. Ойунского "состоит из 72-х основных и второстепенных образов", то в колесовской записи представлено 34. "Он исполнил 131 песню" [37, с. 14], в которых использовал наиболее ценимые им музыкальные характеристики эпических героев из репертуара выдающихся олонхосутов, прежде всего У.Г. Нохсорова и П.П. Ядрихинского. Отметим, что исполнение песен эпических персонажей актерами в целом адекватно сказительскому. Однако характер просодии повествовательной части якутского эпоса у олонхосутов и актеров отличается. Сказительское интонирование эпического повествования носит обобщенный характер при сохранении элементов драматизации: преувеличения, скажем, вопросительной интонации недоумевающего *абаасы*, приемов звукоподражания, восклицаний, а также пародийного интонирования

*В настоящее время известно восемь грампластинок, содержащих 152 эпические песни: "Из якутского эпоса Нюргун Боотур Стремительный". Якутский олохонсут У. Нохсоров. — Апрелевский завод, МОНО В-13702-3 (2 эпические песни); "Поет Устин Нохсоров". Якутские народные песни. — Всесоюзная фирма грампластинок ВФГ "Мелодия", МОНО М 30-39765-6 (7 эпических песен); "Поют олонхосуты Якутии. П. Ядрихинский". Саха олонхоһуттара ыллыыллар. — ВФГ "Мелодия", МОНО Д 31519-20 (4 эпические песни); "Олонхосуты Якутии П. Ядрихинский, У. Нохсоров, Н. Алексеев". — ВФГ "Мелодия", МОНО Д 032491-2 (4 эпические песни); "П.А. Ойунский. Нюргун Боотур Стремительный". Якутский героический эпос — олонхо. Олонхосут Г. Колесов. — ВФГ "Мелодия", МОНО Д 024539-46, Д 024595-604 (131 эпическая песня); "Якутский фольклор". Олонхосут Н. Осипов. — ВФГ "Мелодия", СТЕРЕО С 30-17581-2 (1 эпическая песня); "Поет Мария Канаева". Песни из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный". — ВФГ "Мелодия", МОНО Д 00031551-2 (2 эпические песни); "Голоса писателей Якутии". Отрывок из олонхо "Могучий Джигарыма" исполняет В. Новиков. — ВФГ "Мелодия", М 40-43953-4 (1 эпическая песня).

при создании комических образов и др. При этом "актерские" краски используются олонхосутами очень экономно. Последнего порой не хватает актерам, переносящим приемы сценического преувеличения речевых интонаций в эпическое повествование, старающимся "оживить" почти каждую строку текста. К сожалению, народные певцы, пробуя свои силы в исполнении эпических фрагментов в рамках художественной самодеятельности, зачастую подражают не сказителям, а актерам, чье пропагандируемое по разным каналам массовой информации творчество принимается ими как эталон.

В распоряжении исследователей олонхо имеются также две крупные коллекции магнитофонных записей якутского фольклора, хранящиеся в фондах Якутского радио и фонограмархиве ЯИЯЛИ СО РАН.

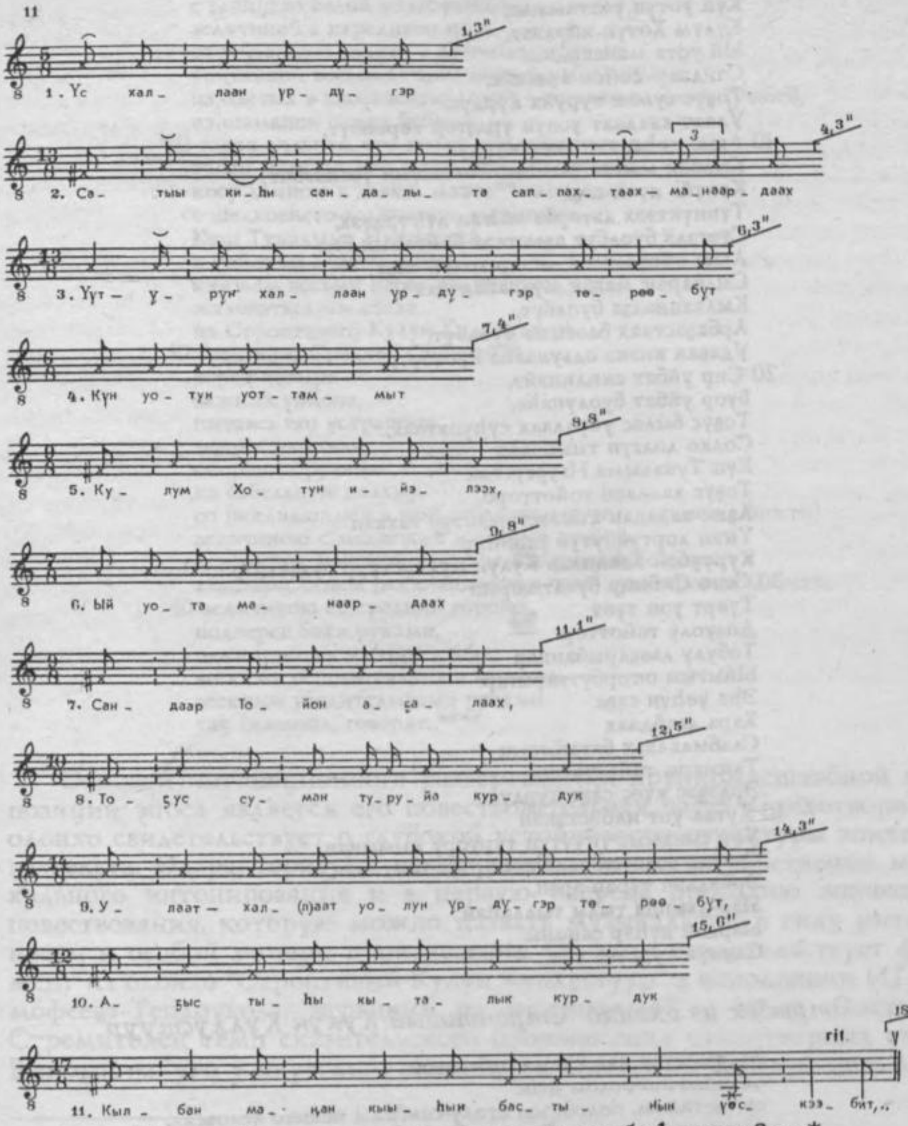
К сожалению, материалы из этих хранилищ профессиональных фонозаписей еще не все опубликованы. Между тем фономатериал, содержащийся в них, представляет большой научный интерес. Этим и объясняется то, что прилагаемая к данному тому граммофонная пластинка составлена именно из записей Якутского радио.

Среди магнитофонных записей, хранящихся на Якутском радио, содержатся образцы полных записей олонхо в исполнении П.П. Ядрихинского, В.Д. Егорова и др.

По времени звучания песенные разделы составляют примерно половину олонхо. Например, 45 песенных разделов пятичасового олонхо П.П. Ядрихинского "Кюн Джёсюёлджют бухатыыр" (фонды Якутского радио) звучат 2 ч 50 мин; а 55 песен олонхо В.Д. Егорова "Оҕо Джулаах" (там же) — 1 ч 17 мин при общем хронометраже 2 ч 45 мин и т.д. Ранее при публикациях олонхо филологи отмечали: в сказаниях "пелось больше одной трети", но "в процессе исполнения песни-монологи часто сокращались" [83, с. 555]. Записывающий эпический текст сам или диктующий олонхосут старается зафиксировать наиболее полный текст исполняемого олонхо, в том числе и его песенных разделов. Ориентируясь на отведенное для сказывания время, степень расположенности слушателей, сказитель каждый раз творит новый вариант. Этот факт подтверждается сравнением фрагмента из олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова "Строптивый Кулун Куллустуур", представленного на прилагаемой к данному тому пластинке, с соответствующим разделом публикации этого олонхо [83, с. 57—67]. При фонозаписи (фонды Якутского радио) выдающийся олонхосут сократил текст, но сумел в сокращенном варианте (при расшифровке составившем 83 стихотворные строки) передать основное содержание записанного от него аналогичного раздела (в публикации 99 стихотворных строк) и изложить суть сюжетного конфликта всего олонхо.

Вступительный раздел олонхо исполняется в речитативном стиле *чабыргах*, который представлен в виде следующей нотировки*:

*Нотировка речитативного раздела выполнена автором статьи. Секундовый хронометраж проставлен В.С. Никифоровой — научным сотрудником Центра музыкально-этнографических исследований Северной Азии при Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки.



*"Кулун Куллустуур" олонхоттон быһа тардыы**

Үс халлаан үрдүгэр
Сатты киһи сандалыта саппахтаах-манаардаах
Үүт-үрүн халлаан үрдүгэр төрөөбүт

---

*Тексты, прилагаемые к нотировкам, записаны и переведены Н.В. Емельяновым.

Күн уотун уоттаммыт
Күлүм Хотун ийэлээх,
Ый уота манаардаах
Сандаар Тойон аҕалаах,
Тоҕус суман туруйа курдук
Улаат-халлаат уолун үрдүгэр төрөөбүт,
Аҕыс тыһы кыталык курдук
Кылбан маҥан кыыһын бастыҥын үөскээбит,
Көлүйэ күөл саҕа
Түннүктээх дьүөрбэ маҥан дүҥүрдээх,
Сүөгэлэ буолбут аҕыстаах байтаһын биэ
Аҕыс ойоҕостоох аҥаар холун саҕа
Сылбараҥ маҕан мулаайахтаах
Кылааннааҕа буолбут,
Арбаҕастаах бастыҥа буолбут,
Удаҕан киэнэ одьунааһа буолбут,
Сир уйбат сиилинэйэ,
Буор уйбат буолунайа,
Тоҕус былас уйуллаах суһуохтаах,
Солко долгун тыыннаах
Күн Туналыма Ньургустай
Тоҕус халлаан тойотторо,
Аҕыс халлаан кинээстэр(игэр) таххан
Үҥэн хортуйбутун иннигэр
Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур бухатыыр
Отто Сибиир бухатыырын
Түөрт уон түөт
Доҕуолу тойоттор
Тобулу дьаҕарыйаннар
Ыйытыы оҥорбуттарыгар:
Эһэ үөһүн саҕа
Хара дьайдаах
Саабылалаах батыйатын
Таҥнары тайахтанан,
Эрдэҕэс күөс саҕа курдук
Кутаа уот илбистэнэн
Уот сындыыс үҥүүтүн туруору кымынан,
Саатар соҕотох эллэһэн өртүк баттанан
Эрбэллэн туран эрэн,
Ыар-дьыппа тылы тыллаһан
Ыархан нүһэр саҥаны
Саҥара турбута үһү..

Отрывок из олонхо "Строптивый Кулун Куллустуур"

Родившаяся над тремя небесами
на молочно-белом небе
со светилом, подобным столу-*сандалы* пешего человека,
имеющая матерью Кюлюм Хотун
со светильником из солнечных лучей,
имеющая отцом Сандаар Тойона
с фонарем из лунных лучей,
из девяти братьев, подобных вольным журавлям,
из удалых братьев первой родившаяся,
из восьми подобных стерхам-самкам
ослепительно белых дочерей первой появившаяся,
из владеющих овальным белым бубном
величиной с небольшое светлое озеро,

с глянцево-белой колотушкой
величиной с переднюю ногу,
отрубленную вместе с восемью ребрами
упитанной восьмилетней яловой кобылицы,
из одетых в шаманскую доху* — ставшая самой лучшей,
из шаманок самая бойкая,
такая сильная, что земля продавливается,
такая могучая, что глина придавливается,
косу длиною в девять махов** имеющая,
с шелковисто-волнистым дыханием —
Кюн Туналыма Нюргустай,
к тойонам девяти небес,
князьям восьми небес поднявшись,
жаловаться им стала
на Строптивого Кулун Куллустуура.
Богатырю Средней Сибиир***
сорок четыре
важных тойона,
пытаясь его устрашить,
допрос учинили;
опершись руками
на сабельную пальму,
со [вселившимся в нее] страшным духом [кровожадности]
величиною с медвежий желчный пузырь,
держа под мышкой пламенем сверкающее копье,
дышащее огнем [вселившегося в него] духа кровожадности,
величиною со средний горшок,
подперев бока руками,
один [против всех] он стоял,
вескими основательными словами,
вескими убедительными речами
так сказывал, говорят...****

Основой интонационного развертывания крупномасштабной композиции эпоса является его повествовательная часть. Стихотворность олонхо свидетельствует о глубокой устойчивости структуры эпического текста. Охарактеризуем некоторые особенности собственно музыкального интонирования и в первую очередь просодию эпического повествования, которую можно назвать музыкальной в силу ритмичности и особой манеры произнесения. Об этом свидетельствует фрагмент из олонхо "Строптивый Кулун Куллустуур" в исполнении И.Г. Тимофеева-Теплоухова, звучащий на прилагаемой к тому пластинке. Стремителен темп сказительского произнесения стихотворных строк. Напомним, что у якутского олонхосута нет аккомпанирующего инст-

---

* В якутском тексте *арбагас* — старая изношенная доха; так называют шаманский костюм, придерживаясь правила, согласно которому наименования обрядовых вещей заменяются эвфемизмами.

** *Былас* — мах, мера длины, равная размаху двух вытянутых рук.

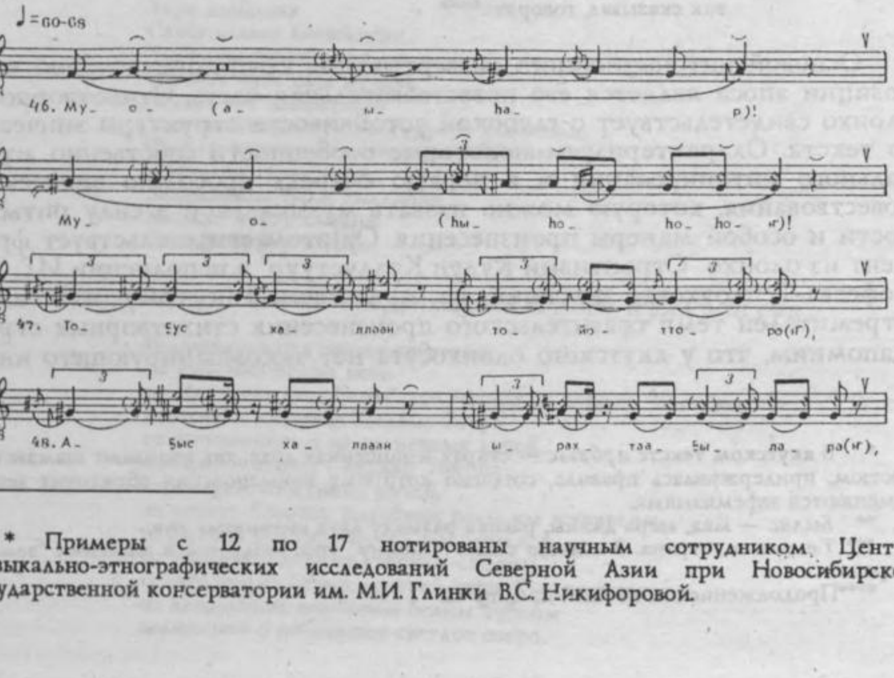
*** Т.е. земля, страна. В олонхо слово "Сибиир" употребляется в значении "земля", "страна".

****Продолжение см. нотный пример 12.

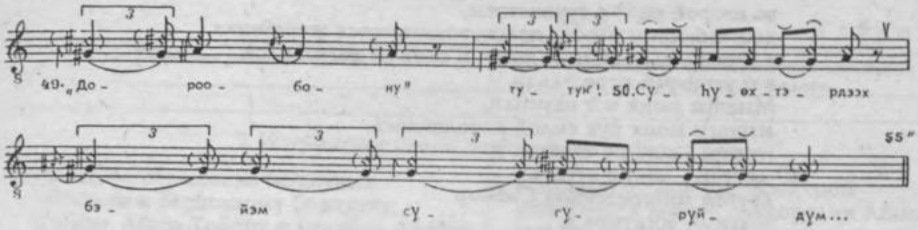
румента, звучание которого заполняло бы паузы. Пауз, когда внимательные слушатели вставляют подбадривающие возгласы "Һоо!" ("Ну!"), больше, чем необходимо для смены дыхания. По технике произнесения текста эпическое сказывание кажется идентичным популярному фольклорному жанру *чабыргах* (скороговорки). Однако иная образность рождает и особый тип фонации, существенно отличающийся от интонирования балагурной скороговорки. При всей быстроте декламационное повествование эпического стиха размеренно, отличается торжественностью настроя.

При описании же комических персонажей олонхосуты применяют интонации *чабыргаха* с резкими выделениями сильных долей, восклицаниями. Характерно, что песенные монологи героев эпоса обязательно предваряются описанием внешнего вида, тембра голоса, движений, мимики персонажа и других слагаемых той или иной "мизансцены". В такие "ремарки" сказитель как бы вкладывает свое видение создаваемых образов. При этом индивидуальная интерпретация опирается на канонические основы. Подобные "ремарки" к поющимся "от первого лица" монологам (особенно характерных персонажей) отличаются по типу интонирования от собственно сказительского повествования "от автора". Смена речитативного интонирования в *чабыргахе* на песенное — *джиэрэтии* происходит в той же тональности, но с более распевным ритмом и совершенно новым тембром (грампластинка, 1-я сторона, № 1). Специфика пения передана в нотировке*:

12



* Примеры с 12 по 17 нотированы научным сотрудником Центра музыкально-этнографических исследований Северной Азии при Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки В.С. Никифоровой.



«Муо(а-ы-һа-р)! Муо(һы-һо-һо-һо-н)!
Тоҕус халлаан тойотторо(н),
Аҕыс халлаан ыраахтааҕылара(н),
"Дорообону" тутуҥ!
Сүһүөхтэрдээх бэйэм сүгүрүйдүм
Уруккулуур күннээх ааспыт бириэмэҕэ(н)
Сибиир уларытан
Оросулуур кулун кутуругунан
Ооньуур оттоох курдук торуой ырай
Дойдуларга(м) киһи-сүөһү үөскээбэтэх
Ньүкэн ыраайыгар
Киллэрэхтээн кэбиспиккин.
Буутум этэ буһан,
Холум этэ хойдон
Аатыннара сылдьан,
Аҕалара(н) тиэрэ Сибиир,
Чиргэл эбир Сибиир
Буолун бухатыыра буоламмын,
Ангардастыы аатыраммын,
Соҕотоҕун сураҕынан
Кэлтэччи киэбирэммин олордохпуна(н),
Икки(с) хара былыт курдук баттааҥныт
Кэрэхтэрдээх тумулга(н) кэнийэн
Кэрэх этин кэрбиэбити,
Ытыктардаах тумулларга ыллаамахтаан
Ытык этин ыстаабыт,
Субу тойуктардаах тумулларга туойбахтаан
Остуол этин уобалаабыт
Улуу удаҕаны(н),
Арбаҕастаах атамааны(н),
Ичээн бэрдин
Ойох ылбат киһибин.
Эппиттэн биир кырбас
Этим хаалыар дылы,
Сытыы сындаасыммыттан
Биир утах сындаасын ордуор дылы,
Хатан бүттэс унуохпуттан
Биир унуох ордуол дылы,
Ойох ылбат дьахтарым.
Муо-ай Уодай-айа» — диир.

«*Муо*! *Муо*! *Уо-уо-суо-суо*!
Девяти небес *тойоны*,
восьми небес владыки,
примите "здравствуйте"!
Я, суставы имеющий, перед вами склоняюсь.
В былые дни, в прошедшие времена
меня из [родных] земель

во второй рай* с травостоем,
достигающим хвоста позднородившегося жеребенка,
в страну, где люди не жили и скот не разводился,
в глухой рай переселили.
Мышцы моих ног окрепли,
мышцы моих рук силой наполнились,
[теперь,] когда с именем я,
другой Сибиир отец я,
другой многоцветной Сибиир
вольный богатырь я,
когда знаменитым считают меня,
единственного славят меня,
[когда] горделиво живу я,
снова нападая, как черная туча, обиду творите.
На той, которая, причитая, на жертвенных мысах
мясо жертвенной скотины глодала,
заклиная, на жертвенных холмах
мясо жертвенной скотины жевала,
запевая, на этих воспетых мысах
мясо с жертвенного стола жадно глотала,
на великой *удаган*,
на атаманше, носящей шаманскую доху,
на презренной знахарке
не женюсь никогда.
Пока от моего тела
хоть кусок останется,
пока от крепких моих сухожилий
хоть одно волокно останется,
от каленых трубчатых моих костей
хоть одна кость останется —
в жены эту женщину не возьму.
Муо-ай! *Уодай-айа*», — сказал.

Меняются тембр, динамика, темп и, конечно, интонации. В "Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр" такие "ремарки" предваряют почти все песенные разделы. В данном памятнике диалоги переданы частично или полностью в речитативной форме. Судя по полным записям олонхо, в речевой передаче диалогов сказителями привлекаются бытовые интонации, порой утрированные для комического эффекта. Некоторые реплики, короткие внутренние монологи передаются иногда в прозе, звучание которой аналогично интонированию прямой речи героев в сказках, бытовых юмористических рассказах. Что же касается якутского народного стиха, то эпос вобрал в себя все его интонационное и ритмическое многообразие. (Тип речитативно-декламационного интонирования эпического текста мы будем обозначать буквой Д.)

Драматургические функции собственно песенных разделов олонхо неоднозначны: они являются либо портретными характеристиками и обладают индивидуальными стилистическими особенностями, либо ситуативными. Можно выделить 38 устойчивых сюжетных формул,

* В настоящем олонхо Средний мир часто называют вторым раем.

Таблица 1

Поющиеся разделы в олонхо	Формы жанрово-интонационного выражения в обрядовом фольклоре
1	2
1. Испрошение детей бездетными родителями	
1. Песенное обращение бездетных стариков к Верховному божеству Юрюнг Айыы Тойону с мольбой о даровании ребенка (будущего героя эпоса)	1. Песенное обращение бездетной женщины к богине плодородия Айыысыт. Этот обряд мог совершаться при посредничестве шамана
2. Проводы Айыысыт	
2. Благодарственное обращение матери (иногда отца) будущего богатыря к Айыысыт после благополучного рождения героя.	2. Песня в обряде проводов Айыысыт, которую поет пожилая женщина
3. Наречение именем	
3.1. Песенное обращение героя к духу-хозяйке земли, обитающей в священном дереве с просьбой сообщить о его происхождении, имени, предназначении	3.1. К священным деревьям обращались в разных жизненных ситуациях. Обращение родителей к обладающему даром красноречия человеку с просьбой благословения ребенка
3.2. Ответ духа-хозяйки земли с наречением именем героя	3.2. *Алгысы* при наречении именем ребенка в литературе крайне редки, что объяснимо глубоко личным характером импровизированного благопожелания
3.3. Все необходимые для героя сведения сообщает небесная *удаган*, являющаяся его старшей сестрой-небожительницей	3.3. Песни "белых" *удаган*, связанные с различными магическими функциями
4. Получение коня	
4.1. Обращение возмужавшего героя к духу-хозяйке земли с просьбой о даровании коня	4.1. В обряде испрошения душ скота со специальными текстами обращались к Айыысыт — покровительнице конного или рогатого скота
4.2. Песенный ответ духа-хозяйки земли	4.2. "Ответ" Айыысыт через посредника — белого шамана. Благословение всадника перед боевым походом
5. Указание предназначенной невесты	
5.1. Обращение героя к духу-хозяйке земли или к своим родителям с просьбой указать предназначенную невесту	5.1. Матримониальные желания обычно выражались иносказательными текстами
5.2. Песенный ответ духа-хозяйки земли (или родителей)	5.2. Сообщение родителей юноши о рекомендуемой ими невесте
6. Обращение к духам-хозяевам перед отъездом	
6.1. Песенные обращения героев к духам-хозяевам огня, юрты, коновязи перед походом	6.1. Аналогичны бытовые обращения к тем же адресатам с просьбой о защите семьи в отсутствие просящего

1	2
7. Заклинание стрелы, оставляемой в качестве вестника	
7.1. Песенное напутствие родным перед отлучкой: следить за его делами по оставляемой в *сэргэ* (коновязи) стреле	7.1. Предположительно аналогом данному сюжетному мотиву можно считать охотничий обычай, связанный со стрелами, оставляемыми в качестве указателей, а также заговоры стрел
8. Жертвоприношение духам-хозяевам горных перевалов, морей и т.п.	
8.1. Почтительное обращение героя с жертвоприношением конских волосков к духам-хозяевам горных перевалов, полей битв, Огненного моря	8.1. В быту традиционны обращения с аналогичным жертвоприношением и просьбой о покровительстве в пути: к духам-хозяевам рек (перед переправой), горного перевала (при удачном достижении его)
9. Проведение воинских ритуалов	
9.1. Получение воинских доспехов и оружия: Просьба героя о даровании ему воинских доспехов, оружия. Адресаты: дух-хозяйка земли или родители, кузнецы Ответ родителей Ответ кузнецов	9.1. Исследователи отмечают возможность существования обряда освящения воинских доспехов, оружия, аналогично описанному в литературе обряду освящения шаманского костюма и бубна
9.2. Призывание героями *айыы* дочери божества войны Илбис Кыыс Благодарное жертвоприношение Илбис Кыыс после победы	9.2. Данные обряды в культуре якутов не зафиксированы. Возможно, существовали определенные ритуалы как перед боем, так и после победы
9.3. Боевая песня — вызов на поединок с изложением причины вызова, выражением презрения к врагу и самовосхвалением	9.3. Данный обряд реконструировать не представляется возможным. Тем не менее у ряда тюркских и монгольских народов Южной Сибири существует обычай — перед началом борцовского поединка секунданты поют, восхваляя своего борца и принижая достоинства соперников
9.4. Песенный совет боевого коня в критической ситуации	9.4. Развитию этого сюжетного мотива в эпосе скотоводов, вероятно, способствовала их неразрывная связь с конем
9.5. Предсмертная просьба героя *айыы* о помощи. Аналогичный песенный призыв богатыря *абаасы*	9.5. Предсмертные песни-плачи людей — *суланыы ырыа*. Песни *абаасы*, имеющие различные обрядовые функции
10. Осуществление свадебного обряда	
10.1. Плач девушки *айыы*, к которой сватается *абаасы*: прощание со Средним миром, просьба о защите	10.1. Свадебные песни невест, прощающихся с родными местами, которых они больше не увидят
10.2. *Алгыс* родителей молодоженов	10.2. Подобное явление в быту представляет собой полную музыкально-поэтическую аналогию

1	2
11. Исполнение именных песен	
11.1. Песни героев *айыы*, в которых они сообщают имя, место происхождения, кто их родители	11.1. Данная форма обрядового поведения якутов не являлась предметом специального изучения. Но традиция именных песен неоднократно фиксировалась при изучении музыкального фольклора соседних народов — "личные" песни юкагиров, чукчей, эвенов. Судя по устойчивым формулам песен эпических героев, якутам этот жанр был известен
11.2. Именные песни-представления *абаасы*	11.2. Этот жанр ярко представлен в песенных "явлениях" духов-помощников черных шаманов, в рассказах самого шамана биографии своей и предков во время камлания
12. Исполнение песен вестников	
12.1. Песни вестников-птиц, посланных невестами *айыы*	12.1. При обрядах тотемического культа предок-животное "вещал" устами жреца
12.2. Песни вестников *абаасы*	12.2. "Явления" шаманских духов-помощников (в том числе птиц)
12.3. Песни парня-вестника Сорук Боллура	12.3. Фольклорный прототип — балагурные скороговорки *чабыргах*
12.4. Сообщения заикающейся рабыни-скотницы Симэхсин Эмээхсин	12.4. В шаманском арсенале есть комический персонаж — заикающийся дух-помощник Кэлээни
12.5. Песни небесных вестников	12.5. В шаманском обряде "ответы" божеств *айыы* звучали из уст белых шаманов
13. Исполнение песен абаасы	
13.1. Песни самосватовства девки-*абаасы*	13.1. Песни шаманок (*удаган*), передающие голоса комических духов сладострастия Утрированный ритмомелодический рисунок быстрой части кругового танца
13.2. Любовная песня богатыря *абаасы*, адресованная украденной девушке *айыы*	13.2. Песни шаманов (*ойун*), передающие голоса духов сладострастия
13.3. "Колыбельная" старухи-*абаасы*, укачивающей в железной люльке кость погибшего сына	13.3. Предположительно у данного эпического жанра несколько истоков: погребальные плачи; колыбельные песни; *алгыс* — благословение кровной мести (в литературе не зафиксирован)
14. Исполнение песни небесных шаманок	
14.1. Помимо сообщения герою имени его сестра-небожительница дарит волшебную плеть	14.1. Сведениями о музыке *удаган* музыкальная этнография не располагает. Однако, судя по "ответам" божеств *айыы*, песням небесных вестников, других небожителей, можно предположить: поскольку *айыы* Среднего и Верхнего миров "общались" на одном песенном языке,
14.2. Небесная *удаган* во время боя своего брата состязается с *удаган* Нижнего мира, помогающей богатырю *абаасы*	

1	2
14.3. *Алгыс* при обряде очищения 14.4. *Алгыс* новобрачным	стиль пения *удаган* был тот, который имел магическое значение при культе *айыы*
15. Повествование о предыдущих событиях	
15. Краткий песенный пересказ предыдущих событий самим героем	15. Развернутое изложение просьбы характерно для якутских обращений к высшим силам с мольбой о защите от несчастий, болезней

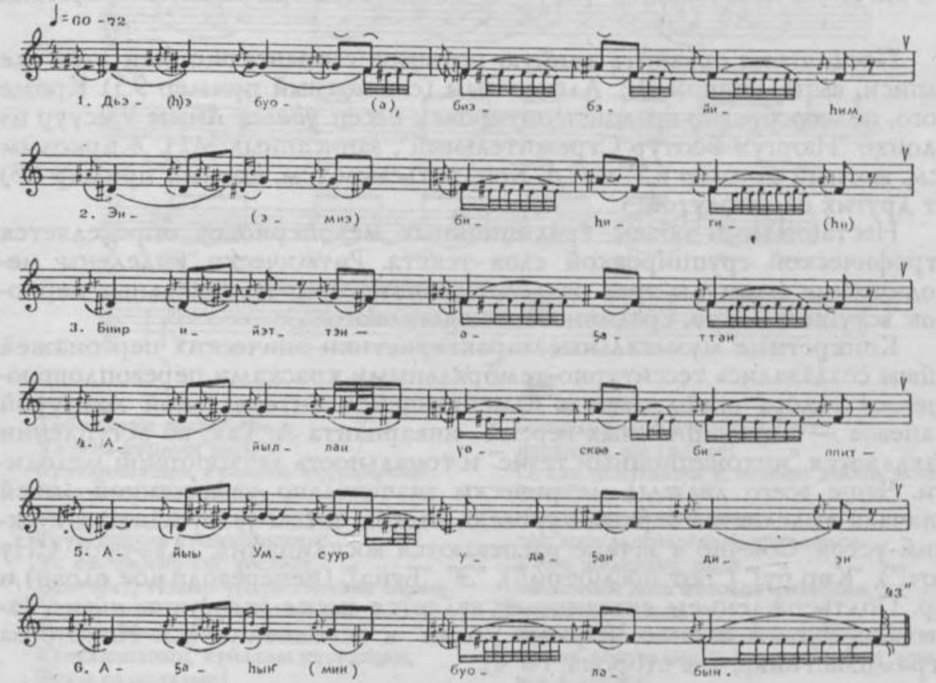
которым обязательно соответствуют песенные фрагменты, функционально аналогичные жанрам фольклора в системе якутских обычаев, ритуалов, обрядов. Это показано в таблице соотношения песенных разделов олонхо и песенных жанров лирического и обрядового фольклора (табл. 1).

Таким образом, та или иная сюжетная ситуация в якутском эпосе определена при помощи бытовых поведенческих стереотипов: песни вводятся в действие мотивированно — в форме определенных обрядовых действий героев. Подчеркнем, что при введении в эпос обрядовых жанров с доминирующей практической функцией происходит трансформация, переинтонирование их в эпические песни с доминирующей эстетической функцией. Песни олонхо благодаря исполнительскому перевоплощению сказителя являют *alter ego* персонажа, тогда как в обиходных *алгысе* или заклинании личность "лирического героя" слита с авторской. Поэтому можно сказать, что благодаря мощной художественной силе национального эпоса мы видим процесс профессиональной интеграции традиционных жанров фольклора. Фактически перед нами интонационно-стилевое дублирование обрядового фольклора в творчестве профессионалов устной традиции — олонхосутов (ср. [43, с. 11]).

Вышеприведенное определение *джиэрэтии ырыа* как основного типа интонирования песенных монологов богатырей Среднего мира следует дополнить тем, что данным стилем пения характеризуются также все персонажи *айыы* Среднего и Верхнего миров. Образное объединение вариантных модификаций названного стиля основано, очевидно, на "магическом" его значении. Он является музыкальной "визитной карточкой" этноса. Материалы обрядового фольклора дают основание считать, что пение в стиле *джиэрэтии ырыа* являлось особым языком, понятным духам-хозяевам, божествам *айыы*, которые и сами "изъяснялись" на нем через посредников — белых шаманов. Сохраняя народный термин "*джиэрэтии*", мы предлагаем единую интонационную характеристику положительных персонажей якутского героического эпоса назвать еще и стилем *айыы* (далее обозначаем буквой А). Данный тип интонирования, безусловно, древен, о чем свидетельствует сочетание текста и напева: разные по длине мелодические

строки, несогласованность ритма поэтического текста с мелодической формульностью. Взаимодействие поэтических и музыкальных основ импровизационного стиля проявляется на структурном уровне. В качестве примера предлагаем "Песню небесной шаманки Айыы Умсуур" из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" в исполнении У.Г. Нохсорова (грампластинка, 1-я сторона, № 2).

13



Дьэ(һ)э буо-уо(а), биэбэйии(һи)м,
Эн(эмиэ) биһиги(һи)
Биир ийэттэн-аҕаттан
Айыллан уөскээбиппит —
Айыы Умсуур удаҕан диэн
Аҕаһын(мин) буолабын
Дьээ дуо, биэбэкэм,
Аллараа дойдум
Алдьархайдаах адьырхата(н)
Уот Уһутаакы(н) обургу(н)
Орто дойду(н) олоҕун
Уймаан-аймаан,
Айыы дьонун кэскилин
Алдьаппытын аатыгар
Эйиэхэ үөһэттэн
Улахан сорукка(н),
Улуу илдьиккэ тустум
Дьэ буо, биэбэкэм,

Джэ буо, дитя мое,
Мы с тобой
От одной матери и отца
Родились —
Я, Айыы Умсуур-*удаган*,
Старшая твоя сестра.
Джэ буо, дитя мое,
Нижнего мира
Бедовый хищник
Уот Усутаакы-наглец
Жизнь Среднего мира
Взволновал-разорил,
Счастье людей *айыы*
Разрушил, потому
Сверху к тебе
С важным поручением,
С великой вестью спустилась.
Джэ буо, дитя мое,

Өстөөххүн өлөрөн,
Саастааххын самнаран
Айыың дьонун арангаччылаан
Ийэ бараан дойдутугар
Эргийэн тиийээр.
Бу икки сиринэн бобуруолаах,
Сэттэ сиринэн салаалаах
Айыы далбар кымньыытын
Өлөр-хаалар күнүн кэлләҕинэ,
Уһун субуйа батас буол(лун)!

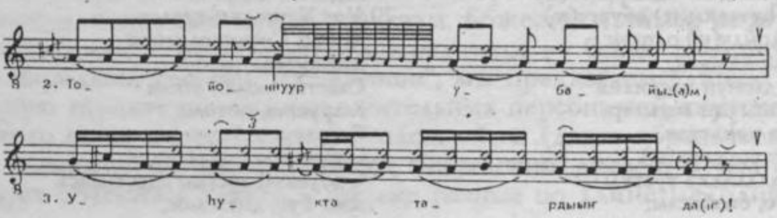
Врага уничтожив,
Противника победив,
Людей своих *айыы* защитив,
На свою заветную родину
Возвращайся!
Вот этот с двумя утолщениями,
С семью разветвлениями
Священный волшебный кнут
В день смертельной опасности для тебя
В длинный острый меч пусть превратится!

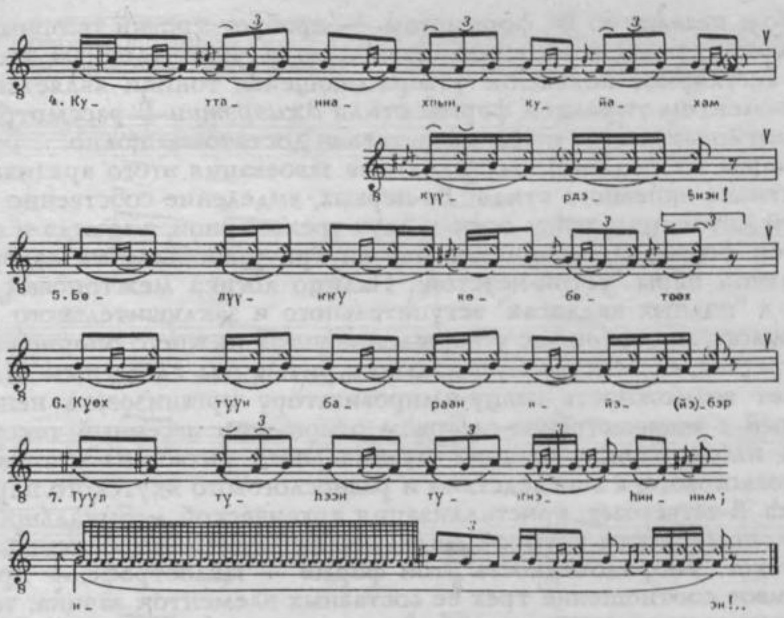
Предлагаем сравнить данную нотацию с транскрипцией этой же записи, выполненной Э.Е. Алексеевым (см. нотный пример 9.5). Кроме того, целесообразно сравнить нотировки песен *удаган* Айыы Умсуур из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный", записанных М.Н. Жирковым (см. нотный пример 6.5) и С.А. Кондратьевым (см. нотный пример 8.3) от других олонхосутов.

Нестабильный объем традиционных мелопериодов определяется строфической группировкой слов текста. Ритмически выделены мелодические формулы трех разделов разновеликих музыкальных периодов: вступительного, срединного и кадансового.

Конкретные музыкальные характеристики эпических персонажей *айыы* создавались тесситурно-тембральными красками перевоплощающегося голоса олонхосута и изменяющейся интервальной мензурой напевов — интонационных версий инварианта А. Так, во вступлении заявляется "интонационный тезис" и тональность двухопорной мелодики. Чаще всего дважды метрически значительно увеличенной долей сначала выделяется верхний уровень напева, затем утверждается нижний устой. Обычно в зачине распеваются восклицания: "Дьэ-буо!" ("Ну вот!"), "Көр бу!" ("Вот посмотри!"), "Э", "Буйа!" (непереводимое слово) и др. Подтверждением сказанному является песня женщины-*айыы* Хачылаан Куо из олонхо "Юрюнг Уолан" в исполнении У.Г. Нохсорова (грампластинка, 2-я сторона, № 4).

14





Һэ көр!
Тойоннуур убайы(а)м,
Уһукта тардыҥ да(ҥ)!
Куттаннахпын, куйахам күүрдэђиэн!
Бөлүүнү көлбөттөөх
Күөх түүн бараан ийэ(йэ)бэр
Туул түһээн түгнэһинним:
Үс хос тимир сис үөстээх,
[Дьиэбит] тимир үрдүн тэлээн баран,
Уоран-талаан барда диэммин
Һуул түһээн түгнэһинним.
Куттаннахпын, куйахам күүрдэђин,
Этим саластаҕын!
Уһукта тардыый да
Сүрүм-кутум долгуйда,
Сүрэђим-быарым быллыгыраата!
Чээй абыраа, быыһаа,
Тойон убаккам!

Сэ, смотри!
Господин мой старший брат,
проснись же скорее!
О, как испугалась я, волосы дыбом встали!
Этой нечистой
темной глубокой ночью
сон мне злосчастный приснился:
в три железных ряда
железный наш потолок разобрав,
меня похитили —
такой мне злосчастный сон приснился.
О, как испугалась я, волосы дыбом встали,
вся я дрожу!
Проснись же скорее,
вся душа моя взволновалась,
сердце-печень мои трепещут!
Ну, заступись, защити,
господин мой старший брат!

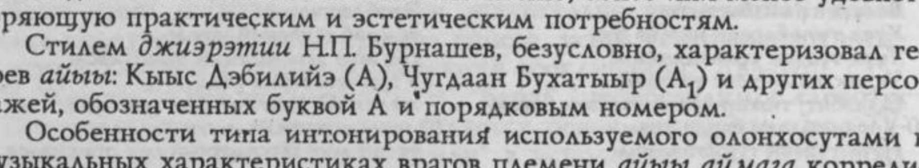
Развертывание текстовой части мелопериода основано на варьировании двух звуковысотных уровней. Слоги могут распеваться как по принципу "слог — нота", так и "слог — распев". Несмотря на тематическое родство, контраст двух первых разделов мелострофы А разителен из-за смены rubato зачина почти механической размеренностью интонирования текста. Когда в заключительном разделе мелопериода появляется третий — вершинный тон, то он воспринимается как кульминационный после длительного двухопорного интонирования. При взгляде на расшифровку нетрудно заметить подготовленность мелодической вершины: "тень" верхней ступени напева присутствует с самого начала, когда певец в зачине только подбирает удобную тональность,

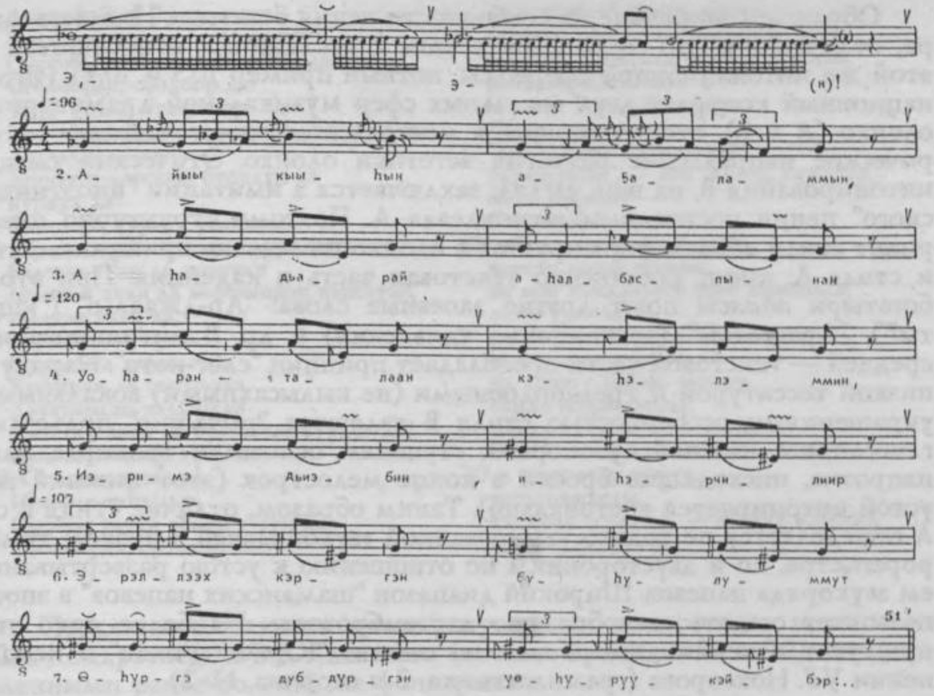
при этом незаметно — форшлагом — пробует третий опорный тон. Свободный распев в каденции завершается утверждением нижнего устоя. Регулярное появление утверждающейся тоники является важным сегментом тирадной формы стиля *джиэрэтии*. В рассмотренных выше нотировках этот стиль представлен достаточно полно.

Каковы же подлинно музыкальные завоевания этого архаического речитативно-напевного стиля? Во-первых, выделение собственно музыкальной интонации, пусть всего и двух-трехопорной, а иногда и одноуровневой. Во-вторых, возникновение внутри узкообъемных ладов коррелятивной пары "устой-неустой". Налицо логика межтоновых отношений в "полных кадансах" вступительного и заключительного разделов каждого мелопериода: утверждение устоя нижнего опорного уровня. В-третьих, главенство музыкального ритма над словесным. Именно это дает возможность певцу-импровизатору организовать ненормированный в количественно-слоговом отношении песенный текст. Бесспорно плодотворное влияние музыкального ритма на становление неравнослогового, а впоследствии и равнослогового якутского народного стиха. В-четвертых, кристаллизация архаической музыкальной формы, закономерности которой мелодически и ритмически организовывают текст. Упорядоченность этой форме — мелострофе — придает устойчивое соотношение трех ее составных элементов: зачина, текстового и заключительного разделов. В-пятых, появление на этой повсеместно распространенной традиционной основе массовой песенной культуры. Благодаря доступному комплексу средств выразительности стиля каждый исполнитель мог сложить песню, более или менее удовлетворяющую практическим и эстетическим потребностям.

Стилем *джиэрэтии* Н.П. Бурнашев, безусловно, характеризовал героев *айыы*: Кыыс Дэбилийэ (А), Чугдаан Бухатыыр (A_1) и других персонажей, обозначенных буквой А и порядковым номером.

Особенности типа интонирования используемого олонхосутами в музыкальных характеристиках врагов племени *айыы аймага* коррелируются обрядовыми нормами пения. Описанная И.А. Худяковым, Ф.Г. Корниловым, М.Н. Жирковым и другими исследователями характерность стиля пения богатырей *абаасы* коренится в сказительской имитации "пения" духов-помощников черных шаманов во время камланий. Данный песенный стиль персонажей *абаасы* мы определяем как имитацию *кутуруу* (шаманского пения) и в дальнейшем обозначаем его буквой В. В качестве репрезентанта "шаманского пения" в якутском эпосе целесообразно выделить пение олонхосута П.П. Ядрихинского, который в "партии" богатыря Нижнего мира из олонхо "Кюн Джёсюёлджют" демонстрирует все отличительные черты стиля *кутуруу* (грампластинка, 2-я сторона, № 1).



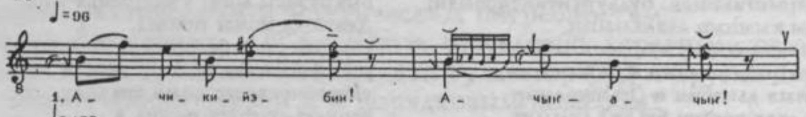


Адьырынтайбыан! Будьурунтайтарбыан!
Айыы кыыһын аҕаламмын,
А(һа) дьарай а(һа)лбаспынан —
Уо(һа)ран-талаан кэ(һэ)лэммин,
Иэримэ дьиэбин и (һэ)рчилиир
Эрэллээх кэргэн бу(һу) луммут
Өһүргэ дубдургэн үөр(һү)үүкэйбэр:
Үөһээ, аллараа дьабыннар
Ааттаахтарын аҕалтааммын,
Барҕа малааһын тэрийбэхтээн бараммын
Чыбы-чаабы чычаахтайбынаан
Сымара дьайаан ороммор —
Баҕа тириитэ быыспытын
Байбаччы тардынан,
Тиһэх эһэ тириитэ
Тэллэхпитигэр тиэлийбэхтээн,
Сутаакы тириитэ
Суорҕаммытыгар сууламмахтаан,
Ньылба тириитэ
Сыттыкпытыгар сыһааҕыран
Ньыгы-ньыгы ньыгыллахпын!
Сырайдарбыт сылластарынан сылласпахтаан,
Уостарбыт тулларынан ураспахтаан
Тоҕус уолу субуйуохпут,
Агыс кыыһы айыахпыт,
Аба-дьайаан, аҕа хотунуом!

Выкрутасы мои! Ухищренья мои!
Девушку *айыы* привел,
волшебством бесовским
уведя-похитив ее,
уютного своего дома хозяйку,
верную супругу нашел я.
На такую радость волнующую
из верхних и нижних далей
именитых я созову,
богатый праздник устрою, а потом
с милой пташкой моей
на кровати моей из глыбы камня,
занавеской из лягушечьих шкур
отгородившись,
на подстилке из шкуры
самого захудалого медведя понежимся,
одеялом из шкуры
от бескормицы падшей скотины закрывшись,
на подушке из шкуры
выкидышей-телят слюбимся,
Ньыгы-ньыгы ньыгыллах моя!
Нюхаясь до отвисания наших щек,
целуясь до отпадания наших губ,
девять мальчиков-погодков родим,
восемь девушек мы сотворим.
Аба-джайаан, супруга моя!

Обращаем внимание на особенности пения богатыря Нижнего мира, отличающие его от напевов *удаган* и посланника, относящихся к этой же интонационной сфере (см. нотный пример 10.3 и 10.4). Интонационный контраст двух вокальных сфер музыкальной драматургии олонхо (А и В), отсутствующий в монгольском эпосе, выявляет историческое направление развития эстетики олонхо. Этический смысл интонирования В, на наш взгляд, заключается в имитации "иноэтнического" пения носителями звукоидеала А. Поэтому структурно инвариант стиля *абаасы* формируется в олонхо по тем же принципам, что и стиль А: зачин, собственно текстовая часть и каденция. При этом богатыри *абаасы* поют другие запевные слова: "Ар-джаалы!" ("Ишь ты!"), "Арт-татай!" (восклицание удивления) и др. В интонировании средней — текстовой части преобладает принцип "слог-нота". Наряду с низкой тесситурой и трелеподобными (не кылысахными) вокальными украшениями особенностью стиля В являются "рычащие" подъезды-глиссандо с нижней субопоры к ступеням основного трихорда или, напротив, нисходящие броски в конце мелострок (этот нижний неустой интонируется внетонально). Таким образом, отличие стиля В от А определяется не только утрированной звукоподачей в низком темброрегистре, но и двусторонним по отношению к устою развертыванием звукоряда напевов. Широкий диапазон "шаманских напевов" в эпосе позволяет создать своеобразную двутембровость. Наиболее ярко это предстает в пении девы-*абаасы* из олонхо "Юрюнг Уолан" в исполнении У.Г. Нохсорова (грампластинка, 2-я сторона, № 2).

16



Ачикийэбин! Ачын-ачын!
Иэдээникпин-куудааныкпын!
Сырбан татай, эминэ тугуй даа,
Оголоорда, оҕолоор да!
Үрүӱ Уолан бухатыыр
Тустай аҕай да бэйэлэргэр
Дорообо-дорообо,
Дорообо-дорообо буоллун да
курдук да!
Миннэрэ курдук убайыгым
Эйиэхэ илдьиктиир, хоруйдуур:
Балтын ахан да оннугар
Миигин ахан да кэргэнинэн кэпсэтэн,
Илдьэн ахан да,
Барыан да үһү да.
Кырдьыга даҕаны да
Кыбынан да сытыаххa
Дьахтардан талыыкан
Дьахтар ахан да буолабын курдук да!
Аай! Оонньоон этэбин,
Кырдьык этэбин!
Иһилик-таһылык,
Сырбан татай эбинэ тугуй да,
Оҕолоорда, оҕолоор да!

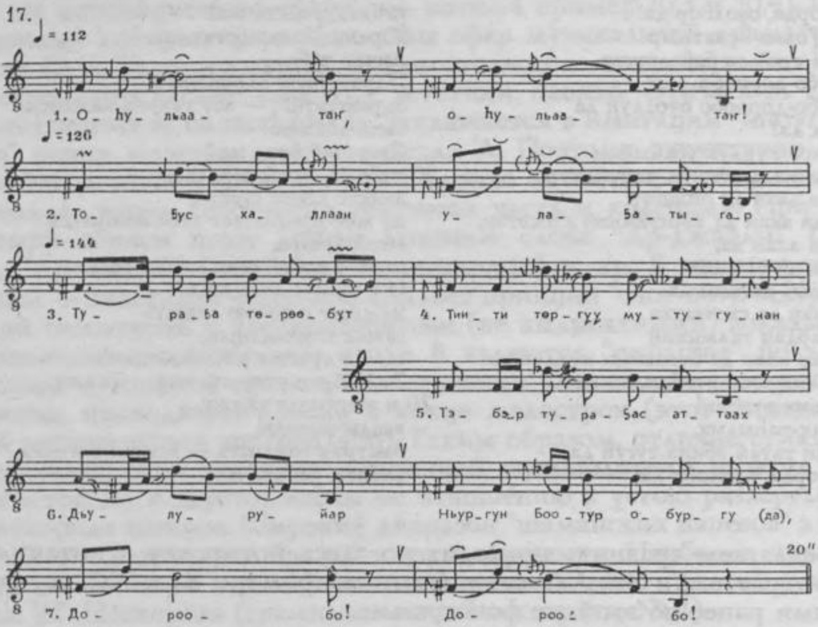
Ачикийэбин! Ачынг-ачынг!
Беды-то мои — несчастья-то мои,
быстрая бойкость, всякая всячина,
ребята, ребята же!
Юрюнг Уолан-богатырь,
Лично тебе —
"Здравствуй! Здравствуй!
Здравствуй!", — вот так-то, кажется,
быть должно!
Старший брат мой
тебе со мной передал:
вместо своей сестры
на мне предлагает тебе жениться,
меня увезти,
взять с собой предложил ведь.
И в самом деле ведь,
на ложе с тобою лежать
самая подходящая,
самая лучшая я из женщин!
Ээй! И в шутку сказать — скажу,
и взаправду скажу,
входы-выходы,
быстрая бойкость — всякая всячина,
ребята, ребята же!

Предлагаем сравнить приводимую здесь нотировку с нотациями С.А. Кондратьева и Э.Е. Алексеева (нотные примеры 8.1 и 9.2), осуществленными ранее по этой же фонограмме.

Использование олонхосутами этого типа интонирования в целях образной конкретизации антагонистических эпических персонажей характеризует особенности музыкальной интонационной драматургии якутского героического эпоса, опирающейся на принцип театрализации эпического "действия". В олонхо "Кыыс Дэбилийэ" этим типом интонирования предположительно маркировались богатыри — воспитанники Сараханы Кюккэнньик: Дыгыйдаан (B_3), Ургунньук Баатыр (B_2), Кюн Эрили (B_1).

Если в стилях А и В мелодико-ритмическая характерность проявлялась во многом благодаря тесситурно-тембральным нюансам, то в характеристиках комических персонажей нетрудно заметить собственно песенную формульность. Как отмечали С.А. Кондратьев и Э.Е. Алексеев, эти напевы поются в стиле *дэгэрэн ырыа* (обозначаемом нами буквой С). Отметим разнообразие мелодических формул, характеризующих комические персонажи в интонационной драматургии олонхо. Ладовая структура С отличается разнообразным соотношением четырех-пяти опорных тонов в напеве и охватывает широкий звуковой диапазон. При этом форма организована строфически. Типичным представителем данной мелодической сферы является Сорук Боллур — юноша-вестник. Две мелодические версии напевов этого персонажа, исполненные У.Г. Нохсоровым и П.П. Ядрихинским, представлены в коллекции нотировок Э.Е. Алексеева (см. нотные примеры 9.3 и 9.4). Для сравнения приведем фонозапись из олонхо "Нюргун Боотур

Стремительный" в исполнении У.Г. Нохсорова (грампластинка, 2-я сторона № 3).



Оһульаатаҥ, оһульаатаҥ!
Тоҕус халлаан улаҕатыгар
Тура(ҕа) төрөөбүт
Тиити төргүү мутугунан
Тэбэр тураҕас аттаах
Дьулуруйар Ньургун
Боотур обургу(да),
Дорообо! Дорообо!
Алдьархай аангнаата,
Өлүү бөҕө түбүлээтэ.
Түөнэ Моҕол Оҕонньор
Тойон аҕабыттан,
Күн Күбэй эмээхсин
Хотун ийэбиттэн
Эрэллээх илдьит
Суорумньу сорук буолан
Тэптэрэн бу кэллим курдукчай,
Туналҕаннаах ньуурдаах
Туйаарыма Куону
Аллараа дойду Арсан Дуолай
Буор Моҕой оҕонньор
Алдьархайдаах уоллара —
Уот Уһутаакы
Уоран-талаан барбыт үһү
Ини курдукчай!
Чэй эрэ,
Түргэнник бара охсуон үһү!
Халыҥ ойуур курдук

Осульатанг, осульатанг!
За краем девяти небес
стоя рожденный,
гнедым скакуном
высотой по средние ветви лиственницы
владеющий Нюргун Боотур
Стремительный-молодец,
здравствуй! Здравствуй!
Беда настала,
жестокая смерть пришла.
От Тюёна Могол-старика,
тойона отца моего,
от Кюбэй Хотун,
хотун матери моей,
надежным посланцем,
верным гонцом
я ведь примчался галопом, кажется.
Светлоликую
Туйаарыма Куо
Нижнего мира [главы] Арсан Дуолая,
Буор Могой-старика
бедовый сын
Уот Усутаакы
похитил-увел, говорят,
вот какая беда случилась, кажется!
Ну-ка же,
быстро прибыть просили!
Подобной могучему лесу

Хахха буолуон уһу,
Суон ойуур курдук
Дугда буолуон уһу (да),
Курдукчай-курдукчай!

защитой быть просят,
подобным густому лесу
заслоном быть просят,
вот так, вот так, кажется!

В музыкальном отношении стиль С характеризуется следующими моментами:

1) выделением самостоятельной, законченной мелодии с увеличенным ладовым объемом;

2) упорядоченностью соотношения основных и промежуточных тонов в широкодиапазонных напевах. Э.Е. Алексеев выделил помимо устоя четыре намечающиеся градации неустоев: неустой сверху, неустой снизу, верхняя антитеза, кульминационный тон [6, с. 229];

3) определенностью чередования сильных и слабых долей, образующих четкую музыкальную метричность;

4) разнообразием коротких однострочных по форме напевов. Равновеликость музыкальных строк, несомненно, повлияла на протяженность наполняющих их поэтических строк;

5) влиянием образно-смыслового контекста олонхо на разнообразие используемых напевов С.

Традиционность индивидуализированных напевов С проявляется в закрепленности каждой характерной интонационной модели за определенным персонажем олонхо. По нашему предположению, в олонхо "Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр" в данном стиле могли интонироваться песенные разделы антигероини Сараханы Кюкэнньик.

Песни второстепенных персонажей олонхо носят интермедийный характер. Песни основных действующих лиц (*айыы* и *абаасы*) образуют интонационные "арки", формирующие цельность композиции. Музыкальные характеристики эпических героев обычно сравнивают с "лейтмотивом", поскольку поются они в одной манере, в одном темброрегистре, на основе одной мелодической формулы. Однако эти песенные характеристики, в отличие от "лейтмотивов", находятся в постоянном развитии, "реагируют" на ситуативный контекст сказания. На наш взгляд, песенные монологи героев на протяжении всего сюжета представляют собой не повторы лейтмотивов, а развитие своего рода тематических комплексов, организующих звуковую ткань сказаний. Такой взгляд позволяет представить музыкальную драматургию олонхо "Кыыс Дэбилийэ" в виде таблицы (табл. 2).

Связующую функцию между музыкальными разделами выполняет гибкое речевое интонирование, конкретизирующее поступательное развитие синкретической формы. Семантическое объединение интонационных комплексов не только непосредственно противодействующих персонажей, но и их окружения в интонационно-стилевые сферы А, В, С позволяет определить принципиальную двухтемность композиции олонхо: основную оппозицию составляют типы интонирования А и В, функция эпизодических напевов С заключается в разрядке, разнообразии интонационного "фона". Музыкальная драматургия любого олонхо основана на трехэтапности развития композиции: для

Таблица 2

Сюжетные мотивы	Строки	Предполагаемый тип интонирования
1	2	3
1111. Вступление		
1.1. Начальная формула, описывающая время эпических событий. Образование Верхнего и Среднего миров, страны — *алааса* Унаарытта	1—217	Д
2. Заселение Унаарытта *абаасы*		
2.1. Портреты персонажей Нижнего мира — Сараханы Кююкэнньик и ее родителей	218—260	Д
2.2. Песенное обращение Сараханы к отцу с просьбой разрешить ей поселиться в Среднем мире	261—307	С
2.3. Отказ отца; клятва Сараханы о мирных намерениях; согласие родителей	308—368	Д
2.4. Поселение Сараханы с тремя прислужницами, девками-*абаасы*, на *алаасе* Унаарытта; постройка жилища; забвение клятвы	369—460	Д
3. Похищение мальчиков из трех миров; их воспитание; чудесный их рост	461—655	Д
4. Обряд наречения именем		
4.1. Песенное обращение парня Верхнего мира к "матери"	656—674	$В_1$
4.2. Описание внешнего облика Сараханы	675—686	Д
4.3. Песня Сараханы о наречении "сыновей" именами	687—704	С
4.4. Праздничный пир	705—720	Д
5. Обряд назначения противника		
5.1. Предваряющая пение "ремарка"	721—742	Д
5.2. Песенное обращение парня Среднего мира к "матери" о назначении противника	743—777	$В_2$
5.3. Избиение "матери", ее смущение	778—805	Д
5.4. Песня Сараханы — указание противника "сыновьям"	806—848	С
6. Благословение перед походом		
6.1. Испрашивание "сыновьями" материнского благословения	849—860	Д
6.2. *Алгыс* — напутствие Сараханы	861—914	С
6.3. Выражение сыновнего удовлетворения	915—916	Д
7. Договор братьев о взаимопомощи		
7.1. Предваряющая пение "ремарка"	917—929	Д
7.2. Песенное обращение парня Среднего мира Ургунньук Баатыра к старшему брату	930—952	$В_2$
7.3. Предваряющая пение "ремарка"	953—965	Д
7.4. Песня Дыгыйдаана Бёгё — обещание помощи	966—994	$В_3$

1	2	3
8. Путь двух оборотней-волков и прибытие их в страну Чугдаана; описание его жилища, богатства, *ысыаха*	995—1136	Д
9. Разорение страны Чугдаана		
9.1. Начало разбоя	1137—1168	Д
9.2. Внутренний монолог Чугдаана — нежелание омрачать праздник	1169—1202	Д
9.3. Уничтожение трети скота	1203—1223	Д
9.4. Песня Чугдаана — просьба совета у соплеменников	1224—1266	$А_1$
9.5. Решимость народа дать отпор	1267—1280	Д
9.6. Уничтожение половины скота; реакция Чугдаана	1281—1303	Д
9.7. Песня Чугдаана — увещевание врага	1304—1327	$А_1$
9.8. Оскорбительный ответ "сыновей" Сараханы	1328—1337	Д
10. Бой и победа Чугдаана	1338—1405	Д
11. Второй бой Чугдаана		
11.1. Песня Ургунньука — призывание старшего брата	1406—1425	$В_2$
11.2. Появление Дыгыйдаана	1426—1506	Д
11.3. Его песня — укор братьям	1507—1528	$В_3$
11.4. Бой и победа Дыгыйдаана	1529—1627	Д
11.5. Песня Чугдаана — просьба приостановить бой	1628—1655	$А_1$
11.6. Разрешение проститься с родными; похищение сестры Чугдаана; отбытие победителей	1656—1734	Д
12. Чугдаан держит совет с родителями		
12.1. Описание прихода побежденного богатыря	1735—1765	Д
12.2. Песня Чугдаана с просьбой указать защитника, напоминание о недавно поселившейся в Среднем мире небожительнице Кыыс Дэбилийэ	1766—1842	$А_1$
12.3. Описание состояния отца Чугдаана	1843—1855	Д
12.4. Песня отца Чугдаана — сомнение в отзывчивости сердца богатырки	1856—1926	$А_2$
13. Сборы Чугдаана в дорогу; описание коня, оружия; отъезд	1927—2149	Д
14. Договор Чугдаана и Кыыс Дэбилийэ о боевом содружестве		
14.1. Встреча Чугдаана с табунщиками богатырки	2150—2186	Д
14.2. Песня Чугдаана — рассказ о случившемся	2187—2217	$А_1$
14.3. Согласие парня-табунщика Верхнего мира передать просьбу Чугдаана Кыыс Дэбилийэ	2218—2266	Д
14.4. Песня табунщика — рассказ о попавшем в беду Чугдаане	2267—2332	$А_3$

1	2	3
14.5. Реакция богатырки на рассказ вестника; приглашение Чугдаана, описание жилища; портрет героини	2333—2402	Д
14.6. Песня-репрезентация Чугдаана	2403—2428	A1
14.7. Внутренний монолог Кыыс Дэбилийэ; описание угощения	2429—2486	Д
14.8. Песня Чугдаана — просьба о помощи	2487—2535	A1
14.9. Внутренний монолог Кыыс Дэбилийэ — подавление раздражения	2536—2556	Д
14.10. Песня Кыыс Дэбилийэ, в которой она рассказывает о себе и о непризнании ее соседями, изгнании в Средний мир	2557—2584	A
14.11. Предваряющая пение "ремарка"	2585—2589	Д
14.12. Песня Чугдаана — обещание продолжить содружество и вознаградить за оказанную помощь	2590—2628	A1
15. Кыыс Дэбилийэ созывает соратников		
15.1. Отправка богатыркой вестника в Верхний мир за своей младшей сестрой Аан Ахталыйа; наказ изменить истинную причину вызова: передать весть о мнимом сватовстве *абаасы*	2629—2660	Д
15.2. Освобождение плененного богатыря		
15.2.1. Задание богатырки Чугдаану — освободить плененного ею богатыря *айыы*; портрет Эриэдэ Бэргэна	2661—2738	Д
15.2.2. Песня Чугдаана — краткий пересказ событий	2739—2774	A1
15.2.3. Предваряющая пение "ремарка"	2775—2781	Д
15.2.4. Песня Эриэдэ Бэргэна, благодарящего богатырку за сохранение ему жизни; обещание стать ее союзником	2782—2807	A4
15.2.5. Отбытие Чугдаана	2808—2813	Д
15.3. Явление небесной *удаган*; разговор сестер; возвращение Чугдаана	2814—2927	Д
16. Вызов на бой		
16.1. Появление вестниц — трех девок-*абаасы*	2928—2953	Д
16.2. Их песни — вызов Чугдаана на поле брани	2954—2968	C1
17. Сборы в поход		
17.1. Описание оружия Кыыс Дэбилийэ	2969—2989	Д
17.2. Песня Кыыс Дэбилийэ — обращение к духу-хозяину домашнего очага	2990—3034	A
17.3. Полет к полю боя героини, ее сестры, Чугдаана в образах птиц	3035—3099	Д
18. Бой (кульминация)		
18.1. Явление трех воспитанников Сараханы; описание поля сражения	3100—3194	Д

Продолжение табл. 2

1	2	3
18.2. Песня Кыыс Дэбилийэ — почтительное обращение к духам-хозяевам поля битв, перевалов, к божествам войны	3195—3279	А
18.3. Описание тридцатидневной битвы и ее последствий	3280—3467	Д
18.4. Песня духа-хозяина поля битв, спроваживающего богатырей-противников в Нижний мир	3468—3511	В4
18.5. Продолжение боя во время падения	3512—3540	Д
18.6. Песня Кыыс Дэбилийэ, отсылающей уставшую Аан Ахтальйа в Верхний мир	3541—3558	А
18.7. Появление Эриэдэ Бэргэна, продолжение битвы	3559—3627	Д
18.8. Явление небесного вестника Солук Баатыра	3628—3632	Д
18.9. Песня Солук Баатыра — возвещение воли Верхнего божества	3633—3679	А5
18.10. Заключение Дыгыйдаана в темницу на дне Ютюгэн; путь героев наверх	3680—3711	Д
18.11. Песня Дыгыйдаана — угроза мщения при возрождении (смысловая "арка" во вторую часть олонхо, где Дыгыйдаан погибает в схватке с Аан Даадаром)	3712—3748	В3
19. Обряд очищения		
19.1. Кыыс Дэбилийэ отпускает Чугдаана и Эриэдэ Бэргэна	3749—3771	Д
19.2. Описание обряда очищения "сыновей" Сараханы — богатырей *айыы* — от скверны	3772—3869	Д
19.3. Песня Кыыс Дэбилийэ — благословение Кюн Эрили	3870—3915	А
19.4. Его возвращение в Верхний мир	3916—3922	Д
20. Очищение страны Унаарытта		
20.1. Бегство Сараханы; прибытие Кыыс Дэбилийэ с Ургунньук Баатыром; описание оскверненной страны; явление похищенной Ургунньуком сестры Чугдаана	3923—4030	Д
20.2. Песенное обращение Кыыс Дэбилийэ к божествам: краткий пересказ событий, просьба отправить сестру для очищения страны	4031—4124	А
20.3. Появление небесной *удаган* Айталыын	4125—4187	Д
20.4. Песня небесной шаманки: заклинание о закрытии перевала, ведущего в Нижний мир; обращение к духам-хозяевам земли, трав, деревьев; пожелание о заселении страны	4188—4265	А6
20.5. Возрождение Унаарытта	4266—4299	Д
21. Постройка жилища для основателя нового рода *айыы* в Унаарытта		
21.1. Предваряющая пение "ремарка"	4300—4309	Д

1	2	3
21.2. Песня Кыыс Дэбилийэ — обращение к божествам с просьбой отправить семь небесных плотников	4310—4338	А
21.3. Их появление; постройка за завесой тумана просторного балагана	4339—4373	Д
21.4. Песня плотников о назначении им платы (семи лошадей белой масти)	4374—4409	A_7
21.5. Описание построенного жилища	4410—4448	Д
22. Свадьба Ургунньук Баатыра и Хаанчылаан Куо		
22.1. Песенное обращение Кыыс Дэбилийэ к старшей сестре Кюн Кюэгэльджин — просьба даровать новобрачным кобылицу	4449—4470	А
22.2. Свадебный пир	4471—4521	Д
22.3. Свадебный *алгыс* Кыыс Дэбилийэ	4522—4595	А
22.4. Прощание и отбытие героини	4596—4603	Д
23. Посещение Кыыс Дэбилийэ семьи Чугдаана		
23.1. Внутренний монолог Чугдаана, отправка парней-караульных с приглашением к Кыыс Дэбилийэ	4604—4638	Д
23.2. Песня вестника к летящей Кыыс Дэбилийэ	4639—4665	A_8
23.3. Почетная встреча героини, описание *ысыаха*	4666—4793	Д
23.4. Песня Кыыс Дэбилийэ — рассказ о судьбе сестры Чугдаана, *алгыс* перед расставанием	4794—4852	А
23.5. Выход Кыыс Дэбилийэ во двор	4853—4873	Д
23.6. Песня матери Чугдаана — благодарность Кыыс Дэбилийэ, просьба попрощаться с ними — стариками	4874—4909	A_9
23.7. Внутренний монолог Кыыс Дэбилийэ; ее прощание со стариками, случайный поцелуй Чугдаану, отбытие героини в смущении	4910—4958	Д

экспозиции тематических комплексов характерна однородность напевов главного героя и его окружения (обычно — А), нарушаемая появлением контрастных мелодий (В); для разработки конфликта срединного раздела — переплетение тематических комплексов, причем напряжение достигается равенством времени их звучания; после кульминации (окончательная победа героя *айыы*) следует возвращение и утверждение мелодий *айыы*.

По объему олонхо Н.П. Бурнашева "Кыыс Дэбилийэ" — одновечернее. Особенности сюжетосложения отразились на музыкальной композиции, в которой выделяются три раздела:

начальный раздел (экспозиция) — $C\ B_1\ C\ B_2\ C\ C\ B_2\ B_3\ A_1$;

срединный раздел (разработка, развязка) — $A_1\ B_2\ B_3\ A_1\ A_1\ A_2\ A_1\ A_3\ A_1\ A_1\ A\ A_1\ A_1\ A_4\ C_1\ A\ A\ B_4$;

заключительный раздел (реприза) — A A_5 B_3 A A A_6 A A_7 A A A_8 A A_9.

Уникальность эпического текста "Кыыс Дэбилийэ" заключается в том, что характеристику отрицательных персонажей Н.П. Бурнашев начинает перед представлением мелодических образов *айыы*. Обычно же мелодии второстепенных персонажей C появляются и звучат в срединном разделе эпоса. Более того, образ антигероини у Н.П. Бурнашева, в отличие от известных музыковедческих описаний олонхо, далеко не комичен. Вместе с тем, судя по запевным словам, музыкальная характеристика женщины-*абаасы* создавалась Н.П. Бурнашевым в традициях мелодий стиля C.

Из трех воспитанников Сараханы по нормативам олонхо в стиле B должен петь только богатырь Нижнего мира Дыгыйдаан. Однако оба других "сына" антигероини, судя по предваряющим их пение описаниям олонхосута, не изъяснялись на песенном языке *айыы*: он с рождения был им неизвестен. Сам сюжетный мотив воспитания мальчиков *айыы аймага* у *абаасы* традиционен для усть-алданской сказительской школы.

Музыкальная драматургия серединного раздела "Кыыс Дэбилийэ" традиционна. Каноническое же содержание экспозиции воспроизводится в заключительном разделе олонхо: Унаарытта заселяется представителями *айыы аймага*, для них строится жилище и т.д. Незаписанная часть олонхо со вторым поколением героев, судя по краткому ее содержанию, развертывалась Н.П. Бурнашевым традиционно. Виртуозное владение морфологией олонхо, проявленное в "Кыыс Дэбилийэ", свидетельствует и о высоком понимании сказителем механизма создания композиции эпоса и о том, что даже при наличии довольно обширного фонда зафиксированных текстов олонхо нельзя, к сожалению, выяснить корни каждой из сказительских школ. Можно только полагать, что необычное в композиционном отношении олонхо усть-алданского сказителя Н.П. Бурнашева содержит чрезвычайно архаичные мотивы заселения родовых земель (прототип Унаарытта), на которых до *айыы аймага* жили не родственные им племена (возможно, тунгусские). Несмотря на отмечаемую исследователями необычность экспозиции "Кыыс Дэбилийэ", данный памятник, несомненно, типичен в силу его идейно-стилистического соответствия этическим и эстетическим (в том числе музыкальным) нормам якутского героического эпоса.

А.П. Решетникова

ТЕКСТ
И
ПЕРЕВОД

КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ

Былыргы дьыл
Былдьаһыктааҕын-быһылааннааҕын
Быдан анараа өттүгэр,
Урукку күн
Охсуһуулааҕын-оһоллооҕун
Улаҕа өттүгэр,
Ааспыт дьыл
Алдьархайдааҕын-арасхааттааҕын
Анараа таһаатыгар
Саха киһи
Санаата тиийэн
Сабаҕалаан көрбөтөх
Сарыал маҥан халлаана диэн,
Сарыы таҥалай курдук,
Таҥнары тардыллан,
Тараадыйан-тарҕанан,
Айыллыбыт эбит;
Үүттээх-үүчээн эттээх
Үс* биис ууһа,
Үс өргөстөөҕүнэн
Өрө көрөн туран,
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтүн да иһин,
Түөрт эркинин бүдүүлээбэтэх,
Түгэҕин-төрдүн билбэтэх
Дьулусханнаах добун маҥан халлаана диэн,
Тоҥус киһи туут хайыһарын курдук,
Таҥнары иэҕиллэн түһэн,
Дуйданан долгуйан үөскээбит эбит.
Бу айыллыбыт
Арылы халлаан алын өттүгэр
Куордаах эттээх,
Куодаһыннаах уҥуохтаах,
Оһол-охсуһуу доҕордоох,
Иирээн-илбис эҥээрдээх,

КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ

За дальней далью
беспокойно-тревожных
древних лет,
по ту сторону
ратно-бранных
минувших дней,
за невидимой гранью
лиходейно-бедовых
канувших лет
[такое, что] разум человека-якута
постичь-разгадать не может —
таинственно-недоступное
лучезарно-белое небо,
подобно замшевому *тангалаю*,
сверху ниспадая,
расширяясь-растягиваясь,
сотворилось, оказывается;
[такое, что] добрый нрав имеющие
люди трех племен*,
трехлучистый свой взор*
вверх вперив,
внимательно приглядываясь,
четыре его стороны разглядеть не могут*,
ни конца, ни начала его постичь не могут,
такое чистое гладкое белое небо*,
подобно тунгусским лыжам-*туут*,
сверху вниз выгнувшись,
серебристо волнуясь, возникло, оказывается.
Под тем первозданным
светлым и ясным небом,
где двуногие*, бренное тело
и полые кости имеющие,
с ратью-бореньем сдружившиеся,
с распрей-раздором спознавшиеся,

Рингэ мэйиилээх,
Иһэгэй куттаах,
Икки атахтаах үөскээн тэнийдин диэн,
Анысханнаах арҕаа халлааннаах,
Иэйиэхситтээх илин халлааннаах,
Соллонгноох соҕуруу халлааннаах,
Холоруктаах хоту халлааннаах,
Үллэр муора үрүттээх,
Түллэр муора түгэхтээх,
Аллар муора арыннаах,
Эргичийэр муора иэрчэхтээх,
Дэбилийэр муора сиксиктээх*,
Ахтар айыы араҥаччылаах,
Күн айыы күрүөһүлээх,
Араҥас илгэ быйангнаах,
Үрүҥ илгэ үктэллээх,
Элбэх сулус эркиннээх,
Үгүс сулус үрбэлээх*,
Дьэллэнгэ* сулус бэлиэлээх,
Туолбут ый доҕуһуоллаах,
Аламай күн аргыстаах,
Дорҕоон этиҥ арчылаах,
Тоһуттар чаҕылҕан кымньыылаах,
Ахсым ардах ыһыахтаах,
Сугул* куйаас тыыннаах,
Уолан угуттуур уулаах,
Охтон үүнэр мастаах,
Уһун уйгу кэһиилээх,
Сытар хайа сындыыстаах,
Буор хайа модьоҕолоох,
Итии сайын эркиннээх,
Эргичийэр эрэһэ кииннээх,
Төгүрүйэр төрт тулумнаах,
Үктүөлээтэр өҕүллүбэт
Үрдүк мындаалаах,
Кэбиэлээтэр кэйбэлдьийбэт
Кэтит киэлилээх,
Баттыалаатар маталдьыйбат
Бaараҕай таһаалаах,
Аҕыс иилээх-саҕалаах
Алта киспэлээх,
Атааннаах-мөнүөннээх,
Айгырастаах-силиктээх,
Алыгыр-налыгыр
Аан-ийэ дойду диэн
Муостаах-нуоҕайдаах бэргэһэ
Туоһахтатын курдук,

ранимый мозг
и трепетную душу имеющие,
расплодиться должны, —
с прохладно-ветреным западным небом,
с благодатно-добрым восточным небом,
с ненасытно-жадным южным небом,
с буйно-вихревым северным небом,
с волнующейся морской ширью,
с вздымающейся морскою пучиной,
с вздувающейся морскою бездной,
с вертящейся морскою осью,
с безбрежными морскими краями,
с почтенными *айыы* оберегающими,
с солнечными *айыы* опекающими,
с изобильной желтой влагой-*илгэ*,
с щедрой белой влагой-*илгэ*,
окруженная множеством звезд,
стадами бесчисленных звезд,
отметинами редких звезд,
с полной луной, ей сопутствующей,
с ясным солнцем, ее сопровождающим,
с очищающими громовыми раскатами,
с разящими стрелами молний,
с увлажняющими ливневыми дождями,
со знойно-жарким дыханием,
с высыхающими и вновь прибывающими водами,
с падающими и вновь вырастающими деревьями,
с неиссякаемо-щедрыми дарами,
с основанием из пологих гор,
с грядами из земляных гор,
с благодатно-жарким летом,
с вращающейся осью-серединою,
с четырьмя сходящимися сторонами*,
с [такою] высокой твердью,
[что] наступишь — не гнется,
с [таким] необъятным простором,
[что] качнешь — не качнется,
с [такой] необъятной ширью,
[что] надавишь — не прогибается, —
восьмиободная-восьмикрайняя,
с шестью обручами,
с треволнениями-беспокойствами,
в роскошном наряде-убранстве,
безмятежно спокойная
изначальная мать-земля*,
как серебряная бляха-*тусахта*
на рогатой шапке с пером*,

Туналыйан тупсан үөскээбит эбит.
Аҕыс хартыгастаах
Араҥас сабыдал халлааҥҥа
Архааннһал таҥара диэн,
Аатыран сураҕыран,
Ахтылыйан-манталыйан,
Олоруоҕун анараа өттүгэр,
Сир ийэ дойду
Килэдийэр киинигэр
Кириһиэнэй миэрэ* диэн
Килбэччи суоҕуна,
Тоҕус хартыгастаах,
Тобурах тохтооботох
Добун маҥан халлааҥҥа
Ньукуола таҥара диэн
Сураҕыран-суоһаан,
Олоруоҕун анараа өттүгэр,
Үс биис ууһа
Үҥэр таҥара диэни
Өйдөөн-дьүүллээн
Билбэт эрдэҕинэ,
Аҕыс иилээх-саҕалаах
Аан ийэ дойду
Араҥас далбарыгар,
Айыылаах-андаҕардаах
Арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар,
Аан ийэ дойду аҥаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир диэн
Аттаах сир
Ананан айыллыбыт эбит.
Бу Арҕаа Сибиир
Арҕаһын кэҕэтигэр,
Үтүө сир
Үрдүк мындаатыгар,
Туруу дойду
Туйгутуур уорҕатыгар
Туруйа кыыл
Чонойо көтөн
Тулатын булбакка,
Чоҥкуначчы хаһыытаабыт
Туналҕаннаах толоонноох;
Кыталык кыыл
Кырыйа көтөн,
Кытыытын булбакка,
Кыҥкыначчы ытаа́быт

сияя, расцвела-сотворилась, оказывается.
[Когда] на восьмиярусном
распростертом светло-желтом небе
Архангел-*тангара*
величаво-прославленный,
важно ступая,
еще не воссел;
[когда] на самой середине
матери-земли
православной веры
совсем еще не было;
[когда] на девятиярусном
гладко-белом небе,
где грязь-нечисть не удерживается,
Никола-*тангара*,
грозно-прославленный,
еще не воссел;
[когда] люди трех племен
истинного бога
разумом своим
еще не познали,
[тогда] на восьмиободной-восьмикрайней
изначальной матери-земле,
на желтом [благодатном] лоне ее,
под нижним слоем
грешно-заклятого
западного неба,
половину матери-земли занимая,
Западный Сибиир именуемая,
славно-знаменитая страна
была сотворена, оказывается.
На этой [земле] Западный Сибиир,
на самом ее загривке,
на высокой поверхности
прекрасной страны,
на лучшем хребте
родной тверди-земли,
[там, где] журавль,
высоко летая, шею вытянет
и, вокруг границ не найдя,
тревожно закурлычет —
[с такими] лугами необозримыми,
[там, где] стерх,
над землею низко летя,
и, края-конца не найдя,
звучно запричитает —

Кылбаарыйар кырдаллаах,
Улаҕата көстүбэт
Үһун уорҕалаах
Унаарытта Эбэ Хотун диэн
Ааттаах-суоллаах алаас сир
Айыллан үөскээбит эбит.
Уҕалдьылаах тыллаах,
Оһуордаах уостаах
Олоҥхоһут киһи барахсан
Унаарытта Эбэ Хотуну
Оттомноох хараҕынан
Одуулаан көрөн турдаҕына:
Хаамыылаах аты
Харытынан хатыллар
Хампа ньаарсын оттоох эбит,
Сэлиик аты
Нилбэгинэн эриллэр
Сирэм күөх оттоох эбит,
Дьоруо аты
Тобугунан охсуллар
Локуора күөх оттоох эбит,
Сарапааннаах нууччa кыргыттара
Сабаанайдаһан киирэн иһэллэрин курдук,
Сатыы* ыарҕа мастардаах эбит,
Хампа-түрбэ таҥастарын таҥныбыт
Хатын дьахталлар,
Хаҥкыр-хаҥкыр кэпсэтэ-кэпсэтэ,
Хаамсан ханалдьыһан иһэллэрин курдук,
Хатыҥ мастардаах эбит,
Тойот-түһүмэт дьон
Дорҕоон кэпсэтиини тобула туралларын курдук,
Тойон лоҥкур тииттэрдээх эбит,
Сэттэ уоннарын туолбут
Симэхсин эмээхситтэр
Сиэлэн сэгэйэн иһэллэрин курдук,
Сиһии үөт мастардаах эбит,
Туут хайыһардарын анньыммыт
Тоҥус оҕонньотторо
Туораахтаһан киирэн иһэллэрин курдук,
Тоҥ харыйа мастардаах эбит,
Оһуор ойуу таҥастаах
Уончалаах оҕолор мустан
Оонньуу-көрүлүү туралларын курдук,
Лоскуй ойуурдардаах эбит;
Бараммат бараах диэн
Манна сабыытаабыт,
Быстыбат былдьырыыт диэн

[с такими] долами неохватными,
с неоглядно-необозримой,
простирающейся ширью-поверхностью,
Унаарытта Эбэ Хотун называемая,
славно-знаменитая долина-*алаас*
сотворена была, оказывается.
Если с узорно-цветистою речью,
с велеречивыми устами
добрый человек олонхо́сут
к Унаарытта Эбэ Хотун
внимательным оком
присмотрится, [то увидит]:
коню с быстрой поступью
голени опутывающая*
шелковисто-мягкая трава есть у нее, оказывается;
коню с резкой рысью
колени обвивающая*
густая зеленая трава есть у нее, оказывается;
коня-иноходца
по коленям хлещущая
изумрудная трава-*локуора* есть у нее, оказывается;
подобный русским девушкам в сарафанах,
гурьбой идущим,
низкий кустарник есть у нее, оказывается;
подобные статным женщинам
в шелка разодетым,
с ворчливым ропотом
важно шествующим,
березы есть у нее, оказывается;
подобные знатным людям,
остановившимся, чтобы дела обсудить,
величавые лиственницы есть у нее, оказывается;
подобные семидесятилетним
дряхлым старушкам Симэхсин,
трусцой семенящим-бегающим,
красные ивовые деревья есть у нее, оказывается;
подобные тунгусским старцам,
на лыжи вставшим
и врассыпную пустившимся,
мерзлые ели есть у нее, оказывается;
подобные детям-десятилеткам
в узорных одеждах, что сошлись
веселые игры и веселье затеять,
есть колки у нее, оказывается;
стаи несметные турухтанов
здесь собрались,
стаи несчетные куликов

Манна быыгынаабыт,
Кэрээбэт кэҕэ диэн
Манна кэпсээбит,
Өрөөбөт өтөн диэн
Манна үөппүт.
Манныык бэйэлээх баараҕай сир
Дьуларыйар оройугар,
Туйгутуур уорҕатыгар,
Көй киинигэр,
Көмүс ураанныгар
Ким-хайа кэлэн сириэдийбит,
Туох-хайа кэлэн дугуйдаммыт диэтэххэ —
Көмүскэстээх сүрэхтээх,
Көнүлгэ эрэ көҕүйэр
Көхсүттэн тэһииннээх
Күн айыы аймаҕа
Күрүө-хаһаа туттан
Куөлэһийэ ооннььоботох;
Аһыныгас санаалаах,
Алгыска эрэ баҕалаах,
Арҕаһыттан тэһииннээх
Ахтар айыы аймаҕа
Аат ааттаан кэлэн,
Аал уоту оттубатах,
Алтан сэргэни аспатах,
Аар түптэни аҥаарыппатах,
Алаһа дьиэни туттубатах сирэ эбит.
Хоту халлаантан
Холоҥсолоох аймаҕа
Хоро тэбэр
Куоллараан суоллара хорулла илик эбит,
Арҕаа халлаантан
Айаҕымсах аймаҕа
Аһара атыллыыр аартыктара
Арылла илик эбит,
Соҕуруу халлаантан
Соллоҥноох аймаҕа
Суоһаан кэлэр суоллара
Тобулла илик дойдута эбит.
Илин халлаантан
Иэйиэхсит аймаҕа
Иэнигийэн кэлэр сиэллээх ыллыктара
Тэлэллэ илик сирэ эбит.
Хаһааҥҥы кэмнэргэ,
Хайа сахтарга,
Ханныык күннэргэ
Бу уолан бараммат уулаах,

здесь скучились,
неугомонные кукушки
здесь заговорили,
неутомимые горлицы
здесь заворковали.
На такой величаво-прекрасной земле,
на самом ее темени,
на середине ее хребта,
в центре ее пуповины,
посреди серебряного ее чела
кто, благоденствуя,
уединился, спросите?
Отзывчивые сердца имеющее,
только к свободе стремящееся,
с поводьями за спиной*
племя солнечных *айыы*,
загоны-изгороди построив,
вольготно здесь не живет еще;
благие помыслы имеющее,
только к добрым моленьям стремящееся,
с поводьями за плечами
племя почитаемых *айыы*
на зов ее имени сюда не пришло еще,
священный огонь не разжигало еще,
медную коновязь* не ставило еще,
густой дымокур* не разводило еще,
родной дом не возводило еще, оказывается.
Из-под северного неба к этой стране
узкая воровская тропа
зловонных племен
не пролегла еще, оказывается,
из-под западного неба
скверный тернистый путь
прожорливых племен
не был открыт еще, оказывается,
из-под южного неба
напастью грозящая дорога
алчных племен
не была пробита еще, оказывается.
Из-под восточного неба
доброжелательный гостеприимный путь
племен Иэйиэхсит
не был еще проторен, оказывается.
Кто и в какие же времена,
в какие века,
в какие дни
по этим с испаряющимися, но не высыхающими водами,

6 Заказ № 564

Уостан сүппэт уйҕулаах,
Охтон көҕүрээбэт мастаах
Орто туруу дойдум
Улай дьэнкэ толооннорунан
Ооньохолоон аaспыта буолла?
Аҕыс иилээх-саҕалаах
Алыгыр-налыгыр
Аан ийэ дойду
Арангас далбарын,
Айыы майдааннарын
Аамайдаан ааспыта буолла?
Арай, Аллараа
Аҕыс биис ууһун
Ангаарыйар аартаахтарын
Аҕалара буолбут,
Адаҕатын кэппитинэн төрөөбүт,
Арбаҕаһын бүрүммүтүнэн үөскээбит,
Арбыйа тиистээх,
Атара баттахтаах
Арсан Дуолай оҕонньор
Тоҕус соппон уолаттарын тобоҕо,
Аҕыс хахыдал* кыргыттарын ардайа
Түтүм тэллэх,
Түптэ кутурук,
Төгүрүк сыалдьа,
Кыптый сарын,
Кытаҕас тарбах,
Кыһыах тынгырах,
Сарыы тангалай
Сарахана Күүкэнньик диэн,
Матаҕа буорун тэбиир
Мааны кыыһа
Үс күнүстээх түүн
Сүтэн баран төрдүс күнүгэр
Арсан Дуолай аҕатын,
Ингнэли Балай эмээхсин ийэтин
Тус иннилэригэр киирэн туран,
Ыһылла-тоҕулла,
Ыллыы-туойа турбуттааҕа манныга үһү (Сарахана):
"Алаатыгар ини тугуй,
Арсан Дуолай аҕакайыам,
Эчикийэ ини тугуй,
Ингнэли Балай ийэкэйиэм!
Аҕакайтан айыллан,
Албаннаахай айахпын
Атан көрө иликпин!

с неиссякаемо-щедрым изобилием,
с падающими, но не убывающими деревьями,
привольным чистым долам
срединной прочной земли моей,
играя, прошел?
[Кто же] по восьмиободной-восьмикрайней,
безмятежно-спокойной
изначальной матери-земле,
по желтому лону ее,
по священному лику ее,
их потревожив, прошел?
Разве что Нижнего мира
восьми племен
именитых спесивцев
отца-прародителя,
родившегося с колодками на ногах,
появившегося в облезлой дохе,
с зубами, словно ножи-скобели,
с волосами, словно острога,
старика Арсан Дуолая
последыш после девяти уродливых сыновей,
поскребыш после восьми худосочных дочерей*,
[прозванная] Пола с кулачок,
Хвост-дымокур,
Круглый набедренник,
Плечи-ножницы,
Пальцы-клещи,
Ногти-скребки,
Нёбо-замша,
Сарахана Кюкэнньик,
из котомки выбитый прах*,
любимейшая дочь, —
три дня и три ночи
она пропадала, на четвертый день
перед отцом Арсаном Дуолаем,
перед матерью-старухой Ингнэли Балай
появилась-выставилась,
и, горячась-распаляясь,
запела-заголосила
(Сарахана):
"*Алаата*! Ну что же,
Арсан Дуолай, отец мой!
Эчикийэ! Ну что же,
Ингнэли Балай, мать моя!
Отцом сотворенная,
славные уста свои
я не открывала еще!

Ийэлэртэн төрөөммүн,
Эҥин кэриэс тылларбын
Этэн көрө иликпин!
Алаатыгар-улаатыгар,
Иһилликпин, таһыллыкпын!
Холдьуктардаах бэйэкэм
Хоххуллаахтыы турабын!
Тоноҕостоох бэйэкэм
Нуоҕайаахтыы турабын!
Айыылардаах-андаҕардаах
Арҕаа халлаан анныгар
Аттаах үтүө сир баарын
Анаараахтаан ини киирдим.
Икки атах биистэрэ
Иэнигийбэтэх сирэ эбит,
Күн айыы аймаҕа
Күрүөһүлээбэтэх сирэ эбит!
Сылдьыахха-сырыыргыахха
Сылааннынгас сыһыылардаах,
Көтүөлүөххэ-көрүлүөххэ
Көҥдөй иэннээх дойду эбит!
Иһиллигим-таһыллыгым,
Эргиэнигим-урбааныгым!
Оннук үтүө дойдуга
Олохсуйан тахсыахпын
Көҥүллээҥ ини диэхэйдээн,
Көрдөһө ини турабын!
Иһиллигим-таһыллыгым,
Эргиэнигим-урбааныгым!" — диэн баран,
Хоруйу истээри,
Хоодьох гынна,
Хардатын ылаары,
Хаадьах гынна.
Онуоха адаҕатын кэппит,
Арбаҕаһын бүрүммүт
Арсан Дуолай оҕонньор
Былас ордуга түөс ангаара
Күөх чалахай тылын былтангнатан,
Арбыйа хара тииһин
Атынгнатан кэбиһэн баран:
"Улуу күтүөр!
Эчикийэ, эргиэнин-урбаанын,
Иһилин-таһылын,
Иэхэйин-чуохайын
Элбэҕэ бэрт ээ!
Ол Орто дойдуга тахсан,
Уһаты-туора сылдьан,

Матерью рожденная,
заветных слов своих
я не высказала еще!
Алаатыгар-улаатыгар!
Входы-выходы мои!
Я, шейные позвонки имеющая,
голову склоняя, стою!
Я, спинные позвонки имеющая,
стан сгибая, стою!
Под грешно-заклятым
западным небом
расчудесная есть страна,
полюбовавшись ею, я прибыла сюда.
Племя двуногих
землю ту не посетило еще, оказывается,
племя солнечных *айыы*
на землю ту не ступало еще, оказывается!
чтоб пройтись-прогуляться,
гладкие поляны там есть,
чтоб веселиться-резвиться,
ширь необъятная там есть!
Входы-выходы мои!
Верченья-крученья мои!
В той прекрасной стране
поселиться-обосноваться
мне разрешите, прошу я,
вас умоляя, стою я!
Входы-выходы мои!
Верченья-крученья мои!" —
ожидая отклика,
неуклюже вытянулась,
ожидая ответа,
нетерпеливо задергалась.
Тогда в колодки свои обутый,
в облезлую доху свою одетый,
старик Арсан Дуолай,
синий слизистый язык,
длиною в полтора маха, высовывая,
черные зубы свои
обнажил-оскалил:
"О чудовище!
Эчикийэ, верчений-кручений твоих,
входов-выходов твоих,
ликований-восторгов твоих
не слишком ли много?
В Средний мир придя,
вдоль и поперек бродя, пакостя,

Уора-алдьата мэҥийэн,
Улуу буруйуҥ улаатыаҕа!
Аан дойдуга тахсан,
Айыы аймаҕын
Алыс атаҕастаан,
Ат таппат
Айыыҥ-сэмэҥ хаҥыаҕа!
Тоҕус халлаан тойотторо
Ол толугар
Оп-топтоохтук
Олордолорун аата суох;
Аҕыс халлаан аҕалара
Эн айыыҥ иннигэр
Аал уоппутун
Отуннаралларын аата суох,
Күтүр өстөөх,
Тохтоо, болҕой!" — диэн
Оҕонньор киһи
Уорааннаах куолаһынан
Сатаммат тыл диэн
Саба саҥара сыттаҕа.
Онуоха Сарахана Күүкэнньик
Саарыы түһэн баран,
Иннин диэки кимирис,
Кэннин диэки кээдьэс гынан баран:
"Күн дьонун
Күөмчүлүөм суоҕа,
Айыы дьонун
Атаҕастыам суоҕа;
Хороҥ оту
Тоһутуом суоҕа,
Быччыык баһан
Быһа ыстыам суоҕа;
Иэйиэхсит бииһигэр
Эндиэни оҥоруом суоҕа,
Айыыһыт аймаҕар
Айыыны саныам суоҕа", — диэн
Уйан турбат
Суланыытын суланна;
Ат таппат
Андаҕарын андаҕайда.
Онуоха оҕонньордоох эмээхсин:
"Оо, улуу күтүр,
Бэркэ да кэмириннин,
Алыс да андаҕайдыҥ!
Оттон ол
Уолан угуттуур уулаах,

воровством-разбоем занимаясь,
великую вину свою увеличишь!
На изначальную землю придя,
людей племени *айыы*
непомерно обидев,
такие, что и коню тащить не под силу,
пороки-грехи свои умножишь!
Тогда девяти небес владыки,
за то с нас взыскивая,
в безмятежном спокойствии
жить нам не дадут;
восьми небес отцы-прародители,
за прегрешения твои мстя,
священный очаг наш
разжечь не дадут.
О, чудовище,
уймись и подумай!" —
так старик,
считая слова ее дерзкими,
суровым голосом
на нее прикрикнул.
Тогда Сарахана Кююкэнньик,
поколебавшись-подумав,
вдруг вперед подалась,
потом назад откинулась:
"Солнечных людей
не притесню я,
людей *айыы*
не обижу я,
колкую траву
не помну я,
[даже] голову мелкому карасю
не прокушу я,
племени Иэйиэхсит
пакостей не сделаю я,
против племени Айыысыт
греха не замыслю я!"—это сказав,
такой зарок она дала,
что и самой не поднять;
клятвой такой поклялась,
что и коню тащить не под силу.
На это старик со старухой:
"О, чудовище!
Уж очень сильно ты огорчилась!
Уж очень страшно ты поклялась!
Ну что же, [в той стране]
с высыхающими и вновь прибывающими водами,

Охтон үүнэр мастаах
Орто аан дойдуга
Олохсуйан да көрөрүҥ дуу;
Тугу, ханныгы
Иннигэр үрбэлэнэн*,
Кэнҥигэр сэтиилэнэн тахсаргын
Кэпсээ эрэ", — дэһистилэр.
Онуоха:
"Сыдам сырыылаах,
Сылбырҕа атахтаах
Ытык Кыпсыйдаан,
Сарыы таҥалай
Сараһын кулахай
Сайып Кутурук,
Дьиэрэнкэй сырыылаах,
Дьэллик атахтаах
Дибдиэхэй тиҥилэх
Дьэбин Кулахай диэн
Үс утүө кыыскытын
Үрбэлээн биэрдэргит
Үчүгэй буолуо этэ", — диэн
Үнэ-сүктэ турда.
Онуоха оҕонньор:
"Һоорт-татай, оҕолоор!
Көрдьөөтөҕүн баҕас тугун үгүһэй!
Эттэҕиҥ баҕас тугун эриирэй!
Чэ, чэ, оттон,
Матаҕа буорун тэбиир
Тапталлаах мааны
Баар эрэ кыыспыт буоллаҕын!
Ылаттаа даҕаны", — диир.
Дьэ, түөрт абааһы кыыһа
Куочай тэриитэ* купаайкаларын кэтэн,
Ытык тэриитэ ыстааннарын анньынан,
Сут тэриитэ сутуораларын* угунан,
Былыт чалахайа былааттарын
Мылаччы маанан,
Халлаан салаһына хаалтыстарын
Хантаччы эринэн бараннар,
Барбатах балык миинин курҕук,
Бадыа-бүдүө дайдыларыттан* аттанан,
Буспатах мунду миинин курдук,
Борук-сорук дойдуларыттан хоҥнон,
Кэлтэгэй ыйдаах-куннээх
Кэрис бараан сирдэриттэн тэлэһийэн,
Хахайдаах халдьаайыларын хаҥас өттүнэн,

с падающими и вновь вырастающими деревьями,
на Срединной изначальной земле
поселиться попробуй, что ли!
А кого же ты
впереди себя погонишь,
за собой на веревке кого поведешь*,
ну-ка, нам расскажи-поведай!" — сказали.
[Она] на это:
"Шустро бегающую,
С проворными ногами
Ытык Кыпсыйдаан;
С замшевым нёбом
Плутовку-вертунью
Сайып Кутурук;
Вприпрыжку бегающую
С ногами-бродяжками,
С пятами-стукалками
Джэбин Кулахай;
если бы их, этих лучших трех дочерей
отдали, чтоб впереди себя погнать,
то хорошо было бы", — так говоря,
умолять-просить стала.
На это старик:
"*Соорт-татай*, дети!
Запросила-то как много!
Заговорила-то как мудрено!
Ну, так и быть!
Из котомки выбитый прах —
самая что ни на есть
любимая дочь ты наша!
Так и быть, забирай", — сказал.
И четверо девок-*абаасы*
фуфайку из шкуры, снятой с *куочай*, одев,
штаны из шкуры жертвенной скотины надев,
наколенники из шкуры павшей скотины напялив,
платками из облачной слизи,
повойниками подвязавшись,
шейными повязками из небесной слизи
туго обмотавшись,
отправились из сумеречной страны,
что ненаваристой жидкой ухе подобна;
отбыли из мглистой своей страны,
что недоваренной ухе из рыбок-гольянов подобна;
удалились из мрачной своей страны,
где луна и солнце щербатые.
Южный косогор со львами* слева обойдя,

Өксөкүлээх үрүйэлэрин үрүт кырыытынан,
Чиэрбэлээх Килэйэ Хаан кирилиэстэрин
Өрө кинэрийэн,
Чохулаах Чугуйа Хаан суолларын
Өрө дьулуруйан,
Баҕалаах Чаҕыйа Хаан аартыктарын
Өрө дьабыдыйан,
Анна нэлэгэр, үрдэ үмүрүк
Ортотунан дьөлөккөй
Дьөлөрү Хаан аартыгынан
Өрө күөрэйэн,
Улаҕата көстүбэт,
Унуоргута биллибэт
Унаарыйар урсуннаах
Унаарытта Эбэ Хотун
Улуу хочотун
Ураанньыктаах ортотунан
Түөрт абааһы кыыһа
Өрө суодуйан тахсан,
Туруу бараан толоон ортотугар
Тура түстэхтэрэ.
Бу гынан баран
Этэн баран эҕирийиэх иннинэ,
Көрөн баран чыпчылыйыах бэтэрээ өттүгэр,
Ааттаах сир арҕаһын кэҕэтигэр,
Үтүө дойду үрдүк мындаатыгар,
Улуу сир оройун чуоччаҕар
Үрдэ үмүрүк, анна дэлбиһэх
Үс курдуулаах моҥол дьиэни
Туох ханнык иннинэ
Тутта охсон кэбистилэр.
Бу гынан баран
Аал уот оттон,
Алаһа дьиэ тэринэн
Оп-топтоохтук
Олохсуйан кэбистилэр.
Кыптый сарын,
Кытаҕас тарбах,
Кыһыах тыҥырах
Сарахана Күүкэнньик:
"Иэйиэхсит биииһин
Дэли диэлийиэм суоҕа,
Күн дьонун
Төрүт күрүөһүлүөм суоҕа", — диэн
Аҕалаах ийэтигэр туттарбыт
Амырыыннаах андаҕарын
Адьас аахайбатах,

речку с птицей Ексёкю поверху пройдя,
по усыпанному червями крыльцу Килэйэ Хаан
кверху поднявшись,
по усеянной водяными жуками дороге Чугуйа Хаан
вверх взойдя,
по кишащему лягушками проходу Чагыйа Хаан
наверх пробравшись,
по перевалу Джёлёрю Хаан,
снизу широкому, сверху узкому,
а в середине полому,
вверх выскочили;
[в страну] с дальними далями неоглядными,
с краями необозримыми,
с долами в синей дымке,
Унаарытта Эбэ Хотун именуемую,
в ее великую долину,
в самый центр,
четверо девок-*абаасы*,
проворно вверх поднявшись,
в середине уютной поляны
на ноги встали.
А потом
быстрее, чем вымолвив, вновь вдохнешь,
быстрее, чем глянув, глазом моргнешь,
на самом загривке славной страны,
на высокой вершине прекрасной страны,
на макушке великой страны
сверху узкое, снизу широкое
с тремя опоясками большое жилище*
прежде всего
живо соорудили.
А потом
домашний очаг разожгли,
жилище свое обжили,
беззаботно-безмятежно
обосновались-зажили.
Сарахана Кююкэнньик,
Плечи-ножницы,
Пальцы-клещи,
Ногти-скребки,
свои слова "Племена Иэйиэхсит
не побеспокою совсем,
на людей солнечных
не нападу никогда",
страшную свою клятву,
отцу с матерью данную,
забвению предала,

Улуу суланыытын
Туура умнан кээспит —
Үрбэлэнэн кэлбит,
Түргэн сырыылаахтарын,
Түптэ кутуруктарын
Тус иннигэр ыҥырталаан ылан баран:
"Хотуйдаар! Истин эрэ,
Сыыдам сырыылаах,
Сылбырҕа атахтаах
Ытык Кыпсыйдаан кыыс!
Үөһээ үс хартыгастаах
Үүт маҥан халлаан
Үрүт өттүгэр олохтоох
Күн Дьөһөгөй оҕонньор
Күрүө Дьэҥкэ хотуна
Оһоҕостоох буолар
Кэмэ кэрдиитэ
Кэлиэхтээх этэ,
Ону билэн киир!
Эн, Сарыы таҥалай,
Сараһын кулахай,
Сайып Кутуруk кыыс!
Иэйиэхситтээх илин халлаан
Ис энгийэтигэр,
Айыыһыттаах халлаан
Алын кырыытыгар,
Сарыал күн анныгар
Саарыгыран үөскээбит
Саха Саарын Тойон дьахтара
Сабыйа Баай Хотун
Бу күннэргэ
Оһоҕостоох буолуохтаах этэ;
Ону баран билэ охсон кэл!
Оттон эн, дьиэрэҥкэй сырыылаах,
Дьэллик атахтаах,
Дибдиэхэй тиҥилэх
Дьэбин Кулахай кыыс!
Алларaa алдьархайдаах-араллааннаах
Аҕыс биис ууһун
Алын өттүгэр,
Сотууннаан өлбүт
Кур оҕус куолайын
Субуруччу быраxпыт курдук,
Субурҕа хаан аартык
Соҕуруу чанчыгар,
Мүлтүҥнүүр Үөдэн түгэҕэр өтөхтөөх,
Аппаҥныыр аат айаҕар алаастаах

зарок свой великий
совсем позабыла;
быстроногих своих скороходов,
шустроногих своих вертихвосток,
с собой приведенных,
к себе призвала и сказала:
"Девки! Слушайте-ка!
[Ты], шустро бегающая,
с проворными ногами
Ытык Кыпсыйдаан-девка!
У старика Кюн Джёсёгёя,
на трехслойном
бело-молочном небе
обитель имеющего,
супруга Кюрюё Джэнгкэ
тяжестью-бременем
в положенный срок
зачать должна,
иди, разузнай-разведай об этом!
Ты, с замшевым нёбом
Плутовка-вертунья
Девка Сайып Кутурук!
У Саха Саарын Тойона,
на внутренней стороне
восточного неба с Иэйиэхсит,
под нижним краем
неба с Айыысыт,
под восходящим солнцем
избранником живущего,
супруга Сабыйа Баай Хотун
в эти дни
забеременеть должна;
об этом проведав, возвращайся!
А ты, вприпрыжку бегающая,
с ногами-бродяжками,
с пяткой-стукалкой
Девка Джэбин Кулахай!
У старика Ёлюю Ётюмэхтэя,
ниже страны
беспокойно-бедовых
восьми племен живущего,
на южной стороне
кровавой дороги,
подобной в ряд брошенным
вытянутым пищеводам откормленных быков,
от мора погибших,
на дне скользкой Юёдэн жилище имеющего,

Өлүү Өтүмэхтэй оҕонньор
Тимир Тэмэлэкээн эмээхсинэ
Сибилиҥи кэмнэргэ
Хайаан даҕаны
Хат буолбут кэмэ буолуохтаах этэ,
Ону билэ охсон таҕыс эрэ", — диирин кытта,
Үй абааһы кыыһа
Таһырдьа саба сырсан тахсаннар,
Төбөлөрүн чөмчөхтүү туттан баран,
Үрэллэ түспүттэрин
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө,
Үөһээ тахсааччы кыыс
Үс сиринэн туос ала
Уот Моҥой кыыл буолан
Өрө субурус гынан хаалар,
Орто дойдуга барар кыыс
Үс сиринэн таллан эриэн
Хамса буруота буолан,
Соҕотохто унаарыс гынан хаалар,
Аллараа дойдуга айанныыр кыыс
Аҕыс салҕааһыннаах
Өлүү Өтүмэх кыыла буолан,
Аллараа дойдуга таҥнаары санныылыйан түһэр.
Тэҥ да ыраах сиргэ
Тиийэн кэлбиттэрэ биллибэт,
Ордук хоһу ыраах да сирдэргэ
Куоһарсан-куотуһан сылдьыбыттара биллибэт,
Арай биирдэ үс абааһы кыыһа
Дьэбиннээх харахтарын тиэрэ көрөн,
Архахтаах айахтарын аҥаччы атан,
Күөх чалахай тылларын
Түөстэригэр түһэрэн,
Моҥол дьиэлэрин ааныгар
Үһүө тэбис тэҥҥэ кэлэн
Үмүөрүһэ түстүлэр.
Бу гынан баран
Дьиэҕэ көтөн түһэн,
Хотун саҥастарыгар киирэн
Сылдьыбыт сырыыларын,
Булбут солуннарын
Тыл быһаҕаһынан кэпсии,
Тыҥа быһаҕаһынан тыына турдулар.
Үөһээ тахсыбыт кыыс этээри:
"Күн Дьөһөгөй оҕонньор
Күрүө Дьэҥкэ хотуна
Үс ыйдаах оһоҕостоох элбит", — диир,

на разверстой пасти ада *алаас* имеющего,
старуха-жена Тимир Тэмэлэкээҥ
к этому самому времени
непременно-обязательно
забрюхатеть должна,
об этом разузнав, быстрей возвращайся!" — как только сказала,
три девки-*абаасы*,
мигом из дома выскочив,
головы свои вместе соединив,
в разные стороны вдруг рассыпались.
Если внимательно приглядеться,
девка, поднимающаяся в Верхний мир,
в три опояски желто-пегим
огненным Монгой-зверем оборотившись,
вверх взметнулась;
девка, в Средний мир отправляющаяся,
в три опояски пестро-полосатым
дымом курительной трубки оборотившись,
вмиг растаяла;
девка, в Нижний мир спускающаяся,
в восьмисуставного
Ёлюю Ётюмэх-зверя превратившись,
мигом в Нижний мир скользнула.
Неизвестно, из равно ли дальних стран
возвратились они,
неведомо, в разно ли дальних землях,
в быстроте состязаясь, побывали они, —
только вдруг три девки-*абаасы*,
ржавые глаза* скосив-выпучив,
воспаленные рты широко разинув,
синие слизистые языки
до грудей опустив,
у дверей большого дома своего
все трое одновременно
сразу вместе явились.
После этого,
в дом залетев,
хотун тетке* своей
о походах своих,
о новостях, что выведали,
взахлеб, половину слов проглатывая,
спеша-задыхаясь, затараторили.
Девка, в Верхний мир поднимавшаяся:
"Жена старика Кюн Джёсёгёя
госпожа Кюрюё Джэнгкэ
на третьем месяце тяжелая", — сказала.

Орто дойдуга барбыт кыыс этээри:
"Саха Саарын Тойон
Сабыйа Баай Хотуна
Түөрт ыйдаах оһоҕостоох эбит", — диир.
Оттон аллараа киирбит кыыс:
"Өлүү Өтүмэхтэй оҕонньор
Тимир Тэмэлэкээн эмээхсинэ
Биэс ыйдаах ҕат эбит", — диир.
Маны истэн баран,
Сарахана Күүкэнньик:
"Дьэ, биэбэкэлэриэм,
Эдьиийдэрим эрэ буолларгыт,
Хайа да бэйэлээх
Арбах бастаах атыыр ойууну
Адаҕыппытарын да иһин,
Анаардымынаҕыт,
Хайа да бэйэлээх
Дьабыл удаҕаны булан
Таҥхалаппыттарын да иһин
Таайтарымынаҕыт,
Ким да бэйэлээх
Изйиэхсит ичээнин булан
Кэтэппиттэрин да иһин биллэриминэҕит,
Бу үс оҕону,
Ийэттэн түһэллэрин кытта,
Илдьэ киллэрэ охсоорун", — диэтэҕэ.
Итини истээт,
Үс абааһы кыыһа
Үс аан дойду
Оһоҕостоох хотуттарын,
Кэмнэрин кэрдиилэрин
Ыйдарын ырытан,
Хонуктарын болдьоон туранннар,
Үс аҥы бараннар
Харахтааххa көрдөрбөккө,
Кулгаахтааххa иһитиннэрбэккэ,
Ичээҥҥэ биллэрбэккэ,
Үс дойду
Төрүөбүтүнэн оҕолорун
Уоран-талаан аҕалан,
Хотуннарын тус иннигэр
Ууран биэрдилэр.
Хотуннара бу үс оҕону
Сулбу тардан ылан,
Икки айыы оҕотун
Уҥа тимир түһэгэй ньилбэгэр
Көтөҕөн олорон,

Девка, побывавшая в Среднем мире:
"Жена Саха Саарын Тойона
Сабыйа Баай Хотун
четвертый месяц тяжелая", — сказала.
Девка, в Нижний мир спускавшаяся:
"Жена старика Ёлюю Ётюмэхтэя
старуха Тимир Тэмэлэкээн
пятый месяц брюхатая ходит", — сказала.
Услыщав такие вести,
Сарахана Кююкэнньик:
"Ну, мои милые,
коли вы мне сестрицы, [то постарайтесь]:
какого бы могучего
косматого шамана
ни пригласили —
тайно от него;
какую бы всесильную
непорочную *удаган* найдя,
гадать ни заставили —
тайно от нее;
какого бы предсказателя,
богиней Иэйиэхсит оберегаемого,
охранять ни поставили — тайно от него
этих трех детей,
как только из лона матерей появятся,
быстрее сюда доставьте", — сказала.
Это услышав,
три девки-*абаасы*,
у беременных *хотун*
трех стран мира
сроки наступления родов
по месяцам высчитав,
день родин угадав,
на три стороны разошлись;
только что родившихся
детей трех миров —
так что глаза имеющие не увидели,
уши имеющие не услышали,
гадатели не предсказали —
тайно украв-похитив,
прямо перед своей госпожой
положили-представили.
Хотун этих трех детей
проворно взяла-подхватила,
двух детей *айыы*
на правое железное колено
к себе посадив,

Отут бууттаах балтанан
Уҥа эмиийин үлтү сыстаран,
Ону эмнэрэн ииттэ;
Оттон абааһытын уолун
Хаҥас хара түһэгэй ньилбэгэр* олордон,
Хаҥас эмиийин үлтү сыстаран,
Ону чаллыргаччы эмсэхтэтэн ииттэ.
Бу оҕолор туран,
Биир хонон биирдэннилэр,
Икки хонон иккилэннилэр,
Үс хонон үстэннилэр,
Түөрт хонон түөртэннилэр,
Биэс хонон биэс саастарын туолуута,
Хара тыа буллун
Хамыйа тартылар,
Күөх тыа буллун
Көҥү тартылар,
Буур тайаҕы
Муннуттан сиэттилэр,
Хардаҥ эһэни
Сабырҕаҕыттан харбаатылар.
Инньэ гынан,
Сэттэ киһи
Сиэбитин-аһаабытын ордугун
Дэлэбинэ булгунньах саҕаны
Кыстаан хаһаанар уолаттар буоллулар.
Ол курдук олороннор,
Уолаттар күн тура-тура,
Күүстэрэ эбиллэн,
Хонук хонноохторун аайы,
Холлорун этэ хойдон барда.
Уон саастарын туолуутугар,
Дулуҥ бараан үскэллэрэ бөлөнүйдэ,
Ырҕа дьаамнара туолла,
Күүстээх көрүннэннилэр,
Быһый быһыыланнылар.
Биир сарсыарда
Бултаабыт бултарыттан
Буһаран бугуллаан бараннар,
Соҕотох атахтаах
Суодайа хара остуолларын
Тулатыгар мустан,
Хардары-таары хабыалыы,
Утуу-субуу уобалыы,
Аһыы-сии,
Айдаара-аймана олордохторуна,
Үөһээ дойду уола

тридцатипудовой кувалдой
правую грудь свою размягчила
и, к ней детей приложив, кормить стала;
детеныша *абаасы*
на левое черное колено посадив,
левую грудь размягчила
и, давая ее смачно сосать, вскармливать стала.
И вот эти дети
через день — годовалыми,
через два — двухлетними,
через три — трехлетними,
через четыре — четырехлетними стали,
а на пятый день, когда пятилетними стали,
зверей из темных лесов
таскать начали,
зверей из зеленых лесов
в изобилии добывать начали,
матерого лося-самца
за нос [в поводу] водили,
грозного бурого медведя
за загривок хватали.
Так что
и после семи человек
оставалось еды
с огромный холм еще —
такими запасливыми [добытчиками] стали.
Так вот и жили,
день ото дня у парней
сила прибавлялась,
после ночного сна
мышцы рук крепостью наливались,
к десяти годам
тела их мощи исполнились,
предел возмужания наступил,
в сильных молодцев превратились,
быстроногими молодцами стали.
Однажды утром,
когда из добычи мясо сварив,
целую копну нагромоздили
и вокруг одноногого
огромного черного стола
все собрались-сгрудились,
наперебой хватая-глотая,
кусок за куском уминая,
едой насыщаясь,
шумя и галдя, сидели,
вдруг у парня Верхнего мира

Ортолуу аһаан иһэн,
Кыыһырар хаана
Кырыытынан киирдэ,
Уордайар хаана
Ойоҕоһунан киирдэ,
Киил мас курдук
Кэдэриччи тартарда,
Чоруун мас курдук
Чоноруччу тартарда,
Бу гынан баран,
Бүөбэйдээн иитпит ийэтин диэки
Тууспаннааҕынан турулуччу көрөн олорон,
Ыһытыы-хаһытыы,
Ыллыы-туойа олордоҕо
(Үөһээ дойду уола):
"Бууйака! Бууйака!
Иринньэх бэйэбит иитиллэн,
Иҥиирбит силгэбит ситтэ,
Оҕо бэйэбит улаатан,
Холбут этэ хойунна!
Адырыыннаах аартыктары
Арыйсарбыт адаҕыйда,
Тоҕойдоох суоллары
Тобулларбыт буолла,
Бэртэри кытта мэккиһиэхпит,
Үтүөлэри кытта үтүрүһүөхпүт,
Күүстээхтэри кытта күрэхтэһиэхпит,
Аттаахтары кытта аалсыахпыт,
Онон ат кыайан тарпат
Албан дьаһах аппытын
Анаан кулу,
Соноҕос сылгы кыайан уйбат
Суо хаан сурахпытын
Сураан кулу!" — диэн эппитин,
Ийэлэрэ баҕадьы:
"Бу оҕом тугу ханныгы туойар,
Туохтан ханныктан туллайар", — диэн
Баһын түһэҕэр бүк бырааҕан
Истэн олорон,
Былас ордуга түөс аҥаара
Күөх чалахай тылын
Түөһүгэр түһэрэн,
Соҕотох хараҕын өрө
Сойуодуччу көрөн баран,
Саҥа саҥара,
Тыл кэпсии олорбута оннуга үһү

в середине еды-трапезы
сердитая кровь
по бокам заходила,
гневная кровь
по ребрам заклокотала,
словно кренёвое дерево,
станом назад отклонился,
словно крепкое дерево,
телом назад откинулся,
после этого
на мать свою, что его вынянчила,
свирепым взглядом уставившись,
крики-вопли издавая,
заговорил-запел
(Сын Верхнего мира):
"*Бууйака*! *Бууйака*!
Хилыми были — выросли,
жилы-сухожилья окрепли;
малыми детьми были — возмужали,
мышцы рук туго налились!
Тернистые пути-дороги
открывать время настало,
извилистые тропы-дороги
пробивать час настал,
с лучшими поспорить нам,
с отменными столкнуться нам,
с сильнейшими померяться нам,
с именитыми потешиться нам [пора настала],
такие, что и коню не под силу тащить,
прославленные имена наши
назначь-назови нам,
такие, что молодому коню не под силу держать,
громкозвучные славные имена наши
узнай и поведай нам!" — сказал.
Мать-бедолага:
"О чем же это дитя мое говорит-сказывает,
почему и зачем так распаляется?"
Голову к коленям своим наклонив,
внимательно вслушиваясь,
в полторы маха длиною
сине-слизистый свой язык
до груди свесив,
единственным оком вверх уставившись,
зорко вглядываясь,
такие слова молвила,
такими словами заговорила

(Сарахана Кууукэнньик):
"Иhиллигим-таhыллыгым,
Игнэлигим-тангналыгым!
Эминэ туомуйа ини!
Албаннаахай ааттары
Анатаары гынаргыт
Ама алҕас буолуо дуо?
Суо дьэнкэ сураххытын
Чуор сэгэй кулгааххытынан
Истэ ини билгэлээҥ!
Үөhээ дойду оҕото,
Күүстээх-уохтаах
Күн Эрили диэн
Албан дьаhах ааттаргын
Анаатаҕым ини буоллун!
Иhиллигим-таhыллыгым!
Игнэлигим-тангналыгым!
Орто дойду оҕото,
Суо дьэнгкэ сурахайын
Улаан дьаҕыл аттардаах
Ургунньук Баатыр диэн буоллун!
Аллараа дайды оҕото
Алып ини хапсаҕай
Дьиэрбэҥ ини нэнгэрик
Тынгырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө диэн,
Өлбөт-сүппэт үрдүк ааты
Инэрдэҕим буоллун да!
Эчикийэ ини хайа,
Эргиэнигим-урбааныгым!" — диэн,
Ааттарын анаталаан,
Сурахтарын уурталаан баран,
Үөрэн-көтөн үлүмнэhэ,
Аhаан-сиэн сапсырыhа,
Айдаара-куйдаара,
Аймана-саймана олордулар.
Бу олордохторуна,
Орто дойду уола,
Кэпсэтэ олорон, киэр хайыста,
Аhыы олорон, антах хайыста.
Киирэр хаана киирэн,
Киил мас курдук
Кэдэриччи тартарда;
Уордайар хаана
Уолугунан киирэн,
Чуор мутук курдук
Чоноччу тартарда
Кэтэҕинэн истиэнэни лигийдэ,

(Сарахана Кююкэнньик):
Входы-выходы мои!
Колдобины-ухабины мои!
О, всякая всячина моя!
То, что прославленные имена
просите дать вам,
что тут зазорного?
Славные имена свои
открытыми чуткими ушами
слушайте и оценивайте!
Тебя, сына Верхнего мира:
сильный и могучий
Кюн Эрили —
таким славным именем
я нарекаю, да будет так!
Входы-выходы мои!
Колдобины-ухабины мои!
Твое, сын Среднего мира,
грозное имя пусть будет таким:
Ургунньук Баатыр,
владеющий буланым, с [белым] оплечьем конем.
Тебе, сыну Нижнего мира:
лукавый да проворный,
непоседа да легкий
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё — такое
бессмертное высокое имя
присваиваю, да будет так!
Эчикийэ, ну что же!
Крученья-верченья мои!"
После того как именами их нарекла,
славу предначертала им,
все они, безмерно ликуя-радуясь,
стали смачно жрать-уплетать;
вместе галдя-шумя,
возбужденные, продолжали трапезничать.
Когда так сидели,
сын Среднего мира
посреди беседы прочь отвернулся,
во время еды в сторону стал смотреть.
Норовистая кровь его забурлила-взыграла —
подобно креневому дереву
назад откинулся;
злая кровь его
заклокотала в груди —
подобно крепкому суку
он выпрямился,
затылком о стену биться стал,

Баһынан баҕананы кырбаата
Үөһээ уоһа өрө сөтөрүччү тарта,
Аллараа сымыһаҕа аллара сылларыччы тарта.
Бу-ҕынан баран,
Биэбэйдээн иппит
Ийэтин диэки,
Эрэһэлээх үүн тиэрбэһин курдук,
Эриличчи көрөн олорон,
Угул-сигил тыына,
Утуу-субуу саҥара олордо
(Орто дойду уола):
"Бууйака! Бууйака!
Хонноххор хорҕотон иппит
Хотун ийэбиэт!
Этэр тылым эгэлгэтин
Истэн олор эрэ:
Бу бэйэлээх
Күтүр күүстэнэн
Одун уохтанан,
Хаан чаҕаан сэбэрэлэнэн баран,
Халтаҥ ойоҕоспутун халхалыыр
Хара таҥас диэни
Ханан да сыһыарына иликпит,
Хара түүлээх диэни
Харахтыы иликпит,
Үрүҥ түүлээх диэни
Көрө иликпит,
Күүстээҕи кытта күрэхтэһэн көрөр,
Бэрди кытта мэккиһэн көрөр
Кэм кэрдии кэллэ быһыылаах;
Тутуһуохха туруктаах,
Харбаһыахха хапсаҕай,
Күрэстэһиэххэ сөптөөх,
Барҕа баайдаах,
Чөҥөрө далай чүөмпэлээх
Кими-хайаны билэҕин?
Эҕирийиэм иннинэ этэ тарт,
Чыпчылыйыам бэтэрээтинэ тыллыы оҕус!
Эппэт буоллаххына,
Аҕыс уҥуоххун ааҕыахпыт,
Тоҕус уҥуоххун кумалыахпыт,
Чэгиэн эккин сэймэхтиэхпит,
Кыа хааҥҥын тоҕуохпут,
Үрдүгүн үс гына үрэйиэхпит,
Анныгын аҕыс гына хайытыахпыт,
Ортоҕун отут гына оломоттуохпут!"

головою о столб колотиться стал,
верхняя губа вверх оттопырилась,
нижняя губа его вниз отвисла.
После этого
в сторону
вскормившей его матери
глазами, подобными кольцам уздечки,
зорко глядя,
часто-часто дыша,
затараторил-заговорил
(Сын Среднего мира):
"_Буухака_! _Буухака_!
Вскормившая нас, подмышкой оберегавшая,
хотун — мать наша!
В смысл моих слов
вслушайся-вдумайся!
Вот мы, такую уже
дюжую силу,
огромную мощь,
обличье грозное получившие,
голые бока свои одеждой не прикрыли еще:
то, что черной одеждой* зовется,
никогда не напяливали,
то, что черным мехом зовется,
в глаза не видывали,
то, что белым мехом* зовется,
и знать не знаем*.
С сильным посостязаться,
с лучшим поспорить
время настало, видно;
чтобы схватиться — хваткого,
чтобы помериться — ловкого,
чтобы посостязаться — достойного,
изобильным богатством владеющего,
что подобно бездонному омуту, —
знаешь ли ты такого?
Прежде чем вздох сделаю — скорей скажи,
прежде чем глазом моргну — быстрей сообщи!
Если сказать не захочешь,
восемь костей твоих пересчитаем,
девять костей твоих переломаем,
крепкое тело твое растерзаем,
алую кровь твою выльем,
верхнюю часть на три части разделим,
нижнюю часть на восемь частей разрубим,
середину на тридцать кусков раскромсаем!"

Киһи эрэ буоллар ийэлэрэ киһиййдээн,
Соҕотох хараҕын унаарыччы умса көрдө,
Сойуо тумсун умсары тутунна.
Били орто дойдуга суодуйарыгар,
Аан дайдыга тахсарыгар,
Аҕалаах ийэтигэр андаҕайбыт
Амырыыннаах андаҕарын санаата,
Суламмыт суо тылын өйдөөтө;
Аһыы олорон, аһаабат буолла,
Саҥара олорон, саҥатыттан матта.
Кууппэҕэлии түһээт, уолаттар:
"Күтүр өстөөх дөксө,
Бэлэмҥэ бэрдимсийэ,
Тобоххо тутуулана олорон,
Икки-үс тылы
Этэн биэрэрэ баҕалаах", — дэстилэр да,
Көхсүн көбүргэччи тэбиэлээн,
Ойоҕоһун тобургаччы охсуолаан бардылар.
Киһи эрэ буоллар,
Үрүҥ күнэ өлбөөдүйэн,
Маҕан күнэ хараaран,
Үөһүн тартарбыттыы
Өрө чолос гына түһээт,
Субугурдук диэн,
Этэ дьиэһийэ,
Саҥара-сахсылла,
Ыллыы-ыһылла
Олорбута баар этэ
(Сарахана Күүкэнньик):
"Эчикийэ ини, оҕолоор!
Эргиэнигим-урбааныгым,
Иэдээнигим-куодааныгым,
Эминэ ини туомуй!
Арай, ааспыт күннэргэ,
Аҕалардаах ийэбэр
Алталардаах кыыс буолан,
Атаахтаан таранныырбар
Кинилэр ини дьон
Киҥир-ханыр кэпсэтэллэрэ:
Аҕыс иилээх-саҕалаах
Аан ийэ ини дойдуга
Айыыһыттаах халлаан
Алын ини өттүгэр,
Иэйиэхситтээх ини халлаан
Истээнигэ энгийэтигэр,
Аҕыс ахтар Айыысыт
Аартыктарыгар алаһалаах

Каким ни была их мать чудищем —
и она единственный глаз свой потупила,
острый клюв свой вниз опустила.
О слове, которое, в Средний мир отправляясь,
в изначальную страну поднимаясь,
отцу с матерью дала, —
о страшной клятве своей вспомнила,
о твердом зароке своем подумала;
евшая — есть перестала,
говорившая — речи лишилась.
Обождав немного, сыновья [сказали]:
"Экое чудище —
раздобрев на готовом,
объедками пользуясь,
даже два-три словечка еще
сказать нам не желает!" — так говоря,
в спину ее изо всех сил пинать стали,
по ребрам ее заколотили.
И какой она ни была —
светлое солнце [в ее глазах] помутилось,
белое солнце померкло,
будто становую жилу стянуло, —
внезапно выпрямилась
и такими словами
запричитала-зашлась,
разразилась такими речами,
буйно вовсю голося,
запела-заговорила
(Сарахана Кююкэнньик):
"*Эчикийэ*, ребята!
Крученья-верченья мои!
Горести-напасти мои!
О, всякая всячина моя!
Только однажды в минувшие дни,
когда у отца с матерью
росла балованной
шестилетней девчонкой,
слышала я, как они,
тихо беседуя,
[говорили], что на восьмиободной-восьмикрайней
изначальной матери-земле,
под нижним краем
неба с Айыысыт,
под внутренним краем
неба с Иэйиэхсит —
отцом называющий Аджына Баай Тойона,
на перепутье восьми почитаемых *айыы*

Адьына Баай Тойон аҕалаах,
Сэттэ Иэйиэхсит Хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлэрдээх
Эдьинэ Баай Хотун ийэлээх,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕынан торолуйбут
Чугдаан Бухатыыр диэхэйдээн,
Күтүр ини күүстэрдээх,
Барҕа ини баайдардаах
Ураангхай мунутуура,
Киһи ини килбиэннээҕэ
Олорор үһү диэн.
Истиим-билиим диэхэйдээн,
Итинтэн ордук мэлигир.
Ол эрээри, нохойдор,
Унуоххут нулдьаҕай,
Уостаргыт уоһахтаах,
Ол ини киһиэхэҕэ
Утарылаһан да диэн,
Унуоххутун урусхаллатыаххыт,
Кыһыл эккитин кырбастатыаххыт,
Ону бэйэҕит билээхтээн,
Эппэтэҕэ диэйиккитий,
Эргиэнигим-урбааныгым,
Ингнэлигим-тангналыгым!" — диэн
Этэрин аҕай кытта,
Уолаттар ойон туран:
"Ама дуо, доҕоор,
Оттон күүстээх эрэ көрүннээх,
Быһый эрэ быһыылаах,
Аллаах эрэ атахтаах буоллаҕына, —
Аналлаах сорукпут ол буоллаҕа дии!" — дэсиһээт,
Дьиэ оттотун диэки дьирэгэлдьиһэн тиийэннэр,
Эргиллэ хайыһан туран ийэлэрин иннигэр:
"Өлбөт-сүппэт үтүө алгыста
Анаан хаал", — дэһэ турдулар.
Онуоха ийэлэрэ
Соҕотох атаҕынан суодас гына тура түһээт,
Түөһүн тылытттан өтүрү үүнэн тахсыбыт
Соҕотох куорай дапсыыр илиитинэн
Уолаттарын оройдорунан
Үс төгүл куйуурдуу,
Төгүрүччү охсон баран
Саманнык диэн сангалаах буола турбута
(Сарахана Күүкэнньик):
"Иһиллигим-таһыллыгым!
Идээнигим-куудааныгым!

усадьбу свою раскинувшего,
матерью называющий Эджинэ Баай Хотун,
на росстани семерых Иэйиэхсит Хотун
жилище свое устроившую, —
на девять веков-поколений
пышным *ысыахом* прославившийся
Чугдаан Бухатыыр
с неимоверной силою,
с несметным богатством,
из племени *ураангхай* самый лучший,
из людей самый отменный
живет-проживает.
[Вот] что я узнала-услышала,
а кроме того ничего не знаю.
Но все же, ребята,
кости ваши еще не окрепли,
губы ваши еще с молозивом,
против такого человека
не устоять ведь вам,
кости свои переломать,
тела свои искромсать дадите,
об этом сами рассудите-ка,
потом не говорите,что не предупреждала, мол!
Крученья-верченья мои!
Колдобины-ухабины мои!"
Как только [мать] произнесла это,
парни сразу вскочили:
"Ну что ж, друзья,
коли на вид он могучий,
да резвый,
да быстроногий,
то именно он нам и нужен!" — так воскликнув,
на середине жилища вмиг собрались
и, перед матерью встав, в сторону отвернувшись, промолвили:
"Бессмертным-вечным *алгысом*
напутствуй-благослови нас!"
Тогда их мать,
на единственную ногу проворно встав,
единственной загребастой рукою,
из середины груди выросшей,
над макушками парней,
будто сачком [рыболовным],
трижды обведя,
вот такие слова сказала
(Сарахана Кююкэнньик):
"Крученья-верченья мои!
Горести-напасти мои!

Тоҕус ини кулугулаах
Дорҕооннордоох суолларгыт
Очуругар оҕустарыман!
Аҕыс ини хараҕалаах
Аартык ини хатынгныт
Саргыларын саһыарбатын!
Охтоохтортон охтуман,
Саалаахтартан самныман,
Күүстээхтэртэн бүдүрүйүмэн;
Кыһыл хаангна кырааскаланын,
Субай хаангā суунаҕалаан,
Чэгиэн этинэн эмсэхтэниң,
Нохтоллоох тойон сүрэх диэн
Тутум сиргэ чугуруйан,
Толло сылдьар буолаайаҕыт!
Хайҕахтардаах хара быар диэн
Харыс сири халбарыйан
Харааста сылдьар буолаайаҕыт!
Чиркэлдьийэр сис үөһэ диэхэйдээн,
Чиэппэр сири чинэрийэн,
Тэһииркии турар буолаайаҕыт!
Өрөөбүт-түспүт сирдэриккит
Өлөн-сүтэн иһиэхтинэр,
Хоммут-олорбут сирдэргит
Хоронон-баранан барыахтын,
Сыппыт-сынньаммыт сирдэргит
Сытыйан-ымыйан иһиэхтин!
Айыы аймаҕа диэхэйдээн
Амньырайар буолаайаҕыт,
Ураангхай ини ууһа диэн
Уйадыйар буолаайаҕыт,
Киһи бииһэ диэхэйдээн
Кэриэстээхтии сылдьаайаҕыт!
Барыгныыры баратын,
Сүөдэнгниири сүтэрин,
Бэрингниири мэлитиң!
Эргиллэн кэлиигитигэр,
Биэс тарбах биэриитинэн
Биэрээхтиэххит буоллаҕа;
Уон тарбах уунуутунан
Унаахтыаххыт буоллаҕа!
Быдан-быдан дьылларга
Быралыччы бырастыыкай!
Эчикийэ-эчикийэ,
Эргиэнигим-урбаанығым!"
"Ийэбит барахсан
Үтүө алгыһын алҕаата", — диэн,

На неровностях гулких дорог
с девятью преградами
не оступитесь!
Пусть с восьмью запорами
грозный перевал
удачу не прячет!
От владеющих стрелами не падите,
от владеющих луками не повалитесь,
от владеющих силой не пошатнитесь,
красной кровью омойтесь,
в алой крови искупайтесь,
свежим мясом вскормитесь!
Трепетное сердце имеющие,
и на кулак не отступив,
устрашиться не смейте!
Черную печень имеющие,
и на пядь не отойдя,
трусить не смейте!
Становую жилу имеющие,
и на четверть не пятясь,
робеть не смейте!
Пусть в местах, где вы дневали,
смерть поселится,
пусть места, где вы ночевали,
запустеют-исчезнут,
пусть места, где вы отдыхали,
сгинут-скроются!
Если из племени *айыы* будет —
его не жалейте,
из рода *ураангхай* будет —
ему не сочувствуйте,
из человечьего рода, мол, —
не сострадайте!
Все, что движется, истребите,
все, что видимо, уничтожьте,
все, что зримо, на нет изведите!
Когда обратно вернетесь,
все, что пять пальцев дать могут,
мне отдадите, конечно;
все, что десять пальцев протянуть могут,
мне протянете, конечно!
На долгие-долгие годы
крепко простимся!
Эчикийэ-эчикийэ!
Крученья-верченья мои!"
"Мать-то наша, бедняжка,
дельным *алгысом* благословила нас!" — так говоря,

Үөрэн-көтөн,
Өрөйөн-чөрөйөн
Таһырдьа саба сырсан тахсан иһэн,
Орто дойду уола
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр
Эргиллэ хайыһан туран,
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө
Тойон убайыгар
Субу курдук диэн
Ытыыстаах сыҥааҕын ыыра,
Күлүүстээх сыҥааҕын төлөрүтэ,
Амаан өһүн амалыйа турбуттааҕа
(Ургунньук Баатыр):
"Бууйака! Бууйака!
Алып хапсаҕай,
Дьиэрбэҥ нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө
Тойон убайыам!
Адырҕаннаах аартыгы
Арыйарбыт буолла;
Тоҕойдоох суолу
Тобуларбыт кэллэ!
Күүстээхтэри кытта көрсүөхпүт,
Үтүөлэри кытта үтүрүһүөхпүт!
Хаарыан тыыммыт
Хара чоҕочу буолан
Аллара таҥнары санньылыйар,
Үрүҥ тыыммыт
Күдэрик туман буолан,
Өрө көтөр күннэрэ кэллэхтэринэ,
Ыраах да буолларгын чугаһаан,
Чугас да буолларгын баар буолан,
Умса охторбутугар
Оүүспүтүттэн өйөөр,
Иттэни түһэрбитигэр
Кэтэхпититтэн тирээбиллээр!" — диэн.
Онуоха
Тоҕус кырыылаах
Турук хайа курдук
Суорба хаан оһоҕун
Хаҥас чанчыгар олорон,
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө
Күҥкүлээн үрэх тыаһын курдук,
Күөмэйин күрдүргэтэн,
Таас, үрэҕин тыаһын курдук,
Таҥалайын хамсатан,

радуясь-веселясь,
бурно ликуя,
во двор бросились было,
но тут молодец Среднего мира,
Ургунньук Баатыр,
владеющий буланым, с [белым] оплечьем конем,
круто назад повернулся,
Когтистому Дыгыйдаан Бёгё,
почитаемому старшему брату,
вот так:
закрытую челюсть свою открывая,
замкнутую челюсть свою размыкая, —
заветные слова сказал
(Ургунньук Баатыр):
"*Бууйака*! *Бууйака*!
Лукавый да проворный,
непоседа да легкий,
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё,
почитаемый старший братец!
Настала пора открывать
ухабистые пути-дороги;
настал час пробивать
извилистые пути-дороги!
Столкнемся с могучими,
с сильными встретимся!
[Когда] наш жалкий дух,
в черный сальник превращаясь,
вниз ускользать будет,
[Когда] наш белый дух,
в летучий туман превращаясь,
ввысь уноситься будет — дни такие придут,
далеко ли будешь — приблизься,
близко ли будешь — окажись рядом,
ниц падать будем —
за лоб удержи,
навзничь падать будем —
за затылок поддержи!" — так сказал.
На это
сидящий на левой стороне
девятигранной,
словно крутая скала,
громадной почтенной печи
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё,
подобно гулу порожистой реки,
гортанным голосом загрохотал,
подобно шуму каменистой речки,
[языком] о нёбо загремел,

8 Заказ № 564

Баһын иһэ баллыгырыы,
Күөмэйин иһэ куллугуруу
Олорбута манныга үһү
(Дыгыйдаан Бөҕө):
"Нат-татай, оҕолоор,
Алаатыгар эминэ туомуй!
Куордаах эттээх,
Куодаһыннаах унуохтаах,
Иригэ мэйиилээх,
Иһэгэй куттаах,
Иэдьэгэй эттээх,
Икки атахтаахтар,
Бокуйар сөһүөхтээх,
Буоргалды сотолоох,
Босхо бастаах
Бороҥ ураанхай богдолоро!
Ким биэрбит тэтиминэн,
Туох биэрбит тулхатынан,
Хантан ылбыт
Хатан силгэҕитинэн
Сүөл дойду сүүнэлэрин,
Атын сир ааттаахтарын,
Туспа дойду туйгуттарын кытта
Күрэх былдьаһыахпыт,
Күүс холлоһуохпут диэн чабыланар
Чаарыас саҕа
Чаадайдар буоллугут!
Эһиги да сэрэппэтэргит,
Хара тыыҥгыт быстарын,
Халыҥ тириигит хайдарын,
Күнүс буоллар биттэнэн,
Түүн буоллар түһээн,
Билээ инибин, оҕолоор!" — диир.
Уолаттар утаппыт кулун курдук,
Улай* дьэҥкэ ордууларыттан
Уһулута ыстанан тахсаннар,
Үҥкүрүс-күөһэлис гына түстүлэр да,
Сур бөрө буоланнар,
Сундулус гына түһээт.
"Иэйиэхситтээх халлаан
Ис энгийэтэ,
Айыыһыттаах халлаан
Алын тардыыта
Саманан буолаарай", — дэһэннэр,
Тумустарын суптутан,
Кутуруктарын субутан,

в голове его загудело,
в гортани зарокотало,
[раздались] вот такие слова
(Дыгыйдаан Бёгё):
"*Сат-татай*, ребята!
Ну что ж!
С бренным телом,
с полыми костями,
с ранимым мозгом,
с трепетной живою душою,
с нежным телом
двуногие [людишки]
со сгибающимися суставами,
с ногами, ярму подобными,
с вертящеюся головою,
серые *ураангхай*-бедняжки!
Какой, кем дарованной силой,
кем упроченной мощью,
откуда взятыми
закаленными жилами
с могучими из далеких краев,
с именитыми из чужих земель,
с лучшими из других стран
на поединках биться,
силами меряться
похваляетесь вы,
с птичку-чечетку величиной!
Хоть и знать не дадите,
что чёрные души ваши прерываются,
что толстая кожа ваша разрывается, —
если днем это будет, почувствую,
если ночью это будет, во сне увижу —
все равно об этом узнаю, ребята!" — так сказал.
Парни, как жеребята, истомленные жаждой,
из вскормившей их чистой обители
вмиг выскочили,
кувыркнувшись-перевернувшись,
в серых волков превратились,
в струну вытянулись.
"Внутренний край
неба с Иэйиэхсит,
нижняя кромка
неба с Айыысыт —
там, видно, находится!" — так говоря,
морды свои навострили,
хвосты свои вытянули,

Дьангхалаах аартыгы арыйан,
Көмнөхтөөх суолу көтөҕөн,
Кырыалаах ыллыгы ырыйан,
Күөх тыалары өтүрүтэ сүүрдүлэр,
Күрүҥ тыалары курдарыта көттүлэр,
Быллаар сирдэри быһыта атаралаатылар,
Анхай алаастары аһара атыллаатылар,
Тилэхтэрин тыаһыттан
Тэбиэһирэ-тэбиэһирэ тэбинэн истилэр,
Уллунгахтарын уорааныттан
Уйуһуйа-уйуһуйа ойуолаһан истилэр.
Күһүнү үксүөнүнэн,
Кыһыны кырыатынан,
Сааһы садырыынынан,
Сайыны самыырынан билэн,
Өр дуу, өтөр дуу
Айаннаабыттарын бэйэлэрэ билбэтилэр.
Арай биирдэ өйдөөн көөртөрө,
Арангас мындаама хочолоох,
Арыы саһыл кырыстаах,
Ача от ардайдаах,
Алтан от быыстарайдаах,
Аҕыс ахтар айыы
Алгыһа аангнаабыт
Атааннаах-мөнүөннээх,
Алыгыр-налыгыр
Алаас сир ааттааҕын
Арҕаа тардыытыгар кэлэннэр,
Харыс гына түстүлэр.
Бу гынан баран
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүттэрэ:
Бу аҕыс айыы
Алгыһа сатыылаабыт
Атааннаах-мөнүеннээх
Алаас сир ананан айыллыытыгар
Аҕыс халлаан аҕалара,
Тоҕус халлаан тойотторо,
Үрдүк халлаан сүүнэлэрэ
Айыыһыттаах аан дойду
Арангас далбарыгар,
Ача күөх кырсыгар
Абааһы аймаҕа алтахтаатаҕына,
Көстүбэт бииһэ күөлэһийдэҕинэ,
Иэйиэхсит Хотун кэлэйиэҕэ,
Айыыһыт Хотун абарыаҕа диэннэр,
Алаас сир арҕаа баһыгар
Тоҕус сиринэн урааннньыктаах

в ледяных перевалах пути открывая,
в снегу дороги прокладывая,
запорошенные тропы протаптывая,
зеленые леса прямиком пробежали,
лесные гари вмиг проскакали,
холмистые места напрямик перепрыгнули,
глубокие *алаасы* мигом пересекли,
топотом пяток своих подгоняемые,
что есть мочи мчались,
стуком ступней своих подстегиваемые,
во всю прыть неслись;
осень по ненастью,
зиму по снегу,
весну по талой воде,
лето по дождю узнавая,
сколько мчались —
сами не ведали.
Вот раз, оглядевшись, увидели
с золотистыми широкими долинами,
с изобильным мягким покровом,
с клиньями из травы-осоки,
с межами из одуванчиков,
восьми почитаемых божеств-*айыы*
благословением осененный,
треволнениями-беспокойством полный,
безмятежно спокойный,
[самый] славный из *алаасов**,
на западной окраине его
вдруг, как вкопанные, остановились.
После этого
Стали его разглядывать, рассуждая.
Когда восемь божеств-*айыы* сотворили
благословением одаренную,
треволнениями-беспокойствами полную
алаас-страну,
отцы восьми небес,
владыки девяти небес,
повелители высоких небес,
опасаясь, что, на изначальную землю Айыысыт,
на золотистое лоно ее,
на зеленую мягкую поверхность ее
племена *абаасы* ступив,
племена невидимых*, разгулявшись,
Иэйиэхсит Хотун огорчат,
Айыысыт Хотун раздосадуют, мол,
на западной оконечности *алаас*-страны
высокий лысый мыс Джуорсун

Хоҥорой Дьуорсун тумул диэн
Анаан айбыттар эбит;
Ону өйдөөн-дьүүллээн көрдөхтөрүнэ,
Хорпоҕор силистээх,
Куодалаах саастаах,
Хоҥкугур төбөлөөх,
Хоруолаах төрүттээх
Кур тэтиҥ мас,
Хоҥорой Дьуорсун тумул
Ураанньыктаах оройуттан
Уһулу үүнэн тахсыбыт эбит.
Уолаттар субу тэтиҥ
Харыалаах төрдүгэр
Халхаланан* олороннор,
Ханнык бэйэлээх
Халыҥ аймахтаах,
Хараҥа баайдаах дьон
Халхаланан үөскээбит сирдэрэй диэн
Харахтаан көрбүттэрэ, —
Локуората туругурбут,
Ачата аатырбыт,
Бэттиэмэтэ сиппит,
Сирэмэ сириэдийбит,
Алтан от дьарҕаалаах,
Анараата көстүбэт
Алта күннүк усталаах
Аҥаат-муҥаат
Араҥас мындаама хочотугар
Хара харах көрбөтөх,
Хаптаҕай кулгаах истибэтэх
Халыан элбэх
Хара түүлээҕэ
Халтаҥ ойоҕосторунан
Хабырыһан үөскээбиттэр эбит;
Өйдөөх да үтүөтэ
Үксүн-дьүүлүн бүдүүлээбэтэх
Үгүс элбэх
Үрүҥ түүлээҕэ
Үтүруйсэн үөскээбит эбит.
Үөһээ диэки өттүн
Өрүһүйэ баттаан көөртөрө, —
Кыталык кыыл
Кырыйа көтөн,
Кытыытын булбатах
Кылбаарыйар кырдалын
Дьўларыйар оройугар,
Туйгуттуур уорҕатыгар

с белыми отметинами на девяти местах
намеренно сотворили, оказывается.
Если внимательно приглядеться —
с выпирающими корнями,
с растрескавшимся кривым стволом,
с наклоненной вершиною,
с обгорелым комлем
сухостойная осина
на высоком мысе Джуорсун,
на его вершине с отметинами,
ввысь взметнувшись, стоит, оказывается.
Парни, у подножия
этой осины
за обгорелым комлем ее схоронясь,
стали всматриваться:
какое людское племя
с многочисленными сородичами,
с неисчислимым богатством
в этой стране в уединении расплодилось?
[В долине], травой-*локуорой* богатой,
травой луговою обильной,
травой злаковой изобильной,
туком зеленым щедрой,
одуванчиками усеянной,
с такой бескрайней ширью,
что и за шесть дней не проехать, —
в этой широкой-раздольной
золотистой долине
черным глазом невиданное,
плоским ухом неслыханное
несметное множество
черношерстных,
боками соприкасаясь,
расплодилось, оказывается;
даже лучшие из умнейших
разобрать-сосчитать их не смогли бы;
бессчетное множество
белошерстных*,
теснясь, развилось, оказывается.
Поверх долины
быстрым оком глянули:
на сияющей возвышенности,
такой, что стерх,
высоко летая,
конца не найдет,
в самом центре ее,
на прекрасном лоне ее

Үс күннүк сиртэн
Күлүмүрдээн көстөр
Көй уорук,
Күндүл мас балаҕан
Күндээрэн көһүннэ.
Дьиэ таһын эргитэ көрдөхтөрүнэ, —
Алтан сэргэ анньыллыбыт,
Аар түптэ аҥаарыйбыт,
Араҥас чэчир саайыллыбыт,
Кэрэниистии ойуулаах
Кэриэн ымыйа кэккэлээбит,
Туруорута ойуулаах
Чороон айах чуоҕуйбут,
Сири иһит сириэдийбит,
Сиэллээх хамыйах элбээбит;
Хаптаҕай уллуҥахтаах
Халыан элбэҕэ мунньустубут,
Уһаты уллуҥахтаах
Олус үксэ хойдубут,
Үс мөҥүрүк сиргэ
Түөллэн олороннор,
Сиртэн халлааҥҥа тиийэр
Судьу ыһыаҕы сириэдиппиттэр;
Бурайыкы-сарайыкы буһарбыт,
Ходору хоһуун хоторбут,
Үрэйики-сарайыкы үллэрбит,
Дьабыл мэнэрик сэлээрбит,
Атыыр ойу[у]н айхаллаабыт,
Аҥаатта удаҕан алҕаабыт,
Дьэргэстэй ырыаһыт дьиэрэппит,
Омоллоон олоҥхоһут суккуйбут,
Сул бөҕөстөр тустубуттар,
Сыыдам быһыйдар сырсыбыттар,
Кыыратта кылыыһыт кылыйбыт,
Ырыттаҕас ыстаҥаһыт ыстаҥалаабыт.
Маны көрөн баран уолаттар:
"Бу үксэ-дьүүлэ биллибэт
Үрүҥ түүлээхтэн
Өрүһүйэ харбаан,
Ахса-дьаабыта таайыллыбат
Хара түүлээхтэн
Хамыйа тардан ылан,
Хатын ийэбитигэр илдьэн,
Хабыалата оонньоотохо,
Хайдах буолуо этэй?" — дэсиһэн,
Сүүстэрин аалсан сүбэлэһэн,

с расстояния трехдневного перехода заметная,
сверкающая-сияющая
просторная обитель —
светлая деревянная юрта
ясно виднеется.
Подворье окрест осмотрели:
медная коновязь поставлена,
густой дымокур разведен,
желтые березки-*чэчир* вокруг воткнуты;
ступенчатой резьбой украшенные
круговые чаши-*ымыйа* в ряд расставлены,
продольной резьбой украшенные
кубки-*чорооны* выстроились,
кожаные сосуды* скопились,
черпаки с пучками гривы сгрудились;
плоские ступни имеющие*
во множестве собрались,
продольные ступни имеющие*
во множестве скучились;
в трех местах кружками
чинно усевшись,
от земли до небес
великий праздник-*ысыах* устроили;
щедрый варил обильно,
шустрый доставлял расторопно,
бойкий раздавал проворно.
[Тут] припадочные девки кликушествовали,
великий шаман здравицу пел,
величавая *удаган* благословение произносила;
[тут] звонкоголосый певец бойко песню затянул,
велеречивый олонхосут без запинки сказывать стал,
дюжие силачи бороться стали,
быстроногие бегуны состязаться стали,
легконогие *кылыысыты* скакать стали,
длинноногие *ыстангасыты* прыгать стали.
Оглядев все это, парни [сказали]:
"Если б из этих неисчислимых
белошерстных схватить [столько],
сколько успеем,
из несметного множества
черношерстных [столько],
сколько забрать сможем,
и почтенной матери нашей
на закуску преподнести,
каково было бы?" — так говоря,
лбами упершись, посоветовались,

Ойоҕосторун тобулута,
Быртыктарын быһыта имнэнсэн баран,
Уһулута ыстанан ойон турдулар,
Аһыы сылдьар айыыһыт оҕолорун
Ачаахтаах туйахтаахтарын,
Көрүлүү сылдьар
Күн Дьөһөгөй төрүөхтэрин,
Үрүҥ түүлээхтэрин
Хабыллар хаба ортолоругар
Харыс гына түһээт,
Туппуттарын тоҕута охсон,
Сиппиттэрин сиритэ сынньан,
Таппыттарын хайыта дайбаан,
Өлөрөн-өһөрөн үлүмнэтэн,
Сиэн-аһаан сэймэхтээн,
Кыһыл этинэн кырбастанан,
Кыа хаанынан суунаҕалаан
Улай дьэҥкэ толоонҥо
Оонньохолоон киирэн бардылар,
Арангас мындаама хочоҕо
Аамайдаан киирэн бардылар.
Үс күннүк сиртэн
Күлүмүрдээн көстөр
Көй уорук балаҕан
Бастыҥ баһылыга,
Соҕотох тойоно
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругуўрпут
Чугдаан Бухатыыр
Ийэттэн төрөөн баран,
Истибэтэх иэдээнэ эргийбитин,
Аҕаттан айыллан баран,
Анаарбатах алдьархайа арыллыбытын
Эрэһэлээх үүн тиэрбэһин курдугунан
Эриличчи көрөн баран:
"Бар дьоммун мааныылаабакка,
Аймах дьоммун аһаппакка,
Кыргыска киирэн
Кыа хаанынан илгистэрим,
Охсуһууга баран
Улай хаанынан суунаҕалыырым,
Иэйиэхсит да истиитигэр
Кэдирги буолуоҕа,
Айыы да аймаҕын санаатыгар
Алҕас буолуоҕа", — диэн,
Көрөн баран көрбөтөх кэриэтэ,
Истэн баран билбэтэх курдук

под ребра друг друга ткнув,
в пах друг друга двинув, знак подали —
и вдруг [из укрытия] выскочили,
на мирно пасущихся детей Айыысыт,
раздвоенные копыта имеющих,
на весело резвящихся
потомков Кюн Джёсёгёя,
белую шерсть имеющих, набросились,
в самой середине [стад-табунов]
вмиг очутились;
кто в лапы им попадал — крушили,
кого догоняли — терзали,
кого встречали — кромсали;
безжалостно убивая-умерщвляя,
все пожирая-поедая,
кровавые куски разбрасывая,
густой кровью умываясь,
в чистой просторной долине
резвиться стали,
на золотистой ясной поляне
разбой-бесчинство учинили.
С расстояния трехдневного перехода заметной,
сверкающей-сияющей
просторной юрты
главный владыка,
единственный хозяин,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
с тех пор как матерью рожден был,
о такой беде не слыхавший,
с тех пор как отцом сотворен был,
о такой напасти не ведавший,
глазами, подобными кольцам уздечки,
зорко на это глянул.
"[Если], весь свой народ не попотчевав,
родичей своих не угостив,
в бой вступить,
красную кровь пустить,
в драку ввязаться,
алой кровью умыться,
это даже для слуха Иэйиэхсит
горестно будет,
это даже людской памяти
недостойным покажется", — так подумав,
словно [беды] не видя,
словно [о напасти] не слыша,

Бар дьонун маанылаан,
Күнүн дьонун күндүлээн,
Айыытын аймаҕын аһатан,
Көйөргө кымыһынан көхсүлэрин дьэнкэрдэ,
Аарахтаах кымыһынан айахтарын сайҕата,
Саамал кымыһынан санааларын дьэгдьитэ,
Халыҥ хартанан хабыалата,
Суон саалынан уобалата сырытта,
Бу гынан баран
Хара түүлээҕин хайыһан,
Үрүҥ түүлээҕин өнөйөн көрбүтэ —
Сур бөрөлөрө
Суксуруһан үөскээбит субан сүүрүгүн
Үс гыммыт биирин өлөрөн,
Үрүҥ күнү күлүктүүр
Үрдүк булгунньах саҕаны
Өрө кыстаан өрөһөлөөн таһаарбыттар эбит.
Маны көрөн баран
Баҕарахтаан олорор
Бар дьонун иннигэр киирэн,
Икки хараҕын уута
Көмүс чөмчүүк курдук
Мөл-мөл тамалыы-тамалыы,
Ытыыстаах сыҥааҕын ыыра,
Күлүүстээх сыҥааҕын төлөрүтэ,
Амаан өһүн амалыйа,
Угүл-сигил тыына,
Уоһа-тииһэ төртөҥнүү турбута
Саманнык этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Көр бу! Көр бу!
Көхсүттэн тэһииннээх,
Көмүскэстээх сүрэхтээх
Күнүм дьоноо!
"Ханнык тылы дьаҥсайдыҥ,
Туох туһунан туойдуҥ," — диэтэргит,
Бу айыылаах андаҕардаах
Арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар айыллыбыт
Аан ийэ дойду аҥаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир диэн сиргэ,
Алларaa адаҕалаах-арбаҕастаах
Арсан Дуолай оҕонньор
Аччыгый кыыһа Сараҕана Кууккэнньик тахсан,
Саһан саарыгыран,
Тохтоон-дугуйданан,

весь народ свой дальше потчевать стал,
солнечных людей ублажать стал,
сородичей *айыы* угощать стал,
крепким кумысом жажду их утолял,
приправленным кумысом рты их освежал,
свежим кумысом их дух поднимал,
жирную кишку-*харта* в изобилии преподносил,
толстый жир-*саал* щедро предлагал.
После этого
на черношерстных своих обернулся,
на белошерстных своих глянул:
волки серые,
вольно бегающих
треть убив,
белое солнце заслоняющую,
огромному холму равную
высокую кучу из них сложили, оказывается.
Увидев это,
перед народом своим,
сидящим вокруг, он встал,
из обоих глаз его слезы,
словно серебряные бусины,
покатились-закапали,
сжатые челюсти свои разжав,
сомкнутые челюсти свои разомкнув,
заветные слова произнося,
часто-часто дыша,
губами-зубами задвигал,
так сказал
(Чугдаан Бухатыыр):
«Смотрите! Смотрите!
С поводьями за спиной,
с отзывчивыми сердцами
солнечные люди мои!
"Зачем, мол, слова говоришь,
о чем, мол, речь ведешь?" — спросите, [отвечу:]
в эту [землю] — под грешно-заклятым
западным небом,
под нижней кромкой его сотворенную,
половину изначальной матери-земли занимающую,
Западный Сибиир называемую, —
старика Нижнего мира Арсан Дуолая,
в колодках и облезлой дохе родившегося,
младшая дочь Сарахана Кююкэнньик пришла.
Затаившись, [здесь] поселилась,
приютилась-обосновалась,

Кистэнэн-кирийэн олорон
Үс дойду оҕотун уоран,
Эмийин үүтүнэн эмсэхтээн
Иниирдэрин-силгэлэрин ситэрбитэ;
Ол оҕолоруттан
Ортолоох үөһээ дойду оҕолоро
Сур бөрө буолан кэлэннэр,
Субан сүүрүкпүн суйдаан эрэллэр,
Үрүҥ сүүрүкпүн өлөрөн эрэллэр.
Охсуһаммын уодьуганнарын тардыахпын,
Үһүө буолан көмөлөөтөхтөрүнэ,
Үрүт күүспүн өһүлүөхтэрэ,
Алын тирэхпин баһыйыахтара,
Онон муҥур буруоланар,
Быстах ыйаахтанар,
Кэлтэгэй кэскиллэнэр,
Суомах оҥоһууланар,
Суорума суолланар киһи буолаары гынным.
Аһыныгас санаалаах,
Алгыс аргыстаах,
Арҕаһытаан тэһииннээх
Айыым аймаҕаа!
Манньык алдьархайтан
Хайдах арахсарым туһунан
Абыраллаах алгыскы[ты] нан алҕааҥ,
Үтүө сүбэҕитинэн сүбэлээҥ,
Көнө сүрэххитинэн көмөлөһүҥ!" — диэн
Этэрин истэн олороннор, бар дьоно:
"Ээй, эн диэтэх киһи,
Үрдүктэн ыйаахтаах,
Үөһэттэн суруктаах буолбат этиҥ дуо?
Туох кэлэн дулҕабын хамсатыа,
Ким кэлэн кэскилбин кэҕиннэриэ диэн,
Ити үлүгэрдээх ингсэлээх тылын эттэҥий, оҕолоор!
Сибилигин, аһаан тураат,
Сиппиир талаҕынан
Изннэрин таһыйан
Эккирэтэн кээһиэхпит,
Кымньыы буламмыт,
Быһыта сынньан
Кыйдаан кэбиһиэхпит", — дэһистилэр.
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут.
Чуҥдаан Бухатыыр
Иккиһин эргиллэн
Үрүҥ хара сүүрүгүн
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:

прячась-хоронясь, зажила,
детей трех миров выкрала,
молоком своим вскормив,
мускулы-сухожилия их укрепила;
двое из этих выкормышей,
Среднего и Верхнего миров дети,
в серых волков превратившись, прибыли,
вольных бегунцов моих уничтожать стали,
белых бегунцов моих умерщвлять стали.
Если в бой вступив, обуздать их попробую —
все трое они нападут,
верхние силы мои измотают,
нижние опоры мои поколеблют.
Тогда с укороченным дымом*,
с короткой судьбой,
с ущербным уделом,
с печальным жребием,
с несчастной долей человеком стану.
Душу отзывчивую имеющий,
благословениями сопровождаемый,
поводья за спиной имеющий
народ мой!
Благостное пожелание,
добрый совет подайте,
сердцами добрыми поддержите,
чтобы мне от такой напасти
избавиться!» — попросил он.
Услышав это, народ сидящий заговорил:
"Эй, ведь ты человек,
предназначение свыше имеющий,
предначертание сверху имеющий?
Кто же устои твои пошатнуть дерзнет,
кто же удел твой порушить посмеет?
Зачем ужасные слова такие, о люди!
Как только из-за застолья встанем,
ивовыми прутьями
хлеща по спинам,
их (волков) погоним,
плети взяв,
нещадно избивая,
прочь их погоним", — так сказали.
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
во второй раз обернувшись,
на белых и черных своих бегунцов
внимательно поглядел:

Хара түүлээҕиттэн хайыы үйэҕэ
Хайа баттыыр аҥаарын кэриҥин
Хайыта сынньаннар,
Халлааны халхалыыр хайа курдук,
Өрө дьаарыстаан таһаарбыттар.
Маны көрөөт,
Хараҕа уоттанна,
Хаана хамнаата,
Бадьыр-идьир үктэнэн,
Байам-сайам дайбаан,
Ириэнэх буору иэрчэҕэр диэри ибилитэ үктээн,
Тураҥ кырсы тобугар диэри тобулута кэһэн,
Икки табылатын* тыаһа,
Арылыас кус кынатын тыаһын курдук, куһугураан,
Сур бөрөлөр тус инниилэригэр киирэн,
Тура түһэн баран субу курдук диэн
Дьуон-ньаҕыдыйа турбута баар этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Көр бу! Көр бу!
Нохолоор, тохтооҥ! Болҕойуҥ!
Абааһыга иитиллибиккит иһин,
Айыы хаана хааннаах буолуо этигит,
Көстүбэккэ үөскээбиккит иһин,
Күн айыыттан төрүттээх буолуо этигит!
Хайыһан көрдөххүтүнэ, хаан уруугут буолуом,
Эргиллэн көрдөххүтүнэ, эт уруугут буолуом,
Уордайбыккытын омукка уһуутааҥ,
Кыыһырбыккытын кыраайга кыйдааҥ!
Кэскиллээх суолгутун кэспит айыым суоҕа,
Уһун суолгутун оймообут буруйум суоҕа!
Ураанхай удьуора буоллаххыт, уйадыйан кулуҥ!
Айыы саҕыала* буоллаххыт, айыытыйан абыраан!
Кырпаҕа суох дьиэлээхпин,
Төбүрэҕэ суох астаахпын,
Туруктаах остуоллаахпын,
Дьоһуннаах олбохтоохпун,
Киһилии кэпсээн, сахалыы саҥарыҥ,
Сыалыһар быарыныы сымнааҥ,
Үүс-киис тэриитиниии мөлбөйүҥ диэн
Сөһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэбин,
Хаалдыктаах бэйэм хаҥкыйабын,
Тоноҕостоох бэйэм нуоҕайабын!"
Уолаттар өлөрбүтэрин курдук өлөрө,
Сэймэхтээбиттэрин курдук сэймэхтии,
Муспуттарын курдук мунньа сылдьаннар:
"Хайа дайды далай акаарыта
Даллайан турарый, оҕоллор!

черношерстных уже
ровно отсеченную половину
искромсав-изрубив,
гору мяса, заслоняющую небо,
[волки] ярусами вверх взгромоздили.
Когда он увидел это,
глаза его загорелись,
кровь его забурлила,
тяжело ступая,
талую землю до бедер продавливая,
в солончаковую землю до колен погружаясь,
широко руками размахивая,
двумя своими предплечьями,
словно крыльями утки-гоголя, со свистом воздух рассекая,
перед серыми волками
резко остановился,
решительно, гневно заговорил
Чугдаан Бухатыыр):
"*Кёр бу! Кёр бу!*
Нохолоор, остановитесь! Внемлите!
Хоть и вскормила вас мать-*абаасы*,
все же кровь *айыы* течет в вас,
хоть и среди невидимых выросли,
все же от солнечных *айыы* вы происходите!
Если оглянетесь — я окажусь родней вам,
обернетесь — кровным родственником буду,
гнев свой на чужаков обрушьте,
ярость свою вдаль прогоните!
Удачливую вашу тропу я не переступал, греха такого не было,
длинную вашу дорогу я не переходил, вины такой не имею!
Вы ведь потомки *ураангхай*, смягчитесь!
Вы ведь внуки *айыы*, так людской нрав проявите!
Без пылинки-соринки дом у меня,
без накипи-пены снедь у меня,
изобильный стол у меня,
почетное место-сиденье у меня.
Так по-людски молвите, по-якутски заговорите,
как налимья печень, размягчитесь,
как соболий мех, разнежьтесь,
я, суставы имеющий, перед вами колени преклоняю,
я, шею имеющий, перед вами шею склоняю,
я, позвонки имеющий, перед вами спину сгибаю!"
Но парни, как убивали, так и убивать продолжали,
как кромсали, так и кромсать продолжали,
как в кучу клали, так и складывать продолжали.
"Какой же страны безмозглый глупец
перед нами дурнем стоит, ребята!

Сыһыытын ыраастаабыппыт,
Хонуутун дьэнкэрдибиппит
Ама буруйбут буолуо дуо!?" — дэсиһэ-дэсиһэ,
Уоҕура-уоҕура охсо,
Хаһыыра-хаһыыра харбыы турдулар.
Чугдаан Бухатыыр
Кыыһырар хаана кырыытынан киирэн,
Кыынньан барда,
Уордайар хаана ойоҕоһунан киирэн,
Оргуйан барда;
Хардаачччы санаата
Хабарҕатыгар хааттарда,
Өлөрсөр өйө
Көмөгөйүгэр моҕустэ,
Киил мас курдук
Кэдэччи тартарда,
Чоруун мас курдук
Чоноччу тартарда,
Сирэйиттэн-хараҕыттан
Сиэрэ уота* сирдиргии убайда,
Көҕүлүн аһыттан
Күөх уоттар күлүбүрээн таҕыстылар.
Бу гынан баран,
Бокуойа суох ойон тиийэн уолаттары
Кулгаах таастарын охсон,
Кууһуннаран киирэн барда;
Уолаттар тута сылдьар тутуурдарын
Туорута илгэн кэбистилэр да,
Икки өттүгэр кэлэн
Эрэгэпчи талах курдук
Иилистэ түстүлэр,
Этиһии диэн энгинэ онно элбээтэ,
Көбүөлэһии диэн көмөлгөнө онно көбдьүөрдэ,
Охсуһуу диэн улахана онно буолла;
Оройдорун ойбонностулар,
Чэчэгэйдэрин тэһистилэр;
Кыһылларын көрдөхтөрүн ахсын,
Кыдьыгыра-кыдьыгыра кырбаһан истилэр,
Эттэрин көрдөхтөрүн ахсын,
Илбиһирэ-илбиһирэ эттэһэн истилэр,
Хааннарын көрдөхтөрүн ахсын,
Хабырына-хабырына хайыта дайбаһан бардылар;
Сах быһалаана,
Үлүгэр дубдургэнэ
Өлүү сүпсүгэ диэн онно буолла;
Үс түүннээх күн өрөөн-сынньанан көрбөккө,
Тохтор хаан дьуугутун* булбакка,

Поле его мы очистили,
луг его мы освежили,
в этом вина наша, что ли?" — так говоря,
еще больше ярясь, убивать стали,
еще пуще горланя, хватать стали.
У Чугдаана Бухатыыра
сердитая кровь, по бокам заходив,
закипать стала,
гневная кровь, по ребрам заклокотав,
бурлить стала;
яростные слова
в горле его застряли,
неистовые слова
в гортани его забились,
подобно креневому дереву
назад откинулся,
подобно крепкому дереву
гневно выпрямился,
из глаз его
серые искры с треском посыпались,
в гриве волос его
синие искры вспыхнули.
После этого
без промедленья к парням подскочив,
в ухо-висок двинул с размаху,
бить-колотить их стал;
парни то, что в руках держали,
прочь отбросили,
с двух сторон к нему подступив,
как тальниковые лозы,
оплели его, накинувшись;
брань отборная там умножилась,
ругань сильная там раздалась,
драка большая там началась;
по темени гвоздили нещадно,
по вискам дубасили яростно.
На красные раны посмотрят —
еще исступленнее бьются;
на тело искромсанное поглядят —
все яростнее и яростнее рубятся,
льющуюся кровь свою увидят —
все более стервенея, зубами скрипя, сражаются;
дьявольская кутерьма,
бедовая круговерть,
гибельная суета там поднялась.
Три дня и три ночи без перерыва и отдыха,
льющейся крови не замечая,

Сыккырыыр тыын диэн сыанатын аахпакка,
Өлөр тыын диэн дүүлүн өйдөөбөккө
Өлөрсөн бараннар,
Икки уол кэннилэринэн чинэрийэн,
Бэйэ-бэйэлэрин көрсөн турбуттара, —
Халыҥ тириилэрэ хайдыбыт,
Хара хааннара тохтубут,
Чэгиэн эттэрэ сэймэктэммит,
Ийэ куҥнара илдьирийбит,
Сырдык дууһалара быстара
Тыыны кыл саҕа хаалбыт;
Тоҕус тоноҕосторугар
Дугуйданан үөскээбит
Тойон болгуо сүрэхтэрэ
Ойоҕосторун быыһынан охсуолаабыт,
Аҕыс ойоҕосторун быыһыгар
Халхаланан үөскээбит
Хара быардара
Халтаҥ ойоҕосторунан быгыалаабыт,
Өлөр күн диэни дьэ өйдөөтүлэр,
Самнар сах диэни дьэ санаатылар.
Орто дойду уола,
Улаабатах-аһаабатах
Улаан-кулун курдук,
Унаарыччы көрөн туран,
Саманнык диэн саҥа саҥара турбуттааҕа
(орто дойду уола):
"Бууйака! Бууйака!
Алып хапсаҕай,
Дьиэрбэҥ нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө
Тойон убайым!
Этэр тылым эгэлгэтин
Истэ билгэлээ;
Туойар тойугум номоҕун
Толкуйдаа эрэ!
Күүстээххэ түбэстибит,
Күн туллара,
Күһэҥэ быстара,
Күүс кыайтарара
Күһэйэн кэллэ.
Умса охторбутугар
Сүүспүтүттэн өйүөх,
Иттэннэ түһэрбитигэр
Кэтэхпититтэн тирээбиллиэх буоларын.
Дьэ, ыраах да буолларгын чугаһаа,
Чугас да буолларгын баар буол!" — диэн

живой душе цены не ведая,
последнего вздоха меры не чувствуя,
смертным боем бились они;
потом оба парня, назад попятившись,
друг на друга взглянули:
толстая кожа их рассечена,
черная кровь их пролита,
здоровые тела их изранены,
крепкие мышцы их искромсаны,
светлое дыхание их вот-вот прервется,
словно на тонком волоске еле держится;
девятью позвонками-звеньями
схороненные-защищенные
мощные сердца их
меж ребер забились-заколотились,
восьмью ребрами-обручами
окруженные-заслоненные
черные печени их
меж оголенными ребрами обнажились;
что смертный день их пришел, уразумели они,
что гибельный час их настал, поняли.
Парень Среднего мира,
словно некормленный-непоенный
жеребеночек светло-серый,
печальными глазами глядя,
вот такими словам заговорил
(парень Среднего мира):
"*Буухайка! Буухайка!*
Лукавый да проворный,
непоседа да легкий
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё,
почтенный старший братец!
В потаенный смысл моих слов
ты вслушайся,
в сокровенный смысл моей песни
ты вдумайся!
На сильного напоролись мы,
пластинке-*кюн* упасть,
пластинкам-*кюсэнгэ* оборваться*,
силе нашей иссякнуть
время настало;
если ниц падать будем —
за лоб удержать,
если навзничь будем падать —
за затылок поддержать ты обещал.
Если ты далеко — приблизься,
если ты близко — окажись рядом!" —

Бүтэрин аҕай кытта,
Этэн баран эҕирийиэх иннинэ,
Көрөн бараҥ чыпчылыйыах бэтэрээтинэ,
Аллараттан тахсыбыта быркыта биллибэтэ,
Үөһэттэн түспүтэ күдэнэ көстүбэтэ,
Орто дойдуттан кэлбитэ суола биллибэтэ,
Турар бэйэтэ тоҕус саһааннаах,
Олорор бэйэтэ биэс саһааннаах
Тимир килиэ киһи суодас гына түстэ да,
Икки уолу хаҥас куорай далаан ытыһынан
Антах диэки анньыталаан кэбиһээт,
Чугдаан Бухатыыры уҥа бүлгүнүнэн сиксирийэн кээспитэ,
Киһитэ биэс бэчээтинэй сири
Кэннинэн тэйиэкэлээн ти[э]йэн баран,
Өйдөөн-бүдүүлээн көрөн турбута, —
Икки өттүгүттэн таҥнары үүнэн түспүт,
Салаҥ киһи баллардаан оҥорбут
Соҕоох мастарын туруорута аспыт курдук,
Икки бадыыр хара атахтаах эбит;
Ол үөһээ өттүн өрө көрөн таһаардаахха,
Икки эмиийин кэрэтиттэн
Уһулута үүнэн тахсыбыт
Икки куорай далаан ытыстаах
Кулан дьэллик* илиилэрдээх эбит;
Ол үөһэ өттүн өрө көрөн таһаардаахха,
Сыыр быстыбытын курдук
Сылластыгас сымыһахтаах,
Аппа-дьаппа курдук
Амаан-ньамаан айахтаах;
Айаҕын иһин аһара баттаан көрдөххө,
Алта-сэттэ таҥнары баҕыырдаах
Абына-табына тиистэрэ
Ардьаҥнаһан көстөллөр,
Олор анараа өттүлэригэр
Былас ордуга түөс аҥаара
Күөх чалахай тыла
Көбүөхтээн көстөр;
Олор үөһээ өттүлэригэр —
Уот сиэбит уккунньаҕын
Умсары быраҕпыт курдук,
Хара чалахайа саккыраабыт,
Харыалаах таныыта тартаннаабыт
Хара балахай муруннаах эбит,
Ол үөһээ өттүгэр —
Икки чэчэгэйиттэн үөскээбит
Дьэбиннээх дьэс алтан харахтарын
Хайа хайдыбытын курдук

только произнес —
быстрее, чем вымолвив, вновь вдохнешь,
быстрее, чем глянув, глазом моргнешь,
снизу ли выскочил — признаков нет,
упал ли сверху — воздух не шелохнулся,
из Среднего мира ли прибыл — следов не видать —
в полный рост девяти саженей,
а сидя пяти саженей
железный человек вдруг появился,
двух парней левой загребистой ладонью
в сторону прочь оттолкнув,
Чугдаан Бухатыыра правым плечом так двинул,
что тот, на пять печатных саженей
назад отлетев, попятился
и внимательно пригляделся:
из двух его бедер вниз растущие,
будто неумелым человеком грубо отесанные
деревянные песты, что торчмя торчат,
две мощные черные ноги у него;
выше глаза поднял и присмотрелся:
из середины грудных сосцов растущие,
вдаль простирающиеся,
с двумя загребистыми широкими ладонями
беспокойные руки у него;
если выше еще взор поднять —
будто пригорок-оползень оторвавшийся,
отвислая нижняя губа у него;
будто ложбина-расщелина,
безобразный рот-впадина у него;
если в рот его заглянуть —
шесть или семь книзу загнутых
редких зубов
там и сям торчат-виднеются,
если поглубже еще заглянуть —
длиною в полторы маховых сажени
сине-слизистый язык,
колыхаясь-зыбясь, виднеется;
а поверх всего —
на выброшенное полено,
обгорелое полено похожий,
черной слизью капающий,
грязный черный нос
черные ноздри свои раздувает;
а выше этого —
около двух висков угнездившиеся,
ржавые красно-медные глаза,
будто из расщелины гор,

Хаһылыччы көрбүт эбит,
Ол үөһээ өттүгэр
Үс-түөрт чүүччү курдук кыламаннара
Таҥнары үүнэн түспүттэр,
Дьааҥы болбуктатын
Таҥнарыта тамнааттаабыт курдук
Абына-табына баттахтара
Тимир иччигэн курдук
Төттөрүтэ эриллэн үүммүттэр эбит.
Үс илии түүнүктээх сүүстээх,
Сэттэ илии кирдээх сэҥийэлээх,
Алта илии ардахтаах ньуурдаах,
Саллар сааһыгар
Удьаа уунан улаан ньуурун
Оҥунуохтаан көрбөтөх,
Кирээстээх сирэйин
Сил саҕа ниччэҕэйинэн
Илитинэн көрбөтөх
Улуу күтүр
Утары көрөн турар эбит.
Бу гынан баран,
Күҥкүлээн үрэх
Күрүлгэнин тыаһын курдук
Күөмэйин көбүөхтэттэ,
Таас үрэҕин чаргытын тыаһыныы
Таҥалайын хамсатта;
Сыыр быстыбытын курдук,
Сымыһаҕын сыллаҥнатан,
Аппа-дьаппа курдук
Айаҕын аппаҥнатан,
Ымдаан эркин ырыа ыллаан,
Ыыспалаан киирэн барда,
Дьуон-дьайаан тойук туойан,
Дойҕохтоон киирэн барда
(Дыгыйдаан Бөҕө):
"Нат-татай, оҕолоор!
Алаатыгар эминэ туомуй!
Унньуххай саҥаалаах,
Уһаты уллуҥахтаах,
Улаан ньуурдаах,
Уу дугуй сөһүөхтээх
Урааҥхай богдолорун да!
Иккиэ буолан баран,
Биир идьэгэй эттээх,
Иһэгэй куттаах,
Ириҥэ мэйиилээх,

из глубины зло глядят, оказывается;
поверх же них —
три-четыре ресницы, на долота похожие,
вниз опустившись, выросли;
будто горный стланик-кедрач,
в беспорядке разбросанный,
редкие волосы,
как витая железная проволока,
на концах в кольца закручиваясь, выросли;
[шириною] в три пальца заплесневелый лоб у него,
в семь пальцев грязью покрытый подбородок у него,
в шесть пальцев закоптелое лицо у него.
За весь свой век
серый лик ковшом воды
ни разу не смочившее,
грязное лицо свое
влагой даже плевка
ни разу не протеревшее
великое чудище,
на него уставившись, стоит, оказывается.
После этого —
будто гул потока
реки порожистой —
гортанным голосом грохоча,
будто шум переката реки каменистой,
клекот нёбом своим издавая,
будто оторвавшийся пригорок-оползень,
нижнюю губу свою оттопыривая,
будто ложбина-расщелина,
пасть свою разевая,
нескладную песню запел-завел,
сквернословить-браниться стал,
несуразную песнь-*тойук* затянул,
неуместные речи стал говорить
(Дыгыйдаан Бёгё):
"*Сат-татай*, ребята!
Что за напасть такая!
С тягуче-долгими мыслями,
с продольными ступнями,
со светлыми лицами,
с водянисто-гибкими суставами
ураангхайцы-бедняжки!
Хотя вас и двое,
а одного, с нежным телом,
с трепетной душой,
с ранимым мозгом,

Икки атахтаах үүчээнин
Кыайбакка турбут
Кыһыгытын, оҕолоор!
Хата, мин диэтэх киһи хайдах курдук
Харбаан ылан, халтаҥ ойоҕоһунан
Хара буорга хаптаччы бырахан,
Халыҥ куҥун хайыта,
Хара хаанын кэһэ ооннньуурбун
Халбарыччы соҕус туран
Харахтаан туруҥ, нокойдоор!
Ни-һи-һа-һа-һа-һаах!" — диэтэ да,
Буордаах лаппаакы курдук
Куорай далаан ытыһын
Хопполуу тутан
Уммутунан барыытыгар,
Халыан санаалара
Хабарҕаларыгар хаайтаран,
Күтүр өһүөннэрэ
Күөмэйдэригэр мөхсөн,
Удурҕаччы санаалара
Уолуктарыгар тууллайан,
Киил мас курдук,
Кэдэриччи тартаран,
Чуор мутук курдук,
Чонорҕччу тартаран,
Ураанныктаах Хоҥорой Дьуорсун тумулга
Тутуспутунан өрө сүүрэн тахсаннар,
Хатааһыннааҕы халҕан тыаһын курдук,
Халтаҥ өрөҕөлөрүнэн
Хап гына хатанса түһээт,
Хаһытаһа-хаһытаһа
Халбарытыһан бардылар,
Үөгүлэһэ-үөгүлэһэ
Өттүктэһэн истилэр,
Охсолорун дьуугутун толкуйун булбатылар,
Дайбаһалларын дьаабытын ахсаанын аахпатылар,
Орой бөҕөнү ойбонноһо оонньоотулар,
Чэчэгэй бөҕөнү тэсиһэн истилэр.
Холлоҕоһунан холобурдаах
Холонсолоох сыт таҥнары суккуллубут,
Чабычаҕынан бадахтаах
Дьаардаах сыт сабыта биэртэлээбит,
Ыаҕаһынан кэрингнээх
Ылаах сыт таҥнары ыыспалаабыт.
Үрүҥ сүүрүктэрэ
Үрэх бастарын ахсын
Үргэн-көтөн,

хлипкого двуногого
не смогли одолеть-победить —
вот досада, ребята!
Зато я, удалец-молодец,
схвачу его за голые ребра,
на черную землю ничком брошу,
толстую мякоть его кромсать буду,
по черной крови его, играючи, бродить буду;
в сторону отойдите
и поглазейте-ка, парни!
Ха-ха, ха-ха-ха-хаах!" — так прогоготав,
подобные грязным лопатам
загребистые широкие ладони
ковшами держа,
[к Чугдаан Бухатыыру] подбираться стал.
Тут яростные мысли
в горле затрепетали,
свирепая злоба
в гортани забилась,
лютые мысли
в кадыке застряли;
подобно креневому дереву
назад откинувшись,
подобно крепкому суку
гневно выпрямившись,
на лысый мыс Хонгорой Джуорсун,
друг с другом сцепившись, взбежали,
подобно гулкому хлопанью двери в стужу*,
жилистые их животы
друг с другом сшиблись,
зычно крича,
друг друга толкать начали,
вопя и ревя,
[друг друга] через бедро бросать начали*,
не задумываясь, наносили удары,
били, не считая ударов,
по темени друг друга колотили нещадно,
по вискам друг друга гвоздили безжалостно,
Будто из берестяного бочонка* выпущенная,
вонь разносилась,
будто из кожаной чаши выплеснутый,
смрадный дух растекался,
будто из берестяных ведер* вылитый,
едкий запах распространялся.
Белые бегунцы от этого
по верховьям речек,
испугавшись, врассыпную

Үөстэрэ быстарынан,
Үлтү үүрүллэн
Үрүө-тараа сырыстылар,
Хара сүүрүктэрэ
Хараҥа тыалар
Халыҥ систэрин ахсын
Халыарыйан-халыһыйан,
Хастыы хамыллан
Харбаһа турдулар;
Көмүс хатырыктаахтар
Күөх далай түгэҕэр түстүлэр,
Көтөр кынаттаахтар
Күндүл халлаан өрөһөтүгэр көртүлэр.
Били ыһыахха мунньустубут
Халыҥ аймахтар,
Суон сэриилэр*
Тоҕус тоноҕосторугар
Дугуйданан үөскээбит
Тойон сүрэхтэрэ толугуруу мөҕөн,
Күннүк сиртэн
Күлүмүрдээн көстөр
Көй уорук дьиэ
Туолбут ый курдук
Томтойо үллүөр диэри
Үлтү симиллэн баран,
Бэртэрэ биллириккэ симилиннэ,
Хоһууннара хотоҥҥо хорҕойдо,
Үтүөлэрэ үгэххэ сөрүөһүннэ.
Бу дьон охсуспут обуннарыгар,
Сах кыыһа батыһа сылдьан часкыйда,
Илбис Кыыһа эккирэтэ сылдьан иэхэйдээтэ,
Оһол Уола ойоҕолуу сылдьан чуохайдаата,
Үөдэн кыыһа үс өттүлэринэн үөгүлээтэ;
Быстар эт былаанын билбэтилэр,
Хайдар күн харыһыгын санаабатылар,
Тохтор хаан дьуугутун булбатылар.
Хааннарын көрө-көрө халыарыйан,
Кыһылларын көрө-көрө кыынньан,
Тоҕус түүннээх күн
Тохтообокко-уурайбакка
Торгоһон* удьуганнарын тутуһа,
Тор тэһииннэрин тардыһа тураннар,
Тоҕус төгүрүк суукка томтойо туолуутугар
Чугдаан Бухатыыр чугурус гынан
Үтүө сэбэрэтин өҥөнөн көрбүтэ:
Халыҥ тэриитэ хайдыбыт,
Харт тамана быстыбыт,

что есть мочи пустились,
страхом гонимые,
в разные стороны разбежались;
черные бегунцы
по дремучим дебрям
темного леса,
бешено скача,
друг друга перегоняя,
всем гуртом прочь умчались;
серебристую чешую имеющие
в глубь синей пучины спустились,
крылья имеющие
к светлому поднебесью поднялись.
У всех на *ысыахе* собравшихся,
у тьмы сородичей,
у множества людей,
за девятью позвонками-звеньями
схороненное-защищенное
плотное сердце от страха затрепетало,
с расстояния дневного перехода
ясно видимый
просторный дом их,
как полная луна,
заметен стал —
столько [народу] битком набилось в него;
лучшие под лавки забились,
ловкие в хлеву попрятались,
знатные в чуланы схоронились.
Ярости схватки этих людей вторя,
дьявола дочь, по пятам их следуя, визжала,
Илбис Кыыса, за ними мчась, радовалась,
Осол Уола, со стороны наблюдая, ликовал,
дочь преисподней, с трех сторон облетая, орала.
Изрубленного тела боли не чувствовали,
о защите израненной плоти не думали,
льющейся крови конца не ведали.
На кровь свою глянув — пуще того стервенея,
на красное месиво глянув — в ярость впадая,
девять дней и ночей
без передышки бились,
в гневе друг друга одолеть пытались,
за крепкие поводья друг друга перетянуть старались,
К исходу девятых суток
Чугдаан Бухатыыр, назад отступив,
доброе тело свое оглядел:
толстая кожа его изрублена,
плотный жир его истощился,

Хара хаана тохтубут,
Иэдьэгэй этэ сэймэктэммит,
Ийэ куҥа илдьирийбит,
Тымырдарын ахсыттан
Тыһы кыл курдук
Сылаас хаана тыргыллыбыт,
Күүстээх иҥиирдэрэ өһүллүбүт,
Чэгиэн силгэлэрэ эмсэҕэлээбит.
Маны көрөн баран
Кэннинэн үс саһаан сири
Төртөрү буурдаан баран,
Субу курдук диэн
Көмөлгөнноөх куөмэйин көбүөхтэтэ,
Күлүүстээх сынгааҕын төлөрүтэ,
Хоммут уоһун
Хоһоонун холобурдуу турбута баар этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Дьэ, бу, нохолоор!
Үрүт күүһүм мөлтөөтө диэммин
Өттүгэстээн биэрэри өйдөөбөккө турабын!
Сындааһын бөҕөм сыппаата диэммин
Сытан биэрэри сыаналаабакка турабын!
Бу сэттэ биттэхтээх
Сир ийэ дойдум
Ачалаах-дьарҕаалаах,
Айыылаах-алгыстаах
Араҥас далбарыгар
Албан аатым алдьанар,
Аҕыс мүһэбин арааттарар гына
Айыллыбатах аналлаахпын!
Онон аны биирдэ
Аныгы ый кыһыл туолуутун саҕана
Күөн көрсөргө,
Күрэх* былдьаһарга,
Соҕуруу суруктаах халлаан улаҕа өттүгэр,
Содуомнаах халлаан алыҥ кырыытыгар,
Сордоох халлаан бэтэрээ өттүгэр
Бухатыыр охсуһар
Буолак хайата баар,
Ол хайа оһоллоох состуойуогар,
Кыргыстаах кырпаайка сырайыгар,
Нөрүөн көрсүөхпүт,
Күүс холодоһуохпут,
Онуоха диэри
Быдан үлүгэр бырастыый буоллун!" — диэбитигэр
Абааһы уола амаан-ньамаан айаҕын атан
Алларастаан кээһэн баран:

черная кровь его истекает,
нежное тело его искромсано,
мягкая плоть его истерзана,
из каждой жилки,
тонкой, как волосок,
теплая кровь струйкой льется,
мощные сухожилия его изодраны,
крепкие связки его порваны.
Увидев все это,
назад на три сажени
он отскочил-отпрыгнул
и вот так —
сомкнутые челюсти свои раздвигая,
молчавшие уста открывая,
песню заводя-запевая,
могучим голосом заговорил
(Чугдаан Бухатыыр):
"Ну вот, парни!
Хоть верхние силы мои ослабли,
свалиться на бок перед вами и не подумаю!
Хоть мощь сухожилий моих ослабла,
распластаться перед вами не собираюсь!
Вот на этой с семью скрепами
матери-земле, в стране моей,
на ее травянисто-цветущем
божественно-благословенном
золотистом лоне-раздолье
славное имя мое сокрушиться,
на восемь частей тело мое расчлениться не может —
не такая судьба мне предназначена!
Потому-то еще раз
при следующем красном полнолунии*
друг с другом встретимся,
на поединках силой померимся,
по ту сторону южного расписного неба,
у нижнего края беспокойно-буйного неба,
по эту сторону мрачного неба,
где находится гора Буолак,
для богатырских битв предназначенная,
на злополучной вершине той скалы,
на открытом поле для поединков
друг с другом грудью сойдемся,
друг с другом силой померимся,
а до того
на долгое время прощайте!" — сказал он.
Сын *абаасы*, безобразный рот свой разинув,
громким смехом разразился:

"Алаата, оҕолоор!
Чэ, чэ, буоллун даҕаны!
Син үрдүктэн ыйаахтаах,
Үөһэттэн төлкөлөөх
Үүчээҕи* буоллаҕа,
Сааһын сиппит,
Холун этэ хойдон бүппүт киһи
Ол икки ардыгар
Ким биэрбитинэн эбиллэн,
Туох биэрбитинэн туруктанан кэлэр үһүө;
Хата ыйгын-күнгүн кытта бырастыылас,
Аан дойдугун да харахтаа!" — дии-дии,
Кыайбыт-хоппут быһыынан кыапчас гынна,
Дьулаппыт-толуннарбыт быһыынан суодас гынна.
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр
Сүөм түһэн,
Харыс хаалан,
Үрүт күүһэ өһүллэн,
Алын тирэҕэ салыбыраан
Күннүк сиртэн
Кулумурдээн көстөр
Көй уорук дьиэтин диэки
Унньук-санньык дайбыы,
Уоку-суоку хаама турбута.
Орто дойду уола
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр
Аҕыс айыыһыт хатыттар
Айаннарын аартыгар алаһалаах
Адьына Баай Тойон оҕонньор,
Сэттэ иэйиэхсит хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун
Көрдөр харахтарын дьуккэтин,
Көтүрдэр тиистэрин миилэтин,
Хара дьиэлэрин харангаччытын,
Сырдык дьиэлэрин сыдьаайын,
Үрүҥ дьиэлэрин үрүмэччитин,
Таҥас бүтэй тамана сандаарбыт,
Эт бүтэй унуоҕа туртайбыт,
Уҥуох бүтэй силиитэ дьэҥкэрбит,
Былыттаах күн
Былаҕай былдьыа диэн
Быктаран көрбөтөх,

"*Алаата*, ребята!
Ну вот, пусть так и будет!
Как никак ведь ты — человечек,
предначертание свыше имеющий,
предназначенье сверху имеющий,
возмужалых лет достиг ты уже,
мышцы плеч и рук твоих окрепли давно,
как же ты за такой короткий срок
подобную силу обретешь,
подобной стойкости наберешься?
Так что со своими солнцем-луной попрощайся, на изначальную
землю свою [в последний раз] взгляни!" — так сказав,
возгордился, будто уже сокрушил,
возомнил о себе, будто уже победил.
На девять веков-поколений
пышным *ысыахом* прославившийся
Чугдаан Бухатыыр,
на вершок ниже став,
на пядь укоротившись,
верхние силы свои истратив,
в нижних опорах дрожь чувствуя,
к просторному своему дому,
с расстояния дневного перехода
ясно видимому,
еле-еле руками,
едва-едва ноги передвигая, побрел.
[Между тем] сын Среднего мира
Ургунньук Баатыр,
владеющий буланым с [белым] оплечьем конем,
у старика Аджына Баайа,
на перепутье восьми Айыысыт Хатун
усадьбу свою раскинувшего,
у Эджинэ Хотун,
на росстани семи Иэйиэхсит Хотун
жилище свое устроившей,
зеницу их глаз видящих,
десну их зубов выпадающих,
ласточку их черного дома,
сияние их светлого дома,
мотылька их белого дома,
у которой тело сквозь одежду светлеет,
сквозь тело кости белеют,
сквозь кости мозг просвечивает,
которую в пасмурный день
наружу не показывали,
чтоб нечистый ее не похитил,

10 Заказ № 564

Кунньээх халлаанҥа
Көмүс субата көлбөҕүрүө диэн
Көрдөрөн көрбөтөх,
Тоҕус хос чуллурууттаах чуулаанҥа,
Аҕыс хос аарыма ампаарга,
Сэттэ хос ситэри кириэппэскэ,
Кистээн-кичэмэлээн,
Баттаан-саһыаран ииппит,
Хамыйаҕынан бадахтаах хаан инҥнээх
Хаанчылаан Куо диэн
Матаҕа буорун тэбиир
Мааны кыыстарын
Дэлэгэй буолан диэлийэн,
Былаҕай буолан былдьаан,
Кулгаахтаахха иһитиннэрбэккэ,
Харахтаахха көрдөрбөккө,
Убайа тииййэн иннинэ уора охсон ылан
Холонсолоох хонноҕор укта охсубут эбит.
Бу гынан баран
Үс уолаттар өлөттөөбүт үрүҥ сүүрүктэриттэн,
Тааҕылаах убаһаны хаалларбакка,
Толугурдаах торбоһу ордорбокко,
Хастыы хамыйан ыланнар
Саар булгунньах саҕаны
Санныларыгар сүгүтэлээн,
Айыылаах-андаҕардаах арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар
Алаһа дьиэбит, аал уоппут,
Хатын ийэбит саманан буолуо диэн
Тус арҕаа диэки тоҕо кудулуйан,
Тохтон-суоруйан түһэ турбуттара.
Чугдаан Бухатыыр
Күүстээх санаата көҕүрээн,
Модун санаата бохтоон,
Ахсым санаата аччаан,
Туллук кыыл таба тэбиммэтэх
Дьулусханнаах тусаһатын туораан,
Күндүл мас күүлэтигэр киирэн,
Аарыктаах аанын арыйа баттаан,
Дьиппиэһиннээх дь[и]элин* тэлэйэ тардан,
Көмүс ордуутугар көтөн түспүтэ, —
Адьына Баай Тойон
Кэтэҕэриин оронгно
Үүс-киис кыыл тэриитэ өлбүргэлээх
Үрдүк нуоҕайдаах
Чомпой бэргэһэтин умса уурунан,

в ясную погоду
во двор не выводили,
чтоб серебряный лик ее не потускнел,
в потайном девятислойном чулане,
в просторном восьмислойном амбаре,
в неприступной семислойной крепости
в глубокой тайне-скрытости
спрятанную-вскормленную,
с румянцем, как кровь в ковше,
Хаанчылаан Куо,
любимейшую дочь,
из котомки выбитый прах — последыша,
бесовским чародейством окутав,
незримым ведовством укрыв, —
так что уши имеющие — не услышали,
глаза имеющие — не увидели, —
до прихода старшего брата успел похитить,
за вонючую пазуху уже засунул, оказывается.
После этого
трое парней, из убитых ими белых бегунцов
даже паршивого жеребенка не оставив,
шелудивого теленка не бросив,
все начисто подобрали,
ношу размером с огромный холм
взвалив на свои плечи,
[туда, где] под нижней окраиной
грешно-заклятого неба
их родимый дом, их священный очаг,
их мать-госпожа находится,
прямо на запад, все сокрушая,
в путь напролом устремились.
У Чугдаан Бухатыыра
воинственный пыл поубавился,
могучий дух надломился,
отважные мысли иссякли;
свой стремительно-гладкий двор*,
где бы и пуночка поскользнулась, пройдя,
в свои сверкающие деревянные сени вступив,
дверь с погремушками* распахнув,
накрепко запертый вход раскрыв,
в серебряную обитель свою влетел.
На *кэтэгириин*-лавке*
Аджына Баай Тойон,
из соболиных шкурок-огузков сшитую,
с длинными перьями
высокую шапку* на лоб надвинув,

Аарыктаах алтан тайаҕыттан тардыстан олорон
Маккырачча ытыы олорор эбит,
Хаҥас ороҥҥо
Эдьинэ Баай Хотун
Киис тэриитэ тулалаах
Илбиргэстээх хампа дьабакатын саба тардынан
Айгырастаах тайаҕар тардыстан олорон
Ньирэй оҕолуу ньиккирэччи ытыы олорор эбит.
Уоллара
Өлбүргэлээх үүс-киис тэриитэ бэргэһэтин
Аҥаар илиитигэр тутан туран
Аҥаар атаҕын сөһүргэстээн,
Аҥаар атаҕын тобугулаан,
Үс төгүл сүгүрэйдээн баран,
Саманнык диэн саҥа саҥаран
Саймаһыта олорбута баар этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Көр бу! Көр бу!
Күрэн сылгы
Көҕүллээх сиэлин
Үрэйэ таппыт курдук
Күрэнсиийбит баттахтаах,
Көнтөс саҕа көҕүллээх,
Күүгэннээх хоннохтоох
Күбэй хотун ийэкээм!
Аас маҕан сылгым
Ардайдаах сиэлин
Арыйа баттаабыт курдук
Аастыйбыт астаах,
Алтан хоҥоруулаах
Аар тойон аҕакаам!
Этэр тылым эгэлгэтин
Икки сэгэлгэн кулгааххытынан
Истэ билгэлээҥ эрэ!
Бу айыылаах-андаҕардаах
Арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар
Арҕаа Сибиир диэҥҥэ
Алаһаланан аангнаабыт
Абааһы кыыһа
Сарахана Күүкэнньик
Иишпит уолаттара кэлэннэр
Ачалаах синньэлээх
Аан дойдубут
Араҥас далбарын,
Алгыстаах иэнин
Аамайдаан бардылар,

на медную трость с погремушками опираясь,
навзрыд рыдая, сидит, оказывается;
на лавке с левой стороны
Эджинэ Баай Хотун,
шапку-*джабака*, соболиным мехом отороченную,
шелковыми подвесками украшенную, на глаза надвинув,
на трость с побрякушками опираясь,
как дитя малое, плачем заливаясь, сидит, оказывается.
Сын же их
шапку свою, из соболиных шкурок-огузков сшитую,
в одной руке держа,
одну ногу согнув,
на одно колено опустившись,
трижды поклонился им
и такие речи-слова
взволнованным голосом произнес
(Чугдаан Бухатыыр):
"Кёр бу! Кёр бу!
С побелевшими, подобными разметанной
гриве и челке
сивой лошади
волосами,
с челкой, поводьям равной,
с потными подмышками,
почтенная *хотун*, мать моя!
С поседевшими, подобными разметанной
с проседью гриве
молочно-белой лошади
волосами,
с золотой переносицей*
почтенный господин, отец мой!
В сокровенный смысл моих слов
двумя чуткими ушами вслушайтесь
и рассудите:
Под этим грешно-заклятым
западным небом,
под нижним его сводом,
[на земле], Западный Сибиир называемой,
логово устроила
дочь *абаасы*
Сарахана Кююкэнньик;
ее выкормыши, [сюда] прибыв,
узорчатый зеленый покров
изначальной нашей страны,
золотистое лоно ее,
благословенный простор
разорив, ушли,

Үрүҥ сүүрүкпүтүн өлөрдүлэр,
Хара сүүрүкпүтүн хамыйдылар.
Бэйэбин буоллар
Чэгиэн эппин сэймэктээтилэр,
Халыҥ тэриибин хайыттылар,
Күүс иҥиирбин өһүллүлэр,
Барҕа быччыҥмын салбаҕыртылар;
Дьэ, онон туох ханнык
Үрүҥ тыын өрүһүлтэтин өйдүүр
Күн дьүөгэлээх буолаайаҕыт,
Хара тыын харыһыгын саныыр
Хаарыан атастаах буолаайаҕыт?
Кулгаах ыраағы истэр,
Харах чугаһы аҥаарар диэн
Өлбүт өбүгэлэр
Өйтөрүн хоһоонугар дылы,
Мин иһиттэхпинэ:
Кырпах* сыстыбатах
Кыыда маҕан халлаан
Үрүт кырыытыгар үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ диэн
Күтүр күүстээх,
Одун уохтаах дьахтар киһи
Дьулусханнаах добун маҕан халлааҥҥа
Холооннооҕун булбакка,
Түбэспитин түҥнэрэн,
Таппытын таҥнаран,
Халыҥ айыы хараххa анньан
Сырдык буруй сырайга анньан,
Үс-аас баттахтаах,
Үүттээх таас олбохтоох,
Үтүө дьүүлү төрүттээбит
Үрүҥ Аар Тойон
Сүрдээх дьүүлүнэн,
Ынырыктаах ыйааҕынан,
Уларыйбат уураағынан,
Хоту халлаан
Куодатын анныгар,
Холоҥсолоох аҕатын ууһун
Улаҕа өттүгэр,
Суккуурдаах улууһун
Соҕуруу дьайыҥар,
Идэмэрдээх ийэтин ууһун
Бэтэрээ өттүгэр
Көскө ытан олордор
Дьахтара баар буолуо этэ.
Хайа, ол дьахтар

наших белых бегунцов погубили,
наших черных бегунцов забрали;
мне же самому
крепкое тело изранили,
толстую кожу изрезали,
сильные жилы рассучили,
крепкие мышцы ослабили;
может, такую,
светлую душу спасающую,
солнечную подругу имеете?
черную душу оберегающего*
верного друга имеете?
Ухо слышит далекое,
глаз замечает близкое —
так говорили предки,
давно ушедшие,
мне доводилось слышать:
на верхнем крае
чистого, без пылинки,
снежно-белого неба родившаяся,
Кыыс Дэбилийэ прозванная
женщина с дюжей силой,
с сокрушительной мощью,
на чистом гладко-белом небе
равного себе не найдя,
всех, кто встретится, побеждавшая,
всех, кто под руку подвернется, одолевавшая,
так что тяжкий грех ее глаза колоть стал,
явная вина ее в лицо тыкать стала,
справедливым судом
Юрюнг Аар Тойона
с белоснежными волосами,
на молочно-белом камне восседающего,
суровым его приговором,
грозным его приказанием,
непреложным его указом
под своды
северного неба,
по ту сторону [местожительства]
смрадных отцовских родов*,
на южной стороне
неугомонных улусов,
по эту сторону [местожительства]
кровожадных материнских родов*,
была сослана
и обитать должна.
Может быть, женщина та,

Көмүскэстээх сүрэҕэ киирэн,
Күн аймаҕын көмүскээн
Күөйэ хаампытын,
Аһыныылаах санаата тардан,
Айыы аймаҕын араҥаччылаан,
Айаҥҥа-сырыыга сылдьыбытын,
Хаһан эмэ хаптаҕай кулгааххытынан
Истибиккит баар буолаарай?
Иэдээн бөҕө эргийдэ,
Үлүгэр бөҕө үөдүйдэ!"
Оҕонньор үүс киис тэриитэ өлбүргэлээх,
Үрдүк нуоҕайдаах
Чомпой бэргэһэтин
Өрө анньан баран,
Үс төгүл иһин түгэҕиттэн мэҥийэн
Өрө тыынан кэбистэ;
Хараҕын уута
Халтаҥ иэдэһинэн
Халыһыйан түһэрин
Хара саарба тэриитинэн
Хардары-таары сотто-сотто
Көмүрүөлээх күөмэйин көбүөхтэтэ,
Ытыыстаах сыҥааҕын ыыра олорбута
(Адьына Баай Тойон):
"Дьэ, бу!
Ача от кырыспытын,
Араҥас далбар хочобутун
Аамайдаан барбыттара
Айыы Хаан алгыһа
Адаҕыйар күннээх буоллаҕына,
Аҕыйах хонугунан
Абырахтаныа буоллаҕа!
Үрүҥ-хара түүлээҕи
Өлөрөн-өһөрөн барбыттара
Үрдүк айыыларбыт
Үтүө дьүүллэрэ
Үһүөрүйэр күннээх буоллаҕына,
Өтөрүнэн аҕай
Үөскээн-тэнийэн,
Өрүһүйүөхтэрэ буоллаҕа!
Хата,
Харахтаабатах алдьархай адаҕыйда,
Истибэтэх иэдээн эргийдэ —
Хайҕахтаах хара быарбыт анныгар саһыарбыт,
Чопчулааҕ тойон сүрэхпит тулатыгар дугуйдаабыт
Көрдөр харахпыт дьуккэтин,

отзывчивым сердцем откликаясь,
солнечные племена защищала,
их [от беды] ограждала;
сострадательной душой отзываясь,
за племена *айыы* заступалась,
в походы-бои отправлялась, —
когда-нибудь плоскими ушами своими
слышать об этом вам приходилось?
Беда к нам лихая пришла,
лютое горе нагрянуло!"
Старец, из соболиных шкурок-огузков сшитую,
с длинными перьями
высокую шапку свою
на макушку сдвинув,
трижды до глубины живота
тяжко вздыхая,
слезы свои, из глаз льющиеся,
по гладким щекам
обильно текущие,
мехом черного соболя
непрестанно утирая,
осипшим голосом заговорил,
сомкнутые челюсти размыкая
(Аджына Баай Тойон):
"*Дже, бу*!
Хотя травяной зеленый покров
золотистой долины нашей
оставили испоганенным —
благословением Айыы Хаана,
его милостью
через несколько дней
все восстановится-обновится!
[Хотя] белошерстным и черношерстным нашим
урон нанесли —
высоких божеств-*айыы*
справедливая благосклонность
милостиво снизойдет,
за короткое время
все вновь расплодится-размножится,
[божества] спасут нас!
А вот
невиданная напасть нагрянула,
неслыханная беда пришла:
под гладкой черной печенью взлелеянную,
у могучего сердца взращенную,
зеницу наших видящих глаз,

Көтүрдэр тииспит миилэтин,
Хамыйаҕынан бадахтаах хаан иҥнээх
Хаанчылаан Куо кыыспытын
Илэ мэлиттибит,
Көстө сүтэрдибит,
Хады харбаттыбыт,
Куду куустардыбыт.
Ол кырках сыстыбатах
Кыыда маҕан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Айыы санаалааҕын
Анааран истибэт этибит,
Көмүскэстээх сүрэхтээҕин
Өйдөөн-дьүүллээн билбэт этибит.
Ааспыт хонуктарга
Абааһы-албас диэни
Анааран билбэккэ,
Алгыһы эрэ тардыһан,
Айыыны эрэ санаан
Амарахтык олорбут дьоммут.
Урукку күннэргэ
Охсуһуу-оһол диэннэри
Оройдоон көрбөккө,
Уолан бараммат быйаҥнанан,
Уһун уйгу кэһиилэнэн,
Улуу оҥоруубутун эрэ санаан,
Олорбут дьон баар этибит.
Онон өтөхтөн өҥнүбэккэ,
Тиэргэнтэн тэйбэккэ,
Алаһаттан арахпакка,
Сымыыттааҕар бүтэйдик,
Балыктааҕар кэлэҕэйдик олорон,
Көмүскэстээх сүрэхтээх,
Күүстээх-уохтаах
Күн дьүөгэ диэни,
Аһыныылаах санаалаах,
Ахсаабат албастаах
Айыы аймаҕа атас-доҕор диэни
Адьас билсибэккэ үөскээбиппит.
Онон,
Оҕолоотор оҕобут,
Бүөбэйдээтэр бүөбэйбит —
Өйүҥ тиийэринэн,
Күүһүҥ кыайарынан, —
Алдьархайтан арахсарбыт,
Үлүгэртэн төлөрүйэрбит туһугар,
Үтүөлэрдэ көмөлөһүннэр,

десну выпадающих наших зубов,
с румянцем, как кровь в ковше,
дочь нашу Хаанчылаан Куо
наяву утратили,
на глазах потеряли,
на виду дали похитить,
увести дерзко позволили.
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
добрые ли помыслы имеет —
толком о том не слыхали,
отзывчивое ли сердце имеет —
о том не ведаем.
В прошедшие дни
оборотней-*абаасы*
не зная,
лишь к добрым *алгысам* мы обращались,
лишь о благе мы помышляли,
в мире-согласии мы жили,
в минувшие дни
о беде и счастье
совсем не задумываясь,
неубывающим богатством мы владели,
нескончаемым изобилием мы пользовались,
в свое великое предназначение мы верили —
вот такими людьми были мы.
Потому-то мест обжитых не покидая,
со двора-подворья не удаляясь,
с родной обителью не расставаясь,
глуше, чем в яйце,
молчаливее рыб мы жили.
С солнечной подругой,
отзывчивое сердце имеющей,
могучей и сильной,
с другом из племени *айыы*,
сострадательную душу имеющим,
искусным волшебством обладающим,
совсем не знаясь, жили мы.
Потому-то
родное наше дитя,
взлелеянный наш голубок,
умом пораскинь,
соберись с силой, —
чтобы беда нас покинула,
чтобы напасть нас оставила,
добрых на помощь зови,

Күн айыыгыттан көрдөс,
Ахтар айыыгыттан ааттас!"
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр эргиллэ баттаан,
Сэттэ уон эр бэрдэ
Сэтинньи ый
Сэттэ эргэтиттэн
Тирэхтэрин булунан туран
Чинэһэ-чинэһэ тарпыттарын иһин
Сэгэлдьитэн көрбөтөх
Дьиэллигэстээх халҕанын
Тэлэйэ баттаан,
Аҕыс уон киһи
Ахсынньы ый
Аҕыс саҥатыттан
Ахчаһа-ахчаһа тарданнар
Аппаҥнатан көрбөтөх
Аарыктаах аанын
Арыйа анньан,
Байам-сайам дайбаан,
Баһыр-иһир үктэнэн
Аччыгый бэйэтэ
Алтахтаан үөскээбит
Алтан от дьарҕаалаах,
Ача от быыстарайдаах,
Араҥас далбар хочолоох
Алааһыгар киирэн,
Бэттиэмэтин бэрдиттэн,
Локуоратын туйгунуттан,
Чыыбаҕатын сытыытыттан,
Ачатын амтаннааҕыттан
Аһыы сылдьар
Аналлаах атын
Күн сардаҥата көнтөһүттэн
Күөйэ харбаан ылан,
Бар дьаҕыл кыыла
Баргыйа олорор
Бастыҥалыы ойуулаах
Бастыҥ сэргэтигэр таһааран,
Баайан кээһэн баран,
Көпсө ат сылгы көлөһүн аллыар диэри,
Көбө-саба сүүрэн тиийэр
Күндүл маҥан күүлэтин
Күн диэки өттүгэр баар
Баараҕай маһынан оҥоһуллубут
Бастыҥ сатанаҕыттан

солнечного *айыы* проси,
почитаемого *айыы* умоляй!"
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший,
Чугдаан Бухатыыр повернулся круто,
[такую, что] и семьдесят лучших мужей,
с седьмого дня ущербной луны
седьмого месяца*,
крепкую опору для ног найдя,
изо всех сил тужась,
приоткрыть не сумели бы,
входную крепкую дверь
широко распахнул;
[такую, что] и восемьдесят молодцов,
с восьмого дня новолуния
восьмого месяца
от напряжения выгибаясь-пыхтя,
открыть не смогли бы,
тяжелую с погремушками дверь
легко растворил,
широко руками размахивая,
грузно ногами ступая,
[туда, где] с младенческих лет,
резвясь-играя, вырос он,
[в тот] с узорами из одуванчиков,
с межами из осоки,
с золотыми лужайками
в свой *алаас* отправился он;
[там], на самом сочном злаке-мятлике,
на самой лучшей траве-*локуоре*,
на самом смачном хвоще,
на самой вкусной осоке
привольно пасущегося
коня, ему предназначенного,
за повод, солнечному лучу подобный,
быстро поймав,
привел к главной коновязи
с венцом, украшенным
черно-пегим,
клекочущим орлом,
и привязал к ней;
[в таких, что] захудалую лошадь пот прошибет,
пока вокруг обежит,
просторных белых сенях,
с того, на солнечной стороне сеней находящегося,
из могучего дерева сооруженного,
главного столба-вешалы

Сүүрэр былыт саҕа сөрүөлээх,
Босхо былыт саҕа ботолоох,
Кыыһар былыт саҕа кычымнаах,
Иирэр былыт саҕа иҥэһэлээх,
Курбуулаах кустук саҕа холуннаах,
Үрдүк халлаан мөнүөнэ ыныырын ылан,
Үтүө көлөтүн сэбилээтэ.
Онтон буоллаҕына,
Хамаан-имээн дойду
Хатыҥа хатыҥнаах,
Тумаан-имээн дойду
Туоһа туостаах,
Кимээн-имээн дойду
Киилэ кииллээх,
Өлүү Дьирибинэй балыгын
Сиһин үөһэ иҥиэрчилээх,
Иэнин иҥиирэ киристээх,
Көхсүн хаана кырааскалаах
Буруолуур муос буочука саатын таһааран
Атыгар иилллэ;
Балыксыт ыал балаҕанын таһааран
Таннарыта тамнааттаабыт курдук,
Мас маалтаар,
Туора тэппэт буоллун диэн
Туос тэллэмээттээх
Оноҕосторун ылаттаан,
Курдана сылдьар
Кунньалыгар угаттаата.
Бу кэнниттэн
Таннары туттахха часкыйан ылар,
Өрө туттахха үөгүлүү түһэр,
Сытыары туттахха сыналыйан барар,
Умса туттахха уһуутаан кэбиһэр
Таҥара сырдаан эрэрин курдук
Талба нарын таманнаах,
Күн тахсан эрэрин курдук
Төлөннүрэр өргөстөөх уһуктаах,
Тын хатыытын курдук
Тымныы тыйыс кылааннаах,
Кыыс дьахтар кыламаннаах хааһа
Кытыл унуортан
Кыырыктаах иэнигэр
Кыртаалдьыйан көстөр,
Уолан киһи уостаах тииһэ
Тумул унуортан
Туналыйар урсунугар

сняв седло, подобное своду высокого неба,
с подседельником, словно бегущее облако,
с потником, словно летучая туча,
с тебеньками, словно багровые тучи,
со стременами, словно буйные тучи,
с подпругами, словно крутая радуга,
доброго коня своего снарядил.
После этого
сделанный из ствола березы
Хамаан-имээн страны,
из слоистой бересты
Тумаан-имээн страны,
из нароста креневого дерева
Кимээн-имээн страны,
обмотанный жилами, вытянутыми из хребта
рыбы Ёлюю Джирибинэй,
стянутый тетивой из сухожилий спины ее,
крашеный кровью главной аорты ее
свой могучий огнедышащий роговой лук
к седлу подвесил;
с широкими наконечниками,
похожими на рыбацкие юрты,
вверх дном перевернутые,
[такие] деревянные стрелы свои,
оперенные берестяным опереньем,
чтобы вкривь и вкось не били,
вложил в колчан,
которым был опоясан.
После этого, —
если вниз острием опустить — визгом визжащий,
если вверх поднять — криком кричащий,
если плашмя положить — стон издающий,
если лезвием вниз держать — стенать начинающий,
подобно раннему рассвету
чистотою поверхности своей сияющий,
подобно лучу восходящего солнца
пламенем острия горящий,
подобно предрассветной заре
холодным блеском лезвия мерцающий,
ресницы и брови девушки
с противоположного берега
на грозной своей поверхности
ярко отражающий,
губы и зубы юноши
с противоположного мыса
на сверкающей своей поверхности

Турталдьыйан көстөр,
Биитигэр илбистээх,
Уһугар оһоллоох,
Угун устун уһуор көмүс ойуулаах
Уһун субуйа батаһын иилиннэ.
Онтон унга сэбэргэнэтин хаптаҕайыттан
Сэттэ болгуо чээрэтинэн,
Аҕыс болгуо атамаанынан,
Тоҕус болгуо томороонунан
Уһааттаран онотторбут
Көмүс ууһа көрбүт,
Алтан ууһа аалбыт,
Бакалаан Уус балталаабыт,
Көкөлөөн Уус күөртээбит,
Кырбыыкаан Уус кырбыытаабыт,
Сэттэ кытарах дьахтар
Эмиийин үүтүгэр хатарыллыбыт,
Идэмэрдээх Илбис Хотунгна
Сэттэ түүн иһэрдиллибит,
Оботтоох Урдус Хотунгна
Тоҕус хонукка уһаардыллыбыт
Отут болгуоттан оноһуулаах
Олуй-молуй быһаҕын ылан,
Унга сототун таһынан
Сур гына уктан кэбистэ.
Төттөрү эргиллиитигэр
Көмнөхтөөх харыйа ангаарын саҕа
Көй салгын кымньыытын
Күөйэ харбаан ылла.
Бу кэнниттэн атыгар тахсан
Күн сардангата көнтөһүн төлө тардан,
Дьэллик ый тэһиинэ тэһиинин
Илиитигэр иилэ быраҕан,
Иирэр былыт ингэһэтиттэн тэбинэн
Үрдүк халлаан мөнгүөнэ ынгыырыгар,
Хахсааттааҕы харалдьыттан көппүт
Хара хабдьы курдук
Хатана түһээт,
Үрүйэ сирдэргэ
Үмүөрүһэн үөскүүр
Үрүн куртуйах курдук
Үтүө көлөтүн
Үрүт мындаатыгар олоро түстэҕэ.
Ол кэнниттэн атын
Хоту диэки салайа баттаат,
Көмнөхтөөх харыйа ангаарын саҕа,
Көй салгын кымньыытынан

ясно отражающий,
в лезвии кровожадность таящий,
в острие смерть несущий,
по рукояти серебряными узорами украшенный, —
длинный *батас* к себе прикрепил.
Затем с правой балки-перекладины [взял]
из семи отборных *болгуо*,
из восьми отменных *болгуо*,
из девяти крепких *болгуо*
выплавленный,
под присмотром серебряных дел мастера кованый,
медных дел мастером отточенный,
кузнецом Бакалаан Уус выкованный,
раздувщиком мехов Кёёкёлёёном раскаленный,
молотобойцем Кырбыыкаан Уус отбитый,
в грудном молоке семи нерожавших женщин
выдержанный,
у коварной Илбис Хотун
в течение семи ночей спаянный,
у алчной Урдус Хотун
в течение девяти дней крепко закаленный,
из тридцати руд выплавленный
короткий толстый нож
и в правое голенище свое
быстро вложил-спрятал.
Выходя, обернулся,
свистящую плеть свою,
половине заснеженной ели равную,
проворно схватил.
После этого, к коню своему подойдя,
поводья, подобные лучам солнца, проворно отвязав,
поводья, подобные свету бродяги-луны,
на руку перекинув,
в стремя, подобное буйному облаку, ногу вставил,
в седло, подобное своду высокого неба,
словно черная куропатка*,
со стылой весенней проталины вспорхнувшая,
вмиг вскочил;
словно взлетевший белый тетерев*,
по долинам ручья
стаями обитающий,
на доброго коня своего,
на высокий хребет его, прочно уселся.
Затем коня своего
повернув круто на север,
плетью, половине заснеженной ели равной,
свободному ветру подобной,

11 Заказ № 564

Хаппар куҥуттан
Хамыас саҕа эти
Хайыта дайбаан,
Кымньыылыах өттүттэн
Кырбаһынан бадахтаах
Кыһыл эти быһыта дайбаан,
Кымньыылаан кэбистэ.
Аналлаах ата барахсан
Айаннаабыт ахсымыгар
Сэнньэкэ хайаны дэлби тэбиннэ,
Чочумаас хайаны туура оҕуста,
Быллаардары быһыта дайбаата,
Эниэлэри ибилитэ үктээтэ,
Хаппыт сирдэри хайыта атаралаата;
Эмэх мастары
Эмтэритэ тэптэрэн кэбиспитэ —
Эмээхситтэр буолан,
Эйээрэ-куйаара,
Энэлиһэ-туоһа хааллылар,
Хаппыт мастары
Хайыта дайбатан ааспыта —
Хатын дьахталлар буолан,
Халаатаһа-халаастаһа,
Хабыалаһа-хабыгыраһа хааллылар;
Чуор мутуктары
Тоһута оҕустаран кэбиспитэ —
Тоҥус оҕонньотторо буоланнар
Туора-маары ойуоккалаһан,
Туораахтаһа турдулар.
Дириҥ олугу олуктатан,
Киэҥ хардыыны хардыылатан,
Уһун чүөмчүнү үктэтэн,
Тоҕус тулхадыйбат кулугулаах
Суол хотуну тобулан,
Аҕыс халбарыйбат караҕалаах
Айан хатыны арыйан,
Сэттэ дьиппиэһиннээх дьиэллигэстээх
Сиэллээх ыллыгы сэгэтэн,
Көмнөхтөөх суолу көтөҕөн,
Дьаҥхалаах аартыгы арыйан,
Салбах баһын салайан,
Куйаар кутуругун суптутан,
Илин өттүгэр
Илбис Кыыһын иэритэн,
Ойоҕос өттүгэр
Оһол Уолун чуоҕутан,
Кэлин өттүгэр

от высокого крупа
мякоть с ковш величиной
клочьями отдирая,
с правого бока
целыми кусками
красное мясо отсекая,
[коня] погнал.
Добрый конь, ему предназначенный,
помчался бешено,
низкие горы выворачивая,
невысокие горы обрушивая,
холмы напрочь сбивая,
пригорки в прах растаптывая,
твердую землю копытами продавливая;
трухлявые деревья,
которые он на части разваливал,
старушками оборотясь,
с плачем-причитаниями,
с воем-стенаниями позади оставались*,
сухостойные деревья,
которые он на куски разламывал,
почтенными женщинами оборотясь,
с криком-воплями,
с бранью-руганью позади оставались*;
крепкие сучья,
которые он на скаку сбивал,
в старцев-тунгусов оборотясь,
вдоль-поперек прыгая,
врассыпную пускались*.
Глубокие следы оставляя,
широким шагом ступая,
длинные отпечатки печатая,
с девятью незыблемыми запорами
почтенную дорогу прокладывая,
с восьмью несдвигаемыми засовами
почтенную дорогу торя,
с прочными закрепами,
пучками гривы увешанную тропу* открывая,
заснеженные долины одолевая,
обледенелые перевалы осиливая,
большую голову вперед устремив,
развевающийся хвост вытянув*,
спереди сопровождаемый
ликованием Илбис Кыыса,
сбоку сопутствуемый
кознями Осол Уола,
сзади провожаемый

Кэнтик төрдүн энэлитэн,
Куодалаах хотугу халлаан
Холоруктаах кунуһун туһулаан
Кудулутан түһэ турбута.
Кырынаастыы астаран,
Кулунннуу ойутан,
Бөрөлүү харбатан,
Бөтөрөнүнэн тэптэрэн,
Өр-өтөр гыммакка,
Кэниэрдээх ийэтин ууһун
Бэтэрээ өттүгэр,
Суккуурдаах аҕатын ууһун
Соҕуруу чанчыгар,
Холоҥсолоох улууһун
Хоту дьайыҥар
Өҥөс гына түһүүтүгэр,
Атын сыҥааҕын
Кытах түөһүгэр диэри
Чоноччу тардан ылан,
Ахсым айанын аччатан,
Күүстээх айанын көҕүрэтэн,
Модун айанын бохсон,
Сэлиинэн тэптэрэн,
Дьоруонан оҕустаран,
Хаамыынан халыһытан,
Хантараҥнатан иһэн
Харахтаан көрбүтэ,
Сиртэн ситии саҕа
Ситимэ көстүбэт,
Халлаантан сап саҕа
Тардылыга таайыллыбат,
Орто дайдыттан
От саҕа тутулуга суох
Үс күөгэйэр
Күлэр дьэллик күлүүскэ
Үктэлләнэн үөскээбитэ биллибэт,
Көстөөх сиртэн көстөр
Күндү таас күөрэнсэ ордуу
Күлүмүрдээн көһүннэ.
Ол тас өттүгэр
Кыркак сыстыбатах
Кыыда манан халлааҥна үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Үс дойдуга мииннэр
Көтөр кынаттарын,
Көлүнэр көлөлөрүн

причитаниями духа зловредных препятствий*,
к расщелине северного неба,
к вьюжной его окраине
[конь] стремительно мчался.
Горностаем стелясь,
жеребенком скача,
волком несясь,
галопом пускаясь,
долго, не долго ли мчась,
у ближней стороны
кровожадных материнских родов,
у южного края
неугомонных отцовских родов,
у северной окраины
смрадных улусов
вдруг очутился;
[Чугдаан Бухатыыр], поводья коня своего
до выпуклой груди
натянув изо всей силы,
резвость езды убавил,
скорость езды уменьшил,
силу езды сдержал,
мелкой рысью пускаясь,
мерной иноходью гарцуя,
шагом коня идти заставил.
Уздой коня придержав,
вдруг увидел перед собой:
чтобы к земле веревкой
привязано было — не разглядеть,
чтобы к небу нитью
подтянуто было — не углядеть,
со стороны Среднего мира
не имея подпорки даже с былинку,
на три плавно вертящихся,
весёлых бродящих замка*
не опирающееся,
с расстояния десяти верст видимое,
из дорогих камней высокое жилище,
сверкая, ему открылось.
Около жилища того
родившейся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
парни из трех миров
богатырских ее коней,
для походов по трем мирам [предназначенных],

Үс дойду уолаттара
Харабыллаан тураллар эбит.
Маныыһыт уолаттар
Манньык бэйэлээх
Дьорҕоно сотолоох дьоруолатан,
Халыан айаннаах халыһытан иһэрин
Харахтаан баран:
"Хайа ааһар албастаах,
Куотар кубулҕаттаах,
Аат ааттаан
Айаннатан кэллэҕэй?
Аны аты уоран
Алдьархайбыт аанньыаҕа,
Арыллааммыт* элбиэҕэ,
Айаммыт-сырыыбыт үксүөҕэ!" — дэсиһэн,
Үтүө көлөлөрүн
Үүннэригэр түһүтэлээн
Өрө тутан турдулар.
Онуоха
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр
Уолаттарга уун утары
Уу дьоруонан астаран ууннаран кэлэн,
Тус иннилэригэр тохтоон туран,
Үс өргөстөөҕүнэн
Өтөрүтэ көрөн баран
Үүннээх-тэһииннээх
Үтүө тылын этэ турбута
Соннук этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Дьэ, бу, нохолоор!
Ураачы кэллэҕинэ,
Олорон биэриэххит,
Талаачы кэллэҕинэ,
Таҥна сатыаххыт,
Өлөрөөччү өнөйдөҕүнэ,
Өйдөөбөккө хаалыаххыт!
Ким-хайа кэлэн
Кэпсии турар диэтэргит, —
Аҕыс Айыыһыт хатыттар
Айаннарын аартыгар алаһалаах
Адьына Баай Тойон аҕалаах,
Сэттэ Иэйиэхсит хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун ийэлээх
Тоҕус үйэ тухары

крылья ее для полетов,
караулят, оказывается.
Парни-стражники,
к такому молодцу,
на резвоногом [коне]
быстрой иноходью подъезжающему,
приглядевшись, подумали:
"Что это за плут-проходимец,
что за лукавый оборотень
на нашу голову
издалека прибыл?
Еще коня украдет —
беда к нам нагрянет,
заботы наши умножатся,
дороги-пути удлинятся!" — так говоря,
добрых коней
под уздцы схватив,
настороженно [приезжего] встретили.
Тогда-то
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
прямо к парням тем
быстрой иноходью подъехав,
перед ними остановил коня,
острым, как трехгранная пика, взглядом
пронзая, на них уставился,
основательные, [словно] уздечку и поводья имеющие,
добрые слова* свои произнес,
вот такие
(Чугдаан Бухатыыр):
«*Джэ бу, нохолоор*!
Если вор придет —
с места не сдвинетесь,
если грабитель явится —
и одеться не сможете,
если убийца заглянет —
опомниться не успеете!
Если спросите: "Кто, явившись сюда,
так говорит?" — отвечу:
на перепутье восьми почитаемых Айыысыт
усадьбу свою раскинувший
Аджына Баай Тойон — отец мой,
на росстани семерых почитаемых Иэйиэхсит
жилище свое устроившая
Эджинэ Баай Хотун — мать моя,
на девять веков-поколений

Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр диэммин.
Туох туһунан туойдуҥ диэтэргит,
Биллибэт ууһа бииһээн,
Көстүбэт ууһа күөнтээн,
Абааһы аймаҕа атаҕастаан,
Кырках* сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ диэн эһиги хотуҥҥутугар
Хара тыын харыһыгын санаарай,
Үрүҥ тыын өрүһүлтэтин өйдөөрөй,
Сырдык тыын сыанатын ырытаарай диэн
Дьаҥхалаах аартыгы арыйан,
Көмнөхтөөх суолу көтөҕөн
Илэ бэйэбинэн кэлэн турабын!", — диэтэ.
Онтон
Үс уолтан үөһэ дойду уола:
"Ээй, эрэйиҥ чэпчэки,
Сырыыҥ чычаас,
Суолуҥ чугас эрдэҕинэ, —
Суолгун көннөр,
Аартыккын арый.
Ол биһиги хотуммут
Хайа да бэйэлээх
Дьорҕоно сотолоохтор
Нуоҕайбыттарын иһин,
Үтүө да мөрсүөннээхтэр
Сүгүрүйбүттэрин иһин,
Эҥинэ да бэйэлээхтэр
Элэ-была тылларын
Эппиттэрин эбитин иһин,
Муос хоҥоруута дьуххаран,
Болуо сүрэҕэ уйадыйан,
Кун санааланан
Көмүскүү барбытын
Көрө иликпит".
Онтон умса туттан,
Ол-бу диэки көрүөлээн баран,
Чугдаан Бухатыыр атын
Уостуганыттан тутан туран:
«Бэйи эрэ, ол эрээри
Иллэрээ сарсыарда киирэ сылдьыыбар:
"Арсан Дуолай
Аччыгый кыыһа
Сарахана Күүкэнньик
Ииппит иринньэхтэрэ кэлэн,

пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр— имя мое.
Если спросите: "О чем это речь он ведет?" — [отвечу]:
Потому, что племя нечистых нас донимает,
потому, что племя невидимых нас разоряет,
потому, что племя *абаасы* нас притесняет,
думая, что, быть может, родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ, *хотун* ваша,
о защите черных душ наших вспомнит,
о спасении белых душ наших подумает,
о ценности светлых душ наших помыслит,
обледенелые перевалы осилив,
покрытые снегом долины преодолев,
сюда потому я прибыл!» — так он сказал.
На это ему один
из трех парней, сын Верхнего мира:
"Э-эй, пока тяготы твои легки еще,
пока поездка твоя не затянулась еще,
пока дорога твоя коротка еще,
путь свой назад направь,
шаг свой обратно повороти!
У госпожи нашей нрав такой:
кто бы из самых достойных,
самых стройноногих
перед ней головы ни склонял,
кто бы из самых прекрасноликих
перед нею колени ни преклонял,
кто бы из самых приятнейших
словами заветными
ее ни уговаривал —
хрящи носа у нее [от жалости] не бледнели,
плотное сердце ее не смягчалось,
[чтобы], доброй мысли вняв,
защитить кого-нибудь выезжала —
такого я еще не видывал!"
Затем, голову склонив,
вокруг оглядевшись,
коня Чугдаан Бухатыыра
за недоуздок держа, парень сказал:
«Постой, кажется,
когда позавчера утром я к ней заходил, [услышал]:
"Арсан Дуолая
младшей дочери
Сараханы Кюкэнньик
тщедушные выкормыши

Чугдаан Бухатыыр
Үрүҥ сүүрүгүн өлөрдүлэр,
Хара сүүрүгүн хамыйдылар,
Бэйэтин халыҥ тэриитин хайыттылар,
Хара хаанын тохтулар", — диэн
Уоһун кытта ботугуруу олорор этэ ээ.
Хайа, хал таайбыт*,
Харыһыктаах атын манаабыт
Бастыҥ уола буоллаҕым.
Мин киирэн илдьиккин этэн,
Соруккун кэпсээн көрүүм,
Онно туох диир эбит», — диэт,
Үөһээ дойду уола
Молдьуруут Бухатыыр
Күндү таас дьиэ иһигэр көтөн түһэн,
Хотунун иннигэр
Хоммут уоһун хоһоонун холобурдуу,
Өрөөбүт уоһун өһүн өһүлэ турбуттааҕа
(Молдьуруут Бухатыыр):
«Бууйака! Бууйака!
Бу күлүмүрдээн көстөр
Көмүс ордуубут таһыгар
Көнөкөөн уҥуохтаах,
Көмүстээх субалаах,
Көлбөҕө суох ньуурдаах,
Күүстээххэ көрүҥнээх,
Көстөр айыы оҕото
Ийэ күнэ илдьирийэн,
Хара хаана тохтон,
Сырдык тына ыксаан,
Таҥнар таҥаһа
Дьаабыта суох сарымтан,
Хаспахтаах хараҕын уута
Халыһыйа тохтон,
Халтаҥ өрөҕөтө
Дьаҥха муус буолан,
Үөттэн өйөнөн,
Тииттэн тирэнэн
Турар эбит.
Ону: "Хайа диэкигин,
Ханнык ааттааххын", — диэн
Хабарҕатыттан ылан ыйыппыппар;
"Адьына Баай Тойон аҕалаах,
Эдьинэ Баай Хотун ийэлээх
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыырбын", — диэтэ;

у Чугдаан Бухатыыра
белых бегунцов погубили,
черных бегунцов захватили,
у него самого толстую кожу изрезали,
черную кровь пролили", —
так сама с собою тихо говорила.
Ну, а ведь я издавна ей привычный,
самого любимого коня ее охраняющий,
самый первый прислужник ее как никак.
Зайду-ка к ней, передам твою просьбу,
поведаю ей, зачем ты приехал, —
что она скажет на это?» — так говоря,
Верхнего мира сын
Молджуруут Бухатыыр,
в дом из дорогих камней вбежав,
перед *хотун* своей
спавшими устами складную речь стал слагать,
отдыхавшими устами [такие] слова стал сказывать
(Молджуруут Бухатыыр):
«*Бууйака*! *Бууйака*!
Возле лучезарной
серебряной обители нашей
со стройным станом,
с серебряным ликом,
с приятным обликом,
с виду могучий,
истинное дитя *айыы*,
крепкое тело которого истерзано,
черная кровь пролита,
светлая душа еле держится,
одежда которого
ужасно изодрана,
из запавших глаз слезы
обильно текут,
тощий голый живот
ледяной коркой покрылся, —
к иве прислонившись,
о лиственницу опершись,
еле стоит, оказывается.
"Откуда ты,
Как имя твое?" —
за горло схватив, я спросил;
"Аджына Баай Тойон — отец мой,
Эджине Баай Хотун — мать моя,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр я", — так ответил.

Онтон ол туох соруктааххын,
Ону кэпсиэ диэн,
Уолугуттан ылан
Умса-төннө аспыппар.
"Арсан Дуолай
Аччыгый кыыһа
Сарахана Күүкэнньик
Ииппит оҕолоро
Иин курдук иҥнэрдилэр,
Ийэ кунмун илдьириттилэр,
Аан курдук алдьаттылар,
Алаһа дьиэбин аймаатылар,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр эдьиийим
Күн санаата киирэн,
Көмүскүө дуо,
Айыы санаата тардан
Абырыа дуо", — диэтэ.
"Онтон, оннук соруктаах эрээри,
Тоҕо бэйэтигэр эппэккэ тураҕын", — диэн
Иҥнэри-таҥнары анньыалаан,
Илиһиннэрэн киирэн барбыппар:
"Атын сибиир ааттааҕар,
Туспа дойду буойунугар
Кииириэхпин симиттэн,
Чугаһыахпын дьулайан турабын,
Онон көмүскэстээх сүрэхтээх
Күн улууһа буоллаҕын,
Ыар манньаҕа,
Ытык соболоҥҥо киирэн,
Мин*оннук соруктаах киһи
Кэлэн турар диэн
Кэпсээн көр," — диэтэ.
"Киир") диэтэххинэ,
Сибилигин сиэтэн киллэриэм;
"Киэр бардын" диэтэххинэ,
Кэтэҕин аһыттан ыламмын
Кэлбит суолун диэки
Киэр үүрэн кэбиһиэм!» — диэн
Уол киһи
Обуннаан-төлөннөөн,
Кэпсии-ипсии кэҕийэ турда.
Кыыс Дэбилийэ дьэбин уоһуйан,
Сөгөдүйэн-дьиппиэрэн
Истэн олорон баран,
Уйаҕас хаана
Ойоҕоһунан сүүрэлээн,
Уордайбыта уҕарыйан,

"С какою целью приехал,
о том скажи!" — тогда я спросил,
за грудь схватив,
тряся его.
"Арсан Дуолая
младшей дочери
Сараханы Кююкэнньик
парни-выкормыши,
словно в яму меня втоптав,
крепкое тело мое истерзали;
основания разрушив,
уютное жилье мое разорили;
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр, сестра моя старшая[*],
отзывчивым сердцем откликнувшись,
не защитит ли нас,
сострадательным сердцем отозвавшись,
не заступится ли за нас?" — он сказал.
"Если с такою целью приехал,
почему к ней сам не обращаешься?" — тогда я спросил,
тряся его,
душу выматывая.
"К именитому человеку чужой земли,
к воину иной страны
зайти не решаясь,
приблизиться боясь, стою;
а ты, с сострадательным сердцем
из солнечного *улууса* человек,
за большое воздаяние,
за почетное вознаграждение,
с какой целью
человек прибыл,
доложить ей попробуй", — сказал.
Если "пусть зайдет" скажешь —
сейчас же за руки его приведу,
если "пусть убирается" скажешь —
за загривок схватив,
откуда прибыл — в ту же сторону
прочь прогоню!» — так говоря,
парень-прислужник,
горячо и запальчиво
рассказывая, стоял.
Кыыс Дэбилийэ с сумрачным челом,
в глубоком раздумье
угрюмо слушала,
но сердобольная кровь ее
по бокам разлилась,
гнев ее смягчился,

Кэһиэхтээх соҕуһунан:
"Киирдин", — диэн эттэ:
Маны истээт уол
Аарыктаах ааны арыйа баттаан
Аҕылаан-мэҥилээн Чугдаан Бухатыыр
Тус иннигэр киирэн туран эрэн:
«Дьэ, убаай,
Ыраахтан ыйаахтаах,
Суонтан төрүттээх,
Анарааттан аналлаах
Ааттаах киһи эбиккин.
Эҥинэ да бэйэлээхтэр
Илдьиктэрин* кэпсээн,
Эҥин араас элэ-была тылбын
Этэ сатыыр буоларым да,
Эт сүрэҕэ эркээрэн,
Эйэҕэс хаана киирэн
Кими даҕаны
"Киирдин" дии илигэ,
Арай эйиигин диэтэ,
Аккын биһиэхэ хааллар,
Былаҕайга былдьатыахпыт,
Дэлэгэйгэ диэлитиэхпит суоҕа,
Чэ, киирэ тардый», — дии-дии
Үөрүүтүгэр-көтүүтүгэр
Өрүтэ эккирээмэхтии сырытта.
Итини истээт,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр
Бадьыр-идьир үктэнэн,
Байам-сайам дайбаан тиийэн
Күлүмүрдээн көстөр
Күндү таас ордуу
Аарыктаах аанын
Арыйа тардан,
Дьиппиэһиннээх дьиэлин
Тэлэйэ баттаан,
Киирэн кэлэн,
Эрэһэлээбит үүй тиэрбэһин курдук
Эриличчи көрөн турбута,
Күүстээххэ көрүҥнээх,
Модьуга моссуоннаах,
Быһыйга быһыылаах
Дьахтар киһи талыы талбата,
Өрүөллээх манньыаты
Үрэйэ уурбут курдук

охрипшим голосом сказала она:
"Пусть войдет!"
Услышав это, парень-прислужник,
дверь с погремушками широко распахнув,
к Чугдаан Бухатыыру, запыхавшись, подбежал,
против него остановился:
«Ну, *убаай*,
судьба твоя предначертана свыше,
из крепких корней ты сотворен,
предназначенье твое определено свыше,
знатный ты человек, оказывается!
Каких только славных удальцов
просьбу передавать мне ни приходилось,
какие веские доводы
ни приводил ей,
но, сердцем смягчившись,
приветливостью преисполнившись*,
никому еще не говорила:
"Пусть войдет!" —
лишь тебе позволила;
коня нам оставь,
нечистым отобрать его не позволим*,
поганых близко к нему не подпустим.
Ну, заходи же быстрей!» — так говорил,
от радости-возбуждения
нетерпеливо подпрыгивая.
Услышав это,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
твердо ступая,
широко руками размахивая,
у лучезарного
из дорогих камней жилища
дверь с погремушками
настежь распахнув,
тяжелый полог
во всю ширь откинул,
внутрь войдя,
подобными кольцам уздечки
глазами взглянул:
статью сильная,
станом могучая,
с виду быстроногая,
из женщин самая лучшая,
[с глазами], подобными серебряным монетам,
что рядом положены,

Өйдөөхтүк үрүнүнэн диэличчи
Өгүрүк-төгүрүк көрө-көрө,
Аалай намылҕа аһын тараана,
Субурҕа долҕун суһуоҕун оҥосто
Олорор эбит.
Маны көрөн баран,
Чугдаан Бухатыыр
Үс-киискыыл тэриитэ өлбүргэлээх
Үрдүк нуоҕай бэргэһэтин
Эҕэттэйдии анньан туран,
Угул-сигил тыына,
Утуу-субуу саҥара,
Уоһа-тииһэ төртөҥнүү турбута
Саманнык этэ
(Чугдаан Бухатыыр):
"Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлаанҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ хотун эдьиийим!
Тоноҕостоох бэйэм нуоҕайан,
Дорообо биэрэбин.
Ким-хайа
Кэлэн турар диэтэргин, —
Оонньуулаах-уйгулаах,
Оһуордаах-силиктээх,
Орто дугуй буорга олохсуйбут
Аҕыс Айыыһыт хатыттар
Аттыктарын айаҕар алаһалаах
Адьына Баай Тойон аҕалаах,
Сэттэ Иэйиэхсит хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун ийэлээх,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр диэммин!
Холоруктаах хоту халлаан
Куодатын анныгар
Олоххут-дьаһаххыт хайдаҕый?
Бэйэҥ хайдах олороҕун?
Ытыыстаах сыҥааххын ыыр,
Өрөөбүт уоскун өһүл,
Хоммут уоскун хоҥнор".
Дьахтар киһи тараанарын саараппакка,
Оҥосторун кубулуппакка олорон,
Уораннаах соҕустук: "Олор", — диэтэ.
Онуоха Чугдаан Бухатыыр
Бастыҥ ороҥҥо баран олоруон
Санаата буолбата,

белизной белков сверкая,
умный быстрый взгляд бросая,
шелковисто-нежные волосы расчесывая,
в длинную волнистую косу заплетая,
сидит, оказывается.
Такую [женщину] увидев,
Чугдаан Бухатыыр,
из соболиных шкурок-огузков сшитую
высокую шапку с перьями
набекрень сдвинув,
часто-часто дыша,
быстро-быстро губами-зубами двигая,
связно-толково заговорил,
такой была его речь
(Чугдаан Бухатыыр):
«Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ, сестра старшая, *хотун*!
Я, позвоночник имеющий, кланяясь,
"Здравствуй" тебе говорю.
Если спросишь, кто же
стоит перед тобой, [отвечу]:
на веселой-плодородной,
узорчато-разукрашенной
Средней земле обосновавшийся,
на перепутье восьми Айыысыт Хотун
усадьбу свою раскинувший
Аджына Баай Тойон — отец мой,
на росстани семерых Иэйиэхсит Хотун
жилище свое устроившая
Эджинэ Баай Хотун — мать моя,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр — имя мое!
Под вихревым северным небом,
под покатым его пологом
ваше житье-бытье каково?
Как ты сама поживаешь?
Сомкнутые челюсти разомкни,
отдыхающие уста раздвинь,
спящие уста раскрой!"
Женщина, не переставая причесываться,
продолжая прихорашиваться,
довольно сурово сказала: "Садись!"
Тогда Чугдаан Бухатыыр,
на главную лавку* сесть
не осмеливаясь,

12 Заказ № 564

Ортоку ороҥҥо баран
Олорон кэбистэ.
Дьахтар иһигэр:
"Ама даҕаны мин
Сүдү халлаан сүүнэлэриҥэн,
Улуу халлаан тойотторунан,
Арылы халлаан аҕаларынан,
Сырдык буруй сырайга анньан,
Хараҥа буруй харахха анньан,
Уларыйбат ууравахха,
Сурдээх дьүүлгэ түбэспитим иһин,
Биир сылдьыбыт ыалдьыты маалаабакка*,
Биир хоммут хоноһону хоннорбокко,
Кэдирги сигилиилэнэ,
Таҥнары майгылана олорорум
Сүрэ да бэрт буолсу", — дии санаата.
Аҕыс дьапталҕа арыҥа туоһунан
Дьаарыстаан оноһуллубут
Алта атахтаах араҥас
Сандалы маҥан остуолун тарта.
Хара сүүрүк харталаах быарын*,
Үрүҥ сүүрүк үргүннэхтээх сүрэҕин,
Күөх далай көмүс хатырыктааҕын,
Көй салгын көтөр кынаттааҕын,
Күбэ тыа күскэм эттээҕин
Ыдьырыччы буһаран аҕалан,
Сандалы маҥан остуолга
Хаардаах бугул саҕаны
Адьырыччы анньан биэрдэ.
Онуоха биһиги киһибит
Кыһылы көрдөҕүнэ
Кыынын быатын
Быһа дьүккүйэр
Кыырыктаах-илбистээх
Ырып-чырып быһыччатын ылан
Остуолга уурбута,
Кылана-кылана кыырайталаан,
Хаһыыра-хаһыыра хайысхаланан барбытын
Харбаан ылан,
Тэллэх саҕаны тэлитэ быһа-быһа
Тэлләнгнэтэҥ барда,
Сыттык саҕаны сырыйа быһа-быһа
Саллаҥнатан истэ,
Утуу-субуу уобалаан,
Хардары-таары хабыалаан,
Аҕалбыт астарын
Үстэн биирдэрин бүтэрэн,

к средней лавке подойдя,
на ней уселся*.
Женщина про себя [подумала]:
"Хоть я
непреложным решением
повелителей грозных небес,
владык великих небес,
отцов светлых небес
за явную вину, что в лицо била,
за черную вину, что глаза колола,
суровому наказанию была подвергнута,
единственного гостя, меня посетившего, — не накормить,
единственного гостя, ночевать приехавшего, — не принять,
дурной норов мне показать,
скверный нрав мне высказать —
это уж слишком будет", — подумала.
Из восьми пластов слоистой бересты,
плотно пригнанной,
шестиногий, светло-желтый,
белый стол-*сандалы* накрыла.
Печень с кишкой-*харта* черных бегунцов,
жиром заплывшие сердца белых бегунцов,
серебристо-чешуйчатых из синей пучины,
крылатых из чистого неба,
самых мясистых из прибрежных лесов
в изобилии сварив,
на стол, сверкающий белизною,
еды с покрытую снегом копну
поднесла щедро [гостю].
Когда наш человек
[свой ножичек,] который, лишь красное увидит,
сразу же связки ножен своих
перерезать стремится,
грозный да кровожадный,
бойкий ножичек достав,
на стол положил,
с воем-визгом он стал накидываться,
с криком-ревом начал набрасываться.
Тогда [Чугдаан Бухатыыр], схватив его,
вырезая куски мяса величиной с подстилку,
стал уплетать,
отрезая [куски] величиной с подушку,
стал глотать,
один за другим [куски] в рот отправляя,
кусок за куском откусывая,
еду принесенную
на одну треть убавив,

Оттолуу соҕус тотон баран,
Уоһун-тииһин соттон,
Обуйук уоһун ордьоҥнотон,
Утуу-субуукута,
Угул-сигил тыына олордо
(Чугдаан Бухатыыр):
"Көр бу! Көр бу!
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр эдьийиэм!
Туох соруктаах кэлэн,
Дьуон-ньаҥыдыйа тураҕын диэтэргин, —
Айыылаах-андаҕардаах арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар
Аан дайды аҥаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир диэн сиргэ
Арсан Дуолай аччыгый кыыһа
Сарахана Күүкэнньик
Саһан саарыгыран олорон,
Үс дойду оҕотун уоран,
Силгэлэрин ситэрбитэ,
Бууттарын буһарбыта кэлэннэр,
Үрүҥ сүүрүкпүн өлөрдүлэр,
Үрүт күүспүн өһүллүлэр,
Алын тирэхпин сарбыйдылар,
Ол гынан баран,
Тахсар күммүт сардаҥатын,
Киирэр күммүт киистэтин,
Үрүҥ дьиэбит үрүмэччитин,
Сырдык дьиэбит сыдьаайын,
Хамыйаҕынан хаан иҥнээх
Хаанчылаан-Куо диэн балтыбын,
Дэлэгэй буолан диэлийэн,
Былаҕай буолан былдьаан,
Халты харбатан,
Мүлчү туттаран,
Илэ мэлитэн
Илдьэ бардылар.
Аан дойдуга айыллыбыт тухары
Аҥаарбатах алдьархай ааҥнаата,
Ийэ сиргэ сириэдийбит тухары
Истибэтэх идэн эргийдэ!
Онон
Көмүскэстээх сүрэхтээҕ
Күн улууһун күүстээҕэ
Күөх дьайбын

только наполовину насытился,
рот свой вытерев,
сочными губами шевеля,
складно-связно речь ведя,
часто-часто дыша, сидел
(Чугдаан Бухатыыр):
«*Кёр бу! Кёр бу*!
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр, сестра старшая!
[Если] спросишь, зачем приехал,
о чем важном хочу сказать, [отвечу]:
под нижним слоем
грешно-заклятого западного неба,
на земле, половину изначального мира занимающей,
Западный Сибиир называемой,
Арсан Дуолая младшая дочь
Сарахана Кююкэнньик,
зло замышляя, скрытно жила,
трех миров младенцев похитив,
жилы их укрепила,
мышцам их бедер созреть дала, и они, напав,
белых бегунцов моих побили,
верхние силы мои измотали,
нижние опоры мои ослабили,
а потом
нашего восходящего солнца луч,
нашего заходящего солнца свет,
мотылька нашего белого дома,
сияние нашего светлого дома,
с румянцем, как кровь в ковше,
Хаанчылаан Куо, сестру мою,
поганые, став незримыми,
нечистые, став невидимыми,
наяву похитили
и, незаметно улизнув,
бесследно ускользнув,
с собой увели.
С поры сотворения на изначальной земле
такая невиданная беда к нам нагрянула,
с поры обживания родной земли
неслыханная напасть обрушилась!
Поэтому
"с отзывчивым сердцем,
в солнечном *улуусе* сильнейшая
горькую беду* мою,

Көҕүрэтиһээрэй диэммин,
Харыһыктаах санаалаах
Хаан аймаҕым ааттааҕа
Хара дьайбын
Халбарытыһаарай диэммин,
Үүннээх-тэһииннээх
Үтүө тылбын этэн,
Үс бараа хара кулуккэр
Үнэ-суктэ, сүгүрүйэ олоробун!"
Дьахтар дьэбидийэр хаана киирэн дьиппиэрэн,
Уордайар хаана киирэн, уорастыйан:
"Алаата, оҕолоор!
Хайдар суола биллибэт,
Хайыстар бэйэтэ көстүбэт эрээри,
Хаһаанҕыттан харахтаан,
Ханна билсэн
Харыһылта көрдөөбүт буола-буола", — диэн
Тэһииркээн-тэбиэһирэн,
Кыыһыран-кыыдыйан иһэн:
"Ол эрээри, оттон,
Мунаах киһи мунун туойдаҕа,
Эрэйдээх киһи эрэйин эттэҕэ,
Дьайдаах киһи дьайын сангардаҕа", — диэн,
Итии хаана киирэн эркээрэн,
Сылаас хаана киирэн сылааанныйан,
Обуйук уоһун субуннатан,
Укулаат таас тииһин туртаннатан,
Угул-сигил тыына,
Утуу-субуу суккуйа.
Олорбута оннук этэ
(Кыыс Дэбилийэ):
«Һыай, нойоон!
Хаһаанҕыттан билсэннин
Харыһылта көрдүүгүн!?
Төһөттөн дьүөгэлэһэн
Көмүскэл көрдөһөҕүн!?
Кундул манан халлаан
Күүстээх тойотторун
Күтүр дьүүллэринэн,
Көрүлээн үөскээбит
Күрүөх аймаҕыттан араҕан,
Көстөр буруйа күөнгэ анньан,
Көлбөхтөөх улууһугар
Көскө ананан киирэн,
Күүстээх санаата көҕүрээн,
Көнүл өйө тууйуллан,
Күтүр сүрэҕэ бохсуллан олорор

может быть, убавит", — так я подумал;
"с жалостливой душою,
кровная родственница
черную беду мою
изгнать поможет", — так я подумал;
с уздечкой-поводьями
основательное слово свое говоря,
к трем темным теням* твоим
с мольбой на коленях я обращаюсь!»
У женщины злая кровь взыграла было,
ярая кровь забурлила было.
"*Алаата*, парень!
Если по следу идти — следа его не заметить,
если назад обернуться — самого его не увидеть,
а вот поди же, с каких это пор он спознался со мною,
где он со мною сблизился,
что защиты у меня смеет просить, ну и ну!" — так подумав,
пуще того разъяряясь,
сердиться-гневаться начала было.
"Однако все же,
горе познавший — он о горе ведет речь,
бедою преследуемый — он о беде говорит,
несчастьем одолеваемый — он о несчастье
рассказывает", — подумала.
Горячая кровь, нахлынув, нрав ее смягчила,
теплая кровь, разлившись, душу ее согрела;
сочные губы раздвигая,
белизною крепких каменных зубов сверкая,
часто-часто дыша,
связно-толково заговорив, так сказала
(Кыыс Дэбилийэ):
«*Сыай, нойоон*!
С каких это пор ты спознался со мной,
что о защите просишь?!
С каких времен сдружился со мной,
что заступиться молишь?!
Когда блестящего белого неба
могущественных владык
суровым решением
от беззаботной жизни
и многочисленной родни отринутая,
за очевидную провинность осужденная,
в *улуус* нечестивых
я сослана была, [то думая:]
"У нашей соплеменницы
сильный дух укрощен,
вольнолюбивые мысли задушены,

Күн айыы аймаҕа баар диэн,
Көнньүбүт көхсүбүн дьэнкэрдэ,
Күөх дьайбын көҕүрэтэ,
Көстөн ааһарыҥ баҕāлаах этэ.
Чороон кымыс тутуурдаах туран,
"Дорообо" биэрбитиҥ суоҕā;
Кырбас эт кыбыныылаах кэлэн,
Ыалдьыттаабытыҥ суоҕā.
Алдьархайыҥ эрэ ааҥнаатаҕына,
Мунҥун эрэ буллаҕына,
Эрэйиҥ эрэ элбээтэҕинэ,
Миигимсэх буолар эбиккин дуу?»
Маны истэн баран,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туруҥурпут
Чугдаан Бухатыыр
Субугурдук диэн саҥалаах буола олорбута
(Чугдаан Бухатыыр):
"Дьэ, бу!
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ эдьиийим!
Кырбас этинэн
Кыбыныылаах кэлэрбэр
Кыһанара буолуо диэн
Кыбычылаан билбэт этим!
Чороон кымыс
Тутуурдаах кэлэн
Дорообо биэрэрбэр
Тууһугура олороро буолуо диэн
Толкуйдаан көрбөт этим!
Күн сиригэр
Көҥүллүк олорор эрдэхпинэ,
Күүлэйдээн барыахпын —
Кулуу-элэк гыныа диэн,
Кииризхпин симиттэр,
Чугаһыахпын дьулайар этим!
Арай субу
Ааҥнаан кэлбит алдьархайбыттан,
Үтүрүйэн кэлбит үлүгэрбиттэн,
Суоһаан кэлбит мунҥуттан
Күн буолан көмүскээтэххинэ,
Ый буолан быыһаатаххына,
Очтоҕо дьэ,
Билсиибит элбиэ,
Кэпсэтиибит кэҥиэ.
Ыар соболоҥ,

мощное сердце ослаблено",
тяжелые мысли мои развеять,
печальные думы мои разогнать,
показывался ты разве?
Кубок-*чороон* с кумысом в руках держа,
"Здравствуй" ты ни разу не молвил,
с куском мяса под мышкой*,
в гости ко мне не заходил.
Лишь когда беда к тебе пришла,
лишь когда несчастье на тебя навалилось,
лишь когда горе твое умножилось,
нужда во мне появилась, что ли?»
Услышав такое,
на девять веков-поколений
пышный *асыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр
такую речь завел
(Чугдаан Бухатыыр):
"Джэ, *бу*!
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ, сестра моя старшая!
Чтобы я, кусок мяса
под мышкой зажав, пришел к тебе, —
о таком твоем желании
даже не догадывался!
Чтобы, кубок-*чороон* с кумысом
в руках держа, пришел к тебе
с приветствием-здравницей, —
о такой твоей воле
я даже не думал!
Пока на солнечной земле
вольготно жил,
в гости к тебе боялся пожаловать:
насмехаться, мол, станет,
не решался пойти,
не смел приблизиться: робел, ведь!
Лишь теперь, когда ты
от нагрянувшей беды,
от свалившегося горя,
от угрожающего бедствия,
солнцем став, нас защитишь,
луной став, нас оградишь,
вот теперь
знакомство наше упрочится,
беседы наши умножатся,
дорогое вознаграждение,

Ытык манньа барыа этэ.
Бу суолбуттан эн
Төлөрүппэт буоллаххына,
Хара тыа хатан дьылҕанын булан
Атыллан да өлөрбүттэн,
Күндэ далай чүөмпэтин булан,
Түһэн да өлөрбүттэн,
Өргөстөөх биилээҕи да булан
Үөлүллэн өлөрбүттэн,
Барытыттан кэрэйбэппин!"
Итини истэн баран,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр:
«Оок-сиэ, оҕолоор!
Үрдүктэн ыйаахтаах,
Үөһэттэн төрүттээх
Үтүө киһи
Үс өргөһө мүлүрүйэн,
"Ханна да өлөрүм биир", — диэн
Харса суоҕар түһэн,
Харыһылта көрдүү кэлээхтээбит ээ», — диэн,
Ойон туран
Аарыктаах аанын арыйан,
Дьиппиэһиннээх дьиэлин тэлэйэн,
Нөрүөннээх көхсүнэн
Таһырдьа быган туран:
«Нойоон, үөһэ дойду уола
Молдьуруут Бухатыыр!
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа тахсан,
Мин балтыбын Аан Ахталыйа диэни,
Ыҥыра охсон киллэр.
Ол эрээри ол кыыс
Кыра илдьиккэ кыһаныа суоҕа,
Аччыгый суолу ааннья ахтыа суоҕа,
Онон эт:
"Аппаҥныыр аат айаҕын аҥныгар алаастаах,
Мүлтүҥнүүр үөдэн түгэҕин бүүрүгэр өтөхтөөх
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө кэлэн
Эдьийгин чэгиэн этин сэймэхтээн,
Халыҥ тириитин хайыта
Сарсыҥҥы күн сүгүннэрээри олорор
Онон киирэн бырастыылаһа охсуоҥ үһү" — диэн».
Ити этэрин аҕай кытта,
Үөһээ дойду уола
Молдьуруут Бухатыыр
Үҥкүрүс-күөһэлис гына түстэ да,
Кутуругар хоболоох,

святое воздаяние последуют.
Если в этой беде
мне не поможешь —
крепкое дерево черного леса найдя
и пронзив себя, умереть,
омут глубокого озера отыскав
и бросившись в него, утонуть,
остроконечное [оружие] с острым лезвием найдя
и на него напоровшись, погибнуть
мне не жалко совсем!"
Услышав это,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр:
«*Оок-сиэ*, ребята!
Свыше предназначение имеющий,
сверху предопределение имеющий
добрый молодец,
трехлучистый взгляд потупив,
говоря: "Не все ли равно, мол, где погибать!" —
ко мне, осмелев,
защиты просить приехал», — так подумав,
вскочив на ноги,
дверь с погремушками открыла,
наглухо закрывающий полог откинула,
до пояса
наружу высунулась:
«Эй, *нойоон*, сын Верхнего мира,
Молджуруут Бухатыыр!
Поднимись-ка на чистое, без пылинки,
снежно-белое небо
да сестрицу мою Аан Ахталыйа
побыстрее сюда позови.
Однако ведь эта девица
пустяковую весть слушать не станет,
на событие неприметное не отзовется,
а потому передай так:
"Под разинутой пастью ада обитель имеющий,
на кромке скользкой преисподней жилище имеющий
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё прибыл,
крепкое тело старшей твоей сестре раскромсав,
плотную кожу ее изрезав,
завтра ее увезти собирается, в жены взяв;
потому спустись поскорей, простись с нею!" — так скажи».
Как только это произнесла,
сын Верхнего мира
Молджуруут Бухатыыр
кувыркнулся-перевернулся,
с белой каймой на хвосте,

Мооннього мойбордоох
Араҥас сабыдал халлаан
Аалай мохсоҕол кыыла буолан,
Дьулуо маҥан халлааҥҥа
Соҕотохто субурус гынан хаалла;
Дьахтар эргиллэн туран:
"Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр.
Эн самантан тус хоту
Аҕыс дьапталҕа хайа анараа саҕатыгар,
Тоҕус турук хайа улаҕа кырыытыгар,
Сэттэ дэриэспэ хайа ийэтэх* өттүгэр,
Үс күндээ муора улаҕа өттүгэр бар;
Онно былыргы дьыл мындаатыгар
Орто дойдуну кэрийэ сылдьан,
Утуйа сыттахпына,
Биир дулүҥ бараан* үскэллээх,
Хаан чаҕаан сэбэрэлээх,
Айыы бухатыыра
Хоймор киирбитин иһин
Соһуйан уһуктаммын,
Тоҕус хос кулугулаах,
Аҕыс хос хараҥалаах
Ампаарга хаайбытым.
Ону баран таһаар;
Хаайылла сытааччы ыар санаата
Ыарахан кыаһы буолан
Дьолум тохтуоҕа,
Саргым самныаҕа", — диир.
Маны истээт,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр
Таһырдьа тахсан
Үнкүрүс-күөһэлис гына түстэ да,
Киҥкиниир киэҥ халлаан
Кэй Суорун кыыла буолан,
Хоптоох-дьиптээх хотугу халлаан
Куодалаах кунуһун аннынан
Тоҕо суксуйан,
Үс күндээ муораны үрдүнэн көтөн,
Аҕыс дьапталҕа хайаны аһара дайбаан,
Сэттэ дэриэспэ хайаны чиэрэстээн,
Тоҕус турук хайаны унуордаан,
Аннынан харыс саҕа
Тардылыга таайыллыбат,

с белым ошейником
двухслойного желтого неба
чудесным соколом став,
к чистому белому поднебесью
вдруг взмыл и исчез.
Женщина обернулась [к Чугдаан Бухатыыру]:
"На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр!
Отсюда прямо на север,
за оконечность восьми многослойных гор,
за край девяти высоких гор,
за пределы семи сыпучих каменных гор,
за три сияющих моря отправься;
там на хребте стародавних времен,
когда я, Средний мир объезжая,
прилегла и заснула,
один с могучим станом,
с прекрасным обликом
богатырь из племени *айыы*
ко мне пристал (на мое ложе забрался) было;
этим разгневанная, проснувшись,
в крепкий амбар с девятью запорами,
с восемью замками
я его заточила.
Поезжай и его выпусти,
а то ведь горькие думы того заточенного
тяжелыми путами меня свяжут —
счастье мое уйдет,
удача моя рухнет", — так сказала.
Это услышав,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр
во двор вышел,
кувыркнулся-перевернулся,
в зверя необъятного гулкого неба
Кэй Суоруна превратился,
под свод злокозненного
северного неба
стремительно вверх взмыв,
над гладью трех морей пролетел,
через восемь многослойных гор,
через семь сыпучих каменных гор,
через девять высоких гор перемахнул,
к дому — снизу даже с вершок
веревки привязывающей не видно,

Ортотунан тутум саҕа
Тутааҕа суох,
Үрдүнэн сүөм саҕа
Түмүктээҕэ көстүбэт
Тимир килиэ дьиэҕэ
Тиийэн кэлэн,
Тоҕус хос кулугутун
Уста охсон,
Аҕыс хос хараҕатын
Халбарыччы анньан,
Үс хос күлүүһүн
Төлө тардан биэрбитигэр,
Хастаабыт тиит курдук
Харылаах,
Бысталаабыт тиит курдук
Быччыҥнаах,
Суллаабыт тиит курдук
Сотолоох
Көстөр айыы оҕото
Күлүм аллайбытынан
Тахсан тиийэн кэлбитигэр,
Чугдаан Бухатыыр,
Сөһүөхтээх бэйэтэ
Үс төгүл сүгүрүйэн
Ырыа ыллыы,
Саҥа саҥара турбута
(Чугдаан Бухатыыр):
«Көр бу! Көр бу!
Ким-хайа кэлэн
Күлүүстэммит бэйэбин төлөрүттэ диэн,
Ыйыталаһар буолларгын, —
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр диэммин!
Ол туох соруктааххын диэтэргин —
Кыыда маҕан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Итэҕэллээх илдьитин
Иннибэр көтөҕөн,
Аналлаах наадатын
Санныбар сүгэн аҕаллым.
Ол Кыыс Дэбилийэ:
"Аҕыс илиэх саҕалаах
Аан ийэ дойдуга
Алып хапсаҕай
Дьиэрбэҥ нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө тахсан,

ручки не видно,
сверху даже в пядь
нити подтягивающей не видно —
[к такому] сплошь железному дому
он подлетел,
девять запоров
проворно убрал,
восемь замков
быстро открыл,
тройные крючки
мгновенно отбросил,
[и тут], словно лиственница без коры,
[могучие] руки имеющий,
словно лиственничные обрубки,
[плотные] мышцы имеющий,
словно ошкуренная лиственница,
[стройные] ноги имеющий
истинный сын *айыы*,
радушной улыбкой сияя,
к нему вышел;
[тогда] Чугдаан Бухатыыр,
суставы свои согнув,
трижды ему поклонившись,
песню запел,
речь такую повел
(Чугдаан Бухатыыр):
«*Кёр бу*! *Кёр бу*!
"Кто такой, явившись сюда,
меня, заточенного, освободил?" —
[если] спрашивать станешь, отвечу:
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший,
Чугдаан Бухатыыр — имя мое!
"Почему это сделал?" — спросишь, отвечу:
Родившейся на снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
священный наказ
на вытянутых руках неся,
особое ее поручение
на плечи возложив, их сюда доставил.
Та Кыыс Дэбилийэ [повелела]:
"На восьмиободной-восьмикрайней
изначальной земле-матери нашей
лукавый да проворный,
непоседа да легкий
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё, появившись,

Күн дьонун күөнтээбитин,
Айыы дьонун атаҕастаабытын иһин,
Икки атах кэскилин,
Ураанхай улууһун дьолун көмүскүү,
Күүстээҕи кытта күрэхтэһэ,
Бэрди кытта мэккиһэ барабын,
Онон алҕас дьаһайбыппын,
Тутах туттубуппун
Буруйбун билинэн,
Хаайыыттан таһааран,
Кулүүстэн төлөрүтэн туран,
Өһүөннээхтик өйдөөн,
Ыардык санаан,
Дьолбун тохпотун,
Саргыбын самнарбатын,
Кэскилбин кэҕиннэрбэтин" — диэн илдьиттиир».
Онуоха анараа киһи
Үүс-киис тэриитэ өлбүргэлээх
Үрдүк нуоҕай бэргэһэтин
Өрө анньан туран,
Субугурдук диэн
Сөрүө сирэйин сөллөңнөтө,
Уоһун-тииһин төртөңнөтө турбуттааҕа
(Эриэдэ Бэргэн):
"Буйака! Буйака!
Мэник бэйэлэнэн,
Халыан санааланан,
Оройбунан көрөн,
Уһукпунан дугунан,
Уолукпунан тыына сылдьан,
Ол сүдү сир сүүнэтин,
Улуу халлаан буулаҕатын
Эндиэлээх суолунаң
Иннин быһа хаампытым,
Куһаҕан суолунан
Соһутан уһугуннарбытым.
Хата, ону айыы буолан
Айыыта тардан,
Бачаҕа тиийиэххэ,
Хаарыан тыыммын харыстаан,
Хараңа эрэ хаайыыга укпута.
Онон
Сыыһа сырыыбар сытан баран,
Халыан санаабар хаайыллан баран
Туох диэн ыардык саныамый,
Өһүөннээхтик өйдүөмүй,
Хата ол кэриэтэ

людей солнечного племени стал теснить,
людей племени *айыы* стал обижать;
судьбу двуногих,
счастье *улуусов ураангхай* защищая,
сразиться с сильнейшими,
силой померяться с лучшими я иду,
а потому ошибку свою,
недостойный поступок свой,
вину свою признаю,
из заточения выпускаю его,
из-под стражи освобождаю его,
[чтобы он] мстительными своими мыслями,
горькими своими думами
счастья моего не рушил,
удаче моей не препятствовал,
судьбы моей не губил", — так сказала она».
На это человек,
из соболиных шкурок-огузков сшитую,
высокую шапку с перьями
на макушку сдвинув,
вот так —
лицо горестно скривив,
печально губами шевеля, стал говорить
(Эриэдэ Бэргэн):
"*Бууйака! Бууйака!*
Когда я был безрассудным,
с необузданными мыслями,
когда теменем глядел,
на носках ступал,
кадыком дышал*,
на великой земле самой могучей,
под этим великим небом сильнейшей
своей неразумной шалостью
дорогу ее перешел,
своим непристойным поступком
разбудив, ее напугал.
К счастью, она ведь из племени *айыы*, и
доброта ее пересилила —
до сих пор я в живых:
жизнь мою пощадила,
лишь заточила в темницу.
Ведь если
за свой проступок был заточен,
за непристойную шалость был посажен,
зачем же мне зло на нее держать,
о мести думать,
лучше я вместо этого,

Өлөрбөтөх үтүөтүгэр
Иннигэр-кэннигэр сүүрэр
Ирбэнньик уол буолуом!" — диир.
Чугдаан Бухатыыр
Ити тылы истээт,
Иэччэҕинэҥ эргиллэн,
Хаалдьыгынан хайыһан
Кыыс Дэбилийэ Бухатыырыгар
Төттөрү көтөн испитэ.
Үөһээ дойду уола Молдьуруут Бухатыыр
Этэн баран эргиллэн көрүөх иннинэ,
Илдьити тиийэн этэ охсубут быһыылаах,
Илин халлаан ис энгийэтиттэн
Эрдэҕэс улар түөһүн түүтүн көрдүк,
Эбир дьаҕыл былыт
Элиэтии ойон таҕыста,
Ити кэнниттэн итии тыал ил-ил охсуолаата,
Ону одуулаан көрөн турдахха,
Анды кыыл хабаҕын түүтүн курдук
Ала дьуорсун былыт үктэллээх,
Бастаах-атахтаах,
Маҥан-дугуй былыт олбохтоох
Чаачыгырыыр таас таҥалай,
Чуучугуруур туус тумус,
Бүрүө харах,
Бүтэй бүлгүн,
Алтан сабарай,
Ала мондоҕой
Хомпоруун хотой кыыл
Хотоҕойун халбаабытынан,
Эрдийэтин элиэтэппитинэн,
Кынатын кыптыыйдаабытынан,
Дьулусханнаах дьулуо маҥан тусаһа
Ортотугар тура түһүүтүгэр,
Эмиэ даҕаны
Күүстээххэ көрүҥнээх,
Быһыйга быһыылаах,
Модьуга морсуоннаах
Татыйык оҕотун курдук
Чараас чараастык чыпчылыйбыт
Дьахтар киһи талыы талбыта буолан
Наскыс гына түстэ;
Онуоха үс уол
Үмүөрүһэн сырсан-кэлэннэр,
Аарыктаах ааннарын аһа охсон,
Дьиппиэһиннээх дьэллэрин тэлэйэ тардан,
Күндү күөрэнсэ ордууларыгар киллэрэн,

за то, что не погубила,
буду верным прислужником,
взад-вперед бегающим!" — так сказал.
Чугдаан Бухатыыр,
такие слова услышав,
тут же легко повернулся,
обернулся к нему затылком,
к Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
полетел обратно.
А сын Верхнего мира Молджуруут Бухатыыр
быстрее, чем, слово сказав, обернуться успеешь,
весть передал, видимо:
из-под внутреннего ската восточного неба
подобное оперению на груди тетерева
узорчато-перистое облачко
вдруг стремительно выплыло,
вслед за этим жарким ветром повеяло;
если внимательно приглядеться, [увидишь]:
опираясь на темно-пеструю тучу,
подобно брюшному оперению турпана,
восседая на пушистом белом облачке,
будто бы голову и ноги имеющем,
с клекочущим каменным нёбом,
с клацающим, твердым, как каменная соль, клювом,
с глазами, покрытыми пленками,
с плотными крутыми плечами,
с могучими медными лапами,
с ярко-пестрым оперением
горбоносый орел,
маховые перья свои сложив,
в воздухе паря, стал снижаться,
крылья свои ножницами смыкая,
на гладко-белый просторный двор,
на самую середину его опускаясь,
вдруг превратился
в могучую видом,
в быстроногую,
станом крепкую,
подобно птенцу синицы
тонкими веками мигающую,
самую лучшую из женщин,
плавно по земле ступающую.
Тогда трое парней
разом кинулись,
крепкую дверь с погремушками распахнули,
тяжелый полог широко раздвинули,
в дорогое высокое жилище ввели,

Бастакы оронноругар олордон кэбистилэр.
Дьэ, аҕастаах балыс
Ахтаах илгэлэриттэн аһыы,
Сүтүспуттэр көрсүбүттэрин,
Мунсубуттар булсубуттарын курдук,
Өрөөбүт уостарын өһүлсэ,
Үтүө тылларынан кэпсэтэ,
Үөрэ-көтө,
Өгүрүк-төгүрүк көрсө олордулар.
Бу олорон
Аан Ахталыйа аҕаһын диэки
Алаҕар хараҕынан адыылаан* олорон:
"Дьэ, хатын эдьийиэм,
Ханнык наадалаах,
Туох соруктаах буолан,
Олорор олоҕун омсуоланан
Ону оготторооругун дуу?
Иэримэ дьиэҥ сиэкэнийэн
Ону тэриттэрээри дуу?
Аһыыр аһыҥ аччаан
Ону буллараары дуу?
Эбэтэр алыс ахтан
Хатын балтым диэн
Харахтыаххын баҕаран ыҥыттардыҥ дуу?" — диэн
Ыйыталаһа олорбута.
Онуоха Кыыс Дэбилийэ:
"Бу айыылаах-андаҕардаах арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар
Аан дойду ангаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир диэн сиргэ
Абааһы кыыһа тахсан
Саһан саарыгыран олорон
Үс дойду оҕотун уоран иитэн,
Холлорун этин хойуннарбыта,
Систэрин этин ситэрбитэ,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыры кэлэннэр,
Алыс атаҕастаабыттар,
Көстө куөмчүлээбиттэр,
Онон айыы киһитэ ааттаспытыгар,
Күн киһитэ көрдөспүтүгэр,
Хара тыыны харыһыйса,
Үрүҥ тыыны өллөйдөһө бараары,
Үтүө сүбэни сүбэлэһээри,
Кэрэ кэпсэтиини тэрийээри,
Көмүскэстээх сүрэҕи түмээри ыҥырбытым", — диэтэ.

на почетную лавку ее усадили.
Вот сестрицы, старшая и младшая,
священную пищу вкушать стали,
будто потерявшие друг друга, снова встретились,
будто заблудившиеся, друг друга вновь обрели,
молчавшие уста свои раскрывая,
задушевную беседу повели,
радуясь-ликуя,
друг на друга с нежностью глядя, сидели.
Так сидя,
Аан Ахталыйа, на старшую сестру
ласковыми глазами взглянув, сказала:
"Ну, старшая сестра *хотун*,
за какой надобностью,
для чего меня позвала:
или в жизни твоей беда стряслась
и ты хочешь, чтоб я ее отвела?
Или уютное твое жилье обветшало
и ты хочешь, чтоб я его обновила?
Или съестные припасы твои оскудели
и ты хочешь, чтоб я их пополнила?
Или очень стосковалась по мне,
по младшей сестре *хотун*,
и, чтобы свидеться, позвала меня?" —
так она расспрашивала.
На это Кыыс Дэбилийэ:
"Под грешно-заклятым западным небом,
под нижним его слоем,
на земле, половину вселенной занявшей,
Западный Сибиир называемой,
девка-*абаасы*, снизу поднявшись,
скрытно поселилась-обосновалась,
детей трех миров похитив, вскормила,
мышцам их рук укрепиться дала,
мышцам их спин созреть дала,
и те к Чугдаан Бухатыыру,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославившему, нагрянули,
очень сильно его обидев,
слишком явно его утеснив;
поэтому когда человек племени *айыы* стал умолять,
человек солнечного племени стал просить,
я решила поехать, чтобы черную душу его защитить,
белую душу его спасти;
добрый совет получить,
беседу полезную повести,
сердца отзывчивые соединить я тебя позвала", — сказала.

Онуоха Аан Ахталыйа
Чараас чараастык чапчылыйан,
Минньигэс-минньигэстик мичилийэн кэбиһэ-кэбиһэ:
"Ол хас орто дойду орой мэниктэрэ,
Уһуктарынан чиэстэммиттэрэ,
Оройдорунан тыыммыттара кэлэн,
Көмүскээ диэн көрдөстөхтөрүн,
Харыстаа диэн ааттастахтарын ахсын
Саба сырсан тиийэн истэхпитинэ,
Хастарыгар тиийэн
Хаһы харыстыахпытый?
Төһөнү көмүскүөхпүтүй?
Арай эн, хатын эдьиийим,
Ол Чугдаан Бухатыырга
Хоойго сытар
Холоонноох доҕор буолуон буоллар,
Охсулларбын үбүрүүргэ,
Сынньылларбын сылланарга,
Таһылларбын таптанарга холунан,
Үрүҥ тыыны өллөйдөһөн,
Хара тыыны харыһыйсан көрүөх этим", — диэн
Бүтэрин аҕай кытта,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы турүгурпут
Чугдаан Бухатыыр,
Кулуустэммити төлөрүтэн,
Хаайыллыбыты таһааран баран,
Көй уорук ордууларыгар
Көтөн түһүүтүгэр, —
Үс хос үрүттэрин
Үрэйэ көтөн,
Түспүттэрин да көрбөтүлэр,
Сэттэ хос дэриэспэ таас эркиннэрин
Силэйэ тардан,
Киирбиттэрин да билбэтилэр,
Алта хос дьапталҕа таас муосталарын
Арыйа тардан
Тахсыбыттарын да анаарбатылар,
Биирдэ өйдөөн көрдөхтөрүнэ,
Дьэбиннээх дьэс алтан харахтарын
Тиэрэ көрөннөр,
Былас ордуга түөс ангаара
Күөх чалахай тылларын
Түөстэригэр түһэрэн,
Иккки дьабадыыларыттан
Хаардаах бугул саҕа
Хара чоҕочу күүгэнинэн

На это Аан Ахтальйа,
тонкими веками мигая,
ласково-ласково улыбаясь, [промолвила]:
«Если всякие забияки Среднего мира,
на рожон лезущие,
напролом идущие,
"защити", мол, просить будут,
"огради", мол, умолять будут,
и мы тут же сразу отзываться станем, —
всем ли сумеем прийти на помощь?
Многих ли оградить сумеем,
многих ли защитить сможем?
Но если бы ты, *хотун* сестра старшая,
тому Чугдаан Бухатыыру
под боком лежащей
равной подругой стала бы,
то мы за поцелуи — удары,
за объятья — побои,
за ласки — истязания вынеся,
белую душу его спасти,
черную душу его защитить могли бы».
Только она это вымолвила,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
под замок посаженного освободив,
заточенного на волю выпустив,
в их обширное жилище
влетел было,
как вдруг — трехслойный ли потолок
сверху раскрыв,
спустились — никто не увидел,
семислойную каменную ли стену
сбоку раздвинув,
вошли — никто не приметил,
шестислойный ли каменный пол
снизу раскрыв,
проникли — никто не заметил,
только, опомнившись, увидали:
ржавые медно-красные глаза
скосив-вытаращив,
длиной в полторы маховых сажени
сине-слизистые языки
до грудей свесив,
из углов пастей
вниз стекающей
черной пеной

Таҥнары ыһыахтаммытынан,
Үс абааһы кыргыттара
Үөгүлээбитинэн-хаһыытаабытынан
Үөмэхтэһэ түстүлэр да,
Эккирээн битийэ,
Этэ дьиэһийэ,
Ыһыытыы-хаһыытыы,
Ыллыы-туойа турдулар
(үс абааһы кыргыттара):
"Иһилликпит-таһыллыкпыт!
Иҥнэликпит-таҥналыкпыт!
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругуппут
Чугдаан ини Бухатыыр!
Ботоҥ-болдьоҕуҥ туолбут үһү,
Кэмиҥ-кэрдииҥ кэлбит үһү!
Ыйын кыһыл ини толуутун
Туолаахтыыра бүгүн кэллэ!
Эчикийэ-эминэ туомуй?
Эргиэникпит-урбааныкпыт!
Охсуһуулаах состуойга
Уолаттарбыт барбыттара,
Эппит сиргэр тиийэ оҕус!
Анаабыт сиргэр бара тардый!" — диэт,
Турар сирдэринэн,
Уу хорҕолдьун буолан
Соҕотохто унньулус гынан хааллылар.
Бу гынарын кытта
Кыыс Дэбилийэ
Кыргыска туттар
Кыырыктаах уһуктаахтарын,
Охсуһууга туттар
Унньуктаах биилээхтэрин ылаттаан,
Үс хос үрүҥ көмүс куйаҕын анньынан,
Сэттэ уон бууттаах
Тимир килиэ этэрбэһин кэтэн,
Аал уотун иннигэр кэлэн,
Үс хардаҕас убайа тураалларын
Үрэйитэ кэйэн баран,
Өрүөллээх манньыаты
Дьөрбөлүү туппут курдук
Үрүҥүнэн диэличчи,
Өгүрүк-тэгүрүк көрө-көрө,
Аал уотун кытта бырастыылаһан,
Амалыйа туойа олорбута
(Кыыс Дэбилийэ):
"Дьэ, бу!

величиной с копну, покрытую снегом, брызгая,
три девки-*абаасы*
с криком-визгом,
в клубок свившись,
прыгать-плясать стали,
без умолку тараторить стали,
кричать-вопить стали,
петь-возглашать стали
(Три девки-*абаасы*):
"Входы-выходы наши!
Колдобины-ухабины наши!
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр!
Срок твой уже настал,
время, тебе предназначенное, подошло, — сказали, —
красное полнолуние
сегодня уж наступит!
Ну и что же?
Крученья-верченья наши!
На поле битвы
парни наши уже ушли,
на место условленное быстрей отправляйся!
На место назначенное скорее прибудь!" — так сказав,
на том самом месте, где стояли,
в расплавленное олово превратясь,
вмиг провалились.
Тотчас же
Кыыс Дэбилийэ,
для битв предназначенные
грозные остроконечные [пики-копья] взяв,
для боев предназначенный
с нетупящимся лезвием [меч] взяв,
в трехслойные серебряные латы облачась,
в семидесятипудовые
железные торбаса* обувшись,
к священному очагу своему подошла,
три горящих полена
перевернула-поправила,
своими светлыми глазами,
словно серебряные монеты,
рядом положенные,
быстро все вокруг оглядела,
со священным очагом прощаясь,
задушевно запела
(Кыыс Дэбилийэ):
"*Джэ, бу*!

Кул тэллэх,
Көмөр сыттык,
Күүкэнньик суорҕан,
Кырыл түһүмэх,
Кыырык төбө,
Харыа чанчык,
Хахай саҕынньах,
Хатан Тэмиэрийэ,
Аал уотум иччитэ
Аан Уххан тойон эһэм!
Үөһээ бөҕөттөн
Үргүөр үргүйдэҕинэ,
Үс хос үрүккүн
Үрэйэ тардар буолаайыккын,
Үс бадаардаах үөрбэҕинэн
Өтөрү быраҕан ытаар,
Аллараа дайдыттан
Аргыар бөҕө
Аргыйар күннээх буоллаҕына,
Алта Дьапталҕа таас алыҥҥын
Арыйа тардар буолаайыҥый —
Аҕыс салаалаах атараҕынан
Батары быраҕан ытаар,
Орто дойдуттан
Оһол-содуол ойоҕолоотоҕуна,
Дэриэспэ таас эркиҥҥин
Силэйэ тардан биэрээйэҥий —
Сэттэ бадаардаах үөрбэҕинэн
Систэрин үөһүн
Быһа быраҕан ытаар!
Үс хос сулууҕэскин
Төлөрүттэрэр буолаайаҥый,
Алта хос ааҥҥын
Астарар буолаайаҥый!
Ахтаах илгэбиттэн матаран,
Антах хайыспыт айыым суоҕа;
Үрүҥ илгэбиттэн көҥөөн,
Төттөрү хайыспыт буруйум суоҕа!
Саргыбын сарбыйар,
Дьолбун тоҕор,
Аартыкпар харгыс,
Суолбар боһол буолар буолаайыккыный!
Быдан-быдан дьылларга
Быралыйар бырастыыкай буоллун!"
Үһүөн таһырдьа ойон тахсаннар,
Үнкүрүс-күөһэлис гына түспуттэрин

Зола-подстилка,
уголь-подушка,
пепел-одеяло,
почтенный чародей,
седая голова,
как сажа, виски,
львиная доха
Хатан Тэмиэрийэ,
священного очага дух-хозяин,
тойон дедушка Аан Уххан!
Если от чудища Верхнего мира
сквозняк повеет,
трехслойный потолок
не разламывай —
трезубцем своим
насквозь пронзив, прогони его;
если из Нижней страны
могучий ветер
дуть станет,
шестислойный каменный пол
не раскрывай —
восьмигранной острогой
насквозь проткнув, прогони его;
если из Среднего мира
беды-напасти нагрянут,
каменные стены
не раздвигай —
семиглавой пикой
становую жилу пронзив,
прогони их!
Трехрядные запоры
открыть не давай,
шестислойную дверь
отворить не давай!
Священной пищей тебя обделив,
в сторону не отворачивалась — нет такого греха за мной,
молочной пищи для тебя пожалев,
прочь не отворачивалась — нет такого греха за мной!
Удаче моей не препятствуй,
моего счастья не рушь,
на пути моем помехой не будь,
на дороге моей преградой не встань!
На долгие-долгие годы
прости-прощай!"
Все трое во двор выскочили,
кувыркнулись-перевернулись;

Өйдөөн көрдөххө —
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Үс бастаах,
Өрүөллээх сүүстээх
Өндөлүйэр Өксөкү кыыл буолан,
Өрө көтөн купсуйдэ,
Аан Ахталыйа,
Атара кутурук
Алтан сабарай,
Дайбыыр дьаҕыл,
Хомпоруун Хотой кыыл буолан,
Хотоҕойо куһугураата;
Чугдаан Бухатыыр
Кинкиниир киэҥ халлаан
Кэй Суорун кыыла буолан,
Кэннилэриттэн эндэйбитинэн барда.
Үһүөн үүт маҥан халлаан үрүт өрөһөтүгэр
Өрө суодуйан тахсан,
Сэттэ уон силлиэ холоругу
Иннилэригэр сирдьиттэнэн,
Аҕыс уон аан будурҕаны
Аттыларыгар аргыстанан,
Тоҕус уон добун буурҕаны
Ойоҕосторугар доҕордонон,
Үс сүллэр этиҥи туһэрэн,
Аҕыс саалар чаҕылҕаны сабыытатан,
Кынаттара кыһыгыраан,
Хотоҕойдоро куһугураан,
Эрдийэлэрэ* иһиирэн,
Көттөхтөрүн ахсын күүһүрэн,
Охсуннахтарын ахсын уоҕуран,
Дайбаатахтарын ахсын ахсымыран,
Соболонноох халлаан* улаҕата,
Сордоох халлаан бэтэрээтэ,
Содуомнаах халлаан анна
Суманан буолуо диэн
Суксуһан түһэн истилэр.
Соһо былыттары тоҕута көтөн ааспыттара —
Тоҥус киһи туос ураһатын курдук
Тоҕуттан түһэ турдулар,
Хара былыттары хайыта тыыран ааспыттара —
Хара тэллэх курдуктар
Таҥнары тамалаһа хааллылар,
Кыыһар былыттары быһыта тыырталаан ааспыттара
Кытыастар кыым буолан
Кыынньан тохто хааллылар;
Кудэрик былыттары көҥүтэ дайбатан ааспыттара —

если внимательно приглядеться:
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
в трехглавого,
с орлиным челом*,
величавого Ёксёкю-зверя превратясь,
стремительно ввысь взметнулась;
Аан Ахталыйа,
с раздвоенным, как острога, хвостом,
с широкими медными лапами,
с пегими маховыми перьями,
горбоносым орлом оборотясь,
крыльями засвистела;
Чугдаан Бухатыыр,
в зверя необъятного гулкого неба
Кэй Суоруна [превратясь],
неотступно за ними следовал.
Втроем к вершине бело-молочного неба
стремительно взметнулись,
семьдесят метелей
проводниками их стали,
восемьдесят сильных буранов
спутниками их стали,
девяносто сильнейших вьюжных бурь
попутчиками их стали;
троекратным громом прогремев,
восьмиступенчатой молнией сверкнув,
крыльями они зашумели,
перьями они загудели,
хвостами они засвистели,
с каждым рывком сильнее,
с каждым ударом [крыльев] быстрее,
с каждым взмахом стремительнее летели;
к заднему краю алчного неба,
к переднему краю злокозненного неба,
к нижнему краю беспокойного неба —
думая, там находится, —
друг за другом неслись они.
Красные тучи, их полетом пронзенные,
словно берестяные тунгусские юрты,
разламываясь, вниз падали;
черные тучи, ими вспоротые,
подобно черным подстилкам,
расползаясь, вниз проваливались,
багровые тучи, ими разорванные,
превратясь в горящие искры,
с шипением вниз сыпались;
легкие тучи, в клочья разорванные,

Түрбэлээх туос курдук,
Түүрүллэн-төкүнүһэн түһэ турдулар;
Ахсым айаны арҕаһыттан харбаан,
Дохсун айаны оройуттан тутан,
Сордоох халлаан бэтэрээтигэр,
Соболоҥноох халлаан улаҕатыгар,
Содуомнаах халлаан анныгар
Тоҕо суксуһан кэлэн,
Киһи аймах киирэр,
Иэйиэхсит бииһэ тиэстэр
Сиэллээх-салама ыйааммыт
Дэлбиргэ Хаан аартыга
Кэрдиис хабарҕаны
Кэккэлэччи уурбут курдук,
Килэһийэн түспүтүн устун
Киирэн иһэҥ көрдөхтөрүнэ,
Алдьархайдаах майдаан арҕаа баһынан
Абааһы аймаҕа арҕастар,
Биллибэт ууһа тиэстэр,
Хара хаан халыһыйбыт,
Субай хаан устубут,
Сыа сыналыйбыт,
Эт эҥэлийбит.
Хабарҕа кэрдииһин
Дьаарыстыы туппут курдук
Хаан Чугуйа аартык
Таҥнары аныһыйан түспүтүн устун,
Абааһылара бастаан,
Айыылара кэнникилээн,
Үс уол сур бөрө буоланнар
Субуруспутунан-суксуруспутунан
Субу киирэн иһэллэр эбит.
Алта бухатыыр тэбис тэҥнэ,
Алта дьаҥсал этиҥ дьааһыйбытын курдук,
Таас состуой икки өттүгэр
Холлоҕос быһаҕаһын саҕа
Кутаалаах уоту уһуутаабытынан,
Илэ бэйэлэринэн,
Көстөр дьүһүннэринэн,
Хаан чаҕаан сэбэрэлэринэн
Хабылла түстэхтэрэ;
Бу гынан баран
Үс өргөстөөҕүнэн
Өтүрүтэ көрөн
Өйдөөн-дьүүллээн турбуттара,
Кыырыктаах биилээхтэр
Кырыыларынан кыстаммыт,

словно берестяные свитки,
скручиваясь, вниз летели.
Быстрый путь за загривок схватив,
скорый путь за темя держа,
до переднего края злокозненного неба,
за пределы алчного неба,
под нижний край беспокойного неба
друг за другом стремительно долетели.
Спускаясь по перевалу Дэлбиргэ Хаан,
где человеческий род проходит,
племя Иэйиэхсит часто ходит,
пучками гривы украшенному,
словно рядами хрящей
ребристой гортани выложенному,
сверху донизу сияющему,
они увидели:
по задней стороне гибельной площадки,
где племя *абаасы* проходит,
род невидимых часто ходит,
где черная кровь льется,
алая кровь течет,
жир стонет,
мясо причитает,
[по перевалу], словно ярусами
хрящей гортани выложенному,
по перевалу Хаан Чугуйа,
холодом веющему,
те трое парней: впереди — *абаасы*,
за ним — из племени *айыы* двое,
образ серых волков приняв,
друг за другом, след в след,
поднимаются, оказывается.
Шестеро богатырей разом
на двух сторонах каменной площадки,
будто шестикратный гром, —
величиной с половину берестяной бадьи
огненное пламя изрыгая,
в самих себя превратясь,
собственное обличье приняв,
в чистом образе своем представ, —
с грохотом появились;
после этого,
острым, как трехгранная пика, взглядом
зорко вглядываясь,
внимательно-пристально вокруг посмотрели:
грозные лезвия
гранями друг с другом сложены,

Унньуктаах уһуктаахтар
Ойоҕосторунан ууруллубут,
Саабылаан батыйа дьаарыстаммыт,
Өргөстөөх-кылааннаах үөмэхтэспит,
Моойноох баһынан дьуолка охсуллубут,
Хаалдьыктаах төбөнөн хайгыа саайыллыбыт,
Дьаргыл унуох дьаарыстаммыт,
Уһун унуох урусхалламмыт,
Хара хаан хайдыы үрэх буолан
Халдьыгырыы устубут,
Итии хаан сиңнии үрэх буолан
Дьигиһийэ устубут.
Илбис Кыыһа
Тиил тилинньэх,
Лабаа тохтунар,
Торҕо түүрэй,
Куо-Кустуктай
Сэттэлээх кыыс оҕо буолан
Дьиэгэнийэн киирэн
Иэхэйдии-иэхэйдии,
Күнгэ иккитэ илбийбит,
Оһол Уола
Обот Мэнэгэй
Уот Солуонньай
Уончалаах уол буолан
Чуохайдыы-чуохайдыы,
Тоҕустуу хоно-хоно
Сууйан-сотон тахсыбыт,
Илэ сүүрэр сибиэннээх,
Көстө сүүрэр көстүбэттээх,
Арҕара көтөр абааһылаах,
Кырыыс хаан төрдө кыттыспыт,
Муң-сор төрдө буулаабыт,
Ынчык бөҕө сыналыйбыт,
Энэлгэн бөҕө энсэлийбит,
Соҕуруу өттүнэн соһо хайа тулалаах,
Арҕаа өттүнэн адаар хайа дьайыгнаах,
Хоту өттүнэн Хоңорой Дьуорсун тумул буодьулаах,
Илин өттүнэн илбистээх хайа энэрдээх
Бухатыыр охсуһар
Буолак хайата, оһоллоох сотуой,
Кыргыстаах Кырпыайка диэн,
Эргэтээҕи бөҕө иңнэстибит,
Урукку бөҕө умсубут,
Былыргы бөҕө быстыбыт,
Түөстээх түңнэстибит,

длинные острия
ребрами составлены,
копья-мечи ярусами нагромождены,
каленые остроконечные [пики] кучами свалены;
[здесь] головы с шеями вешками служат,
черепа с шейными позвонками вместо затесов поставлены,
высохшие скелеты ярусами нагромождены,
трубчатые кости на части расчленены,
черная кровь, русло себе пробив,
буйной речкой течет,
горячая кровь, промоину себе проложив,
бурной речкой несется.
Илбис Кыыса,
подсосок-выкормыш,
вихляющаяся,
вертлявая вертихвостка
Куо Кустуктай,
в облике девочки-семилетки
второпях прибегая,
восторгаясь-ликуя,
[поле битвы] дважды в день подметает;
Осол Уола
Обот Мэнэгэй
Уот Солуонньай,
в обличье десятилетнего мальчика,
радостно восклицая,
через каждые девять суток
[поле битвы] чистит;
здесь привидения, наяву проносящиеся,
духи невидимые, на виду пробегающие,
абаасы, один за другим пролетающие, —
духи проклятья и крови* — все собрались,
духи бедствий и горя* угнездились,
тяжкие стоны здесь раздаются,
причитания горькие слышатся;
[на место,] с юга горами из красной глины окруженное,
с запада остроконечными горами окаймленное,
с севера высоким мысом Хонгорой Джуорсун огражденное,
с востока кровожадной горой окаймленное,
для богатырских поединков предназначенное,
где гибельная скала,
грозной Кырпыайкой именуемая,
где многие древние силачи погибли,
многие стародавние силачи сгинули,
многие прежние силачи пропали,
сильные грудью сокрушены были,

14 Заказ № 564

Сүһүөхтээх бүдүрүйбүт,
Ыҥырыктаах ыйаах аһыллыбыт,
Сүрдээх дьүүл өһүллүбүт
Сүдү сиригэр
Тиийэн кэлбиттэр эбит.
Кыыс Дэбилийэ
Дьэбиннээх хаанын ылынан,
Сэттэ уон бууттаах
Тимир килиэ этэрбэһин
Тибиилээх тиҥилэҕинэн
Дибдигирэччи төттөрү-таары хаамыталаан баран,
Оһоллоох состуой ортотугар киирэн,
Аҥаар атаҕын тобугулаан,
Аҥаар атаҕын сөһүргэстээн олорон,
Дьуон дьаҥыдыйа,
Ыар тылын ырыҥалыы,
Ытык тылын ыһыкта,
Олорбута маннык этэ
(Кыыс Дэбилийэ):
"Бууйака! Бууйака!
Бу оһоллоох состуой,
Кыргыстаах Кырпыайка иччитэ
Таас эҥсилгэн оҕонньор
Тойон эһэм,
Албан дьаһах ааккын ааттаан
Хаалдьыктаах бэйэм ханкыйабын!
Суо сураххын сураан
Тоноҕостоох бэйэм нуоҕайабын!
Хайа ойхол* баһын оройунан тыыммыта,
Одун уохтааҕа кэлэн,
Дьөлөркөй төбөм оройун
Дьөлө эҥсэйдэ диэҥгин,
Үс бадаардаах үөрбэҕинэн
Көхсүм хараҕын дьөлө кыҥаайаҥый,
Түөрт кырыылаах түптүр хара үөт тэрэххинэн
Хайҕахтаах хара быарбын
Батары кынчайар буолаайаҥый!
Ким хайа кэллиҥ диэтэргин —
Бэйэн кымырбыт* кыыһын
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ диэн бухатыыр
Мүлтүҥнүүр Үөдэн бүүрүгэр өтөхтөөх,
Аппаҥныыр аат айаҕар алаастаах
Алып хапсаҕай,
Дьиэрбэн нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө диэн,

твердые в суставах — сломлены были;
[туда,] где страшное решение принимается,
суровый приговор [судьбы] исполняется, —
на такое зловещее место
прибыли они, оказывается.
Кыыс Дэбилийэ,
от гнева побагровев,
тяжелыми каблуками
семидесятипудовых
железных сапог-торбасов
гулко стуча, взад-вперед прошлась,
на середину гибельной скалы поднялась,
на одно колено опустилась,
другое колено преклонила,
веские слова произнесла,
убедительные слова подбирать стала,
почтительные слова вымолвила,
вот такие
(Кыыс Дэбилийэ):
«*Бууйака*! *Бууйака*!
Этой гибельной скалы,
грозной Кырпыайки, дух-хозяин,
старик Таас Энгсилгэн,
тойон дедушка мой!
Славное имя твое называя,
я, шею имеющая, голову склоняю!
О грозной славе твоей прослышав,
я, позвоночник имеющая, спину сгибаю!
"Из каких дальних стран эта теменем дышащая*,
сильная духом пришла
и над моей открытой макушкой
звонко поет?" — так думая,
трезубец-острогу
в середину спины моей не направляй,
четырехгранным черным ожигом своим
в крепкую печень мою
не нацеливайся!
"Кто же сюда явился?" — [если] спросишь, отвечу:
тобою осужденная дева,
родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр;
на краю скользкой Юёдэн обосновавшийся,
у разверстой пасти ада *алаас* имеющий
лукавый да проворный,
непоседа да легкий,
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё

Орто туруу дойду
Уруйдаах олоҕун долгуппутун,
Аан ийэ дойду
Алгыстаах майдаанын аймаабытын,
Күн дьонун күрүөһүлээбитин,
Айыы аймаҕын атаҕастаабытын,
Киһи бииһин эккирэппитин иһин,
Үрүҥ тыын өрүһүлтэтигэр,
Хара тыын харыһыгар,
Суон тыын толугар,
Ураанхай саха удьуорун
Уһун буруотун быһымаары,
Киһи аймах кэскилин
Кэҕиннэримээри кэлбитим!
Бу оһоллоох состуой
Тоҕус луо балык тулааһынын
Тулхадытар буолаайаҥый,
Аҕыс халбарыйбат ангаабылын
Айгыратан биэрээйиҥий,
Сэттэ дьиппиэһиннээх тирээбилин
Дьигиһитэр буолаайаҥый,
Үс луо балык өһүөтүн
Төлө тардар буолаайаҥый!
Оһоллоох состуой соҕуруу өттүнээҕи
Тойон киһи сототун унгуоҕа дьуолкалаах
Суордаах Суксулла Хаан аартык иччитэ
Тойон Турантай оҕонньор!
Арҕаа өттүнээҕи
Хабарҕа кэрдииһин дьаарыстыы туппут курдук
Хаан Чугуйа аартык иччитэ
Хаан Эҕиргэн эмээхсин!
Хотугу өттүнээҕи
Сэттэ күннүк сиртэн ингэрсийэн көстөр
Тимир Дьигискэн аартык иччитэ
Дьэбин Кулахай хотун эбэм!
Иэйиэхсит бииһэ тиэстэр
Сиэллээх салама ыйааммыт
Дэлбиргэ хаан аартык иччитэ
Нэлбэр Ийэ Хотун эдьиийим!
Бэттэх көрөнгүт мичик гыныҥ,
Антах көрөнгүт курус гыныҥ!
Одун уохтаахтан
Охтор күнүм тиийэм кэллэҕинэ,
Уон дьаахыла тыҥыраххытын*
Саратан биэрэн,
Иннэ-бүргэс төбөтүгэр

неколебимого Среднего мира
благодатную жизнь взволновал,
изначальной земли-матери
благословенную твердь потревожил,
на людей солнечных напал,
людей племени *айыы* обидел,
человеческий род стал преследовать;
чтобы спасти их светлые души,
чтобы защитить их черные души,
чтобы выручить их толстые души*,
чтобы у потомков *ураангхай*
высокий дым [очагов] не прервался,
чтобы счастье человеческого рода
не угасло — я пришла!
Этой гибельной скалы
основание из девяти рыб-*луо*
не расшатывай,
восемь неподвижных стоек
не разваливай,
семь крепких подпорок
не раскачивай,
[ее] верхние матицы из трех рыб-*луо*
не рушь!
Дух вороньего Суксулла Хаан-перевала,
на южной окраине гибельной скалы находящегося,
вешки из голени почтенного человека имеющего,
Тойон Турантай-старик!
Дух Хаан Чугуйа-перевала,
на западной окраине [находящегося],
словно хрящами гортани вымощенного,
Хаан Эгиргэн-старуха!
Дух Тимир Джигискэн-перевала,
на северной окраине находящегося,
на расстоянии семидневного пути грохотом встречающего,
почтенная Джэбин Кулухай-бабушка!
Дух Дэлбиргэ Хаан-перевала,
саламой из конской гривы увешанного,
племенем Иэйиэхсит проторенного,
почтенная Нэлбэр Ийэ Хотун, сестрица старшая!
Сюда взглянув, улыбнитесь,
туда взглянув, огорчитесь!
[Если от рук] могучей силы
мне погибнуть время настанет —
то десять своих корявых пальцев,
растопырив, подставьте мне,
на острие иглы-шила

Үөлэ сылдьар буолаайаҕыт,
Түүлээх түһэгэй дьилбэккитигэр
Түһэрэн ылар буолаарыҥ!
Идэмэрдээх Илбис Кыыһын
Сэттэлээх кыыс оҕо оҥорон
Төбөм оройугар түһэрэн кулуҥ!
Оботтоох Оһол Уолун
Үстээх уол оҕо оҥоронҥнут
Уҥа хонноҕум анныгар уган кулуҥ! — диэн
Көрдөһөр бөҕө куттүөннээх,
Аттаһар бөҕө ахсааннаах!"
Бу ыллаан бүтэрин кытта,
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлаҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Өлүү Өтүмэхтэй оҕонньор аҕалаах,
Тимир Тэмэлэкээн эмээхсин ийэлээх
Алып хапсаҕай,
Дьиэрбэҥ нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕөлүүн
Утарыта кынчаатаһан турдулар,
Орто дойду уола
Улаан Дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыырдыын
Утарыта турсан
Буордааҕынан боролуччу көрсөн бардылар.
Үөһээ дойду уола
Күн Эрили бухатыыр
Аан Ахталыйа бухатыырдыын
Алтаннааҕынан арылыччы көрсөн
Утарыта турустулар.
Кыыһырар хааннара
Кырыыларынан киирэн
Кыынньан бардылар,
Уордаах хааннара
Ойоҕосторунан кутуллан
Уордайан бардылар,
Хардааччы санаалара
Хабарҕаларыгар хаайтарда,
Өлөрсөр өһүөннэрэ
Көмөҕөйдөрүгэр моҕустэ;
Удурҕаччы санаалара
Уолуктарыгар муһунна.
Сирэйдэриттэн-харахтарыттан

не насаживайте меня,
на мягкие волосатые колени свои
примите меня!
Кровожадную Илбис Кыыса
в девочку-семилетку превратив,
на темя мне опустите, прошу!
Прожорливого Осол Уола,
в мальчика-трехлетка превратив,
под правую подмышку суньте мне*, умоляю!
И просьба имеет меру,
и мольба имеет предел!»
Как только кончила петь,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе,
[и] сын старика Ёлюю Ётюмэхтэя,
сын старухи Тимир Тэмэлэкээн
лукавый да проворный,
непоседа да легкий,
Когтистый Дыгыйдаан Бёгё
друг на друга свирепо уставились.
Сын Среднего мира
Ургунньук Баатыр,
владеющий буланым с [белым] оплечьем конем,
и Чугдаан Бухатыыр,
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший,
глазами, потемневшими, как земля,
друг в друга злобно впились.
Сын Верхнего мира
богатырь Кюн Эрили
с Аан Ахталыйа-богатыркой
глазами, пожелтевшими, как медь,
друг на друга гневно уставились.
Сердитая кровь
по бокам заходила —
распаляться стали,
гневная кровь
по ребрам заклокотала —
злиться стали,
яростные мысли
в горле застряли,
смертельная злоба
в гортани забилась,
лютые мысли
в кадыке собрались.
В лицах-глазах их,

Сирэлгэн уоттар сириэдийэн таҕыстылар,
Көҕүллэриттэн-астарыттан
Күөх уоттар күлүбүрүү убайдылар.
Унньуктаах биилээхтэрин уһулута тардан,
Өргөстөөх уһуктаахтарын төлүтэ тыытан,
Кыырыктаах кылааннаахтарын сыыйыта тардан,
Торҕо биилээхтэрин сулбурута охсон ылаттаан баран,
Үс түүннээх күнү мэлдьи,
Сүүлүн саҕанааҕы сүнкэн атыыр оҕус курдук,
Түсүһэн бэрсибэккэ,
Төгүрүйэ хаамсан көрдьүөттэһэ сырыттылар.
Төрдүс күнэ кэлиитигэр,
Кыырыктаах үнүүкэн
Кылана-кылана кырбаһан иһэннэр
Кылааннарын сынтарытан
Кыырыталаан кэбиһээт,
Унньуктаах биилээҕинэн
Уордайа-уордайа охсуһан иһэннэр,
Тоһута дайбааннар
Туорута илгэн кэбиһээт,
Өргөстөөх уһуктааҕынан
Үөгүлэһэ-үөгүлэһэ үөлсүһэн иһэннэр,
Үнтү кумалааннар
Үрүө-тараа ыһан кэбиһээт, —
Кыланса түстүлэр да,
Кыһыл илиилэринэн кырбаһан бардылар,
Эккирэһэ түстүлэр да,
Эт сутуруктарынан эттэһэн киирэн истилэр.
Тоҕус күн устата
Тохтоон уоскуйан көрбөккө,
Тор тэһииннэрин тардыһа,
Торҕон уодьуганнарын тутуһа,
Орой бөҕөнү ойбонноһон,
Чэчэгэй бөҕөнү тэсиһэн,
Хааннарын көрө-көрө халыарыйан,
Кыһылларын көрө-көрө кыынньан,
Охсоллорун дьуугутун булбакка,
Дайбаһалларын дьаабытын аахпакка,
Уҕалды тыллаах,
Уу харахтаах,
Уһаты уллунгахтаах,
Улаан ньуурдаах,
Ортотунан курданар,
Оройунан дуумайдыыр
Ураанхай саха
Оломун булбат
Оһолун-содуомун олохтоон

яркий огонь вспыхнул,
в гривах-вихрах их
синий огонь полыхнул.
[Оружие] с длинным лезвием решительно вынув,
с колющим острием мгновенно выхватив,
с грозным лезвием быстро вытянув,
с отточенным лезвием вмиг вытащив,
три дня и три ночи,
будто могучие быки в вожделении,
настороженно кругами ходили,
друг на друга свирепо косясь.
На четвертый день
грозные копья
с воплем-криком в ход пустили,
и, острия притупив,
прочь от себя откинули;
длинным отточенным оружием
рубились неистово
и, его поломав,
в стороны прочь отбросили;
колющее оружие схватив,
с воем-ревом друг друга кололи
и, его вдребезги разломав,
прочь от себя отшвырнули;
злобно вопя,
голыми руками друг друга бить начали,
яростно землю топча,
кулаками друг друга колотить стали.
Все девять дней
без устали, себя не помня,
за цепкие поводья друг друга дергая,
за крепкие удила друг друга хватая,
по темени друг друга гвоздили,
по вискам друг друга дубасили,
на кровь свою [льющуюся] глядя, еще неистовее,
на красное [месиво] глядя, еще свирепее [бились],
ударам конца не ведая,
взмахам рук не ведя счета;
[такое побоище], что велеречивый,
с глазами чистыми, как вода,
со ступнями продолговатыми,
со светлым ликом,
посередине подпоясывающийся,
головой-макушкой думающий
ураангхай-якут
брода-выхода не мог бы найти* —
такое страшное

Охсуһа турдулар.
Сах кыыһа̄ батыһа сылдьан часкыйда,
Илбис Кыыһа эккирэтэ сылдьан битийдэ,
Оһол уола ойоҕолуу сылдьан чуоҕуйда,
Идэмэр бөҕө ингэрсийэн түстэ,
Содуом бөҕө сордооҕо олохсуйда.
Кыырыктаах батыйалар биир туспа
Кылана-кылана кырбаһан бардылар,
Өһөхтөөх үнүүлэр биир туспа
Үөгүлэһэ-үөгүлэһэ үмүөрүһэн өлөрсөн бардылар,
Саабылаан батыйалар биир туспа
Часкыйа-часкыйа дайбаһан бардылар;
Киэҥ халлааннарын киэбэ хамнаата,
Добун халлааннарын урсуна будулуйда,
Күөх халлааннарын өҥө бүдүгүрдэ,
Сарыал маҥан халлааннара хаанынан таҥнары саккыраата.
Ыйдара ыыстыйа буста,
Күннэрэ көҕөрө устан түстэ;
Байхал уута баарыстанна,
Муора уута буккулунна,
Күн тахсара түбэ биллибэтэ,
Халлаан сырдыыра дьаабыта таайыллыбата.
Холлоҕос быһаҕаһын саҕа
Кутаалаах уоту өрө уһуутаан кээстэрэ —
Киҥкиниир киэҥ халлааны тилэри көтөн,
Кэкэ Чуураан ууһун уҥуордаан,
Ынаҕы баппатах
Бөдөт майгылаах,
Бөппүрүөк сигилилээх,
Бүөртүк оҕустардаах,
Биэҕэ турбатах
Хараҥан харахтаах,
Хардаҥ түүлээх,
Хахыдал хара атыырдардаах,
Эргэ тахсан көрбөтөх
Эриҥэх кыргыттардаах,
Ойох ылбатах
Ончолҕон* уолаттардаах,
Дьахтарга сылдьыбатах
Лаһыр* хара дьоннордоох
Уордайан уһуктар,
Ордоотоон саҥарар,
Уорастыйан дьааһыйар
Улуутуйар Улуу Тойон оҕонньор
Халыҥ аймаҕын,
Хараҥа сэриитин*

учинили они сражение.
Дьявола дева, за ними следуя, визжала,
Илбис Кыыса, за ними бегая, плясала,
Осол Уола, сбоку глядя на них, ликовал,
кровавое побоище началось,
содом ужасный настал.
Острые *батыйа* сами,
криком крича, друг с другом биться стали,
кровавые пики сами,
громко вопя, сгрудившись, насмерть сражаться стали,
большие *батыйа* сами
с пронзительным визгом друг друга разить стали;
изменился вид широкого неба,
затуманился лик чистого неба,
потемнел цвет голубого неба,
лучистое светлое небо кровью истекать стало;
луна копотью заволоклась,
солнце синей дымкой закрылось;
воды-пучины парусами вздулись,
воды моря вздыбились,
восхода солнца — не увидать,
прихода рассвета — не угадать.
Огненное пламя, ими извергнутое,
величиной с половину берестяной кадки,
гулкую ширь небес облетев,
над родом Кэкэ Чуураана пролетев,
туда долетело, где неплодовитые быки
с вялыми повадками,
с упрямым норовом,
с коровами не случающиеся,
[где] отощавшие черные жеребцы
с подслеповатыми глазами,
с облезлою шерстью,
с кобылами не спаривающиеся,
где замуж не идущие
бесплодные девки,
где жен не берущие
неспособные парни,
где женщин не знающие
темнолицые мужчины;
где в гневе просыпающегося,
зычно кричащего,
злобно зевающего
старца Улуутуйар Улуу Тойона
многочисленная родня,
тьмя-тьмущая народа, —

Сирэлгэн уот буолан тахсан,
Систэрин этин сиритэ сиэн кээстэ,
Сэттэлии сыл устата
Тиэрэ таһыллан,
Тартарар өлүү буолан
Таҥнары булкулла сыппыттара.
Турук таас хайалар
Чочумаас таас төбөлөрүн
Тоҕута сынньан кээстэрэ —
Тобурах ардах буолан
Дьөлөрү Үтүгэнтэн
Дьөлө суодуйан,
Аппаҥныыр аат айаҕынан
Таҥнары сахсыллан,
Кэлэҕэй кэҕэлээх,
Хонсуо суордаах,
Тардыас тураахтаах,
Өксөкүлээх үрүйэлээх,
Хахайдаах халдьаайылаах,
Арсыын тиистээх,
Аҕыс атахтаах,
Арбаҕаһын бүрүммүт,
Адаҕатын кэппит
Арсан Дуолай оҕонньор
Суон сэриитин,
Сомоҕо аймаҕын
Төбөлөрүн оройугар
Дьөлө сиксиллэн түһэн,
Сэттэлии сыл устата
Дьэс харахтарын тиэрэ көрөн,
Иирэр өлүүгэ тэптэрэн,
Илгистэн-мэнгийэн барбыттара,
Бу алта бухатыыр ити курдук
Үөһээ бөҕөбө үргүөр буолан үргүйэн,
Аллара бөҕөбө аргыар буолан аргыйан,
Орто дойдуга оһол буолан суодуйан
Отут хонук устата
Уурайбакка-тохтообокко,
Эрбии биитин курдук тэбис-тэҥнэ
Эллэхтэһэ турдахтарына, —
Бухатыыр охсуһар
Оһоллоох состуой
Кыргыстаах Кырпыайка майдаана,
Уулаах дулҕа курдук
Ортотунан куталдьыйан,
Кырыытынан бысхалдьыйан баран
Таас килиэ ньуура,

[и там] в жар превратившись,
пламя это спины им так опалило,
что семь лет,
ничком упав,
в судорогах-припадках бились,
в муках корчились.
Остроконечные вершины
крутых каменных гор,
в крошево превратившись,
ледяным градом
бездонную Ютюгэн
насквозь пройдя,
через раскрывающуюся-закрывающуюся пасть ада
туда посыпались,
где кукушка заикается,
ворон гнусавит,
ворона шепелявит,
где на речных берегах орел Ёксёкю,
на склонах гор львы водятся,
где с аршинными зубами
восьминогого,
облезлую доху на себя накинувшего,
на ногах в колодки обутого
старца Арсан Дуолая
неисчислимый народ —
густая толпа сородичей, —
[и там] камни эти как ударили
по макушкам голов их,
что целых семь лет,
медно-красные глаза свои вытаращив,
в безумие впав,
бесновались-бесились,
когда эти шестеро богатырей,
Верхнюю твердь (мир) сквозняком обдувая,
Нижнюю твердь (мир) студеным ветром обдавая,
в Средний мир бедствия принося,
в течение тридцати дней
без устали-передышки
равные, будто зубья пилы,
друг друга били, —
поверхность гибельной скалы
боевой Кырпыайки,
для богатырских битв предназначенной,
будто болотная кочка,
в середине заколыхалась,
с боков осела;
крепкая каменная твердь ее,

Салыҥнаах сордоҥ курдук,
"Дьалкыһыс" гыммытыгар,
Охсуһа турар алта бухатыырдар
Ыһыктыһан кэбистилэр да,
Киһи эрэ буоллар,
Кэннилэринэн чинэриһэн,
Алтыан алта аҥы баран
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөхтөрүнэ,
Оһоллоох состуой анныттан,
Эргэтээҕи киһи энэлгэнэ энгсэлийэр,
Урукку киһи оноҕоно дойҕохтуур,
Кырдьаҕас киһи ырыата сыналыйар эбит
(Таас Энсилгэн оҕонньор (буолак иччитэ)):
"Бой! Бой! Бой!
Туох ӱлүгэр түмэн дойду
Түөс куустээхтэрэ түбэһистэхтэрэй!
Хайа үлүгэр хамаан-имээн дойду
Хатан силгэлээхтэрэ харсыстахтарай!
Утуйар уум түбүн,
Олорор олоҕум оттомун*,
Аһыыр аһым амтанын биллэрбэтилэр.
Охсуһар дорҕооннноро,
Ородоһун тииһик* буолан,
Оройбор киирэн уйаланна;
Тилэхтэрин дирбиэнэ,
Тимир иннэлик буолан,
Чэчэгэйбэр киирэн кэйиэлээтэ,
Бу бухатыыр охсуһар буолак хайатын
Оһоллоох состуойуттан
Уларытар күнүм буолла!
Алларaa аппаҥныыр аат айаҕын
Анараа дьайыҥар,
Мултүҥнүүр үөдэн бүүрүгүн
Түгэх өттүгэр,
Кэниэрдээх ууһун кэтэҕэр
Суккуордаах ууһун ойоҕоһугар,
Дьаныардаах аймаҕын аттыгар
Кыыс дьахтар кыдьымахтаах,
Хатын дьахтар халҕаһалаах,
Уолан киһи долгуннаах
Уот Кудулу байҕал
Уҥа состуойугар
Киирбит эргиллибэтэх,
Барбыт төннүбэтэх
Кыргыс буолаҕа диэн
Кытыйаны умса уурбут курдук,
Кыһыл хаан кыраасакаланан

подобно осклизлой щуке,
всколыхнувшись, задвигалась;
шестеро богатырей, схватку ведущие,
друг друга враз отпустили —
даже таких молодцев страх обуял!
Назад отступив,
все шесть порознь стали,
разбираться начали:
из-под гибельной скалы
древнего человека тяжкий стон,
стародавнего человека жалобные причитания,
старого человека песни-стенания раздаются, оказывается.
(старик Таас Энгсилгэн (дух скалы)):
"*Бой*! *Бой*! *Бой*!
Каких великих краев
сильные грудью сошлись?
Каких дальних стран
с крепкими жилами бьются?
Сон мой спокойный сладости,
жизнь мою благополучия,
пищу мою вкуса лишили;
гул их сражения,
в хворь-болезнь превратясь,
в темени моем угнездился;
стук их пяток,
в иглы железные превратясь,
в виски мне вонзается;
это поле для богатырских битв
на гибельной скале
сменить день настал!
На самом нижнем краю
раскрывающейся-закрывающейся пасти ада,
на самой нижней кромке
скользкой преисподней,
дальше мстительно-злобных родов,
вблизи раздираемых распрей родов,
около гибельно-буйных родов,
у моря Уот Кудулу
с шугою из молодых девиц,
с ледоходом из почтенных женщин,
с волнами из юных удальцов
с правой стороны
поле брани:
кто приходит — не возвращается,
кто заявится — не вернется,
опрокинутой чаше подобное,
красной кровью окрасившееся,

Кыыһа үллэн турара буолуо,
Онно утаарабын!
Оһоллоох состуойум,
Кыргыстаах кырпаайкам,
Сэттэ хос дэриэспэ таас сирэйиҥ
Силэллэн биэрдин!
Аҕыс хос дьапталҕа таас анныҥ
Арыллан биэрдин!
Тоҕус хос болуо муус ньууруҥ
Тобуллан биэрдин!" — диирин кытта,
Содуомнаах состуой
Ортотунан тобулу ыстанан,
Биэс быластаах от түгэҕин саҕа
Иин буолан иҥнэри туойуллан,
Инэрсийэн түһэн барда.
Били гынарын кытта,
Охсуһа турар алта бухатыырдар
Кэннилэринэн чиэппэр сири чинэрийэн көрбөккө,
Тутум сири чугуруйан барбакка,
Иин хайаҕаһын устун иҥнэри тардыллан,
Охсуһалларын кубулуппакка,
Дайбаһалларын ахсаппакка,
Эттэһэллэрин сэллиэрпэккэ,
Аппаҥныыр аат айаҕын диэки
Таҥнары сахсыллан түһэн истилэр.
Бу түһэн иһэн
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Аан Ахталыйа балтын
Алаҕар хараҕынан
Анааран көрбүтэ —
Хатыҥ балта
Хара хаана тохтубут,
Халыҥ тэриитэ хайдыбыт,
Харт тамана быстыбыт,
Сырдык тыына быстара
Тыһы кыл саҕа хаалбыт эбит.
Маны көрөн баран
Аан Ахталыйа балтыгар
Саманнык диэн саҥалаах буола испитэ
(Кыыс Дэбилийэ):
"Дьэ, бу!
Хотун балтым, Аан Ахталыйа!
Үрүт күүһүҥ өһүллүбүт,
Алын тирэҕиҥ айгыраабыт!
Кыһыл этиҥ кырбастаммыт,
Чэгиэн этиҥ сэймэктэммит,

багрово пламенеющее — стоит-возвышается.
Туда я вас изгоняю!
Моя гибельная скала,
мое поле брани,
семислойные каменные щеки-глыбы твои
пусть раздвинутся!
Восьмислойное каменное дно-основание твое
пусть раскроется!
Девятислойная ледяная поверхность твоя
пусть расколется!" — Только сказал —
гибельная скала
вмиг посредине разверзлась:
[величиной] с основание пятисаженного стога
со страшным грохотом
образовался провал.
Когда такое случилось,
шестеро бьющихся богатырей,
назад и на четверть пяди друг от друга не отступая,
и на кулак друг от друга не пятясь,
схватку ведя,
жара битвы не умеряя,
друг друга рубить не переставая,
в провал втягиваемые,
вниз, в раскрывающуюся-закрывающуюся пасть ада,
стремительно падать стали.
Пока они вниз так летели,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
на младшую сестру свою Аан Ахталыйа
широко раскрытыми глазами
внимательно поглядела:
у любимой младшей сестры
черная кровь пролита,
плотная кожа рассечена,
жирные бока искромсаны,
светлая душа
на тонком волоске висит*, оказывается.
Увидев это,
к младшей сестре своей Аан Ахталыйа
с такими словами обратилась
(Кыыс Дэбилийэ):
"*Джэ, бу!*
Хотун сестра моя, Аан Ахталыйа!
Верхние силы твои иссякли,
нижние опоры твои ослабли!
Красная плоть твоя изрублена,
крепкая плоть твоя искромсана,

Аҕыс унуоҕун халыгыраабыт,
Тоҕус унуоҕун толугураабыт!
Үрүҥ тыынын өрүһүлтэтин өйдөө,
Хара тыынын харыһылтатын санаа.
Кинкиниир киэҥ халлаан
Көлүөс чыычааҕаа буолан,
Уон тарбаҕын быыһынан
Уу хорҕолдьун буолан,
Суодуйан тохтоннун
Кыыда халлааннар кыйдан,
Күндүл халлааннар көт,
Дьулуо халлааннар куот!"
Инньэ диэн этэрин кытта,
Аан Ахталыйа
Тохтоон чугуруйан
Үтүө мөрсүөнүн
Өнөнөн көрбүтэ,
Кырдьык даҕаны,
Кыһыл этэ кырбастаммыт,
Кыа хаана тохтубут,
Модун күүһэ бохтубут,
Күтүр күүһэ өһүллүбүт эбит.
Үөһээ дойду уола
Күн Эрили бухатыыр
Уон ыырааҕын быыһынан
Уу хорҕолдьун буолан,
Унньулус гынан хаалаат,
Күндү түүлээх,
Көмүс өнгнөөх,
Күөрэйэн көтөр күөкэгэр моойноох
Көлүөс чыычаах буолан,
Күндүл халлааныгар
Тэлибирээн-тэлээрэн,
Тэмтэйэ көтө турбута.
Күн Эрили
Куоппуту тутаары
Кулан дапсыыр илиитин
Унан истэҕинэ —
Кэлэн баран
Кэтэһэн сылдьыбыта да биллибэт,
Ыраах сиртэн
Ырыалаах ох курдук
Ыйылаан кэлбитэ да биллибэт, —
Сэттэ дьаахыла хайа* ийэтэх өттүгэр,
Аҕыс адаар хайа анараа дьайыыгар,
Тоҕус турук хайа улаҕа өттүгэр,
Үс күндээ муора нөнүөтүгэр

восемь [трубчатых] костей твоих раскачались,
девять [основных] костей твоих расшатались!
О спасении светлой души своей вспомни,
о сохранении черной души подумай!
Кёлюёс-птичкой
необъятного неба стань,
меж десяти пальцев [врага]
расплавленным оловом
скользни-просочись,
на белое небо свое улети,
на чистое небо свое удались,
на гладком небе своем скройся".
Как только это она промолвила,
Аан Ахталыйа
остановилась, чтоб разобраться,
статное тело свое
сверху донизу оглядела:
и вправду ведь,
красная плоть ее изрублена,
алая кровь ее пролита,
могучая сила ее ослабла,
великая сила ее иссякла, оказывается.
[Тут] меж десяти пальцев
сына Верхнего мира,
богатыря Кюн Эрили,
расплавленным оловом
мигом скользнув,
в кёлюёс-птичку
с роскошными перьями
золотистого цвета, —
с изогнутой шеей, легко парящую, превратясь,
в чистое небо,
крыльями трепеща,
она взмыла.
Кюн Эрили,
чтоб беглянку поймать,
руки загребистые свои
проворно простер было,
тут — раньше ли появился
и, выжидая, рядом стал — неизвестно,
из дальних ли стран,
певучей стреле уподобясь,
прилетел со свистом — неведомо, —
за семью песчаными горами,
у окраины восьми скалистых гор,
за грядой девяти высоких гор,
за тремя сияющими морями

Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Ампаардаан баран
Алҕаһын билинэн таһааттарбыт,
Эмньик кулун* аттаах
Эриэдэ Бэргэн Бухатыыра,
Эрэгэпчи талах курдук
Иилистэ түстэ да,
Үөһээ дойду уолунаан
Охсуһуу диэн обуннааҕын олохтоон,
Кыргыс диэн кытааннаҕын дайбаһан бардылар.
Бу курдук охсуспутунан-сулласпытынан,
Эттэспитинэн-эллэхтэспитинэн түһэн иһэн,
Кыыс Дэбилийэ иккиһин эргиллэн
Үөһээ диэки өнөс гынан көрбүтэ,
Иинин айаҕа
Сири чабычах түгэҕин курдук
Эрилийэн көстүүтүгэр,
Хара тыа хабах түүлээх,
Күөх тыа көмөгөй түүлээх,
Аабылаан тыа арҕас түүлээх,
Симилэх тыа сис түүлээх,
Харалаабыт анньыы курдук,
Таҥнары баҕыырдаах тумустаах,
Уон дьааҥы хатыырын
Умсарыта туппут курдук,
Уон дэгиэ хара тыҥырахтаах,
Отут быластаах от түгэҕин
Субуччу бырахпыт курдук,
Олодуйар уллуҥахтаах,
Сарданалаах халлааны саннынан сабардаабыт,
Күнү-ыйы көхсүнэн бүрүүкээбит
Икки кыһыл чааскы курдук
Эриэннээҕинэн эриличчи көрбүт кыыл,
Күкүрү таас кынаттарын налытан,
Иин айаҕар баһын уган сытар эбит.
Ол сытан
Көмөлгөнннөөх көхсүн тыаһатар,
Хабырҕаннаах айаҕын атыҥнатар,
Ытыыстаах сыҥааҕын ыллаҥнатар
Хоһооно манньк эбит
(Солук Баатыр):
"Бууйака! Бууйака!
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ, хотуой!
Тохтоо болҕой эрэ!

Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
в амбар заключенный,
ею, ошибку признавшей, выпущенный,
Эриэдэ Бэргэн Бухатыыр,
владеющий ретивым конем,
словно гибкий тальник,
сына Верхнего мира
цепко схватил,
яростный бой начали,
жестокую битву затеяли.
Вот так, лупя-колотя,
гвоздя-дубася друг друга, вниз катились,
Кыыс Дэбилийэ, во второй раз обернувшись,
вверх взглянула:
там, где пасть провала,
словно дно кожаной чаши распоротой,
зияя, виднеется, —
с брюшным, словно черный лес, опереньем,
с горловым, словно зеленый лес, опереньем,
с заплечным, словно мелкий лес, опереньем,
со спинным, словно дремучий лес, опереньем,
словно пешня черненая,
с загнутым вниз крючковатым клювом,
словно десять янских кос*,
книзу изогнутых, —
с десятью когтями хищными,
со ступнями широкими,
словно основание тридцатисаженного стога,
в длину сметанного,
сияющее небо плечами заслоняющий,
солнце и луну спиной загораживающий,
с глазами, словно две красные чаши,
зорко глядящий зверь,
крепкие каменные крылья распластав,
в пасть провала просунув голову, лежит, оказывается.
И, лежа там,
спиной с гулким шумом поводя,
клюв с резким звуком открывая,
сомкнутые челюсти размыкая,
такие слова говорит, оказывается
(Солук Баатыр):
«*Бууйака! Бууйака!*
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ, *хотуой*!
Послушай-ка, погоди!

Ким этиитинэн
Үс биттэхтээх үөдэн түгэҕэр
Дьөлө суоруйан түһэн иһэҕин?
Туох үлүгэр одун уохтанан
Аан дайдыны арҕара көттүҥ,
Үс дойдуну бүрүүкүү сүүрдүҥ!
Үөһээ буоллар
Үөһээ сүгүн сылдьыбаккын,
Аллараа буоллар
Аллараа батан хаампаккын!
Ким-хайа кэлэн
Эттиҥ диэтэргин —
Кыталык элэмэс атыырдаах,
Дьэллик элэмэс биэлээх
Сырдык дьүүлү сыаналаан ырыппыт
Чымарыттар Дьылҕа Хаан Тойон
Этэр тылын эҕиргэнэ,
Саҥарар саҥатын сатата буолбут
Сүрүктээх соҕуруу халлаан уола
Солук Баатыр диэммин.
Дьэ, хотуой, төнүн!
Өһөөбүт өскүн өһүлбэккэ,
Санаабыт санааҕын халбарыппакка,
Охсуспут охсуһуугун тохтоппокко,
Куотар-кубулунар буоллаххына —
Сибилигин аҕыс салаалаах айыы атаратынан
Көхсүҥ хараҕар батары быраҕыам!
Абааһы аймахтараа,
Бу Өлүү Өтүмэхтэй оҕонньор аҕалаах,
Тимир Тэмэлэкээн эмээхсин ийэлээх
Алып хапсаҕай
Дьиэрбэҥ нэҥэрик
Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө диэн
Өһөрөр өлөрөр сүрэхтэммит,
Сарбыйар-баттыыр санааламмыт,
Дьабыҥҥыт киһитин
Харыһыйар буоллаххытына,
Харахтаах көрбөт гына
Хараҥа хаайыыга хаайа охсуҥ!
Хаайбат буоллаххытына,
Аҕыс салаалаах айыы атаратынан
Сибилигин сиһин үөһүн быһа быраҕыам!" — диэн
Этэрин аҕай кытта,
Сэттэлии сыл устата
Иирэр өлүүгэ тэптэрэн,
Тиэрэ булкулла сыппыт
Абааһы аймахтара,

По чьему повелению
на дно преисподней с тремя опорами
вниз так стремительно мчишься?
Зачем с такой неистовой силой
весь изначальный мир пролетела,
над тремя мирами промчалась!
И наверху, будь в Верхнем мире —
наверху тебе неймется,
и внизу, будь в Нижнем мире —
тебе угомона нет!
"Кто такой, появившись,
слово сказал?" — [если] спросишь, —
грозного Джылга Хаан Тойона,
белопегими жеребцами владеющего,
вольными пегими кобылицами владеющего,
справедливый суд вершащего,
отзвуком слов его ставший,
эхом речей его ставший
сын расписного южного неба
Солук Баатыр — вот мое имя.
Эй, вернись, девушка!
Если мстительную злобу свою не оставишь,
если от замыслов своих не откажешься,
если битву начатую не остановишь,
если убегать-увертываться станешь,
тотчас же восьмизубую священную острогу
прямо в спину твою метну!
Люди племени *абаасы*,
если этого сына старика Ёлюю Ётюмэхтэя
и старухи Тимир Тэмэлэкээн
лукавого да проворного,
непоседливого да легкого,
Когтистого Дыгыйдаан Бёгё,
смерть и убийство в сердце носящего,
о кровопролитии лишь помышляющего,
вашего сородича
вы жалеете,
скорее упрячьте его в темницу,
чтобы глаза имеющий больше его не видел!
Если не спрячете,
я восьмизубой священной острогой *айыы*
становую жилу тотчас же ему перебью!»
Только это успел он вымолвить,
сородичи племени *абаасы*,
родственники рода невидимых,
в семилетнее
глубокое сумасшествие впавшие,

Көстүбэт уустара
Үлтү хомуллан кэлэн,
Үс сөһүөхтээх
Өлүү ситимэҕин
Моонньугар бохсо бырaҕан
Оҕуурдаан ыланнар,
Нэс Үтүгэн төрдүгэр
Сэттэ хос чугуун ампаарга
Тилигирии мөҕүһүннэрбитинэн
Тиэрэ анньан кэбиһээт,
Алта хос хатааһынын хараҕалыы,
Тоҕус хос кулугутун уга охсон кэбистилэр.
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлаанга үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Түөрт охсуһа турар бухатыырдары
Нөрүөннээх көхсүгэр
Түү мээчик курдук ууран
Сүгүтэлээн баран,
Түспүт үүтүн устун
Төттөрү эргиллэн
Өрө көтөн испитэ.
Ол өрө көтөн иһэн,
Кэнниттэн
Кэниэрдээх саҥа дуораана
Сири түгэҕинэн ньириһийбитин
Истэ испитэ маннык этэ
(Дыгыйдаан Бөҕө):
"Алаатыгар эминэ туомуй!
Хайа дойду ахтаах илгэтигэр саалламмыт,
Атаҕар иктиир кыыс
Алыс ааттааҕын кытта
Аат мэнэ былдьастаҕым буолла?
Туох дойду уутун тунуйугар,
Отун кэрэтигэр торолуйбут
Тобугунан таҥастаах
Туйгунун булсан
Тор тэһиин тутустаҕым буолла?
Ый отут хонуга ааһыар диэри
Охсуһан көрдүм да,
Күүһэ мөлтөөбөтө,
Сындааһына сыыйыллыбата,
Уоҕа бохтообото.
Дьэ, хотуой,
Хараҥа хаайыыга
Хаайылыннным буолан баран,
Мин даҕаны

в неистовстве-бешенстве валяющиеся,
вмиг гурьбой собрались,
трижды узлом связанную
гибельную нить-паутину
на шею [Дыгыйдаану Бёгё] накинув,
[его] заарканили
и упирающегося-отбивающегося
в семислойный чугунный амбар,
на самом дне Ютюгэн [стоящий],
с такой силой втолкнули, что навзничь упал,
и на шесть замков заперли,
на девять затворов замкнули.
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
четверых сражающихся богатырей
через плечо перекинув,
будто мячи из шерсти,
легко их неся,
по тому же провалу, которым вниз спускались,
в обратную сторону
вверх полетела.
Когда поднималась,
ей в след
эхо глухого голоса
из-под земли загудело,
прислушавшись, такие слова услыхала
(Дыгыйдаан Бёгё):
"*Алаатыгар*! Что за диво!
Какой же страны священной пищей вскормлена
эта на ноги себе мочащаяся*,
самая могучая дева, с которой
славу оспаривать мне довелось?
Какой же страны ключевой водой вспоена
эта на сочной траве выросшая,
до колен одежду носящая,
самая лучшая дева, с которой
за крепкие поводья тягаться мне довелось?
До исхода тридцати дней месяца
нам биться пришлось,
но силы ее не иссякли,
жилы ее не ослабли,
мощь ее не убавилась.
Ну, *хотуой*,
хоть и в темницу
я заключен-ввержен,
но я,

Өспөт тыыннаах,
Өлбөт үөстээх,
Быста-быста салҕаммыт,
Ойдо-ойдо самсаммыт
Уол оҕо уһуктааҕа буоллаҕым!
Аны биирдэ күөрэйэн,
Кыыс оҕонн кыптыый кыбыныытыгар,
Уол оҕонн оноҕос тутуутугар,
Кыраһалаах суолгун кыйыам,
Хаардаах суолгун хайыам,
Дьуолкалаах аартыккар тоһуйуом,
Хайгыалаах ыллыккар харгыстыам!
Кэнчээригэр кэнчиэни тэрийиэм!
Ороһугар буочараны оноруом!
Уһун суолун
Онгостон туран оймуом,
Кэтит суолун
Кэнийэн туран кэһиэм!"
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Дьаныардаах тылы сангарда,
Кэниэрдээх тылы эттэ диэн
Кэннин хайыһан,
Кэпсэтэ барбакка,
Түөрт бухатыырын
Лөглү сүкпүтүнэн
Түспүт үүтүнэн
Өрө суодуйан тахсан,
Оһоллоох состуой ортотугар
Тура түспүтэ.
Ол гынан баран,
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы турутурпут
Чугдаан Бухатыыры,
Эмньик кулун аттаах
Эриэдэ Бэргэни
Тус иннигэр аҕалтаан
Туруортаан баран:
"Дьэ, иэримэ дьиэҕитигэр эргиллинг,
Аал уоккутугар,
Аймах дьонгнутугар барынг!" — диэт
Ытталаан кэбиспитэ.
Абааһыга иитиллибит,
Көстүбэккэ дьүһүллүбүт,
Орто дойду уола
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр икки
Үөһээ дойду уола

неугасимую душу
и дух бессмертный имеющий,
разорванный — вновь оживающий,
растерзанный — вновь воскресающий,
молодец из молодцев!
Снова я вынырну,
когда дочь твоя ножницы под мышку возьмет,
когда сын твой стрелы в руки возьмет*,
по следам запорошенным тебя отыщу,
по следам заснеженным тебя разыщу,
буду подстерегать тебя на дороге с твоими вешками,
буду препятствием на твоей тропе, затесами меченной!
Потомкам твоим вредить буду!
Отпрыскам твоим мешать буду!
На длинном их пути
помехою став, беспокоить буду,
на их широком пути
неотлучно стоя, дорогу им преграждать буду!"
Но Кыыс Дэбилийэ
на те слова-проклятия,
на те речи злокозненные, им сказанные,
внимания не обратила,
в пререкания не вступила,
четырех богатырей
на спину кучей взвалив,
по провалу, которым вниз спускалась,
быстро наверх поднялась,
на середине гибельной скалы
сразу на ноги встала.
После этого —
на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославившего
Чугдаан Бухатыыра,
владеющего ретивым конем
Эриэдэ Бэргэна
перед собой
поставив, сказала:
"Ну, к своим родным домам возвращайтесь,
к священным очагам возвращайтесь,
к сородичам своим отправляйтесь!" — [так] сказав,
их отпустила.
А выкормышей *абаасы*,
питомцев невидимых —
сына Среднего мира
Ургунньук Баатыра,
владеющего буланым с [белым] оплечьем конем,
и сына Верхнего мира

Кун Эрили иккини
Нөрүөннээх көхсүгэр
Сүгүтэлээн кэбистэ да,
Арҕаа абааһы аймаҕа арҕастар
Хабарҕа кэрдииһин
Дьаарыстыы уурбут курдук
Хаан Чугуйа аартыгынан
Өрө халыһыйан тахсан,
Куугунуу ингиэттэр
Курунгах ойуурдары унуордаан,
Адаархай мастардаах
Аабылаан тыалары ааһыталаан,
Сис тыалар
Сингнэн бүтүүлэригэр,
Күбэ тыалар
Көнгөрүттэр бүүрүктэригэр,
Үс дойду түмүгүн
Үллэр бүөрүн үрдүгэр
Үс салаалаах үөт мас
Өрө үүнэн турарын
Өйдөөн-дьүүллээн көрөн,
Онно тиийэн тохтоон,
Илдьэ кэлбит икки уолаттарын
Кэтэхтэрин аһыттан ыйаан туран,
Угун устун оһуор көмүс ойуулаах,
Уһугар оһоллоох
Уһун субуйа батаһын
Субуйа тардан ылла,
Татынньахтаппытынан таһыйан,
Кыланнарбытынан кырбаан,
Орулаппытынан охсон киирэн барда.
Хас оҕустаҕын ахсын
Уолаттар унуохтарын куодаһыныттан,
Ойоҕосторун быыстарынан
Олус дэлэгэй,
Уһун синньигэс обот мэнэгэй үөннэрэ
Унньулуһа тоҕуннулар;
Эттэрин сааһыттан
Энгин араас элбэх дэлэгэй эгэлгэ үөннэр
Эймэнгнэһэн тахсаннар
Элэннэрин устун
Илибирэһэ тоҕуннулар.
Кымаахтыыр тирии,
Кыһыйар эт
Ханан да хаалымыар диэри,
Дэлби таһыйан-таһыйан баран,
Иккиэннэрин били үөт икки салаатыгар

Кюн Эрили — их обоих
через грудь на спину
себе перекинув,
по проторенному племенем *абаасы* западному [пути],
подобному хрящам гортани,
ярусами уложенным,
по перевалу Хаан Чугуйа
вверх устремилась,
обгорелые, гулко шумящие,
сухостойные леса перелетела,
со скрюченными деревьями
ерником пронеслась,
[там], где дремучая тайга
буреломом-валежником кончается,
береговой предгорный лес
обрывами завершается,
где три мира узлом связались,
в самой его середине
трехствольная ива,
ветви вверх взметнув, выросла,
внимательно ее оглядев,
к ней приблизившись, остановилась, —
притащенных ею двух парней,
за затылочные пряди волос подвесив,
длинную свою пальму,
по рукояти серебряными узорами украшенную,
кровожадное острие имеющую,
проворно выхватив,
мечущихся парней сечь,
вопящих парней бить,
орущих парней лупить стала.
От каждого удара
из зазоров между костями парней,
из промежутков между ребрами
в огромном количестве
длинные тонкие жадные гады
выползали и сыпались вниз,
из пор их плоти
во множестве разные черви,
кишмя киша, выползали,
на исполосованных телах их
извивались и падали вниз.
Кожи не ущипнуть,
мяса не наскрести —
живого места не осталось,
так она их исхлестала,
затем к двум стволам ивы той,

Хамсаабат гына хамса курдук эрийэн кэбиһээт,
Хара тыаҕа сүүрэн тахсан,
Хаардаах бугул саҕа
Хаппыт амынныкыны
Хамыйа харбаан киирэн
Уолаттар анныларыгар
Чохчолоон баран,
Күбэ тыа көтөҕөтүн киллэрэн
Күөдьүтэн биэрбитэ —
Күлүк түүнү сырдатар
Күөх уот буолан
Күүдэпчилэнэн таҕыста.
Бу уот уолаттары
Хас салаатаҕын ахсын,
Быртахтара-быдьардара ыгылынна,
Куһаҕаннара-холонсолоро тоҕунна,
Чөҕөчүлэрэ-дьүөкэттэрэ* сүөкэннэ,
Салаһыннара-чалахайдара* саккыраата.
Аҕыс уҥуохтара ааҕыллыар,
Тоҕус уҥуохтара туртаһыар диэри,
Уолаттары, уматан-уматан баран,
Хаҥас ытыһын үрдүгэр туруортаан,
Үрдүлэринэн үстэ кириэстии сотон баран,
Үрэн кэбиспитигэр,
Үҥан баран тилиннибит,
Утуйан баран уһугуннубут,
Обугудуйан* баран сэргэхсийдибит диэбит курдук,
Түктэрикээн бэйэлээх,
Көнө уҥуохтаах,
Көмүс субалаах
Күн айыы оҕолоро буолан,
Мичээрдии аллайбытынан
Дьирэс гына түстүлэр.
Бу гыналларын кытта,
Үөһээ дойду уолун
Күн Эрили бухатыыры
Хаҥас ытыһыгар ууран баран,
Уҥа илиитинэн
Үс-киис тэриитэ бэргэһэтинэн
Күн өттүн уруйдуу охсон баран,
Аҥаар атаҕын тобугулаан,
Аҥаарын сөһүргэстээн олорон,
Субугурдук диэн
Өрөөбүт уоһун өһүлэ,
Хоммут уоһун хоҥноро олорбута
(Кыыс Дэбилийэ):
"Дьэ, бу!

словно [две половинки] курительной трубки, крепко привязала*,
в черный лес сбегав,
величиной с заснеженную копну
кучу сушняка-хвороста
в охапку соскребла-собрала,
под парнями
кучей навалила,
хвою предгорного леса принесла,
зажгла-раздула, —
темную ночь осветив,
синим пламенем вспыхнув,
дружно огонь занялся.
Каждый раз, как этих парней
пламя огня опаляло,
скверна-порча из них выходила,
нечистоты и смрадный пот выливались,
черное сало из них вытапливалось,
слизь и грязь из них вытекали.
Так парней обожгла-опалила,
что восемь [трубчатых] костей их видны стали,
что девять [основных] костей белеть стали;
а потом, на левую ладонь поставив,
трижды перекрестив*,
их сдула;
будто от обморока очнувшись,
будто ото сна пробудившись,
будто после кошмара опомнившись,
в прекрасных,
статных собою,
с серебряным ликом
сыновей солнечной *айыы* превратившись,
с доброй улыбкой
парни перед нею предстали.
Как только это случилось,
сына Верхнего мира,
богатыря Кюн Эрили,
на левую ладонь свою поставила,
соболиную шапку свою сняв,
правой рукой
в сторону солнца торжественно повела,
на одно колено встала,
другое преклонила,
и с такими словами
молчавшие уста свои разомкнула,
спавшие уста раскрыла
(Кыыс Дэбилийэ):
"Джэ, *бу*!

Үөһээ дойду уола
Күн Эрили бухатыыр!
Эйиигин
Аҕыс атахтаах, аба-дьуорсун санаалаах,
Ап хомуһуннаах абааһы аймаҕын
Ангаарыйар аҕа баһылыктара
Арсан Дуолай оҕонньор аччыгый кыыһа
Сарыы тангалай
Сарахана Күүкэнньик
Ийэттэн түһэргин кытта уоран ылан,
Эмийин үүтүнэн эмсэхтэтэн иитэн
Идэмэрдээх илбиһи эккэр ингэрбитэ,
Оһоллоох содуому ойоҕоскор олохтообута.
Онон
Абааһы аба аргыс буолан,
Көстүбэт үөрэҕэ күүс буолан,
Күн дьонун күөмчүлээбитинг,
Айыы аймаҕын атаҕастаабытынг!
Ол бу бүгүн,
Көлбөҕүрдүбүт күөх дьайын көҕүрүүр,
Ардаҕырдыбыт хара дьайын халбарыйар,
Ыылаах этинг ыраастанар,
Холонгсолоох этинг кубулуйар
Күнэ буолла.
Дьэ, нойоон!
Үөһээ үрдүк халлаанггар үтэйэбин,
Добун халлаанггар утаарабын!
Күн улууһугар өһөгөйдөөх өйү өйдөөмө,
Айыы аймаҕар хара санааны санаама.
Көмүскэстээх сүрэхтэн,
Аһыныгас санаалан!
Аан дойдугар,
Аймах дьонггор тиийэн,
Иэримэ дьиэни иччилээ,
Төрөтөр оҕону төлкөлөө
Иитэр сүөһүнү күрүөлээ,
Аал уоту сириэдит!
Тоҕус тоҕойдоох
Толомон манган суолун
Оломун туттарыахтын!
Аҕыс адаардаах
Аартык ийэ хотунун
Саргытын тайаннарыахтын!
Быдан дьылларга
Быралыйар быpастыыкай буоллун", — диэн баран,
Үөһээ диэки үрэн кээстэ,
Уола сэбирдэхтээҕэр чэпчикитик,

Сын Верхнего мира
богатырь Кюн Эрили!
Как только ты родился,
младшая дочь старика Арсан Дуолая,
самого главного владыки
восьминогих злоумышленников,
колдовством владеющих племен *абаасы*, —
Замшевое нёбо
Сарахана Кююкэнньик
[тебя] младенцем похитила,
молоком груди своей вскормила,
кровожадного духа Илбиса в тело твое вселила,
злым неистовством тебя наполнила.
Вот потому
колдовство *абаасы* тебе сопутствовало,
волшебство невидимых тебя поддерживало,
солнечных людей ты стал притеснять,
племя *айыы* ты стал обижать!
И сегодня
от вселившейся в тебя зеленой нечисти избавиться,
от приставшей к тебе черной скверны отделаться,
вонючему телу твоему очиститься,
смрадному телу твоему переродиться
день настал.
Ну, парень!
На высокое небо твое повелеваю тебе подняться,
на чистое небо твое повелеваю тебе возвратиться!
К солнечному *улуусу* враждебных чувств не питай,
против племен *айыы* злых козней не замышляй,
отзывчивое сердце имей,
сердобольную душу имей!
В изначальную страну свою
к сородичам вернувшись,
уютного дома хозяином стань,
детям рождающимся счастье определи,
скоту плодящемуся загон устрой,
священный очаг разожги!
С девятью препонами
большой белый путь твой
пусть броды откроет!
С восемью хребтами
матушка госпожа-дорога
пусть удачу дарует!
На долгие годы
прости-прощай!" — так сказав,
его с ладони вверх сдула.
Парень легче листочка,

Түүтээҕэр түргэнник
Көмүс чычаах буолан,
Кундул халлаан
Көмөгөйүн туһулаан
Көтөн туйаара турбута.
Орто дойду уола
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыры
Нөрүөннээх көхсүнэн сүгэн,
Өрүөллээх сүүстээх
Өндөлүйэр Өксөкү кыыл буолан,
Айыылаах-андаҕардаах арҕаа халлаан
Алын тардыытыгар
Аан дойду ангаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир
Арҕаһын кэҕэтэ,
Аттаах алааһа,
Улаҕата көстүбэт,
Уҥуоргута биллибэт
Унаарытта Эбэ Хотун
Суманан буолуо диэн,
Сулумах ох курдук,
Субуллан-суоруйан түһэ турбута.
Били аллараа дойду
Аҕатын ууһун
Ангаарыйар аттааҕа
Арсан Дуолай
Аччыгый кыыһа
Сарыы тангалай,
Ньаалбаан туһахта
Сарахана күүкээнньик
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Кини суо сураҕын сураан,
Албан аатын ааттаан,
Айаннаан иһэр анырын,
Түүнүн төһөөн,
Күнүһүн биттэнэн билэ оҕуста,
Олохсуйбут-чуоҕуйбут,
Кирийбит-кистэммит,
Саспыт-саарыгырбыт
Аал уотуттан,
Алаһа дьиэтиттэн,
Аттаах алааһыттан
Аан дайдытыттан араҕан,
Үс кыыһын илдьэ
Үөдэн түгэҕэр
Дөлөрү үтүгэн аартыгынан

быстрее пушинки,
в серебряную птичку превратясь,
шею свою вытянув,
к блестящему небу,
стремительно полетел.
Сына Среднего мира,
Ургунньук Баатыра,
владеющего буланым с [белым] оплечьем конем,
через грудь на спину себе перекинув,
с орлиным челом
в огромную птицу Ёксёкю превратившись,
к нижней стороне
грешно-заклятого западного неба,
к земле Западный Сибиир,
полмира занимающей,
к высокой холке ее —
благословенному *алаасу*
с необозримыми краями,
с необъятными просторами —
Унаарытта Эбэ Хотун,
в ту сторону,
как пущенная стрела,
стремительно полетела.
Из отцовского рода
Нижнего того мира
самого именитого [родоначальника]
Арсан Дуолая
младшая дочь
Замшевое нёбо,
Жестяной налобник
Сарахана Кююкэнньик
о том, что Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
страшное имя ее называя,
чудовищное имя произнося,
к ней направляется,
ночью во сне увидела,
днем по приметам узнала;
священный очаг,
уютный дом,
славный *алаас*,
где привольно обосновалась,
где спокойно затаилась,
где столько хоронилась,
изначальную страну оставив,
трех девок-сестер своих взяв,
через пропасть Юёдэн
на дно преисподней,

Суос соҕотохто
Уулаҕас уртуус* буолан
Унньулус гынан хаалла.
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Өр өтөр гыммата,
Унаарытта Эбэ Хотун
Илиҥҥи Иэйиэхситтээх ыллыгын
Тэлэйэн киирэн иһэн
Өйдөөн дьүүллээн көрбүтэ —
Ааттаах суоллаах алаас сир
Айыллан баран,
Абааһы аймаҕа ааҥнаан,
Биллибэт ууһа бииһээн,
Көстүбэт ууһа сөрүөстэн,
Кэрэ кэнчээритэ кэхтибит,
Хампа сэбирдэҕэ хагдарыйбыт,
Күөх сирэмэ көлбөҕүрбүт,
Этэр кэҕэтэ кэлэҕэйдээбит,
Өрөөбөт өтөнө бөппүт эбит.
Бу алаас сир илин тардыытыгар
Иэнигийэн түһэн баран,
Кыыс Дэбилийэ
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатырын
Уун-утары туруоран кэбиспитэ,
Киһитэ
Уҥа хонноҕун анныттан
Абааһыга наардаһа,
Көстүбэккэ дьүөгэлэһэ сылдьан
Аҕыс Айыыһыт Хатыттар
Аартыктарын айаҕар алаһалаах
Адьына Баай Тойон,
Сэттэ Иэйиэхсит Хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун
Көрдөр харахтарын дьүккэтин,
Көтүрдэр тиистэрин миилэтин,
Хамыйаҕынан бадахтаах хаан иҥнээх
Хаанчылаан Куону
Уоран ылан,
Түү мээчик оҥорон
Укта сылдьыбытын
Үс төгүл үрэн баран
Сиргэ ууруутугар
Кыыс оҕо гиэнин
Кырыытыттан көрөр
Кылаан бэрдэ буолан

в жидкую ртуть превратясь,
в одно мгновение
ускользнула.
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
долго ли, коротко,
по восточной тропе с Иэйиэхсит
Унаарытта Эбэ Хотун
дорогу торя, прибыла
и внимательно осмотрелась:
на славной земле,
для добра созданной,
племенем *абаасы* захваченной,
родом неведомых облюбованной,
родом невидимых заселенной,
сочная отава потускнела,
нарядные листья увяли,
зеленые побеги поникли,
говорливые кукушки заикаться стали,
воркующие горлицы замолкли, оказывается.
На восточной окраине этого *алааса*
стремительно опустившись,
Кыыс Дэбилийэ
Ургунньук Баатыра,
владеющего буланым с [белым] оплечьем конем,
перед собой поставила;
человек тот,
когда еще с *абаасы* знался,
с невидимыми дружбу водил,
у Аджына Баай Тойона,
на перепутьи восьми Айыысыт Хотун
усадьбу свою раскинувшего,
у Эджинэ Баай Хотун,
на росстани семерых Иэйиэхсит Хотун
жилище свое устроившей,
зеницу их глаз смотрящих,
десну их зубов выпадающих
с румянцем, как кровь в ковше,
Хаанчылаан Куо
тайно похитил,
в мяч превратив,
с собой носил;
[теперь] из-под правой подмышки ее достал,
трижды дунул,
и только на землю опустил —
девушка-красавица,
со стороны посмотреть —
лучшая из лучших,

Кынтас гына тycпyтэ.
Yөрүү киэнин
Өлгөмүн үөрсүстүлэр,
Өс өһүллүүтэ,
Санаа дьайҕарыыта,
Сүрэх көнүүтэ,
Сүппүт көстүүтэ
Манна буолла.
Ити кэнниттэн
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Өрүөллээх манньыаты
Үрэйэ уурбут курдук
Үрүҥүнэн диэличчи
Үрдүк халлаан диэки
Өрө көрөн туран
Өрөөбүт уоһун
Өһүлэ турбута маннык этэ
(Кыыс Дэбилийэ):
"Бууйака! Бууйака!
Саҥарбыт саҥам сатата,
Туойбут тойугум дорҕооно
Үс хартыгастаах
Үүт маҥан халлааны
Өрө көтөн,
Күн Тойон кыыһа
Күн Күөгэлдьин удаҕаҥҥа
Дорҕооннох куоластаах
Туруйа кыыл буолан
Тойон өһүөтүнэн чугдаардын!
Ол тылбын
Күн Күөгэлдьин удаҕан
Арылы халлааҥҥа тахсан,
Ахтар Айыыһыт саҥаспар тыллаатын!
Ахтар Айыыһыт саҥаһым
Киҥкиниир киэн халлааны
Тилэри көтөн тахсан,
Иэйиэхсит ийэбэр этиэхтин!
Иэйиэхсит ийэм
Аҕыс хартыгастаах
Араҥас сабыдал халлааны
Арҕара көтөн тахсан,
Аҕыс билас соһуохтаах,
Алтан түөрэх уруйдаах,
Аас сылгы тэриитэ олбохтоох
Айыы Дьаргыл удаҕаҥҥа дьаҥсайыахтын!

горделиво голову вскинув, предстала [перед ними].
Тут радостью великой
они возрадовались,
вражда прекратилась,
тяжкие думы развеялись,
встревоженные сердца успокоились,
потерянное нашлось —
все здесь было.
После этого
родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
[с глазами], словно серебряные монеты,
рядом положенные,
белизною белков сверкая,
на высокое небо
вверх взглянув,
сомкнутые уста разомкнула,
такие слова произнесла
(Кыыс Дэбилийэ):
«*Буулйака*! *Буулйака*!
Эхо сказанных слов моих,
отзвук пропетых песен моих,
сквозь трехъярусное
молочно-белое небо
вверх взмыв,
до дочери Кюн Тойона,
удаган Кюн Кюёгэлджин [пусть долетит],
в звонкоголосого
журавля превратясь,
под главной матицей [дома ее] пусть прокурлычет!
Те слова мои
удаган Кюн Кюёгэлджин,
в открытое поднебесье выйдя,
почитаемой тетке моей Айыысыт пусть передаст!
Почитаемая тетка моя Айыысыт,
по гулкому широкому небу
из конца в конец пролетев,
матери моей Иэйиэхсит пусть перескажет!
Иэйиэхсит, мать моя,
сквозь восьмиярусное
нависающее желтое небо
пролетев-промчавшись, —
восьмисаженную косу имеющей,
медный жребий бросающей,
на шкуре белой лошади восседающей
Айыы Джаргыл-*удаган* пусть сообщит!

Айыы Дьаргыл удаҕан
Чымарыттар Дьылҕа Тойонңо тыллыахтын!
Дьылҕа Тойон
Үүттээх таас олбохтоох,
Үрүмэтийбэт үүт көлүйэлээх,
Үүс-кииc кыыл тэриитэ өлбүргэлээх,
Үрдүк нуоҕай бэргэһэлээх
Үтүө дьүүлү төрүттээбит
Үрүҥ Аар Тойонңо этиэхтин!
Ким-хайа кэлэн,
Туох туһунан туойда диэтэргит, —
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлаанңа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ-Буллатыыр диэммин.
Тустаах соругум,
Аналлаах наадам —
Бу оһоллоох-содуомнаах
Отто дугуй буорга
Айыылаах-андаҕардаах
Арҕаа халлаан алыҥ тардыытыгар
Аан дайды ангаарын сабардаабыт
Арҕаа Сибиир диэн сиргэ,
Аҕыс атахтаах,
Ап хомуһуннаах,
Аба дьуорсун санаалаах,
Абааһы аймаҕын баһылыга
Арсан Дуолай
Аччыгый кыыһа
Сарыы таҥалай
Сарахана Күүкэнньик
Саһан саарыгыран олорон,
Үс дойду оҕотун уоран ылан,
Эмийин үүтүнэн эмсэхтээн,
Эттэригэр-хааннарыгар
Илбиһи ингэрбитэ,
Оһолу олохтообута.
Ол уолаттар
Күн дьонун күөмчүлээбиттэригэр,
Айыы аймаҕын атаҕастаабыттарыгар,
Сэттэ биттэхтээх сир ийэ
Сириэдийбит симэҕин
Сиҥнэри үктүөрү гыммыттарыгар,
Орто буор толугар,
Аан дайды харыстабылыгар,
Күн дьонун көмүскэлигэр
Сырдык тыыным быстарыгар кыһаммакка,
Үрүҥ тыыным өһөрүгэр кэрэйбэккэ,

Айыы Джаргыл-*удаган*
грозному Джылга Тойону пусть возвестит!
Джылга Тойон —
на бело-молочном камне восседающему,
незамерзающее молочное озеро имеющему,
высокую шапку с перьями носящему,
из соболиных шкурок-огузков сшитую,
праведный суд основавшему
Юрюнг Аар Тойону пусть расскажет!
"Кто же это, сюда придя,
о чем-то поет-просит?" — спросите, [отвечу:]
родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр — имя мое.
Мольбы моей цель,
просьбы моей суть:
на этой многострадальной
уединенной Средней земле,
под нижним краем
грешно-заклятого западного неба,
половину мира занимающая
земля Западный Сибиир есть:
на ней восьминогого,
с колдовскими чарами,
со злокозненными мыслями
племен *абаасы* предводителя
Арсан Дуолая
младшая дочь —
Замшевое нёбо
Сарахана Кююкэнньик,
притаившись, обосновалась.
Детей трех миров выкрав,
молоком груди своей вскормила,
плоть и кровь их
воинственным духом наполнила,
духа кровопролития в них вселила.
Когда парни те
солнечных людей притеснять начали,
племена *айыы* обижать стали,
с семью скрепами земли-матери
нарядный цветочный покров
уничтожать-топтать стали, —
чтобы Средний мир защитить,
чтоб изначальную страну уберечь,
чтобы солнечных людей спасти,
не боясь, что светлый мой дух прервется,
что белый мой дух угаснет,

Күүстээхтиин күрэхтэһэн,
Уохтаахтык охсуһан кыайан баран,
Арҕаа Сибииргэ
Иччитэх иэнигэр
Иэримэ дьиэни тэрийэр,
Кураанах урсунугар
Ороһуну олохтуур,
Күөх дьайын көҕүрэттэрэр,
Хайа дьайын халбарыттарар
Күнүм кэллэ.
Онон үтүө дьүүлү төрүттээбит
Үрүҥ Аар Тойоммуттан
Аҕыс былас соһуохтаах,
Албаннаах алгыстаах
Айталыын удаҕанын
Көстүбэт бөҕө көлбөҕүн сүргүйэргэ,
Абааһы бөҕө дьайын арчылыырга
Арҕаа Сибииргэ анаан ыыттын диэн
Сөһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэбин!
Хаалдьыктаах бэйэм хаҥкыйабын!"
Бу этэн баран Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Эрэһэлээх илин халлаан
Ис энийэтин диэки
Эриличчи көрөн олорон,
Үс түүннээх күн
Көрдөөбүт көрдьөбүлүн
Күүтэн олорбута баар этэ.
Үһүс күнэ тимэхтэһэн туолуутугар
Илин халлаан ис энийэтиттэн
Итии тыал илгийтэлээн кэбистэ.
Ити кэнниттэн
Итир былыттар дьиэгэнистилэр,
Хара былыттар ханыыластылар,
Күөх былыттар көҕүстүлэр,
Дугуй былыттар субустулар,
Соһо былыттар чуоҕустулар;
Халлаан түөрт өртүттэн
Кырбаһыылаах этигнэр
Кыынньан таҕыстылар,
Кындыыт* чаҕылҕаннар
Таннары арчылаатылар.
Маны аһара баттаан
Адыылаан көрдөххө —
Эрдэҕэс улар түөһүн түүтүн курдук
Эбир дьаҕыл былыт элээннээх,
Бастаах-атахтаах
Маҥан дугуй былыт олбохтоох,

с могучими я мерялась,
в жестоких схватках их победила;
[теперь на земле] Западный Сибиир,
на необъятном лоне ее
уютный домашний очаг устроить,
на безлюдном просторе ее
потомкам жизнь наладить,
от зеленой нечисти ее избавить,
от черной скверны освободить
мой день настал.
Потому праведный суд основавшего
Юрюнг Аар Тойона умоляю:
пусть восьмисаженную косу имеющая,
своими *алгысами* прославленная
удаган Айталыын,
чтоб скверну невидимых счистить,
чтобы злой дух *абаасы* изгнать,
на [землю] Западный Сибиир послана будет —
[о том я], суставы имеющая, сгибаясь, молю,
шею имеющая, кланяясь, прошу!»
Сказав это, Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
в сторону внутреннего ската
волнистого восточного неба
внимательно всматриваясь,
три дня и три ночи,
исполнения своей мольбы
ожидая, сидела.
Когда третий день был на исходе,
из-под внутреннего ската восточного неба
горячий порывистый ветер подул.
После этого
перистые облака появились,
черные тучи сгустились,
синие облака вослед полетели,
летучие тучи помчались,
багровые облака сгрудились,
со всех четырех сторон небес
воинственные громы
грозно загремели,
беспокойные молнии
сверху вниз заметались.
Если далее
присматриваться-приглядываться:
на пестро-пятнистом, словно грудное оперение тетерева,
облаке красуясь,
на легком белом, словно бы голову и ноги имеющем,
облаке восседая,

Анды кыыл хабаҕын түүтүн
Адаарыччы охсубут курдук
Ала дьуорсун былыт үктэллээх,
Аҕыс былас соһуохтаах,
Албаннаах алгыстаах
Айталыын удаҕан кэлэҥ,
Үрдүлэринэн үс төгүл эргийэн баран,
Тохтоон-суоруйан
Олоророн көрдөххө —
Көлүйэ күөл саҕа
Түөлбэ хаан дүҥүрүн
Хаҥас ньилбэгэр туора уурбут,
Үс сиринэн боҕускалаах
Дьаргыл таас былаайаҕын
Уҥа илиитигэр туппут,
Ортотунан дьөлөркөй
Куладыйар кӯлан аарык быарыгын
Туора кууспут,
Сарбынньах бытырыыс таҥаһын
Санныгар саба саптыбыт
Удаҕан киһи улуута
Уоттаах чолбон курдугунан
Тобулу көрөн олорор эбит.
Бу олорон,
Бастаах-атахтаах
Маҥан дугуй былыт олбоҕунуун
Күнү көрсө
Үс төгүл эргийэн баран,
Дүҥүрүн үс төгүл
"Дор" гына охсор,
Ол кэнниттэн
Туойуллубатах
Томороон тойугу туойа,
Алҕаабатах
Ыар дьаҥсал алгыһы алгыы олордо
(Айталыын удаҕан):
"Дом! Дом! Дом!
Уруйум-айхалым!
Аан-Арчым!
Ким-хайа кэллэ диэтэргит —
Үүттээх таас олбохтоох,
Үс хос мүөҥү көмүс чынчалаах
Үрүҥ Аар Тойон оҕонньор
Сүргүөрдээҕин сүүнэтэ,
Арчылааҕын албана
Аҕыс былас соһуохтаах
Айталыын удаҕан диэммин!

на полосато-пегое, словно взъерошенное брюшное
оперение турпана,
облако опираясь,
с восьмисаженной косой
алгысами прославленная
удаган Айталыын прибыла,
над ними трижды покружившись,
величаво спустилась;
если на [нее], восседающую, поглядеть:
подобный круглому озерку
огромный почтенный бубен
на левое колено ребром поставив,
в трех местах серебром окольцованную
гулкую колотушку
правой рукой держа,
с отверстием в середине,
с говорливыми побрякушками рукоять [бубна]
поперек схватив,
одежду с бахромой
на плечи накинув,
среди *удаган* самая великая,
взором, подобным пламенеющей утренней звезде,
проницательно глядя, сидит, оказывается.
Так, восседая
на легком белом облаке,
словно бы голову и ноги имеющем,
против хода солнца
трижды круг сделав,
трижды в свой бубен
ударила: "бум!"
После этого
никому еще не пропетую
звучную песню-*тойук* затянула,
никогда еще не провозглашенный,
проникновенный *алгыс* произнесла
(Айталыын-удаган):
"*Дом! Дом! Дом!*
Уруй-Айхал мой!
Аан-арчы мой!
Если спросите, кто же это прибыл, —
на бело-молочном камне восседающего,
с висками, в три слоя серебром покрытыми,
Юрюнг Аар Тойона-старца
самая сильная из его заклинателей,
самая именитая из его святителей,
с восьмисаженной косой,
Айталыын-*удаган* — вот мое имя!

Бу айыылаах-андаҕардаах
Арҕаа халлаан алын тардыытыгар айыллыбыт
Арҕаа Сибиир араҥас далбарыгар
Абааһы бииһэ адаҕыйан,
Көстүбэт ууһа күөнтээн,
Оһолу-содуому олохтообут,
Илбиһи-идэмэри тэриййбит
Көлбөхтөөх күөх дьайын
Күдэн гына сүргүйдэҕим буоллун,
Айыылаах хара дьайын
Халбарыта арчылаатаҕым буоллун!
Дом! Дом! Дом!
Өһөгөйдөөх өйдөөх Үөдэн улууһа
Өрө суодуйан тахсар
Дьөлөрү Үтүгэн аартыга
Үйэлэр тухары
Үс төлөрүйбэт
Сүллүгэһинэн бүөлэннин,
Ыар хара
Халҕанынан сабылыннын!
Айаҕымсах аартыктамматын,
Холонсолоох холбоспотун,
Соллонноох суолламматын!
Дом! Дом! Дом!
Аан дайды иччитэ
Аан Алахчын Хатын
Бэттэх көрөн мичик гын!
От-мас иччилэрэ
От аннынан обугунаспыт
Ойуу-бичик уолаттар!
Кырыс аннынан сыбдыгыраспыт
Кытыан билэ кыргыттар!
Сэбирдэх аннынан сибигинэспит
Сэттэ дьэрэкээн оҕолоор!
Бука барыгыт
Бэттэх көрөн мичик гыныҥ!
Сэттэ салаалаах
Сирэм күөххүт сириэдийдин,
Аҕыс салаалаах
Ача күөххүт намылыйдын,
Тоҕус салаалаах
Локуора оккут торолуйдун!
Хагдарыйан турбут хара тыаларгыт
Хампа сэбирдэхтэрин айгыраттынар,
Кэхтэн турбут кэрии тыаларгыт
Кэрэ киистэлэрин кэттинэр!
Дом! Дом! Дом!

Здесь, под этим грешно-заклятым
западным небом, под нижним его слоем,
на [земле] Западный Сибиир, на светлом ее лоне
племя *абаасы* водворилось,
род невидимых распространился,
несчастье-беду вызвал,
вражду-распри затеял,
грязную скверну их,
в прах превратя, заклинанием рассею,
грешную черную нечисть их,
совершая священное очищение, прочь изгоню!
Дом! Дом! Дом!
Из пропасти Ютюгэн путь,
по которому воровато поднимаются
злоумышленники из *улууса* Юёдэн,
на веки вечные
тремя нерушимыми
запорами пусть загородится,
тяжелой черной
дверью пусть закроется!
Пусть не будет перевалом для кровожадных,
пусть не будет местом сборища для смрадных,
пусть не будет дорогой для ненасытных!
Дом! Дом! Дом!
Дух-хозяйка изначальной земли
Аан Алахчын Хатын,
в эту сторону погляди-улыбнись!
Духи-хозяева трав-деревьев,
под травами шустро бегающие
в узорчатых одеждах малыши-мальчики,
по дерну легко ступающие
проворные подружки-девочки,
под листьями щебечущие
семеро затейливо наряженных детишек!
Все вместе вы
в эту сторону поглядите-улыбнитесь!
Пусть семиветвистая
цветущая зелень обильно цветет,
пусть восьмиветвистая
осока-трава густо стелется,
пусть девятиветвистая
трава-*локуора* щедро произрастает!
Пусть пожухлые темные леса ваши
шелковисто-зелеными листьями зашумят!
Пусть поблекшие светлые леса ваши
нарядной хвоей оденутся!
Дом! Дом! Дом!

Аар түптэ ангаарыйдын,
Алта[н] сэргэ анньылыннын,
Аал уот сириэдийдин,
Алаһа дьиэ тэрилиннин!
Кэхтибэт кэскиллээх
Кэнчээри тэрилиннин!
Охтубат оҥоруулаах
Ороһу олохтоннун!
Төрөтөр оҕо төлкөлөннүн!
Иитэр сүөһү күрүөлэннин!
Дом! Дом! Дом!
Кэнэҕэһин кэнэҕэс
Кэлэр да үйэлэргэ
Оһол олохсуйбатын,
Кыргыс кыттыспатын!
Быстыбат быйаҥ айылыннын,
Уостубат уйгу олохсуйдун!
Аан арчы,
Сүңкэн сүргүөр буоллун!
Дом! Дом! Дом!" — диэт,
Удаҕан киһи
Бастаах-атахтаах
Маҕан дугуй былыт олбоҕун
Илин диэки эргитэ баттаат,
Иэйиэхситтээх халлаан
Ис энийэтин диэки
Өрө көтөн суоруйан уста турда.
Бу аан арчы,
Сүрдээх сүргүөр кэнниттэн
Улаҕата көстүбэт,
Унуоргута биллибэт
Унаарытта Эбэ Хотуну
Одуулаан-көрөн турдахха —
Өрөөбүт өтөнө үөтэн барда,
Кэрээбит кэҕэтэ кэпсээн барда,
Алгыстаах изнэ
Алтан от быыстарайдаах
Ача күөҕүнэн
Ангаарыйан барда,
Тубураабыт толооно
Тоҕус салаалаах
Локуора күөх отунан
Торолуйан барда,
Хагдарыйбыт тыата,
Хампа сэбирдэҕин анньынна,
Кэхтибит чэчирэ
Кэрэ киистэтин кэттэ,

Пусть громадный дымокур разгорится,
пусть коновязи с медными украшениями в ряд выстроятся,
пусть священный очаг возгорится,
пусть просторный дом создан будет!
Пусть со счастливым уделом
потомки плодятся,
пусть со счастливой судьбой
поколения множатся!
Пусть дети рождающиеся счастливы будут!
Пусть скот разводимый в загонах множится!
Дом! Дом! Дом!
И в будущие времена,
и в будущие века
пусть напасти,
пусть войны не затеваются!
Пусть неиссякаемым изобилие будет,
Пусть нескончаемый пир пребудет!
Пусть великое священное очищение,
могучее заклинание исполнятся!
Дом! Дом! Дом! — так сказав,
удаган наша
на легком белом облаке,
словно бы голову и ноги имеющем,
на восток круто повернув,
в сторону внутреннего края
неба с благословенной Иэйиэхсит
вверх взлетела и быстро удалилась.
После великого священного очищения,
после могучего заклинания
в Унаарытта Эбэ Хотун
с необозримыми краями,
с необъятными просторами,
если внимательно посмотреть —
замолчавшие было горлицы заворковали,
онемевшие было кукушки закуковали,
благословенное лоно ее,
желтыми одуванчиками пестреющее,
яркой зеленью
украшаться стало,
безжизненные поляны
девятиветвистой зеленой
травой-*локуорой*
щедро покрылись,
пожелтевшие леса-рощи
шелковистыми листьями убрались,
пожухлые молодые березки
чудесные сережки одели;

Ыылаах сыта ыһылынна,
Куордаах сыта буралынна,
Дьаардаах сыта араҕыста,
Ааттаах-суоллаах
Айыы сирэ буолан
Айгыраан барда.
Кыркаах сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ бухатыыр,
Ибиэнэ көмүс иэдэстэрэ кэйиэлээн,
Өрүөллээх маҥныыат курдугунан,
Үөрэн-көтөн
Үрдүк халлаан диэки
Өгүрүк-төгүрүк көрө-көрө,
Субугурдук диэн
Уоһа-тииһэ туртаҥныы,
Утуу-субуу саҥара турбута
(Кыыс Дэбилийэ):
"Дьулусханнах дьулуо маҥан халлаан
Үрүт өттүгэр үөскээбит,
Сырдык ыйааҕы сыдьаайбыт
Дьылҕа Хаан Тойон эһэм!
Ким-хайа кэпсээтэ диэтэргин —
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр диэммин!
Туох туһунан туойдуҥ диэтэргин —
Күн сириттэн
Көстүбэти сүтэрэн,
Айыы сириттэн
Абааһыны арааран,
Орто дойдуттан
Оһолу туоратан баран,
Арҕаа Сибиир диэн
Иччитэх сиргэ
Иэримэ дьиэни тэрийэн
Ороһуну олохтуурум,
Кэнчээрини кэскиллиирим,
Иитэр сүөһүнү күрүөлүүрүм,
Алтан сэргэни астарарым кэллэ!
Онон
Сөһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэн,
Үс бараа-хара күлүккэр
Үнэн-сүктэн туран,
Чэбдик халлаан үрдүгэр үөскээбит
Сэттэ дэгил маҥан уустаргын ыытан,
Көй уорук дьиэ туттарыа диэммин
Көрдөһө турабын!" — диэн этэн баран,

зловонные запахи улетучились,
скверные запахи испарились,
смрадные запахи унеслись;
в именитую-прославленную
землю *айыы* опять превратившись,
расцвел [этот край].
У родившейся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
блестящие серебряные щеки зарумянились,
глаза, серебряным монетам подобные,
широко раскрылись,
с радостным ликованием
к высокому небу взор обратя,
вот такую,
белизной зубов сверкая,
слова нанизывая, речь повела
(Кыыс Дэбилийэ):
«На верхней стороне
чистого белого неба живущий,
светлые указы творящий,
дедушка Джылга Хаан Тойон!
"Кто такой говорит?" — спросите, [отвечу:]
рожденная на снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр — имя мое!
"О чем же поешь?" — спросите, [отвечу:]
на солнечной земле
[род] невидимых истребила,
с земли *айыы*
[племя] *абаасы* изгнала,
от Среднего мира
напасть отвела,
[теперь] на земле, Западный Сибиир называемой,
на необжитой [земле]
просторный дом воздвигнуть,
грядущему потомству жизнь наладить,
последующим поколениям счастье дать,
разводимому скоту загоны устроить,
коновязи с медными украшениями поставить час настал!
Потому-то
я, суставы имеющая, кланяюсь,
к трем темным теням твоим
с молением обращаясь, стою,
семерых искусных белых своих мастеров*,
на чистом небе живущих, пошли,
просторный удобный дом помоги построить,
прошу тебя», — так сказала.

Өр өтөр аҕай
Күүтэллэрин кытта
Үөһээ чэбдик халлаан
Сэттэ дэгил маҥан уустара
Кыталык кыыл кырыйа көтөн
Кытыытын булбатах
Кындаа маҥан кырдалларыгар,
Туруйа кыыл чонойо көтөн
Тулатын булбатах
Туналҕаннаах томтордоругар
Тура түспүттэрэ баара да, —
Үрүҥ харахтаах
Өтүрэн көрбөт
Үүт туманын түһэрэн,
Бүрүнэн тураннар,
Үс түүннээх күн устата
Утуйар уу түбүн билбэккэ
Олук бөҕөну ойутан,
Кыырпах бөҕөнү кыынньаран,
Сүгэлэрэ кулумнээн,
Күөбүллэрэ күрдүргээн,
Устуруустара уһуутаан,
Уһанан киирэн баартара.
Төрдүс күнүгэр
Үүт туманнара
Үһүөрүйэн көтүүтүгэр
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө —
Үс күннүк сиртэн
Кулумүрдээн көстөр
Көндөй уорук балаҕан
Күндээрэн көһүннэ.
Сэттэ дэгил маҥан уустар
Үөһэ халлааҥҥа өрө көтөн
Соһо былыт олбохтонон олорон
Субугурдук диэн саҥалаах буолтара
(дэгил маҥан уустар):
"Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Эн суо-дьэҥкэ
Суланыыгын толуйан,
Ыар дьаҥсал
Көрдөһүүгүн ылынан,
Үс түүннээх күн
Өрөөн сынньанан көрбөккө,
Кэнчээри сириэдийэр
Кэй бараан дьиэтин тэрийдибит,

Долго, не долго ли
ожидала, —
семеро искусных мастеров,
на верхнем чистом небе живущих,
на высокую белую поляну,
такую, что стерх, низко [над землей] пролетая,
краев ее не найдет,
на светлый возвышенный пригорок,
такой, что журавль, высоко [в поднебесье] летая,
границ его не найдет,
только ногами ступили —
взорами светлых глаз
непроницаемый бело-молочный
туман напустили
и, в нем укрывшись,
три дня и три ночи
сладости сна не знали:
щепки летали тучами,
опилки облаками клубились,
только их топоры сверкали,
только скобели скрежетали,
только рубанки шваркали —
так строить стали.
На четвертый день
бело-молочный туман
стал рассеиваться,
если внимательно приглядеться —
с расстояния трехдневного пути
заметный, сверкающий,
огромный просторный балаган,
сияя, перед глазами предстал.
Семь искусных белых мастеров,
на высокое небо свое взлетая,
на багряном облаке сидя,
такие слова говорили
(искусные белые мастера):
"Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Твоей проникновенной
мольбе внимая,
твою настойчивую
просьбу выполняя,
три дня и три ночи
без отдыха, без передышки работали,
потомкам на счастье
огромный просторный дом поставили,

Ороһу олохсуйар
Ой бодуо ордуутун оҥордубут.
Сүдү сиртэн түөһүллэн,
Ыраах сиртэн аттанан кэлэн,
Эт эмсэгэлиирин кэрэйбэккэ,
Унуох уйадыйарын улатыннарбакка
Уһанан оҥордубут,
Кыһанан кырбыйдыбыт.
Тута соболоҥ,
Көстө манньа көрдөөбөппүт,
Кэнэҕэс иэримэ дьиэ иччилэннэҕинэ,
Баараҕай дьиэ баһылыктаннаҕына,
Иитэр сүөһү күрүөлэннэҕинэ,
Үрүҥ түүлээх үөскээтэҕинэ,
Хара түүлээх хаҥаатаҕына,
Дэгил маҥан уустар диэҥҥит
Сэттэ ньылбараҥ маҥан
Сыдьаан сылгыҥы булан,
Дөлөркөй күҥэһэлээх сүүнэтин,
Кулан аарык быарыктаах улуутун,
Мунхаат* ойууну булаҥҥыт
Биһиги үрдүк аппытын үөтэн,
Суо сурахпытын дьуон наҕыдыйан,
Утаарыаххыт буоллаҕа,
Онтон ордугу көрдөөбөппүт", — диэтилэр.
Ити кэнниттэн
Кыыс Дэбилийэ уоллаах кыыһын
Икки өттүгэр энньиргэлии сиэтэн аҕалан,
Алтан сэргэтин аттыгар туруортаан кэбистэ.
Бу гынан баран
Аарыктаах халҕанын арыйа баттаан,
Туттарбыт дьоһуннаах ордуутун киирэн,
Эргим-ургум көрдөҕүнэ, —
Кэтэҕэрии[н] олорор киһи
Кэҕэ саҕа буолуох,
Уҥа диэки олорор киһи
Улар саҕа буолуох,
Суол ааныгар олорор киһи
Суор саҕа буолуох,
Хаҥас диэки олорор киһи
Хабдьы саҕа буолуох,
Оһуордаах оронноох,
Чуллуруууттаах чуулааннаах,
Хайырҕастаах хаппахчылаах,
Алта хос алыннаах,
Үс хос үрүттээх,
Сэттэ хос эркиннээх,

для будущих поколений
чудесную обитель построили.
Из великого края отправившись
из далекой страны прибыв,
об усталости своего тела не думая,
о хрупкости своих костей забывая,
прилежно мастерили,
усердно трудились.
Немедленного вознагражденья,
очевидной платы не просим:
когда уютный дом хозяина обретет,
когда громадный дом главу получит,
когда скоту разводимому загоны поставят,
когда белую масть имеющие расплодятся,
когда черную масть имеющие размножатся,
для нас, мастеров искусных,
семь чисто-белой масти
быстроногих коней отобрав,
самого могучего из обладателей дырчатых *кюсэнгэ*,
самого великого из владеющих звонким бубном*,
самого сильного из шаманов найдите,
наши высокие имена произнося,
нашей грозной славой заклиная,
[тот скот] нам отправьте* —
большего мы и не просим", — так сказали.
После этого
Кыыс Дэбилийэ парня и девушку,
за руки взяв,
у коновязи с медными украшениями рядом поставила.
После этого,
дверь с погремушками распахнув,
в уготованное просторное жилище войдя,
во все стороны посмотрела:
на передней лавке сидящий человек
с кукушку величиной покажется,
на лавке с правой стороны сидящий человек
с глухаря величиной представится,
на лавке у двери сидящий человек
с ворона величиной увидится,
на лавке с левой стороны сидящий человек
с куропатку величиной будет выглядеть;
лавки [там] узорчатые,
чуланы расписные,
перегородки у ложа невесты резные,
пол настелен шестислойный,
потолок трехслойный уложен
стены семислойные сложены,

Баараҕай баҕаналаах,
Чиркэ тирээбиллээх,
Дьоһун тулааһыннаах
Ордуу киэнэ улахана-урана
Мас хамыйаҕыттан
Саар иһитигэр тиийэ тэриллэн,
Оноһуллубут эбит.
Маны көрөн баран,
Үөрэн-көтөҥ,
Дьиэлиигэстээх дьиэлин
Тэлэччи анньан,
Тиэргэнигэр тахсан,
Үүт маҥан халлаан диэки
Өрө көрөн туран,
Үүннээх-тэһииннээх
Үтүө тылынан
Үҥэ-сүктэ турбута
(Кыыс Дэбилийэ):
"Үс хартыгастаах
Үүт маҥан халлаан
Үрүт өттүгэр үөскээбит
Күн тойон кыыһа
Күн Күөгэлдьин удаҕан эдьийиэм!
Үөрүүм-көтүүм үрдээтэ,
Дьолум-соргум туругурда!
Хара дьай халбарыйда,
Күөх дьай күрэннэ!
Иэримэ дьиэ сириэдийэр
Кэскилэ тэрилиннэ,
Баараҕай дьиэ баһылыктанар
Малааһына кэллэ!
Онон Дьылҕа Тойон
Тоҕус атыырын үөрүгэр баар
Кырай халлаан
Кымньыыта буолбут
Уон түөрт сааһыгар диэри
Кэтэҕэр кирис быа түспэтэх
Күндүл хаҥыл
Дьэллик элэмэс биэтин
Быһа туойан ыыта оҕус!" — диэн
Туойбут тойуга дьоллонон,
Саҥарбыт саҥата саргыланан,
Өйдөөбүт өйө өрөгөйдөнөн,
Өр өтөр буолбакка,
Кырай халлаан
Кымньыыта буолбут,

столбы мощные вкопаны,
опоры крепкие поставлены,
стойки прочные подставлены —
из жилищ самое лучшее,
от деревянного ковша
до огромных кожаных сосудов —
все имеет, оказывается.
Увидев это,
в радости-ликовании
полог в дверном проеме
она широко распахнула,
на просторный двор выйдя,
к бело-молочному небу
взор обратила,
добрыми словами,
узду и поводья имеющими,
благодарила-молила почтительно
(Кыыс Дэбилийэ):
"На самой вершине
бело-молочного
трехслойного неба живущего
Кюн Тойона дочь
Кюн Кюёгэлджин-*удаган*, сестра старшая!
Веселье-ликование мое умножилось,
счастье-благополучие мое утвердилось!
Черная нечисть испарилась,
пакостная скверна улетучилась!
Для процветания уютного дома
все блага созданы,
просторному дому хозяина получить
торжественный день настал!
Потому среди девяти табунов
Джылга Тойона резвящуюся,
мелькающей плетью
высокого поднебесья ставшую,
до четырнадцати лет
на загривке своем веревку не знавшую,
ретиво-строптивую
вольную пегую кобылицу
заклинанием своим быстрее ниспошли!"
Пропетое заклинание исполнилось,
сказанное слово сбылось,
задуманная мысль воплотилась;
долго ли, коротко —
мелькающей плетью
высокого поднебесья ставшая,

Уон түөрт сааһыгар диэри
Кэтэҕэр кирис быа түспэтэх
Күндүл хаҥыл
Дьэллик элэмэс биэ,
Тырылаччы кистээбитинэн
Туналҕаннаах тусаһаларыгар
Тура түспүтэ баар этэ.
Бу түһэрин кытта
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Сүүрдэ сылдьан сүнньүн анньан,
Хаамтара сылдьан хабарҕатын быһан,
Тэлиппитинэн этин эттиэн,
Сыналыппытынан сыатын сыалаан,
Сабаҕа дьаҕыл оһоҕун
Хаҥас чанчыгар
Саар күөскэ
Сараччы үллүөр диэри
Буһаран будулутан баран,
Арыҥа туоһунан
Дьапталлан оҥоһуллубут
Араҥас сандалы остуолугар аҕалан
Тардан кээһээт,
Уоллаах кыыһын
Остуол икки өттүгэр
Утарыта олордон баран
Аһыы-сии,
Үһүөйэх да буоллаллар,
Үс сүүс киһи
Көрүн көрүлүү,
Үтүө тылынан кэпсэтэ,
Үөрэ-көтө үлүмнэһэ,
Мас балаҕан малааһынын
Бастаан тэрийэ
Олорбуттара баар этэ.
Аһаан-сиэн бүтэн баран,
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Дьиэ оттотугар кэлэн
Аҥаар атаҕын сөһүргэстээн олорон,
Өрүөллээх манньыаты
Үрэйэ туппут курдук
Өгүрүк-төгүрүк көрө-көрө,
Ытыыстаах сыҥааҕын ыыра,
Ыллыы-туойа олорбута манньык этэ
(Кыыс Дэбилийэ):
"Орто дойду уола

до четырнадцати лет
на загривке своем веревки не знавшая,
ретиво-строптивая
вольная пегая кобылица
с громким ржанием
на сияющем дворе
тотчас встала.
Как только она спустилась,
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
шейную впадину ей на бегу проколола,
горло ей на ходу перерезала,
мясо ее сразу же на куски порубила,
жир ее тут же разделывать стала;
громадный глиняный горшок
до краев наполнив,
у левого края
огромного полосатого очага*
мгновенно [все] отварила.
На середину желтого стола,
из слоев бересты
крепко сколоченного,
то мясо выложила;
парня с девушкой
по обе стороны стола
друг против друга усадила,
пить-есть стали,
хоть и трое,
подобно трем сотням человек
шумное пиршество устроили,
добрыми словами беседу повели,
радостно веселились-смеялись,
деревянного дома
первое новоселье
празднуя, так сидели.
После пиршества
родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
на середину дома выйдя,
на одно колено опустившись,
круглыми очами,
словно серебряные монеты,
которые рядом положены, поводя,
сомкнутые челюсти свои размыкая,
петь-говорить стала
(Кыыс Дэбилийэ):
«Сын Среднего мира,

Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр сурдьум!
Хамыйаҕынан бадахтаах хаан иҥнээх
Хаанчылаан Куо балтым!
Аан дайдыгытыттан
Абааһы аймаҕын халбарытан,
Күҥүт сириттэн
Көстүбэт ууһун үүрэн,
Иэримэ дьиэҕитин тэрийдим,
Аал уоккутун саҕалаатым!
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх доҕордуу буолаҥныт,
Ороһу бөҕөнү олохтооҥут
Уһун буруоҕут унаарыйдын,
Кэнчээри бөҕөнү тэнитэҥит,
Кэтит кэскилгит сириэдийдин!
Сылгы сүөһү айыыһыта,
Күрүө Дьөһөгөй Тойон,
Анах сүөһү төрдө
Ахтар Айыыһыт Хатын
Үрүҥ-хара түүлээҕинэн
Өллөйдөөн биэриэхтин!
Ааспыт эһигиттэн аһаатын!
Тоҥмут эһиэхэ итиннин!
Өтөх төнүргэһэ,
Сурт кыыма буолуҥ!
Орто дойдуттан
Оһол ойоҕолооботун!
Үөһээ дойдуттан
Үргүөр ургүйбэтин!
Аллараа дайдыттан
Аргыар аргыйбатын!
Аҕыс айыыларгытыттан ааттаһаҥныт,
Күн айыыларгытыттан көрдөһөҥнүт,
Үрдүк айыыларгытын өйдөөҥнүт,
Охтон биэрбэт онгоруулланан
Орто дойдуга
Уларыйбаттык олохсуйдаххыт буоллун!
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук Баатыр сурдьуом!
Маҥнайгы ийэн уруута
Уол оҕо төрөөтөҕүнэ,
Хаалдыгынан оонньуур
Хара тураҕас аттаах,
Хаадыат Бэргэн диэр!
Ол оҕон

буланым с [белым] оплечьем конем владеющий,
Ургунньук Баатыр, брат мой младший!
С румянцем, подобным крови в ковше,
Хаанчылаан Куо, сестрица моя младшая!
С изначальной земли вашей
племя *абаасы* прогнав,
с солнечной земли вашей
род невидимых изгнав,
уютный дом я для вас создала,
священный очаг ваш зажгла!
На постели лежащими
равными друзьями-супругами став,
малых детей побольше рожайте,
пусть высокий дым ваш густо курится*,
пусть многочисленные ваши потомки размножатся,
пусть расцветает ваше великое счастье!
Пусть покровитель лошадей
Кюрюё Джёсёгёй Тойон,
пусть родоначальница скота
почитаемая Айыысыт Хатын
белошерстными и черношерстными
в изобилии вас наделяют!
Пусть голодный у вас насытится!
Пусть замерзший у вас согреется!
Корнем усадьбы станьте,
искрой жилища будьте*!
Со стороны Среднего мира
пусть к вам беда не пристанет!
Со стороны Верхнего мира
пусть холодный сквозняк вас не продует!
Со стороны Нижнего мира
пусть злой ветер на вас не повеет!
Восьми вашим *айыы* молясь,
у солнечных ваших *айыы* испрашивая,
верховных своих *айыы* почитая,
свыше предназначенную судьбу имея,
в Среднем мире
навеки прочно обоснуйтесь — да будет так!
Буланым с [белым] оплечьем конем владеющий
Ургунньук Баатыр, брат мой младший!
Когда матери твоей родня
мальчик-первенец у тебя родится*,
Хаадыат Бэргэном, владеющим
темно-карим конем
с игривою холкой — так его назови!
Когда же у сына твоего

Буутун этэ буһан,
Холун этэ хойдон,
Суолу тобулар,
Аартыгы арыйар кунүгэр
Этээр эрэ:
Сис тыаларын сиңнэн түһэн
Симилэх буолуутугар,
Хара тыаларың хайдан түһэн
Аабылаан буолуутугар,
Аҕыс аартыгың айаҕар,
Үс суолуң төрдүтэр
Аан дайдыга
Да[а]мын* биэрбэтэх
Аҕыс кырыылаах алтан куйахтаах
Аан Даадар Бухатыыр диэн
Оҕо көрсүөҕэ.
Ол оҕо
Төрүөн түөрт уон түөрт сыл инниттэн
Түөрт уон түөрт кыыл
Тыңыраҕар суруллубута,
Түүлээххэ түүлүгэр көстүбүтэ,
Биттээххэ битигэр биллибитэ,
Ону кытта
Уһун суолу оймоһума,
Кэтит суолу кэсиһимэ диэңңит,
Дьэ, быдан-быдан дьылларга
Быралыччы бырастыы буоллун!" — диэт,
Обуйук уостарыттан ууран,
Сымаан сырайдарыттан сыллаан баран,
Кыыс Дэбилийэ тахсан
Иэйиэхситтээх илин халлаан
Ис эңийэтин диэки
Үс бастаах өрүөллээх сүүстээх
Өксөкү кыыл буолан
Өрө көтөн бара турбута.
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр:
"Бу кыркаах сыстыбатах
Кыыда маңан халлаанңа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
Үрүң тыыммын өрүһүйэн,
Суон тыыммын толуйан баран,
Арҕаа Сибииргэ
Айыы аймаҕын адаҕыта,
Алаһа дьиэ тэрийэ барбыттааҕа,
Ол иэримэ дьиэтигэр

мускулы ног окрепнут,
мускулы рук силой наполнятся,
когда ему путь пробивать,
дорогу прокладывать время придет,
скажи ему:
"Там, где дремучие леса, валясь,
непроходимой чащобой становятся,
там, где черные леса, мельчая,
непролазным ерником становятся,
на перекрестке восьми путей,
у истоков трех дорог,
на изначальной земле
никому не подвластный,
восьмигранным медным щитом владеющий
Аан Даадар Бухатыыр-мальчик
ему встретится.
Тот мальчик
За сорок четыре года до своего рождения
у сорока четырех видов зверей
на когтях отмечен был,
у сновидцев в снах появлялся,
ясновидцами по приметам угадывался*,
вот с ним-то
длинную дорогу пусть не делит,
по широкой дороге пусть не ходит", — так скажи.
На долгие-долгие годы
прости-прощай!» — как промолвила это,
сочными устами они поцеловались,
нежно лицами соприкоснулись-понюхались*,
и Кыыс Дэбилийэ, во двор выйдя,
в трехглавую с орлиным челом
птицу Ёксёкю превратившись,
к восточному небосклону с Иэйиэхсит,
в сторону внутреннего его края,
ввысь полетела.
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр [подумал]:
"Вот, родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр,
белую душу мою спасшая,
толстую душу мою защитившая,
на землю Западный Сибиир
племя *айыы* поселить,
уютное жилище создать отправилась.
Время настало в свой родной дом

Эргиллэр кэмигэр,
Төрүт сиригэр
Төннөр күнүгэр
Мин аан дайдыбынан
Алаһа дьиэбинэн
Аартыктанан барыахтаах", — диэн
Тоҕус субан туруйа уолаттарын
Туналҕаннаах толоонугар туруоран
Тоҕус күн устата манаппыта.
Тоҕус күнэ томтойо туолуутугар
Тус арҕаа диэкиттэн
Үрүҥ былыттар өрүкүһэн тахсыбыттарын
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө —
Өрүөллээх сүүстээх,
Үс бастаах Өндөлүйэр Өксөкү кыыл
Өрө көтөн иһэр эбит.
Маны көрөн баран,
Тоҕус уолаттартан
Биир дьороҕой уостаахтара,
Ыллам тыллаахтара,
Аһаҕас айахтаахтара талыллан,
Били кыыл диэки көрөн туран,
Саманнык диэн саҥалаах буола турбута
(субан туруйа уол):
«Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Күүстээх айаҥҥын көҕүрэт,
Дохсун айаҥҥын тохтот,
Ахсым айаҥҥын намырат!
Кимнэр-хайалар
Кэпсии тоһуйдулар диэтэргин —
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругурпут
Чугдаан Бухатыыр
Тоҕус субан туруйа уолаттарабыт.
Ол тойоммут:
"Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
Иэримэ дьиэтигэр эргиллиитигэр,
Аал уотугар аттаныытыгар,
Манан төннүөҕэ", — диэбитэ.
Онон,
Сырыы киһитэ сылайбытыҥ буолуо,
Сынньанан ааһыаҥ үһү,
Суол киһитэ куоһаабытыҥ буолуо,
Утахта иһэн ааһыаҥ үһү,
Айан киһитэ амньыраабытыҥ буолуо,

ей возвратиться;
когда на родную землю
будет она возвращаться,
то через мою изначальную страну,
над моей просторной усадьбой
путь ее должен пройти", — так рассудив,
он девять парней холостых, журавлям подобных,
в сверкающей долине своей поставив,
девять дней велел караулить.
На исходе девяти полных дней
прямо с западной стороны
белые тучи внезапно выплыли;
если к ним приглядеться,
[то это] с орлиным челом
трехглавая огромная птица Ёксёкю
стремительно подлетает, оказывается.
Увидев это,
один из тех девяти парней
на слова самый бойкий,
на язык самый острый,
самый красноречивый из них,
в сторону того зверя глядя,
такие вот речи стал говорить
(холостой парень-журавль):
«Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Могучий полет свой умерь,
стремительный полет свой останови,
резвый полет свой замедли!
"Кто же это
речами встречает?" — если спросишь, [отвечу:]
Мы на девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославившего
Чугдаан Бухатыыра
девять подобных журавлям холостых парней.
Наш хозяин сказал:
"Когда Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр
к родному дому повернет,
когда к своему священному очагу возвращаться будет,
здесь она пройдет", —
и потому [хозяин наш]
тебя, в пути уставшую,
отдохнуть приглашает,
жаждой в дороге томимую,
утолить жажду просит,
изголодавшую в поездке,

Ахтаах илгэттэн
Аһаан ааһыаҥ үһү диэн
Хаалдьыктаах бэйэбит ханкыйабыт,
Сөһүөхтээх бэйэбит сүгүрүйэбит!»
Инньэ диэн этэллэрин кытта,
Кырдьык даҕаны,
Ахсым айанын сарбыйан,
Күүстээх айанын мөлтөтөн,
Дохсун айанын тохтотон,
Били Өксөкү кыыл
Уолаттар тус иннилэригэр кэлэн
Тура түһүүтүгэр —
Өрүөллээх манньыаты
Үрэйэ уурбут курдук,
Үрүнүнэн диэличчи,
Өгүрүк-төгүрүк көрбүт,
Дьахтар киһи талыы талбата буолан
Наскыс гына түспүтэ.
Маньыаха
Тоҕус субан турүйа уолаттар
Икки өттүгэр түһэннэр,
Энньиргэлии сиэтэннэр,
Туллук кыыл таба тэбиммэтэх
Дьулусханнаах тусаһаларыгар киллэрэн,
Көпсө ат сылгы көлөһүн аллыар диэри
Көбө-саба сүүрэн тиийэр
Күндүл мас күүлэлэригэр илдьиилэригэр, —
Аҕыс арылыас маҥан кыргыттар кэлэннэр,
Икки өттүгэр түһэннэр,
Дьиэллигэстээх дьиэллэрин тэлэйэ тардан,
Аарыктаах ааннарын арыйа баттаан,
Күлүмүрдээн көстөр
Күндү күөрэнсэ ордууларыгар
Күөгэтэн киллэрэн,
Аҕыс хартыгас арыҥа туоһунан
Дьаптайан оҥорбут
Араҥас сандалы остуол аттыгар,
Алта атахтаах айгыраабат алтан ороҥҥо
Аҕаланнар олордон кэбистилэр.
Аҕыс айыыһыт хатыттар
Аартыктарын айаҕар алаһалаах
Адьына Баай Тойон оҕонньор:
"Аҕыс арылыас маҥан кыргыттар,
Айан киһитэ амньырайан,
Суол киһитэ утатан кэлбитэ буолуо, —
Аарахтаах кымыһынан
Айахта тутун" — диэбитигэр,

священную пищу
предлагает отведать; [это передавая],
мы, имеющие шею, пред тобой склоняемся,
мы, имеющие суставы, тебе кланяемся!»
Как только это было передано,
и в самом деле,
быстрый полет свой замедлив,
мощный полет свой ослабив,
стремительный полет свой приостановив,
зверь Ёксёкю
перед парнями теми,
как только земли коснулся —
широко раскрытыми круглыми глазами,
подобными серебряным монетам,
которые рядом положены, глядя,
белизной белков сверкая,
прекрасной женщиной
вдруг предстала.
Тут же
девять подобных журавлям холостых парней
к ней с двух сторон подошли,
бережно под руки взяли,
по совершенно гладкому огромному двору,
такому, что и пуночка поскользнулась бы, проводили,
войдя в сверкающие деревянные сени,
такие, что захудалого коня пот прошибет,
пока он до их конца доберется, [через них] провели:
восемь девушек, подобных белым гоголям*,
перед ней появившись,
широкую дверь распахнули настежь,
дверь с погремушками вмиг открыли,
в почтенный высокий дом,
издали заметный, сверкающий,
заботливо под руки ввели,
за золотисто-желтый стол-*сандалы*,
из восьми слоев бересты
крепко сбитый,
на прочную шестиногую медную лавку
бережно усадили.
На перепутье восьми почитаемых Айыысыт
усадьбу свою раскинувший
старик Аджына Баай Тойон сказал:
"Восемь моих девушек, подобных белым гоголям,
человек в дальней поездке проголодался, наверное,
человек в дороге жаждой истомился, наверное;
сдобренный маслом кумыс
с почтением ему подайте!" Когда он так повелел,

Арылыас маҥан кыргыттар
Томторҕолуу ойуулаах чороон айахха
Тобус толору аарахтаах кымыһы
Аҕалан биэртэрин иһэн кэбиспитэ.
Дьэ, тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругуппут
Чугдаан Бухатыыр
Суон тыынын толуйбут,
Үрүҥ тыынын өрүһүйбүт
Хотун эдьиийэ кэлбититигэр
Үөрэн-көтөн,
Үтүө тылынан кэпсэтэн,
Ырааҕы ыҥыттаран,
Чугаһы хомуттаран,
Кэтэҕириин диэки кэрэни охторон,
Уҥа диэки улааны умсаран,
Хаҥас диэки хараны хаптатан,
Суол ааныгар суру суулларан,
Үс мөҥүрүк* сиргэ түөллэн олорон,
Саха омук малааһынын,
Үрдүк айыы үөрүүтүн,
Хоро дьуорту сырҕалын,
Чукча омук сөгөлөөнүн,
Нуучча омук сыбаайбатын,
Үөһээ бөҕө арбааһынын,
Аллараа бөҕө түлэһитин курдук,
Уһун уйгу,
Чөҥөрө чүөмпэ диэни олохтоон барда.
Чочо бастаах чуоҕуйда,
Босхо бастаах муһунна,
Тилэхтээх тиэһиннэ,
Атахтаах айгыһынна,
Сэттэ сиргэ сэгээх* ырыа дьиэрэйдэ,
Аҕыс сиргэ ааттаах алгыс адаҕыйда,
Тоҕус сиргэ дорҕоон олонхо суккулунна;
Ырыган ырҕайда,
Тубураабыт тотто,
Иммит ситтэ,
Хатыраабыт саалланна;
Мөчөкө бөҕөлөр
Бөҕөстөһүүлэрэ үөдүйдэ,
Сылбырҕа быһыйдар
Сырсыылара буолла,
Кыыратта кылыыһыт
Кылыйан кыыралдыытта,
Чөкөмө куобахчыт
Куобахтаан чөмөлдьүттэ.

девушки, подобные белым гоголям,
почетный узорчатый *чороон*
кумысом, сдобренным маслом, до края наполнив,
ей поднесли, и она все выпила.
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр,
встретив *хотун* старшую сестру,
толстую душу его защитившую,
белую душу его спасшую,
возрадовался-возликовал,
добрые речи стал говорить,
вдали живущих созвал,
вблизи живущих собрал,
на заднем дворе белую [лошадь] забив,
на правой стороне буланую заколов,
на левой стороне вороную разделав,
на передней стороне серую зарезав,
в три больших круга* гостей собрал,
пиршество якутских племен*,
торжество верховных *айыы*,
застолье племен *хоро**,
угощение чукотского народа,
свадебный пир русского народа,
воздаяние верховным божествам,
умилостивление нижних духов,
нескончаемый пир,
подобный глубокому омуту, устроил.
С круглыми головами здесь сошлись,
с вертящимися головами здесь собрались,
на пятки опирающиеся все сбежались,
быстроногие все прибыли*;
в семи местах звонкие песни зазвенели,
в восьми местах торжественные *алгысы* зазвучали,
в девяти местах звучное *олонхо* сказывать стали;
тут тощие растолстели,
голодные насытились,
хилые поправились,
худые жир нагуляли;
крепкотелые силачи
хватко боролись,
быстроногие бегуны
наперегонки пускались,
резвые прыгуны-*кылыысыты*
состязались,
прыгуны-*куобахчыт*,
соревновались.

Субугурдук
Сэттэ күнүстээх түүн
Сириэдийэн тураннар,
Көҕүрээбэт көр бөҕөнү
Көҕүлүттэн туппуттар,
Уурайбат оонньуу бөҕөнү
Оройуттан харбаабыттар,
Бараммат аһы аһаабыттар,
Уостубат уйгуну уулаабыттар.
Сэттэ күнүстээх түүн туолуутугар
Көрүлүү сатаан баран
Күүстэрэ бараннан,
Оонньуу сатаан баран
Уохтара хараан,
Мустубут дьон
Үөрэн-көтөн,
Тотон-ханан
Илин-арҕаа,
Хоту-соҕуруу
Тохтон-суоруйан,
Үрүө-тараа сырсан
Баран хааллылар.
Кырках сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ
Алта атахтаах
Айгыраабат алтан оронуттан
Дьэ туран,
Дьиэ ортотугар кэлэн
Адьына Баай Тойон,
Эдьинэ Баай Хотун
Чугдаан бухатыыр тус иннилэригэр киирэн,
Алаҕар хараҕынан
Аламаҕай баҕайытык
Алаарыччы көрөн туран,
Субугурдук диэн
Өрөөбүт уоһун өһүлэ,
Хоммут уоһун хоҥноро турбуттааҕа
(Кыыс Дэбилийэ):
"Бууйака! Бууйака!
Тоҕус үйэ тухары
Тунах ыһыаҕы туругуппут
Чугдаан Бухатыыр!
Күөх дьай буолан көлбөҕүрдүбүт
Көстүбэт бииһин күһэйдибит,
Хара дьай буолан сабыытаабыт
Абааһы аймаҕын халбарыттыбыт!

Вот так
семь дней и семь ночей
с великой радостью
неиссякаемое веселье
за челку держали,
непрерывные игры
за макушку держали,
нескончаемые яства ели,
неубывающий благодатный напиток пили.
На исходе семи дней и семи ночей
от веселья
силы истощились,
от игрищ
мощь поубавилась,
весь собравшийся народ
ликующий-радостный,
сытый-довольный
на восток, на запад,
на север, на юг,
постепенно убавляясь,
в разные стороны
разошелся-разъехался.
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ
с шестиногой
прочной медной лавки
наконец поднялась,
на середину дома выйдя,
перед Аджына Баай Тойоном,
перед Эджинэ Баай Хотун,
перед Чугдаан Бухатыыром предстала,
ласковыми глазами
радостно-приветливо
на них глядя,
с такими словами
молчавшие уста свои раскрыла,
спавшие уста свои разомкнула
(Кыыс Дэбилийэ):
«*Буойака! Бууйака!*
На девять веков-поколений
пышный *ысыах* прославивший
Чугдаан Бухатыыр!
Зеленую скверну напускающее
племя невидимых мы извели,
черную скверну несущее
племя *абаасы* мы изгнали!

Дьэ, көҕүрээбит үрүҥ сүүрүгүҥ
Үс төгүл үллэн үөскээтин!
Аҕыйаабыт хара сүүрүгүҥ
Аҕыс тэгил аллан хаҥаатын!
Уостубат уһун уйгу олохтон!
Уолбат чөҥөрө чүөмпэ быйаҥнан!
Иирээни-эрэйи билбэккэ,
Оһолу-содуому оройдообокко
Кэнчээри бөҕөнү тэнитэн,
Ороһу бөҕөнү ууһатан,
Ураанхай ууһа,
Киһи төрдө буол!
Аҕыс Айыыһыт Хатыттар
Аартыктарын айаҕар алаһалаах
Адьына Баай Тойон!
Сэттэ иэйиэхсит хотуттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун!
Көрдөр хараххыт дьүккэтин,
Көтүрдэр тиискит миилэтин
Хамыйаҕынан бадахтаах хаан иҥнэх
Хаанчылаан Куо кыыскытын,
Арҕаа Сибиир диэн сиргэ
Аҕыс атахтаах,
Ап хомуһуннаах,
Аба дьуорсун санаалаах
Абааһы аймаҕа адаҕыйан олорбутун
Арааран бараммыт
Айыы удаҕанынан
Аан арчыны арчылатан,
Алаһа дьиэ тэрийэн,
Ааттаах алгыспын биэрэн
Орто дойду уола
Улаан дьаҕыл аттаах
Ургунньук баатырга
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх доҕор оҥорон,
Иэримэ дьиэ иччилэрэ
Баараҕай дьиэ баһылыктара
Оҥортоон кэллим.
Онон
Көмүс чычаахпытын
Көстө сүтэрдибит диэн
Көмүскэҕит уутун түһэримэҥ,
Хаарыан оҕобутун
Халты харбаттыбыт диэн
Хараҥа аһыыны аһыйымаҥ!

Убавившиеся белые бегунцы твои
пусть возродятся втрое!
Уменьшившиеся черные бегунцы твои
пусть увеличатся восьмикратно!
Вечно благодатную жизнь имей!
Неиссякающее, глубокой воде подобное богатство имей,
Ссор-распрей не знай,
горя-несчастья не ведай,
множество детей вырасти,
бесчисленное потомство оставь,
для *ураангхай* родоначальником будь,
для людей прародителем стань!
На перепутье дорог восьми Айыысыт Хатын
усадьбу свою раскинувший
Аджына Баай Тойон!
На росстани семерых Иэйиэхсит Хотун
жилище свое устроившая
Эджинэ Баай Хотун!
Зеницу ваших глаз смотрящих,
десну ваших зубов выпадающих,
с румянцем, как кровь в ковше,
дочь вашу Хаанчылаан Куо
на земле Западный Сибиир, —
от восьминогих,
колдовскою силой владеющих,
от племени *абаасы*,
злокозненные умыслы имеющих,
освободив,
доброй *удаган айыы*
великими заклинаниями от скверны очистив, — поселила;
уютный дом создав,
славным *алгысом* благословив,
сыну Среднего мира,
Ургунньук Баатыру,
владеющему буланым с [белым] оплечьем конем,
на постели рядом лежащей
равной подругой быть ей определила,
знатного дома хозяевами,
богатого дома владельцами
их сделала и сюда прибыла.
Поэтому, думая:
"Серебряную пташку свою
навсегда потеряли", —
слезы не проливайте,
думая: "Бедное дитя свое
не смогли уберечь", —
в черную скорбь не впадайте!

Дьэ, бука бары
Бүрү бүттүүн,
Дэли дэхси
Быралыччы бырастыыларыҥ!" — диэт,
Тап курдук таҥнан,
Сип курдук симэнэн,
Ох курдук оҥостон,
Аарыктаах ааннарын
Арыйа баттаан,
Көпсө ат сылгы көлөһүн аллыар диэри
Көбө-саба сүүрэн кэлэр
Күндүл мас күүлэтиттэн тахсан,
Туллук кыыл таба тэбиммэтэх
Дьулусханнаах тусаһаҕа киирииттигэр,
Киис хаймыылаах
Хампа Дьабакатын
Нэлбигийдии кэппит
Сэттэ Иэйиэхсит Хатыттар
Кэлэр сирдэригэр дьиэлээх
Эдьинэ Баай Хотун тахсан,
Күүлэтин ааныттан
Нөрүөннээх көхсүгэр диэри быган туран,
Икки хараҕын уута
Мөл-мөл таммалыы-таммалыы
Саманнык диэн саҥалаах буола турбута
(Эдьинэ Баай Хатын):
"Дьэ, бу!
Кыркаx сыстыбатах
Кыыда маҥан халлааҥҥа үөскээбит
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Абааһы аймаҕа адаҕыйан,
Көстүбэт бииһэ күөнтээн,
Өрөгөйбүтүн самнараары,
Үөрүүбүтүн кэҕиннэрээри,
Алгыстаах кырыстаах
Аан ийэ дойдубутун
Атыйахтаах уу курдук
Аймаары гыммытыттан,
Күүстээх көхсүгүнэн көмүскээн,
Халыҥ санныгынан харыстаан,
Биллибэти мэлитэн
Көстүбэти сүтэрэн,
Суон тыыммытын толуйбуккар,
Үрүҥ тыыммытын өллөйдөөбүккэр,
Хаалдьыктаах бэйэм хаҥкыйан,
Барҕа махтал биэрэбин!
Уһун суолуҥ усталаах туоратыгар

Ну, а теперь
все вы,
все-все —
надолго прощайте!» — так сказав,
ладно она приоделась,
тщательно нарядилась,
быстро собралась*,
с погремушками дверь
широко распахнув,
из таких сеней, что захудалого коня пот прошибет,
пока он до их конца доберется, —
из таких сверкающих деревянных сеней
на огромный двор,
такой гладкий, что пуночка поскользнется, вышла;
на росстани семерых Иэйиэхсит Хатын
усадьбу свою раскинувшая
Эджинэ Баай Хотун,
из шелкового атласа шапку свою,
соболиным мехом отороченную,
на затылок сдвинув,
из двери сеней,
по пояс высунувшись,
слезами, из глаз
обильно капающими, обливаясь,
такую речь завела
(Эджинэ Баай Хатын):
"*Джэ, бу*!
Родившаяся на чистом, без пылинки,
снежно-белом небе
Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр!
Когда племя *абаасы* на нас напало,
невидимых племя на нас обрушилось,
счастье наше сокрушить,
радость нашу погасить собираясь,
с благополучием и бедами
изначальную мать-землю нашу,
словно воду в берестяной чаше,
взволновать-расплескать желая,
тогда могучей спиной своей [нас] заслонив,
крепкими плечами своими [нас] оградив,
незаметных искоренив,
невидимых истребив,
толстое дыхание наше защитила,
белое дыхание наше спасла,
[потому] я, шею имеющая, пред тобой склоняюсь,
великую благодарность [тебе] приношу!
На длинном и долгом пути своем

Очурга оҕустарар,
Тэхтиргэ тэптэрэр буолаайаҥый!
Татаар тыллаах* таба дьаҥсайбатын,
Уон тарбахтаах утары уумматын!
Кэнчээритэ сириэдит,
Ороһута олохтоо,
Баараҕай дьиэни баһылаа,
Иэримэ дьиэни иччилээ!
Дьэ, биһиги,
Иннибит чугаһаабыт,
Кэннибит ыраапыт дьон,
Аны эйиигин
Көрсөрбүт баһа биллибэт.
Онон оҕонньорум биһигини кытта
Бырастыылаһан барыаххын төһө хасча буолуой?"
Онуоха Кыыс Дэбилийэ:
"Кырдьык даҕаны,
Кырдьар бөҕө кыайбыт,
Сорсуйар бөҕө булбут
Арҕаһыттан тэһииннээх,
Аһыныгас санаалаах
Айыы аймаҕын
Аҕа баһыылыктара буоллаҕа,
Онон бырастыылаһан барыахха", — диэн
Дьиппиэһиннээх дьэллэрин
Тэлэйэ баттаан,
Көй уорук ордууларыгар көтөн түһэн,
Урут
Хаҥас диэки олорор
Эдьиэнэ Баай Хатыны
Уоһуттан ууран ылла,
Онтон
Кэтэҕириин ороҥҥо кэлэн,
Адьына Баай Тойону
Ууран баран,
Уҥа ороҥҥо олорор
Чугдаан Бухатыыры,
Чугаһынан ааһан иһэн чуп гына ууран ылаат:
"Тоҕо даҕаны
Ойдубут уолу кытта
Уос былдьастаҕым буолла", — диэн
Уоҕа-кылына уолугунан киирэн,
Тилэҕин тыаһыттан тэһииргээн,
Уллуҥаҕын дорҕоонуттан уйуһуйан,
Аарыктаах ааннарын
Арыйа баттаан,
Дьулусханнаах тусаһаларыгар тахсан,

на дорожных ухабах,
на рытвинах не разбейся!
Пусть злоязычные бед тебе не накличут!
Пусть десять пальцев имеющие тебя не тронут!
Пусть много детей у тебя родится,
пусть потомство твое процветает,
стань гла́вой большого дома,
будь хозяйкой уютного дома!
Ну а мы,
с укороченным будущим,
с удлинившимся прошлым люди,
мы с тобой
вряд ли свидимся,
со мной и с моим стариком
попрощаться не хочешь ли?"
На это Кыыс Дэбилийэ:
"И верно,
преклонный возраст осиливает,
дряхлая старость одолевает —
с поводьями за спиной,
с отзывчивыми сердцами
племени *айыы*
родоначальниками являются ведь,
надо попрощавшись, уехать!" — так подумав,
крепкую дверь их
настежь распахнула,
в просторное жилище их влетела,
сперва она
на левой стороне дома сидящую
Эджинэ Баай Хатын
в губы поцеловала,
потом,
к левой лавке подойдя,
Аджына Баай Тойона
расцеловала,
мимо правой лавки проходя,
Чугдаан Бухатыыра сидящего
невзначай чмокнула.
"Зачем же
к губам холостого парня
потянулась?" — подумала,
с подступившим к горлу волненьем,
стуком ступней своих подстегиваемая,
топотом пяток своих подгоняемая,
дверь с погремушками
настежь распахнула,
на гладкий двор выйдя,

Үҥкүрүс-күөлэһис гына түстэ да,
Ырыалаах кынаттаах,
Эгэлгэлээх эрдийэлээх,
Хоһооннoox хотоҕойдоох,
Үс бастаах,
Өрүөллээх сүүстээх
Өндөлүйэр Өксөкү кыыл буолан:
"Анаммыт аан дойдум,
Дугуйдаммыт туруу сирим —
Кэниэрдээх ийэтин ууһун
Бэтэрээ өттө,
Суккуордаах аҕатын ууһун
Соҕуруу чанчыга,
Холоҥсолоох аймаҕын
Хоту дьайыҥа
Суманан буолуо", — диэн
Суксуйан түһэ турбута...

Июнь—июль 1941 сыл

вмиг перекувырнулась-перевернулась —
в трехголовую,
с орлиным челом,
с певучими крыльями,
с говорливым хвостом,
с речистым опереньем
огромную птицу Ёксёкюю превратилась.
"Предназначенная мне страна,
исконная моя земля
ближе обиталища
кровожадных материнских родов,
южнее края
подстрекательских отцовских родов,
севернее страны
смрадных племен —
там ведь она", — так подумав,
стремительно полетела...

Июнь—июль 1941 г.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТЕ И СКАЗИТЕЛЕ

Олонхо "Кыыс Дэбилийэ" записано в июне—июле 1941 г. от олонхосута Николая Петровича Бурнашева (1846—1950) в Лёгёйском наслеге Усть-Алданского р-на Якутской АССР журналистом Степаном Константиновичем Дьяконовым (1913—1966), уроженцем того же района, с юных лет неоднократно слышавшим олонхо в исполнении Н.П. Бурнашева.

Запись С.К. Дьяконова хранится в Архиве Якутского научного центра СО РАН (ф. 5, оп. 7, д. 51, 124 л.). Олонхо зафиксировано с большой тщательностью фиолетовыми чернилами на развернутых тетрадных листах размером 21x33 см (с одной стороны). Запись длилась около месяца. По рассказу сестры собирателя, в дни записи С.К. Дьяконов приходил домой усталый и говорил: "Эрэйдэнним (измучился)". В рукописи почти нет помарок. Можно предположить, что С.К. Дьяконов записывал олонхо под неторопливую диктовку сказителя. Текст Бурнашева характеризуется полнотой описания всех эпизодов олонхо, соблюдением повторов, развернутых эпитетов и т.п. Нить повествования нигде не прерывается, изложение событий не комкается.

В конце рукописи (л. 124) С.К. Дьяконов сообщает о том, что он был намерен записать от Н.П. Бурнашева еще одно олонхо — о богатыре Аан Даадаре, сыне Кыыс Дэбилийэ и Чугдаан Бухатыыра. Этого не удалось сделать: началась первая военная сенокосная страда, и олонхосут, несмотря на преклонный возраст, должен был участвовать в ней. Удалось только зафиксировать, о чем шла речь в этом втором олонхо: Аан Даадар очищает Средний мир от *абаасы*, искореняет зло на земле и обеспечивает мирную и счастливую жизнь.

При подготовке олонхо "Кыыс Дэбилийэ" к печати не понадобилось никаких текстологических поправок. Наша публикация в точности следует оригиналу, сохраняя диалектные особенности языка и орфографию рукописи. Соблюдается разбивка на стихи, имеющаяся в записи Дьяконова, нумерация стихов дана нами. В тексте сохраняются выделенные в рукописи С.К. Дьяконова имена персонажей, исполняющих песни (см., например, между ст. 260 и 261), но эти строки (в скобках) не включены в нумерацию стихов, так как они вставлены С.К. Дьяконовым.

Перевод сделан по принципу адекватной передачи смысла и поэтического стиля оригинала. Нумерация стихов перевода соответствует

нумерации якутского текста. Лишь в редких случаях для большей доступности перевода потребовалось изменить порядок стихов в пределах поэтических блоков.

Во вступительной статье, переводе, комментариях и словарях буквы якутского алфавита заменены русскими: ө на ё, ү на ю, һ на с, нг на нг и ҕ на г.

В 1984—1988 гг. на родине Бурнашева записывались воспоминания о нем. В них содержатся ценные биографические сведения, свидетельства об искусстве олонхосута и его восприятии слушателями (тексты даются далее в переводе П.Е. Ефремова с сохранением содержащихся в них несовпадений в датах и именах).

П.Г. БОРИСОВ
*(внучатый племянник олонхосута)**

С именем дяди связаны для меня самые светлые, теплые дни моего детства. В этих строках попытаюсь обрисовать его как человека, простого якутского сельского жителя, ставшего, благодаря своему таланту, известным олонхосутом и певцом. Лично знавших Бурнашева становится все меньше, потому мои краткие заметки могут быть чем-либо полезными.

Бурнашев Николай Петрович, по прозвищу Бооджогос, родился в 1846 г. в Сынгахском (теперь — I Лёгёйском) наслеге Усть-Алданского р-на в семье бедного рыбака Петра Оломпо. Избушка их стояла на берегу глухого лесного оз. Суорун, что лежало к северу от известного оз. Кэптэни. Мать Ааныка, говорят, славилась как искусная швея и горшечница, в округе ее знали также как прекрасную исполнительницу якутских народных песен, замечательную рассказчицу, державшую в памяти множество сказок, рассказов и легенд, загадок и прибауток. Поэтому любовь к родному слову, к его богатствам дети Петра Оломпо впитали, как говорится, с молоком матери...

Старший из них, Павел Бааба, был незаурядным рассказчиком, сказочником, знатоком затейливых загадок. Поклонники дара этого необыкновенного человека заслушивались его рассказами и буквально ходили за ним... Павел Бааба прожил трудную жизнь одинокого человека. Скончался он глубоким старцем, прожив более ста лет.

Второй брат, Николай Сыабыан, был человек спокойный, покладистый, тоже слыл хорошим сказочником и рассказчиком, хотя в этом и уступал старшему. У него была семья, после себя он оставил дочку и внуков, умер тоже в преклонном возрасте.

А третьим был Николай Бооджогос, ставший при жизни известным певцом и олонхосутом, по словам сестры, старушки Кэтирийс, он перенял этот талант от своей матери.

*Собственная запись на якутском языке П.Г. Борисова переведена П.Е. Ефремовым.

Кэтириис, самая младшая в семье, тоже пошла в мать, стала отменной швеей, из ее рук выходили нарядные якутские торбаса, да еще была она хорошей горшечницей. Умерла Кэтириис в возрасте 108 лет в 1962 г., оставив после себя многочисленных детей и внуков, одним из которых является автор этих строк.

Все это я пишу потому, что талант — редкость, дается не просто так, всегда имеет свой корень, свою почву.

Николай Петрович был худощавым небольшого роста (155—158 см) стариком, при этом имел несоразмерную с ростом широкую грудь и большую сутулую спину. Он, по словам стариков, два раза заводил семью, но жены его умерли молодыми, не оставив детей. Несчастливую долю Николая Петровича ближние объясняли тем, что он, будучи наделенным слишком большим даром, в своих песнях и сказаниях чрезмерно подробно описывал верхних и нижних духов, обратив тем самым их внимание к своей особе, что считалось греховным и предосудительным.

Н.П. Бурнашев был не только большим олонхосутом, но и непревзойденным рассказчиком, знал множество чудесных сказок, старинных рассказов и легенд, замысловатых загадок и прибауток, его искусной речью люди просто заслушивались.

На торжественных сходках, на свадьбах он звучным глубоким голосом, кроме олонхо, исполнял различные народные песни, поэмы-тойуки, поражая слушателей своим искусством и доставляя им огромное наслаждение. В его родных местах до сих пор рассказывают, что когда Николай Петрович пел особенно вдохновенно, от души, самозабвенно отдавшись песне, в тон его голосу звенела в доме посуда. Когда он исполнял олонхо, рядом со взрослыми всю ночь напролет просиживали и дети, хотя они не очень понимали вычурную и сложную речь олонхо и с трудом следили за похождениями многочисленных героев. Такова была увлекающая сила его волшебного таланта исполнителя. Обладая редким по силе и красоте голосом, Н.П. Бурнашев наделял каждого персонажа неповторимой мелодией. Его исполнение олонхо походило на большой многокрасочный концерт. Пение Николая Петровича, особенно голос, ставили намного выше, чем искусство знаменитого современника-олонхосута Кюёх Бётюркя (Петра Олесова) из соседнего наслега.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Н.П. Бурнашев, уже престарелый, был приглашен на слет олонхосутов в Якутск, где за исполнение олонхо был награжден редким по тем временам патефоном. Старик сам рассказывал, что из-за плохой дороги опоздал на конкурс и "ему не досталось хорошей песни", дали спеть "только песню богатыря-абаасы". Видимо, хорошими песнями он считал песни героев из племени айыы; он сожалел, что ему не пришлось выступать на таких состязаниях более молодым. Было ему тогда уже около ста лет.

Пел и сказывал олонхо Н.П. Бурнашев до самой смерти, хотя "растерял все зубы и стер губы". Люди удивлялись этому и говорили, что

такой большой певец, у которого голос рождается где-то в глубине "спины", сохраняет его силу и красоту до глубокой старости.

На вопрос, сколько олонхо, сказок, рассказов и легенд Николай Петрович знает, он отвечал, что никогда не пробовал сосчитать, наверное, безмерно много, но некоторые к старости начали забываться. Близкие ему люди уверяли, что и за месяц не истощится запас его репертуара, его всеобъемлющей памяти.

На родине люди звали Н.П. Бурнашева просто Олонхосут, некоторые из работавших, общавшихся с ним долгое время, не знали, что его настоящее имя Николай. Именем Олонхосут его нарекли не случайно, это было признанием большого таланта сказителя.

Дети последнего бедняка Петра Оломпо, к установлению Советской власти бывшие уже людьми в годах, вступили в члены первых ТОЗов и колхозов, славились добрым отношением к труду и усердием.

Бурнашев, несмотря на внешне хрупкое телосложение, отличался особым трудолюбием, был известен окрест как лучший косарь — "человек с большой косой". Столетним стариком он со своей сестрой (на два года его моложе) — старушкой Кэтириис — за лето заготовлял для колхоза 40—50 т сена, единственным их помощником бывал я — мальчик лет десяти. Его прокос, широкий и чистый, изумлял даже молодых. Мой отец Григорий, 40-летний мужчина, косарь не из последних, говорил про дядю, что в старину тот славился как отличный косарь и часто приглашался баями на состязания "кюйлэй" во время страды. В тридцатые и особенно в трудные военные годы 80-летний старик возглавлял бригады рыбаков на Алдане и в заполярном Булуне, где его талант тоже завоевал признание у многочисленных слушателей, а рыбацкий его труд был отмечен медалью "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.". Он за общее дело болел всей душой, трудился вместе со всеми, забывая усталость и голод, недаром в свое время ему было присвоено почетное звание стахановца.

Н.П. Бурнашев умер 104 лет от роду в декабре 1950 г., проболев всего несколько дней. Его похоронили на высоком мысу речки Хампа в I Лёгёйском наслеге Усть-Алданского р-на.

И.К. БОРИСОВ*

Нашего земляка Николая Петровича Бурнашева знали под именем олонхосут Боодонгос, а в округе — просто как Олонхосута.

В молодые годы он скитался по дальним местам, даже в Бодайбо бывал. Там он работал около десяти лет < ... >

---

* Запись П.Н. Дмитриева и П.Е. Ефремова (6 февраля 1984 г.). — Архив Якутского научного центра СО РАН, ф. 5, оп. 13, ед. хр. 227.

Когда мне было шесть-семь лет, говорили, что из Бодайбо возвратился Олонхосут. Я слышал, что городские жители тогда приглашали его сказывать олонхо. "Да, такой певец!" — говорили все.

Позже, уже стариком, Н.П. Бурнашев в 1937 году стал участником республиканского конкурса в Якутске. Там его наградили патефоном. Тогда же был записан отрывок из олонхо в его исполнении на республиканском радио. Ко времени его возвращения на родину земляки уже слышали эту передачу < ... >

Во время войны, в октябре 1944 г., в период обмолота в Кэптэни, в доме Е.Г. Алексеева Николай Петрович исполнял олонхо "Үс курдаах Үөлэн Хардааччы" ("Юёлэн Хардааччы, имеющий три пояса") и не закончил его даже за три вечера. Начинал петь олонхо сразу после ужина и продолжал за полночь. Между делом старик курил, выходил во двор, потом сказывал дальше в той же манере. К тому времени он был согбенным старцем, убеленным сединой, но еще сохранял крепкий голос. При сказывании становился вдохновенен и велеречив...

В 1940 г., в дни ысыаха в с. Борогонцы, на слова и мелодии олонхо Н.П. Бурнашева был поставлен спектакль "Кююстээх уохтаах богатырь Кюн Толуур". Роль богатыря Кюн Толуура исполнил Савва Алексеев, роль девы-абаасы — Екатерина Заровняева, роль старика — Егор Александров, а сам Николай Бурнашев, не выходя на сцену, за кулисами звонким голосом исполнил песню Ворона < ... >

Перед самой войной учитель Степан Константинович Дьяконов записывал со слов Николая Петровича Бурнашева олонхо "Кыыс Дэбилийэ". Я спрашивал олонхосута, — как же это он может записывать олонхо? А тот: "Частями, помаленьку записывает и перечитывает: правильно ли?"

Был С.К. Дьяконов "писарем" отменным. Летом записывал подолгу. Сам старик остался доволен < ... >

Говорят, перед смертью старик много пел. Последние свои годы жил он у Григория Павловича Павлова и, недолго проболев, скончался в конце декабря 1954 г. Его похоронили в Хампе.

Брат олонхосута, Александр Петрович Бурнашев, старик высокого роста, был очень интересным сказочником. Знал много сказок. Вот так оба брата были талантливы от природы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЯКУТСКОМУ ТЕКСТУ

19 — В рукописи *үүс* — видимо, описка или индивидуальное произношение сказителя; надо *үс*.

46 — *Сиксиктээх* — в рукописи *сиксистээх*.

49 — *Аранас* — здесь и повсюду в тексте диалектная форма современного литературного *араҕас* "желтый, желтоватый, золотистый, палевый".

52 — *Үрбэлээх* — видимо, от *үүрбэ* "небольшое количество скота, которое в состоянии гнать один человек; гурт скота"; перевод словосочетания *Үгүс сулус үүрбэлээх* как "множеством звезд окруженная" — смысловой.

53 — *Дьэллэнэ* — в говоре вилюйских и других якутов имеет значение "редкий, негустой": *дьэллэнэ тыа* "редкий лес, редколесие" [22, с. 108].

59 — *Сугул* — синоним слов *өнүрүк* и *сыралҕан*, употребляемых в сочетаниях: *өнүрүк куйаас, сыралҕан куйаас* "сильная жара, зной".

91 — *Кириһиэнэй миэрэ* — от русск. *крещеная вера*, т.е. православная вера.

151 — *Сатыы* — "пеший", здесь — "низкий"; ср. *сатыы дулҕа* "небольшая низкая кочка", *сатыы тыа* "перелесок", *сатыы былыт* "пешее облако" (т.е. низкое облако).

243 — *Хахыдал* — акающий вариант слова *хохудал*.

366 — *Үрбэлэнэн* — должно быть *үүрбэлэнэн*. См. примеч. к ст. 52.

394 — *Тэрии* — диалектная форма литературного *тирии* "шкура, кожа, мех".

396 — *Сутуора* — видимо, диалектная форма общепринятого *сутуруо* "меховые наколенники".

402 — *Дайды* — здесь и повсюду в тексте акающий вариант слова *дойду* "страна, край родина".

599 — *Түһэгэй ньылбэк* — редко встречающееся синонимическое сочетание; слова *түһэгэй* (от *түһэх*) и *ньылбэк* оба значат "передняя сторона ляжки, колено".

627 — *Дулун бараан үскэлэ* — устно-поэтическое; ср. *дьүдьүн бараан дьүһүнэ* "облик, вид" [60, стб. 869].

628 — *Ырҕа дьаам* — устаревшее выражение со значением "предельное развитие чего-нибудь или кого-нибудь; последняя стадия" [60, стб. 3817].

677 — *Туллайар* — от *туулллай* "беспокоиться, не находить себе места, распаляться".

996 — *Улай* — малоизвестное слово. В "Словаре" Э.К. Пекарского [60, стб. 2993] — "добыча", *улайдаа* "пировать".

1026 — *Мындаама* — должно быть *мындаана*; в "Словаре" Э.К. Пекарского *кэтит мындааннара* "его широкие... плечи" [60, стб. 1658].

1068 — *Халхаланан* — должно быть *хаххаланан*.

1299 — *Табылатын* — современное литературное *дабыдал*. У Э.К. Пекарского [60, стб. 660] *табытал, дабыдал*, "папороть, папороток" (т.е. крыльце у птицы, второй сустав крыла, две кости между плечиком и костью); здесь в переносном смысле: "подплечье у человека".

1317 — *Айыы саҕыала* (*внуки айыы*) — слово *саҕыал*, не встречающееся в словарях, видимо, является диалектным вариантом слова *сыган* "родственник, внук, правнук".

1352 — *Сиэрэ уота* (*серные искры*) — *сиэрэ* от русск. *сера*.

1362 — *Эрэгэпчи* — от *эрэгэччий (эрий)* "вертеть, обвивать, крутить вокруг чего-нибудь".

1379 — *Дьуугутун* — видимо, разновидность слова *дьүүл (дьүүлүн)* "смысл, толк" [60, стб. 871].

1449 — *Кулан дьэллик (беспокойные)* — фольклорное; *кулан* "резвый, бойкий, задорный"; *дьэллик* "бродячий, не любящий сидеть на одном месте".

1580 — *Суон сэриилэр (множество людей)* — сочетание, в котором слово *сэрии* (в современном якут. яз.: "война, бой, войско") значит "множество (масса) людей"; ср. *сэрии киһи* "множество людей, толпа, сбор народа", пословицы: *сэрии үрдүнэн буор ыспат* "множество людей землей не засыпать", *киһи да күүһэ, сэрии да күүһэ кыайбат* "ни силой одного человека, ни силой массы людей не преодолеть" [60, стб. 2174]. *Суон* "толстый" в данном случае употребляется для усиления.

1605 — *Торгоҕон* — видимо, *торҕон* "жадность, алчность, ярость".

1644 — *Күрэх* — общепринятое *күрэс, күрэс былдьаһыы* "состязание".

1662 — *Үүчээҕи* — значение слова не выяснено. По смыслу переведено "человечек".

1743 — *Дьиэл* (в рукописи иногда *дьэл*, мн.ч. *дьэллэр*) — устаревшее, "входная дверь (отверстие) дома, юрты; берестяная покрышка входа".

1813 — *Кырпах* — в "Словаре" Э.К. Пекарского [60, стб. 1418] *кыырпах* "жесткие, мелкие крупинки чего-нибудь"; в тексте далее *кырках*, что более правильно: *кыркаҕа суох халлаан* "чистое небо" [102, с. 210].

2181 — *Арыллаан* — в современном литературном языке принято *араллаан* "суматоха, неразбериха", в данном контексте имеет значение "заботы".

2220 — *Кырках* — см. примеч. к ст. 1813.

2266 — *Хал таайбыт (издавна привычный)* — устаревшее, по Э.К. Пекарскому, *хал тайбыт* "он настолько свыкся, что стал относиться к чему-либо совершенно равнодушно" [60, стб. 2523].

2335 — *Мин* — должно быть *миигин*.

2365 — *Илдьиктэрэ (поручение)* — диалектный вариант *илдьит* " сообщение, поручение; порученец".

2457 — *Мааллаабакка (не принять)* — диалектный вариант современного литературного *маанылаа* "оказывать почет, уважение" с аффиксом *бакка* в значении отрицания.

2466 — *Хара сүүрүк харталаах быара (печень с кишкой-харта черных бегунцов)* — здесь очевидное нарушение смысла: "черные бегунцы" — поэтическое название рогатого скота (см. коммент. к ст. 1092), тогда как *харта* — толстая кишка у лошади. Это обусловлено внутристиховой поэтической аллитерацией *(хара — харта)*.

2689 — *Ийэтэх* — диалектальный вариант слова *инньэтэх* "тот (та, то)".

2694 — *Дүлүн бараан (вид, наружность, облик)* — *дүлүн* здесь употреблено вместо общеизвестного *дьүдьүн*.

2874 — *Адыылаан* — акающий вариант слова *одуулаа* "рассматривать, разглядывать; всматриваться, вглядываться".

3076 — *Эрдийэ* — в словарях отсутствует, по смыслу "хвост, хвостами".

3080 — *Соболонноох халлаан (алчное небо)* — в данном случае *соболонноох* значит "алчный, просящий вознаграждения (жертв)": *соболон* "вознаграждение, плата за услуги" (ср., однако, сочетание *дьай соболон*, значащее "скверно; порочность" [60, стб. 773]).

3111 — *Майдаан* — в данном случае сохраняет общетюркское значение "площадь", в говоре вилюйских якутов это "шум, переполох", а также устарелое значение "сборище людей, например, игроков в карты" [60, стб. 1506].

3215 — *Ойхол* — устаревшее; по Э.К. Пекарскому, *ой хол* "дальняя страна" (*ой* "отдаленный; находящийся в отдалении") [60, стб. 1796].

3225 — *Кымырбыт (осужденная)* — в "Словаре" Э.К. Пекарского *кымыр* "сплоховать, не сдобровать"; *кымырбыт кыргыттар* "плохонькие, бестолковые девушки" [60, стб. 1393—1394]. Здесь переводится по смыслу.

3277 — *Уон дьаахыла тыҥыраххытын (десять своих корявых пальцев)* — *дьаахыла* от *дьаах* — название болезни, поражающей копыта животных [60, стб. 802].

3401 — *Бөдөт* — видимо, диалектная форма слова *мөдөөт* "медлительный, сонливый, вялый".

3411 — *Ончолҕон* — по-видимому, от того же корня, что *олчоҕор* "кривой; имеющий единственный болезненно выпученный глаз" и *ончоччу (олчоччу, оччоччу)* в словосочетании: *ончоччу көр* "косить; разниться глазами, косоглазить".

3413 — *Лаһыр* — стяженная форма *лаһыгырас* "крупный, отборный", синонимическое слову *ланкыр*.

3419 — *Сэрии* — см. примеч. к ст. 1580.

3485 — *Оттом* — Э.К. Пекарский это слово передает как *от-том, оп-том, ортом* "разумность; толковость; осторожность" [60, стб. 1898].

3488 — *Ородоһун тииһик* — устаревшее выражение, у Э.К. Пекарского *ородоһун тииһик* "болезненный припадок" [60, стб. 1868].

3601 — *Дьаахыла хайа (песчаные горы)* — в словарях не встречается такого словосочетания; переведено по аналогии с *дэриэспэ хайа*.

3608 — *Эмньик кулун* — дословно "жеребенок-сосун" [60, стб. 258—259]. Здесь в переносном значении "ретивый конь".

3853 — *Чөҕөчүлэр-дьүөкэттэр — чөҕөчү* — вариант слова *чоҕочу* "сальник", подчиненный закону фонетического созвучия; *дьүөкэт* от русск. *деготь*.

3854 — *Салаһын* — видимо, диалектный вариант слова *салын* "слизь".

3863 — *Обугудуйан — обугудуй* "бредить, впасть в полусонное состояние" синоним слова *үлүгүнэй*.

3978 — *Уртуус* — от русск. *ртуть*.

4156 — *Кындыыт* — в "Словаре" Э.К. Пекарского *кындыс* "блуждающая звезда, падающая звезда" (синоним *сындыыс*) [60, стб. 1897].

4416 — *Мунхаат* — видимо, от слова *мун (мунутуур)* "превосходный, великолепный, отличный".

4592 — *Да[а]м* — от русск. *дань*.

4738 — *Мөнүрүк* — устаревшее слово, по Э.К. Пекарскому, значит "скопление стада в 30—60—100 голов" [60, стб. 1612]. В данном же случае оно употреблено как определение места (*сир*), где собираются пирующие.

4752 — *Сэгээх* — в словарях отсутствует. Видимо, образовано от *сэгэй* "прислушиваться, слушать"; здесь в сочетании со словом *ырыа (песня)* имеет значение "звонкие песни".

4908 — *Татаар тыллаах* — в данном случае "злоязычный"; *татаар* "зудящая накожная сыпь" (синонимы: *кутаар* "сыпь, короста", *модьуун* "шелудь, парша, лищай"); *татаар тыл* — бранное слово [60, стб. 2603].

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

19 — *Три племени* (*Үс биис ууһа*) — т.е. все племена; ср.: *үс саха* "три якута" (т.е. все якуты), *үс саха тыла оннук* "все так говорят", *үс саха барыта билэр* "все так думают", *үс дойду* "три страны" (т.е. все страны).

20 — *Трехлучистый взор* (*үс өргөстөөҕүнэн*) — устойчивое поэтическое выражение, примерно соответствующее русск. "острый взор", "пронзительный взгляд", "сверкающий взгляд".

23 — *Четыре его стороны разглядеть не могут* (*түөрт эркинин бүдүүлээбэтэх*) — поэтический оборот, по которому можно судить, что небо, по представлению древних якутов, нисходит на землю, имеющую четыре стороны. Такое представление о земле соответствует мифологическим взглядам бурят, шорцев и других народов о четырехсторонней вселенной (см. бурятский, шорский тома эпоса данной серии).

25 — *Чистое гладкое белое небо* (*дьулусханнаах добун маҥан халлаан*) — устойчивое словосочетание, представляющее постоянный поэтический эпитет неба; часто варьирует с *дьулуо* "совершенно гладкий"; *дьулусханнаах* дословно "стремительное", "ввысь или вперед стремящееся".

31 — *Двуногие* (*икки атахтаах*) — т.е. люди, человечество; ср. *түөрт атахтаах* — "четвероногие", т.е. звери. Метонимия — частое явление в олонхо.

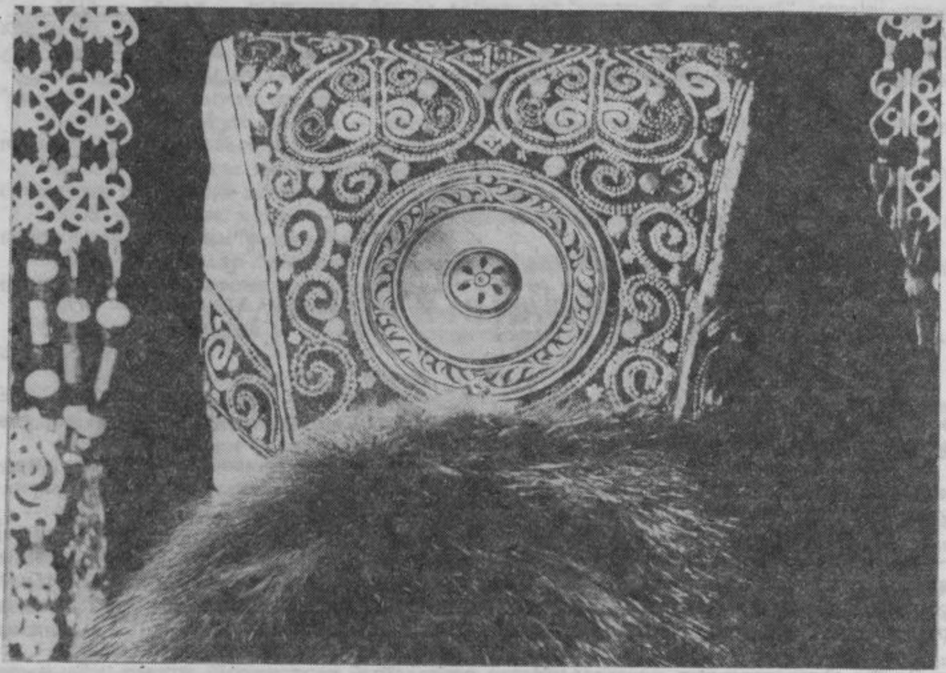
67 — *С четырьмя сходящимися сторонами* (*төгүрүйэр түөрт тулумнаах*) — ср. с коммент. к ст. 23. *Тулум* здесь употребляется в синонимическом значении со словом *эркин* "сторона, бок".

74—79 — *Восьмиободная-восьмикрайняя, с шестью обручами, с треволнениями-беспокойствами, в роскошном наряде-убранстве, безмятежно спокойная изначальная мать-земля* (*Аҕыс иилээх-саҕалаах, Алта киспэлээх, Атааннаах-мөҥүөннээх, Айгырастаах-силиктээх, Алыгыр-налыгыр Аан ийэ дойду*) — заключительные стихи описания Среднего мира являются традиционными. Во многих олонхо эти стихи передаются в следующей поэтической формуле:

Аҕыс иилээх-саҕалаах,	Восьмиободная, восьмикрайняя,
Атааннаах-мөҥүөннээх,	С распрями и треволнениями,
Айгыр-силик	Нарядная, прекрасная
Аан ийэ дайды.	Изначальная мать-земля.

Г.У. Эргис объясняет, что словосочетание *иилээх-саҕалаах* (от *ии* "ободок, кайма, окраина" и *саҕа* "край, опушка") состоит из синонимичных по смыслу слов и, по-видимому, имеет значение "окруженная горами (возвышениями)". *Аҕыс* (восемь) в данном случае означает не число краев и ободов, а вообще множество: подобрано это число по аллитерации с начальным словом следующего стиха — *атааннаах* [97, с. 114].

Г.М. Васильев, соглашаясь с Г.У. Эргисом в том, что число "восемь" означает "множество", дает иное толкование словосочетанию *иилээх-саҕалаах*, которое, по его мнению, означает "горизонт", т.е. первый стих можно перевести "с горизонтом без конца, с далью беспредельной". Следующий стих, по Г.М. Васильеву, — "с беспокойной жизнью, с вечными раздорами и неурядицей"; третья же строка говорит о красоте земли. "Таким



Шапка-джабака. На верхней части солярный знак (тупахта, туопахта).
Фото В.Т. Новикова.

образом, — пишет Г.М. Васильев, — в эпитетах земли из приведенных трех стихотворных строк получил отражение своего рода философский взгляд якута на земную жизнь" [14, с. 83—90].

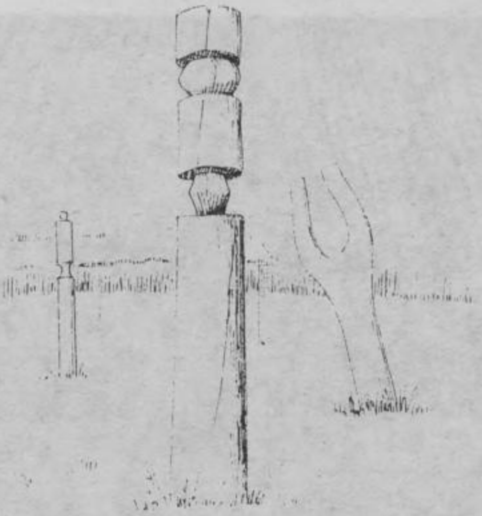
81 — *На рогатой шапке с пером* (*муостаах нуоҕайдаах бэргэһэ*) — Я.И. Линденау пишет, что *муостаах бэргэһэ* (или *үүс бэргэһэ*) — это шапка из волчьего меха, снятого с головы волка вместе с ушами, и отороченная мехом росомахи; «она закрывает уши, и человек в ней похож на птицу, которая называется "рогатая сова"» [46, с. 25]. По Э.К. Пекарскому *муостаах нуоҕайдаах бэргэһэ* — это старинная женская шапка с пером (*нуоҕāй*) на верхушке [60, стб. 434, 1761].

141, 144 — *Голени опутывающая* (*харытынан хатыллар*).. *колени обвивающая* (*нилбэгинэн эриллэр*) — здесь названия частей тела человека (*хары* — часть руки между локтем и кистью [60, стб. 3369] и *нилбэк* (*ньилбэк* синоним *түһэх*) — передняя сторона бедра [60, стб. 1722, 2923]) употребляются по закону аллитерационного народного стиха как названия частей тела коня. Перевод по смыслу.

189 — С *поводьями за спиной* (*көхсүттэн тэһииннээх*) — постоянный эпитет людей племени *айыы аймаҕа*, по-видимому, олицетворяющий связь племени людей с верховными божествами, которые беспрестанно заботятся о них, а также родоплеменные связи людей *айыы аймаҕа*. Есть сведения о том, что к спине костюма белого шамана (*үрүҥ ойуун*), который является служителем культа божеств-*айыы*, пришивался повод [5, с. 150].

199 — *Медная коновязь* (*алтан сэргэ*) — слово *алтан* в современном якутском языке, в отличие от всех остальных тюркских и монгольских языков, означает "медь". Однако в словосочетаниях *алтан түөстээх далбарайым* "златогрудый мой птенчик", *алтан уҥуох* "золотые кости", часто встречающихся в фольклоре, сохраняется исконное общетюркское значение слова "золото". Поэтому и выражение *алтан сэргэ*, вероятно, можно было бы перевести как "золотая коновязь".

200 — *Густой дымокур* (*аар түптэ*) — дымокур обычно разводится из кизяка для защиты домашних животных от комаров и гнуса. "Густой дымокур не разведен еще" в



Старинные коновязи и сатанах-вешала XVIII в., принадлежащие предку Элэмтинского рода Вилюйского района. С фотографии А.А. Саввина (1938 г.) срисовал Ф.М. Зыков. Фотофонд Архива ЯНЦ СО РАН.

данном случае следует истолковать как метафорическое понятие: "до разведения рогатого скота и лошадей в этом месте".

243 — *Худосочных дочерей (хахыдал кыргыттарын)* — переведено по аналогии с *хохудал мас* "дерево, лишенное ветвей и сучьев" [60, стб. 3540].

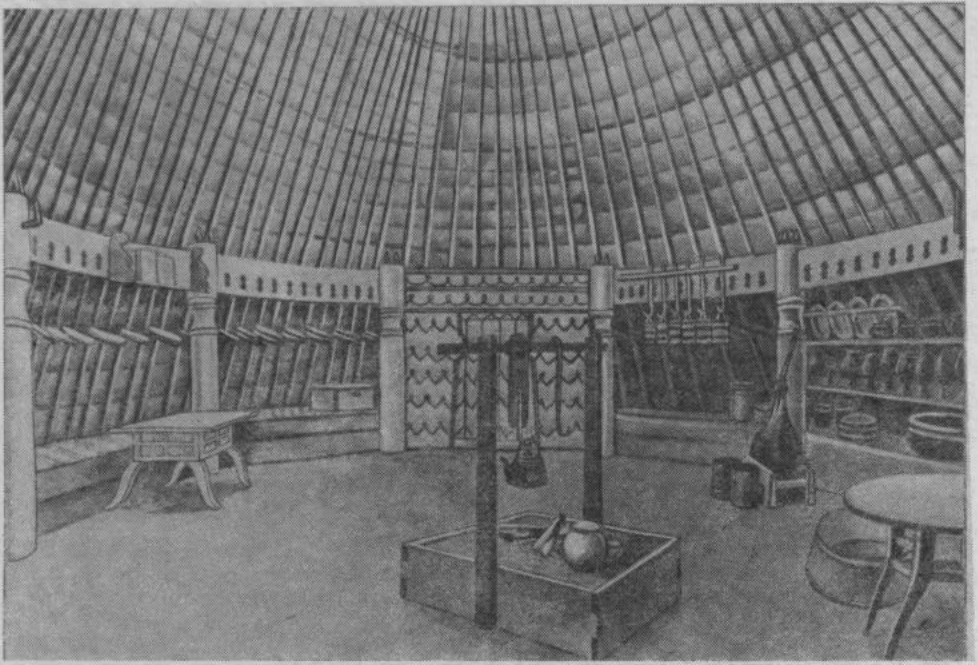
252 — *Из котомки выбитый прах (матаҕа буорун тэбиир)* — последний ребенок в семье.

272 — *Входы-выходы мои (иһилликпин-таһыллыкпын)* — эта формула и ее варианты являются запевами и припевами песнопений женщин-*абаасы*, выражающими их неуемную восторженность и бурные проявления чувств. В дальнейшем эти не поддающиеся точному переводу сочетания переданы по смыслу: *эргиэнигим-урбааныгым* — "верченья-крученья мои", *иэдээнигим-куудааныгым* — "горести-напасти мои", *ингэлигим-тангалыгым* — "колдобины-ухабины мои".

367—368 — *Впереди себя погонишь, за собой на веревке поведешь (иннигэр үрбэлэнэн, кэннигэр сэтиилэнэн)* — образное описание приданого, даваемого невесте в виде лошадей ("впереди погоняемые") и рогатого скота ("на веревке ведомые").

395 — *Шкура жертвенной скотины (ытык тэриитэ)* — во время камлания шамана, чтобы умилостивить духов, приносится в жертву животное. Его забивают, мясо варят, и лучшие куски ставят на стол для тех духов, которым приносится жертва, а остальное съедается присутствующими (при камлании), включая и шамана. Под конец пиршества все, что остается, сжигается, шкуру же вместе с ногами, головой и хвостом вешают на дерево, растущее в глухой чаще или на лесистом мысе. Кроме того, существовал обычай "живой жертвы" (*тыыннаах ытык*), когда шаман посвятив духу животное, отпускал его на волю. Это животное не убивали, не продавали, не использовали в хозяйственной работе и даже не доили; шкурами жертвенных животных не пользовались [80, с. 647—649].

407 — *Косогор со львами (хахайдаах халдьаайы)* — *хахай* в современном якутском языке имеет значение "лев". Однако это слово созвучно с бурятским и монгольским *гахай* "свинья" [60, стб. 3414—3415]. У якутов бытует поговорка *хахай бодотугар түспүт* "принял львиный облик и нрав" — так говорят про опустившихся старых людей [42, с. 196]. Если судить по этой поговорке, то слово *хахай* в якутском языке имело когда-то такое же значение, какое оно имеет в монгольских языках.



Берестяная ураса. Внутренний вид. Рисунок из альбома М.М. Носова (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 9, ед. хр. 29, л. 13).

436 — С *тремя опоясками большое жилище* (*ус курдуулаах моҥол дьиэ*) — должно быть *ус курдаах моҥол* (*моҕол*) *урһа дьиэ* "с тремя опоясками большая ураса". *Ураса* — коническое жилище, покрытое берестой (у богатых), древесной корой (у бедных) или оленьими шкурами (у северных якутов). *Моғол ураса*, летнее жилище постоянного типа, сооружалось из берестяных полотнищ на остове из столбов и жердей. Высота урасы зависит от количества опоясок — жердей, горизонтально связывающих остов жилища. Слово *моҥол* в якутском языке, по Э.К. Пекарскому, имеет следующие значения: "большой" (*моҥол ураһа* "большая ураса"), "дородный" (*моҥол дьахтар* "дородная женщина"), "великий" (*моҕол таҥара* "большой бог", "великое божество"), "монгол" [60, стб. 1576, 1589].

530 — *Ржавые глаза* (*дьэбиннээх харах*) — т.е. желтые, злые, кровью налитые глаза.

539 — *Хотун тетка* (*хотун саҥастара*) — *саҥас* — жена старшего родственника по отцу и матери, жена старшего брата. Трудно объяснить, почему олонхосут называет Сарахану *саҥас* по отношению к сестрам. В тексте выше сказано, что Сарахана Кююкэнньик самая младшая дочь в семье (последыш), и поэтому следовало бы сказать *хотун балтылара* "госпожа младшая сестра".

753 — *Черная одежда* (*хара таҥас*) — простая, повседневная одежда.

755, 757 — *Черный мех* (*хара түүлээх*), *белый мех* (*үрүҥ түүлээх*) — видимо, здесь говорится об одежде из дорогих мехов. Вообще же в фольклорных произведениях сочетания слов *хара түүлээх* (черношерстные) и *үрүҥ түүлээх* (белошерстные) являются народно-поэтическими названиями рогатого скота и лошадей.

1032—1034 — *Треволнениями-беспокойствами полный, безмятежно-спокойный*, [*самый*] *славный из алаасов* (*атааннаах-мөҥүөннээх, алыгыр-налыгыр алаас сир ааттааҕа*) — здесь *алаас*, небольшое сенокосное угодье (елань, поляна), наделяется эпитетами Среднего мира (ср. коммент. к ст. 74—79).

1050 — *Племена невидимых* (*көстүбэт бииһэ*) — обозначение племени *абаасы*. *Көстүбэт* — "невидимый, прозрачный".

Пейзаж. Фото В.Т. Новикова.

1086 — *Черношерстные* (*хара түүлээҕэ*) — народно-поэтическое название рогатого скота. См. коммент. к ст. 1092.

1092 — *Белошерстные* (*үрүн түүлээҕэ*) — народно-поэтическое название лошадей. Часто употребляемое в сочетании *хара сүүрүк* "черные бегунцы" и *үрүҥ сүүрүк* "белые бегунцы", т.е. множество скота и лошадей (см. [60, стб. 2412]).

1115 — *Кожаные сосуды* (*сири иһит*) — сшитые из особенным способом выделанной бычьей кожи (*сири*) сосуды, кожаные кадки для кумыса объемом до 30 ведер, а также кожаные бадьи, кожаные жбаны (см. [60, стб. 1143, 2244]).

1117 — *Плоские ступни имеющие* (*хаптаҕай уллуҥахтаах*) — в значении "люди".

1119 — *Продольные ступни имеющие* (*уһаты уллуҥахтаах*) — в значении "люди".

1253 — *С укороченным дымом* [*быть*] (*муҥур буруоланар*) — т.е. разориться, остаться едва живым. *Буруо* — "дым, жилой дом, семья"; *буруота суттэ* — "никого из семьи не осталось (все вымерли)"; *буруо оннугар буруо хаалла* "на месте дыма дым остался" (т.е. остались продолжатели рода, осталось потомство). Ср. с коммент. к ст. 200, 4547.

1416—1417 — *Пластинке-кюн упасть, пластинкам-кюсэнгэ оборваться время настало* (*күн туллара, күһэҥэ быстара кэллэ*) — пословица в значении "наступил смертный час, настало трудное время" [42, с. 196]. *Кюн* (*күн*) и *кюсэнгэ* (*күһэҥэ*) — символические металлические пластинки на костюме шамана, в случае потери их шаман должен умереть.

1545 — *Подобно гулкому хлопанью двери в стужу* (*хатааһын-нааҕы халҕан тыаһын курдук*) — имеется в виду продолжительное весеннее похолодание (*хатааһын*), когда звук в воздухе разносится особенно гулко. Ср. с поговоркой: "Знай, что говоришь (это) в утренний мороз", т.е. когда далеко слышно [42, с. 131].

1551 — [*Друг друга*] *через бедро бросать начали* (*өттүктэһэн истилэр*) — бросок через бедро (*өттүктэһии*) является одним их приемов *хапсагай* (национального вида борьбы якутов).

1556 — *Берестяной бочонок* (*холлоҕос*) — сосуд для кумыса мерою от 10 до 20 ведер, изготовленный из бересты или из пропитанной маслом непромокаемой кожи.

Якутская лошадь. Фото 1987 г.

1560 — *Берестяное ведро* (*ыаҕас*) — сосуд цилиндрической формы для молока и воды.

1642 — *Красное полнолуние* (*ый кыһыл туолуута*) — В "Словаре" Э.К. Пекарского: *ый кыһыла* "16 вечер лунного месяца, следующий за полнолунием" [60, стб. 1438].

1739 — *Гладкий двор* (*дьулусханнаах тусаһата* — дословно: "стремительный двор") — постоянный народно-поэтический эпитет двора, символизирующий его чистоту и просторность. Ср. "гладкое небо" (*дьулусханнаах халлаан*) в коммент. к ст. 25.

1742 — *Дверь с погремушкой* (*аарыктаах аан*) — т.е. дверь с кольцеобразной погремушкой (побрякушкой); такая погремушка бывает у шаманского бубна и у недоуздка лошади [60, стб. 107], а также у трости (посоха).

1745 — *Кэтэгириин-лавка* (*кэтэҕириин орон*) — лавка, находящаяся на женской половине напротив входных дверей и печки-камелька и служащая кроватью для хозяев. Речь идет о неподвижных лавках, расположенных вдоль стены юрты и предназначенных для сиденья и для сна. Таких лавок в юрте 8 (по В.Л. Серошевскому) или 10 (по Э.К. Пекарскому), причем каждая имеет свое название и бытовое назначение: *атах орон* "последняя лавка", или *суол ааныннааҕы* (*айаҕынааҕы*) орон "лавка около двери", предназначенная для посетителей, не пользующихся особым почетом (*атах* — букв. "ножная", *суол аана, суол айаҕа* — "место у порога, порог" [60, стб. 2324]); *ортоку* (*орто*) *орон* — средняя лавка на левой стороне юрты, предназначенная для более уважаемых, но не самых почетных посетителей; *бастыҥ орон* — первая (главная) лавка для почетных гостей; *биллирик* (*билирик*) *орон* — первая от красного угла лавка (напротив входа), также предназначенная для почетных гостей; *хаҥас орон* — левая последняя лавка, находящаяся у противоположной входу стены и предназначенная для детей [80, с. 353—354; 60, стб. 1870—1871].

1749 — *Из соболиных шкурок-огузков сшитая с длинными перьями высокая шапка* (*үүс-киис кыыл тэриитэ өлбүргэлээх үрдүк нуоҕайдаах чомпой бэргэһэ*) — мужская шапка, сшитая из самых ценных частей соболиных шкурок. Слово *үүс*, имеющее в современном якутском языке лишь одно значение — "рысь", в старину было синонимом слов *киис, саарба* "соболь", а в сочетании *үүс-киис* часто употребляется в фольклорной поэзии в значении "соболь, соболиный". *Чомпой* — высокая шапка с наушниками.

1778 — *С золотой переносицей* (*алтан хоноруулаах*) — постоянное образное определение к слову "отец". *Алтан* — см. коммент. к ст. 199.

1806 — *Черную душу оберегающего* (*хара тыын харыһыгын*) — словосочетание *хара тыын* здесь употребляется в силу созвучия со словом *харыһыгын* и начальным словом следующего стиха *хаарыан*, и несмотря на свое отрицательное значение (например, *хара тыыннаах* "с черной душой" — ругательное выражение, характеризующее

Кожаный кумысный сосуд. Фото В.Т. Новикова

плохого человека), в данном случае оно употребляется как идентичное с *үрүн тыын* "светлая душа" (ср. с коммент. к ст. 3243 и 3548).

1835 — *Отцовский род* (*аҕа ууһа*) — большое кровно-родственное объединение, имеющее общего предка. В дореволюционной Якутии подобный род являлся наименьшей единицей самоуправления; роды составляли наслег, а наслеги — улуус [80, с. 506—507].

1839 — *Материнский род* (*ийэ ууһа*) — малое кровно-родственное объединение, включающее несколько семей. Материнские роды составляют часть большого отцовского рода [80, с. 506—507].

1942 — *Седьмой месяц* (*сэтинньи ый*) — ноябрь. В якутском народном календаре всего 12 месяцев: 1) *ыам ыйа* — май (букв.: месяц удоя, месяц икрометания рыб); 2) *бэс ыйа* — июнь (букв.: сосновый месяц; в этом месяце заготовляется сосновая заболонь, употребляемая в пищу); 3) *от ыйа* — июль (букв.: месяц сенокоса); 4) *атырдьах ыйа* — август (месяц стогования; *атырдьах* — "вилы"); 5) *балаҕан ыйа* — сентябрь (букв.: месяц юрты, т.е. месяц переезда на зимнее жилище); 6) *алтынньы* — октябрь (букв.: шестой); 7) *сэтинньи* — ноябрь (букв.: седьмой); 8) *ахсынньы* — декабрь (букв.: восьмой); 9) *тохсунньу* — январь (букв.: девятый); 10) *олунньу* — февраль (букв.: десятый); 11) *кулун тутар* — март (букв.: месяц, в котором держат на привязи жеребят); 12) *муус устар* — апрель (букв.: месяц ледохода) [60, стб. 444, 1210 и 3761].

2063, 2066 — *Черная куропатка... белый тетерев* (*хара хабдьы... үрүҥ куртуйах*) — один из ярких примеров аллитерационно-ассонансного сложения стиха: *хахсааттааҕы хараллдьыттан көппүт хара хабдьы ... үрүҥ сирдэргэ үмүөрүһэн үөскүүр үрүҥ куртуйах*. Слова *хара* "черный" и *үрүҥ* "белый" в данном случае употреблены неправильно, так как куропатки бывают белые, а тетерева — черные.

2089—2093, 2094—2098 и 2099—2103 — строки представляют собою поэтические параллелизмы — формулы, часто используемые в описании богатырской поездки персонажей олонхо.

2112 — *Пучками гривы увешанная тропа* (*сиэлллээх ыллык*) — т.е. тропа, увешанная пучками волос из конской гривы. По обычаю, перед началом пути (особенно если едешь первый раз) пучок волос из конской гривы вешается в качестве жертвы на сук самого большого дерева, стоящего на том месте, откуда начинается дорога [88, с. 287—288].

2116 — *Большую голову вперед устремив, развевающийся хвост вытянув* (*салбах баһын салайан, куйаар кутуругун суптутан*) — фразеологизм, имеющий значение "взять точное направление".

2122 — *Дух зловредных препятствий* (*кэнтик төрдө*) — дух различных помех и преград на пути (вообще в жизни) человека. *Кэнтик* — колышек, на который натягивается тонкая волосяная нить от лука-самострела, поставленного наизготовку; *төрдө* (от слова *төрүт*) дословно "корень, т.е. источник (основа, начало, причина) чего-нибудь", ср. в сочетаниях: *алдьархай төрдө* "корень бед", *ыарыы төрдө* "корень болезней", причем "корень" представляется как дух (*иччи*) бед и болезней.

2155—2156 — *Три плавно вертящихся, веселых бродящих замка* (*үс күөгэйэр күлэр дьэллик күлүүс*) — образ, встречающийся во многих олонхо: с тремя плавно вертящимися замками-ключами небо (*үс күөгэйэр күлүүстээх халлаан*) (см. [60, стб. 1295]). *Күлүүс* (замок) — от русск. *ключ*. Видимо, эпитет *күлэр дьэллик* (веселый бродящий) характеризует свободную подвижность навесного замка, вошедшего в обиход якутов с приходом русских, ранее у них были неподвижные запоры.

2194—2195 — *Уздечку и поводья имеющие добрые слова* (*үүннээх-тэһииннээх үтүө тыл*) — поговорка о веском слове, основательной и логически мотивированной речи, содержащей просьбу [42, с. 211]. И.А. Худяков заметил, что якуты с большой почтительностью относятся к лошадям, которые составляют "счастье-благодать, длинное богатство (*уйгу быйан уһун кэһии*) якута-человека", и все хорошее и доброе сравнивают с лошадьми [88, с. 220, 229—231].

2318 — *Сестра моя старшая* (*эдьийим*) — в данном случае почтительное обращение к женщине из того же племени *айыы аймаға*, что и говорящий богатырь.

2369 — *Приветливостью преисполнившись* (*эйэҕэс хаана киирэн*) — дословно: "мирная, дружелюбная кровь прилила". В якутском языке различные душевные состояния и проявления чувств передаются при помощи фразеологических сочетаний со словом *хаан* "кровь": *өйдөөх хаана* "разумный" (*өй* — "ум, разум"), *уордаах хаана* "вспыльчивый" (*уор* — "гнев, злость"), *тоҥ хаана* "холодный, бездушный, бесчувственный"

(*тоҥ* — "холодный, мерзлый"), *үөрэр хаана* — "радостный, ликующий" (*үөр* — "радуйся, ликуй") [60, стб. 3295].

2374 — *Нечистым отобрать его не позволим* (*былыҕайга былдьатыахпыт суоҕа*) — поговорка, имеющая значение "никому не дадим отобрать, увезти"; *былаҕай* — "нечистый, нечисть" [60, стб. 608], т.е. нечистая сила.

2444 — *Главная лавка* (*бастыҥ орон*) — т.е. почетная лавка (см. коммент. к ст. 1745).

2446—2447 — *К средней лавке подойдя, на ней уселся* (*Ортоку оронно баран Олорон кэбистэ*) — то, что Чугдаан Бухатыыр садится на среднюю лавку, показывает не только его скромность, но и почтительное отношение к Кыыс Дэбилийэ.

2537 — *Горькая беда* (*күөх дьай* — букв.: "зеленая (синяя) нечисть") — речь идет о беде Чугдаан Бухатыыра, причиной которой были воспитанники *абаасы*. См. данное сочетание в выражении *көстүбэти кытта көстүбүт күөх дьай* [60, стб. 770], которое можно понимать как "несчастье (*күөх дьай*), проистекающее от встречи с невидимым" (т.е. злым духом).

2540 — *Кровная родственница* (*хаан аймах*) — в олонхо все люди племени *айыы аймага* считаются родственниками по крови. Ср. выше обращение Чугдаан Бухатыыра к Кыыс Дэбилийэ (коммент. к ст. 2318).

2545 — *Три темные тени* (*үс бараа хара күлүк*). — В.Л. Серошевский связывает этот образ с представлением о трех душах человека [80, с. 667]. По поверьям якутов, у человека имеется три души (*кут*): *ийэ кут* (мать-душа), *буор кут* (земляная душа) и *салгын кут* (воздушная душа); из них главная душа — *ийэ кут* (мать-душа), которая при зачатии ребенка внедряется в женщину божествами Айыысыт [42, с. 59—61; 4, с. 126—137]. Значение слова *бараа* Э.К. Пекарский выводит от русск. *пара* — "подходящий, под пару" [60, стб. 369].

2590 — *С куском мяса под мышкой* (*кырбас эт кыбыныылаах*) — ср. с поговоркой "*хоой хостуурдаах*" (имеет, что вынуть из-за пазухи"), которую А.Е. Кулаковский объясняет так: "Якутки не имеют карманов, потому мясо, которое несут в гостиницы детям из гостей, они принуждены бывают класть за пазуху, обернув в сено" [42, с. 133].

2796—2798 — *Когда теменем глядел, на носках ступал, кадыком дышал* (*оройбунан көрөн, уһукпунан дугунан, уолукпунан тыына сылдьан*) — поговорка о времени молодечества, сопряженного с шалостями и удалью юности (ср. [42, с. 191], где приведен другой вариант этой поговорки).

2991 — *Торбаса* (*этэрбэс*) — верхняя кожаная обувь на мягкой подошве с голенищами до колен.

3051 — *С орлиным челом* (*өрүөллээх сүүстээх* — букв.: "с орлиным лбом") — постоянный эпитет сказочного белого царя: *өрүөллээх сүүстээх урун ыраахтааҕы* "с орлиным челом белый царь". Видимо, происхождение образа связано с изображением орла на кокарде форменной фуражки.

3173, 3174 — *Духи проклятья и крови* (*кырыыс хаан төрдө*), *духи бедствия и горя* (*мун-сор төрдө*) — см. коммент. к ст. 2122.

3215 — *Теменем дышащая* (*оройунан тыыммыт*) — т.е. разудалая (удалой молодец); *оройунан тыыммыт* то же, что *оройунан көрбүт* "теменем глядящий(ая)". Ср. коммент. к ст. 2796—2798.

3243 — *Толстые души* (*суон тыын*) — по представлению якутов, у здорового молодого человека *тыын* ("душа, дыхание") толстое, мощное. Ср. коммент. к ст. 3548.

3283—3288 — *Илбис Кыыса .. на темя опустите, Осол Уола.. под правую подмышку мне суньте* (*Илбис Кыыһын .. Төбөм оройугар түһэрэн кулун .. Осол Уолун .. Уҥо хонноҕум анныгар уган кулун*) — т.е. "вселяйте в меня дух воинственности". По мифологическим представлениям якутов, во время битвы воин выходит из своего естественного человеческого состояния, в воина внедряются духи войны и кровожадности. В древности перед битвами специально совершались обряды внедрения воинственности в воинов.

3372 — *Брода-выхода не мог бы найти* (*оломун булбат*) — идиоматическое выражение, употребляемое в тех случаях, когда речь идет о чем-либо долгом, безграничном, нескончаемом, бесконечном.

3547—3548 — *Светлая душа на тонком волоске висит* (*сырдык тыына быстара тыһы кыл саҕа хаалбыт*) — т.е. еле-еле живая. Ср. коммент. к ст. 3243.

Янская коса

3628 — *Янская коса (дьааны хотуура)* — видимо, особый вид косы-горбуши, используемой в кочковатых болотистых лугах Янского края.

3726 — *На ноги мочащаяся ... дева (атаҕар ииктиир ... кыыс)* — поговорка, выражающая пренебрежение по отношению к женщинам в противоположность мужчинам.

3749—3750 — *Когда дочь твоя ножницы под мышку возьмет, когда сын твой стрелы в руки возьмет (Кыыс оҕон кыптыый кыбыныытыгар, уол оҕон оноҕос тутуутугар)* — пословица, имеющая значение "когда вырастут твои дети, когда возмужают".

3837 — *Словно [две половинки] курительной трубки крепко привязала (хамса курдук эргийэн кэбиһэрэ)* — чубук старинной якутской трубки состоял из двух симметричных частей, крепко стянутых тонким ремешком [60, стб. 3289].

4346 — *Семь искусных белых мастеров (сэттэ дэгил маҥан уустар)* — мифологические небесные плотники. *Дэгил* ср. *дэгиттэр: дэгиттэр уус* "мастер на все руки".

4414—4415 — *Самого могучего из обладателей дырчатых кюсэнгэ, самого великого из владеющих звонким бубном (Дөлөркөй күҥэһэлээх сүүнэтин, кулан аарык быарыктаах улуутун)* — т.е. самого могучего шамана. *Кюсэнгэ* — см. "Словарь непереведенных слов", *быарык* — крестообразная рукоятка шаманского бубна, из-за трудности перевода метонимического *быарык* в переводе употреблено слово "бубен".

4419 — *[Тот скот] нам отправьте (утаарыаххыт)* — от *утаарыы (кыйдыы)* — один из видов жертвоприношения: угон скота в жертву.

4504 — *Огромного полосатого очага (сабаҕа дьаҕыл оһоҕун)* — здесь *дьаҕыл оһох* переведено как "полосатый очаг"; поверхность якутской печки (камин, камелек), остов которой состоит из жердей, смазанных толстым слоем глины, неровная.

4547 — *Пусть высокий дым ваш густо курится (уһун буруоҕут унаарыйдын)* — пожелание долгой благополучной жизни (ср. коммент. к ст. 200 и 1253).

4558—4559 — *Корнем усадьбы станьте, искрой жилища будьте (өтөх төнүргэһэ, сурт кыыма буолуҥ)* — пожелание стать родоначальниками племени людей и иметь много потомства; *төнүргэс* — "корень дерева, пень".

4574 — 4575 — *Когда матери твоей родня мальчик-первенец у тебя родится (маҥнайгы ийэҥ уруута уол оҕо төрөөтөҕүнэ)* — интересное, редко встречающееся выражение, отражающее матрилинейные родственные отношения. *Ийэҥ уруута* — "матери твоей родня", т.е. внук.

4597—4601 — *За сорок четыре года до своего рождения у сорока четырех видов зверей на когтях отмечен был, у сновидцев в снах появлялся, ясновидцами по приметам угадывался (Төрүөн түөрт уон түөрт сыл инниттэн Түөрт уон түөрт кыыл Тыҥыраҕар, суруллубута, Түүллээххэ түүлүгэр көстүбүтэ Биттээххэ битигэр биллибитэ)* — т.е. уже за сорок четыре года до рождения Аан Даадар Бухатыыра было известно о его появлении на свет.

4608 — *Нежно лицами соприкоснулись-понюхались (Сымаан сырайдарыттан сыллаһан)* — т.е. нежно попрощались, соприкоснувшись лицами. *Сыллаһан* от *сыллаа* "прикоснуться носом к кому-нибудь в знак выражения любви и ласки".

4700 — *Восемь девушек, подобных белым гоголям (Аҕыс арылыас маҥан кыргыттар)* — постоянный эпитет девушек (дочерей родоначальников).

4738 — *В три больших круга (үс мөнүрүк сиргэ түөллэн олорон)* — на кумысном пиршестве во время *ысыаха* обычно собирались большими кругами вокруг *тюсюлгэ (түһүлгэ)* — места для угощения гостей — участников *ысыаха*.

4739 — *Племя (омук)* — в современном языке *омук* означает "народ, нация, национальность, народность", в "Словаре" Э.К. Пекарского [60, стб. 1834—1835] — "народ, племя, род, принадлежность к народу, нации": *кытай омук* "китаец".

4741 — *Племя хоро* — племя, встречающееся в фольклорных произведениях, говорящее не на якутском языке. По историческим преданиям, их предок Улуу Хоро (Великий Хоро) со своим многочисленным народом прибыл с востока на быке-скакуне [32, ч. I, с. 100—101, 284].

4748—4751 — *С круглыми головами здесь сошлись, с вертящимися головами здесь собрались, на пятки опирающиеся все сбежались, быстроногие все прибыли (Чочо бытаах чуоҕуйда, Босхо быстаах муһунна, Тилэхтээх тиэһиннэ, Атахтаах айгыһынна)* — т.е. все люди здесь собрались; *босхо бастаах* "с вертящейся головой" — постоянный эпитет к слову "человек", как и "двуногий" (см. коммент. к ст. 1).

4864—4866 — *Ладно она приоделась, тщательно нарядилась, быстро собралась (тап курдук таннан, Сип курдук симэнэн, Ох курдук оностон)* — здесь якутский фразеологизм переведен по смыслу, исходя из толкования слов *тап*, *сип*, *ох* в "Словаре" Э.К. Пекарского [60, стб. 1902, 2234, 2559].

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аан арчы — магическое восклицание при изгнании злых духов и очищении от скверны; *аан* — усилительное слово к *арчы* (см. ниже).

Аарт-татай (*саарт-татай, соорт-татай, сат-татай*) — восклицание, выражающее удивление, восхищение, испуг.

Абаасы (*абааһы*) — в олонхо общее название противников *айыы аймага*, населяющих Нижний и Верхний миры; в мифах и верованиях — злые духи, причиняющие людям вред.

Абаасы аймага (*абааһы аймаҕа*) — племя (род) *абаасы*; население страны *абаасы*; *аймаҕа* от *аймах* "население, племя, род; кровный родственник, родня".

Айыы — общее название мифологических божеств, покровителей людей; в олонхо употребляется также в значении "человек, наш человек".

Айыы аймага (*айыы аймаҕа*) — племя *айыы*; население (люди) страны *айыы*; вообще племя, род людей, к которым относятся и *ураангхай саха*.

Айыы хаан — то же, что *айыы аймага*; *хаан* — "кровь, кровный родственник; большой, великий, важный, почтенный". Часто употребляется как составная часть мифологических и эпических имен.

Алаас — долина; елань, сенокосное угодье, окруженное лесом или лесистыми горами, где и жили якуты.

Алаата (*алаатыгар*) — междометие, выражающее удивление, удовольствие, испуг, досаду, сожаление. В олонхо часто служит запевом песнопений персонажей *абаасы*.

Алаатыгар-улаатыгар — припев песнопений женщин-*абаасы*, выражающий их неуемную восторженность и бурное проявление чувств.

Алгыс — благословение, благопожелание; моление, заклинание.

Арчы — окуривание для очищения какого-нибудь существа или вещи от скверны или порчи злых духов; так же называются предметы, употребляемые при окуривании: пучок лучинок дерева, разбитого молнией, береста и другие предметы.

Батас — пальма, древнее военное холодное оружие с лезвием в виде огромного ножа длиной примерно 40 см и шириной 4 см и рукояткой до 145 см.

Батыйа — вид пальмы, охотничье оружие с лезвием в виде широкого ножа с рукояткой длиной 70—90 см.

Бой-Бой! — запев песнопений богатырей.

Болгуо — крица.

Боотур — то же, что *баатыр*.

Бууйака (*бууйа*) — запев песнопений богатырей, обычно из племени *абаасы*.

Джабака (*дьабака*) — старинная высокая меховая женская шапка.

Джэ буо (*дьэ буо*) — в олонхо запев песнопений персонажей *айыы*; *дьэ* "вот; вот, ну"; *буо* от *бу* "вот, вот этот, такой".

Дом — шаманское восклицание при камлании; *домноо* — "камлать, шаманить, ворожить".

Илгэ — божественная влага, дар богов, придающий силу богатырям; чудесная жидкость, которую исторгает священное дерево Аал Кудук Мас; белый *илгэ* — молоко, молочные продукты, желтый *илгэ* — масло и продукты из масла.

Обряд "Алгыс" на ысыахе в Сунтаре 1986 г. Фото В.Т. Новикова.

Кёлюёс-птица (көлүөс) — видимо, от русск. *клест*; название птицы, часто встречающееся в сказках и олонхо.

Кёр бу (көр бу) — "смотри вот". Запев песнопений богатырей-*айыы*.

Куобахчыт — прыгун; участник народной спортивной игры (*куобах* — букв. "заяц"): соревнующиеся прыгают в длину 12 раз подряд, отталкиваясь обеими ногами; победителем считается тот, кто дальше прыгнет.

Куочай — отделанная в виде стрелы палка длиною в 2—2,5 м, на которую шаманы вешают шкуру жертвенного животного. *Куочай* прикрепляется высоко над землей между рассохами ветвистой лиственницы. В середине палка имеет круглую дыру, острие палки направляется в сторону "местожительства" божеств и духов, к которым обращаются шаманы — на юг или на север, вверх или вниз [80, с. 648, 649, 635, 661].

Кылыысыт (кылыыһыт) — прыгун; участник народной спортивной игры: соревнующиеся прыгают в длину на одной ноге 12 раз подряд, приземляясь последний раз обеими ногами, побеждает тот, кто дальше прыгнет.

Кытыйа — большая деревянная чаша.

Кюн (күн) — одна из металлических подвесок шаманского ритуального костюма, символически изображающая солнце. Она пришивалась на правой поле, параллельно с изображением луны. Являлась знаком принадлежности шамана к "солнечному миру" и спасала шамана от губительных взоров *абаасы*, так как последние боятся солнечного света [5, с. 147].

Кюсэнгэ (күһэҥэ) — металлический круг — подвеска на шаманском костюме, прикрепляемая на "глаза спины" (*көхсүн хараҕа*) — "самое уязвимое место человека, находящееся в центре позвоночника". *Кюсэнгэ* прикрывает "глаза спины" шамана от "огненного взгляда" *абаасы* [5, с. 146].

Кэтэгириин — см. коммент. к ст. 1745.

Локуора — по "Словарю" Э.К. Пекарского, ядовитая трава [60, стб. 1474]; в олонхо воспевается как сочная яркая зелень; в современном якутском языке — ботанический термин со значением "ползучий пырей".

Якутская пальма. Фото В.Т. Новикова.

Чороон на трех ножках. Фото В.Т. Новикова.

Луо — слово, употребляемое в олонхо с названиями птиц и рыб. Э.К. Пекарский сравнивает его с *суо* "почтенный, солидный, грозный, страшный" [60, стб. 1480, 2338].

Нойоон — звательная форма от *нойон* "молодой человек, молодец, удалец"; в олонхо так часто обращаются друг к другу противники-богатыри. В разговорной речи почти не употребляется.

Якутская деревянная и берестяная посуда.

Нохолоор — множественное число от *нохо*, представляющего собой оклик, обращение к молодому человеку; в разговорной речи имеет пренебрежительный оттенок.

Олонхо — якутский героический эпос, богатырские сказания.

Олонхосут — сказитель олонхо.

Оок-сиэ — междометие, выражающее удивление.

Саал — жир с лошадиной холки, деликатес якутского стола.

Саарт-татай (һаарт-татай) — то же, что *аарт-татай*.

Салама — волосяная веревка, натянутая между столбами или деревьями, с нанизанными на нее дарами добрым и злым духам: цветными лоскутками и пучками конских волос.

Сандалы — старинный восьмиугольный стол из бересты без ножек или с четырьмя низкими ножками. В настоящем тексте употребляется как приложение к слову "стол".

Сат-татай (һат-татай) — то же, что *аарт-татай*.

Соорт-татай (һоорт-татай) — то же, что *аарт-татай*.

Сыай (һыай) — употребляемое в олонхо и в песнях восклицание при обращении.

Тангалай (таҥалай) — старинная парадная длинная женская одежда с узорами.

Тангара (таҥара) — видимое небо; общее название добрых божеств, покровительствующих племени *айыы*; после принятия христианства этим словом стали называться христианские боги и святые.

Тойон — господин, глава семьи; в олонхо употребляется как составная часть собственного имени, придающая оттенок уважительности.

Тойук — песня, песнопение; *ойуун тойуга* — "шаманское песнопение", *бухатыыр тойуга* — "песнопение богатыря"; в современном якутском языке термином *тойук* обозначаются эпические и лироэпические песни.

Тусахта (туһахта, туоһахта) — большая серебряная (или вообще металлическая) круглая чеканная бляха (пластина) с солярным знаком, нашитая спереди на верхушку женской шапки.

Туут — лыжи, подбитые шкурой с передних ног оленя.

Убаай — звательная форма от *убай* "старший брат, старший родственник по отцу"; почтительное обращение к старшему брату, вообще к старшим по возрасту.

Удаган (удаҕан) — шаманка.

Улуус — совокупность родственных родов; в царской России административная единица.

Ураангхай (ураанхай, ураанхай саха, саха ураанхай) — древнее эпическое самоназвание якутов. В олонхо синонимично словам *киһи* (человек) и *саха* (якут).

Ураса (ураһа) — летнее жилище (юрта), имеющее вид конуса. Строится из бересты или шкур, древесной коры.

Уруй-айхал! — крик радости, возглас, выражающий радостное благословение; восклицание при исполнении желаний; *уруй* — возглас, выражающий радость и указывающий на благополучный конец; *айхал* — приветствие, благопожелание.

Хаан аймага (аймаҕа) — то же, что *айыы аймага*.

Харта — толстая кишка у лошади; деликатес якутского стола.

Хатын — акающий вариант *хотун*.

Хоро — по историческим преданиям якутов, название племени, от которого произошли хоринцы. Хоринские наслеги и роды были распространены по всей Якутии [56, с. 252—254; 97, с. 240—241].

Хотун (хатын) — госпожа; супруга, жена. В олонхо часто употребляется как составная часть собственных имен богинь, духов-хозяек и родоначальниц, имеет уважительный оттенок.

Хотуой — обращение к девушке и молодой женщине.

Чабычах — низкая плоская берестяная чаша для хранения молока и молочных продуктов, а также для отстаивания сливок.

Чорон — деревянный кубок для кумыса, украшенный резьбой.

Чэчир — молодые зеленые березки, украшающие место проведения *ысыаха*.

Ымыйа — большая деревянная чаша, кубок для кумыса.

Ыстангасыт (ыстанаһыт) — прыгун; участник национальной спортивной игры *ыстанга*; соревнующиеся прыгают в длину то на одной, то на другой ноге 12 раз подряд, побеждает тот, кто дальше прыгнет.

Ысыах — самый большой календарно-обрядовый праздник якутов, справляющийся в начале лета. В олонхо *ысыах* — вообще торжество, праздник, независимо от календарного обряда. В настоящее время *ысыах* — общенародный национальный праздник якутов, отмечаемый во второй половине июня.

Эчикийэ — междометие, выражающее удивление, горе, испуг, презрение. В олонхо часто служит запевом песнопений женщин-*абаасы*.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ И ТОПОНИМОВ

Аан Алахчын Хатын — дух-хозяйка земли; добрый дух, обитающий в священном дереве Аал Луук Мас; в олонхо выступает как главная хранительница земли богатыря, дающая ему мудрые советы, благословляющая его перед отправлением в поход; заменяющая ему мать. *Аан* — "первый, изначальный, почтенный"; *Алахчын* от *алай* "сиять" [60, стб. 64]; *Хатын (Хотун)* — см. "Словарь непереведенных слов".

Аан Ахтальйа Бухатыыр — женщина из племени *айыы*, богатырка. *Аан* — см. *Аан Алахчын Хатын*; *Ахтальйа* от *ахталый* "ходить с важностью, пребывать в неге"; *бухатыыр* — "богатырь, витязь, воин, силач".

Аан Даадар Бухатыыр — богатырь-*айыы*; *Аан* — см. *Аан Алахчын Хатын*; *Даадар* от *даадай* "быть, казаться большим и широкоплечим"; *Бухытыыр* — см. *Аан Ахтальйа Бухатыыр*.

Аан Уххан — дух-хозяин огня. *Уххан (урхан)* — "свежесть, благоприятное влияние"; *былыт уххана* — "смягчающая влияние облаков", *уот уххана* — "теплота огня". Другое его имя — *Хатан Тэмиэрийэ*.

Аджына Баай Тойон — родоначальник племени *айыы аймаҕа*. *Баай* — "богач, богатый"; в мифологии и эпосе это слово является частью сложных имен персонажей, оно придает оттенок уважительности; *тойон* — см. "Словарь непереведенных слов".

Айталыын — шаманка-*айыы*. *Айталыын (Айталы)* — эпическое женское имя, принадлежащее персонажам *айыы* многих олонхо.

Айыы Джаргыл — шаманка-*айыы*. Это собирательное имя небесных шаманок; *Джаргыл* от *дьаргый* "издавать звук".

Айыысыт (Айыыһыт) — общее название богинь-покровительниц, дарителей детей и приплода домашних животных. В олонхо Айыысыт выступает и как отдельный мифологический персонаж — богиня, являющаяся покровительницей племени *айыы аймаҕа* наряду с *Иэйиэхсит*.

Айыы Хаан — см. *Юрюнг Аар (Айыы) Тойон*.

Арсан Дуолай — родоначальник племени *абаасы аймаҕа*; глава Нижнего мира. *Арсан*, видимо, от *арсай* "выставлять зубы, скалить зубы"; *Дуолай* от *дуолан* "большой ростом, громадный".

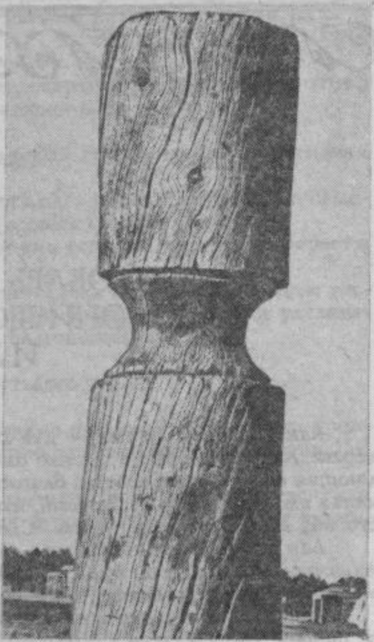
Архангел тангара (Архаангал таҥара) — в данном контексте божество. Якуты, среди которых христианство стало распространяться еще с XVII в., не делали различий в иерархии персонажей христианской мифологии, все они (бог, архангел, ангел, святой) обозначаются одним термином — *тангара* (см. "Словарь непереведенных слов").

Бакалаан Уус — кузнец-молотобоец. Во многих олонхо встречается имя Балталаан, помощника или брата мифологического кузнеца трех миров Кыдай (Кытатай, Кытай) Бахсы, который является, по поверью якутов, родоначальником и покровителем кузнецов.

Буолак — поле, предназначенное для битв богатырей; от русск. *поле*.

Джёлёрю Хаан (Дьөлөрү) — перевал, ведущий из Нижнего мира. *Дьөлөрү* от *дьөл* "насквозь сверлить"; *хаан* — "кровь, кровный родственник; большой, великий, важный, почтенный".

Аал Луук Мас.
Фото В.Т. Новикова.



Якутская коновязь.
Фото В.Т. Новикова.

Джёсёгёй (Дьөһөгөй) Айыы Тойон (Кюн Джёсёгёй, Кюрюё Джёсёгёй Тойон) — божество, покровитель лошадей и жеребят. Джёсёгёя называют Сылгы айыысыта — "покровитель лошадей". В отличие от Айыысыт, Джёсёгёй считается существом мужского пола. Иногда показывается людям в облике громко ржущего жеребца светлой масти.

Джуорсун (Дьуорсун) — мыс. *Дьуорсун* — "голый, непокрытый".

Джылга (Дьылҕа) Хаан Тойон — божество, определяющее судьбу людей.

Джэбин (Дьэбин) Кулахай — дочь Арсан Дуолая, сестра Сараханы Кююкэнньик. *Дьэбин* — "ржавчина"; *кулахай* — "вертунья, вертихвостка, егоза".

Джэбин Кулахай Хотун — дух-хозяйка перевала.

Дыгыйдаан Бёгё — см. *Когтистый Дыгыйдаан Бёгё*.

Дэлбиргэ Хаан — перевал. Ср. *дэлбиргэ салама* — "жертва, приносимая для умилостивления духа местности (дороги, перевала и т.п.)", в виде разных предметов: цветных лоскутков материи, конских волос, гривы или хвоста, монет и т.п.

Ёксёкю (Өксөкү) — мифическая птица с двумя или тремя головами.

Ёлюю Джирибинэй (Өлүү Дьирибинэй) — мифическая рыба. *Өлүү* — "гибель, смерть"; *дьирибинэй* — "юркий, увертливый".

Ёлюю Ётюмэх (Өлүү Өтүмэх) — мифический зверь Нижнего мира. *Өтүмэх (үтүмэх)* — "прогонная жердь, употребляемая при подледной ловле рыбы неводом"; *өлүү* — "гибель, смерть".

Ёлюю Ётюмэхтэй (Өлүү Өтүмэхтэй) — родоначальник *абаасы*, отец Дыгыйдаан Бёгё. *Өтүмэхтэй*, видимо, от *өтүмэх* (см. *Ёлюю Ётюмэх*).

Западный Сибиир (Арҕаа Сибиир) — страна в Среднем мире. Видимо, это понятие в олонхо образовалось под влиянием названия Сибирь. Однако слово *Сибиир*, синонимичное в олонхо слову *сир* ("земля, страна"), современному географическому названию

Женский шейный браслет. Фото В.Т. Новикова.

не тождественно. По Э.К. Пекарскому, *сибиир* — "обширная страна, вселенная, мир"; *арҕаа* — "запад, западный" [60, стб. 2203].

Илбис — дух кровожадности, войны и битв. В мифологии и олонхо действуют его дочь Илбис Кыыса и сын Илбис Уола.

Илбис Кыыса (Илбис Хотун, Урдус Хотун, Куо Кустуктай, Торго Тюорэй, Уот Солуонньай) — дочь Илбиса, дух войны и кровопролития.

Илбис Хотун — см. *Илбис Кыыса*.

Ингнэли (Иҥнэли) Балай — супруга Арсан Дуолая, главы племен Нижнего мира. *Иҥнэли* — "кривобокий", *балай* — "слепой".

Искусные белые мастера (Дэгил маҥан уустар) — мифологические плотники из Верхнего мира. Интересно, что персонажи других олонхо, кузнецы трех миров Кыдай Бахсы, также семь братьев, обитают на границе Среднего и Нижнего миров.

Иэйиэхсит — аналогичное Айыысыт общее название богинь, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту. Иэйиэхсит помогает при родах, охраняет роженицу и новорожденного. В олонхо выступает также как отдельный мифологический персонаж — богиня, покровительствующая людям племени *айыы аймаҕа* наряду с Айыысыт.

Кёёкёлёён (Көөкөлөөн) Уус — кузнец, раздувальщик мехов. Видимо, имя произведено самим олонхосутом по созвучию со словом *күөрт* "кузнечный мех". *Көөкөлөөн* от *көөкөй* "что-нибудь равномерно и непрерывно делать". Во многих олонхо раздувальщика меха зовут Кюертээни (Күөртээни) — от *күөрт* "мех".

Килэйэ Хаан — перевал, по которому поднимаются из Нижнего мира. *Килэйэ* от *килэй* "блестеть, поблескивать"; *хаан* — "кровь"; Килэйэ Хаан дословно переводится как "перевал, поблескивающий от пролитой крови".

Кимээн-имээн — эпическая местность, где добывается необходимый для изготовления богатырского лука корень дерева; встречается во многих олонхо вместе с названиями Тумаан-имээн и Хамаан-имээн при описании лука богатыря.

Когтистый Дыгыйдаан Бёгё (Тыҥырахтаах Дыгыйдаан Бөҕө) — *абаасы*. *Дыгыйдаан* от *дыгый* "легко, проворно ходить, (бежать)", *бөҕө* — "сильный, мощный, могучий, крепкий, твердый, силач".

Куо Кустуктай — см. *Илбис Кыыса.*

Кыдай Бахсы — мифологический кузнец трех миров.

Кырбыыкаан Уус — мифический кузнец. *Кырбыыкаан* от *кырбаа* "бей, разруби на части"; у Э.К. Пекарского Кырбыытан [60, стб. 1413].

Кырпыайка — место, предназначенное для богатырских битв.

Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр — богатырка *айыы*, центральный персонаж олонхо. *Кыыс* — "девица, дева", составная часть имен персонажей женского пола; *Дэбилийэ* от *дэбилий* "бурно кипеть, бурлить, клокотать", *бухатыыр* — "богатырь, воин".

Кэй Суорун — мифический зверь; у Э.К. Пекарского Кэй Кыыл — "мифический зверь о двух головах" [60, стб. 1011].

Кэкэ Чуураан — эпический род (племя). По Э.К. Пекарскому, Кэкэ Чуораан — имя мужских и женских персонажей олонхо; *чуораан* — "колокольчик" [60, стб. 1014].

Кэниэрдээх — род. Возможно, от *кэний* "бранить, ругать, клясть".

Кюн Джёсёгёй (Күн Дьөһөгөй) — см. *Джёсёгёй Айыы Тойон. Күн* — "солнце, дорогой".

Кюн Кюёгэлджин (Күн Күөгэлдьин) — небесная шаманка. *Күн* — "солнце, дорогой", *күөгэлдьин* от *күөгэлдьий* "тихо и плавно двигаться" (о движении стройной высокой женщины).

Кюн Тойон — родоначальник верхних *айыы.*

Кюн Эрили (Күн Эрили) — богатырь, сын Верхнего мира. *Эрили* — "человек с большими крупными глазами, с орлиным взглядом".

Кюрюё Джёсёгёй (Күрүө Дьөһөгөй) Тойон — см. *Джёсёгёй Айыы Тойон. Күрүө* — "изгородь, ограда"; *күрүө билэ дьон* — "весь народ".

Кюрюё Джэнгкэ (Күрүө Дьэҥкэ) — супруга Джёсёгёй Айыы. *Дьэҥкэ* — "чистый, светлый, прозрачный, без примеси".

Молджуруут (Молдьуруут) Бухатыыр — небесный богатырь.

Монгой (Моҥой, Моҕой) — мифический огнедышащий змей.

Нэлбэр Ийэ Хотун — добрая дух-хозяйка перевала (пути), по которому ходят Иэйиэхсит. *Нэлбэр (нэлбэй)* — "добрая, спокойная, невозмутимая".

Обот Мэнэгэй — один из духов кровожадности. *Обот, мэнэгэй* — "прожорливый, ненасытный, алчный".

Осол Уола — кровожадный дух войны и кровопролития; бог брани, который, как и Илбис Кыыса, вселяет в сражающихся жажду крови, разжигает страсти и пыл. *Оһол* — "вред, нанесенный по небрежности: нечаянное (неожиданное) несчастье; внезапный случай с худыми последствиями".

Сабыйа Баай Хотун — родоначальница племени *айыы аймаҕа*, супруга Саха Саарын Тойона.

Сайып Кутурук — женщина-*абаасы*, сестра Сараханы Кююкэнньик. *Сайып* — "весенний снег", *сайып уута* — "вода, образующаяся от таяния весеннего снега", *кутурук* — "хвост". Таким образом, Сайып Кутурук можно перевести как "облезлый хвост".

Сарахана Кююкэнньик — женщина-*абаасы*, дочь Арсан Дуолая. *Сарахана* от *сарахачый* "бежать (двигаться) с распущенными волосами, будучи небрежно одетой; вести себя легкомысленно, несерьезно"; *Кююкэнньик* от *күүркэй* "разгораться, воспламеняться гневом, ощетиниваться".

Саха Саарын Тойон — родоначальник племени *айыы аймаҕа. Саха* — "якут, якутский"; *саарын* — "извечный, великий, большой".

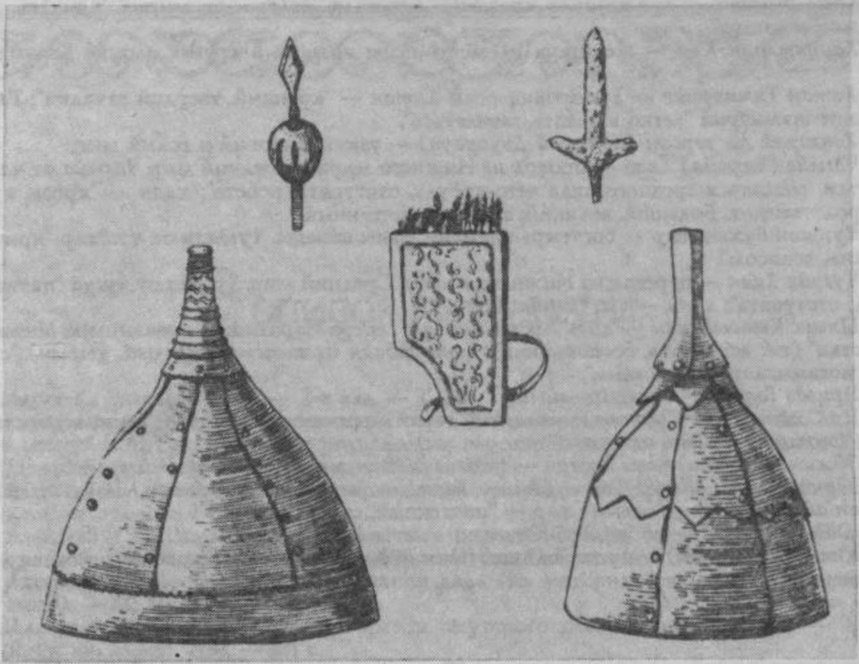
Симэхсин — старуха-скотница, рабыня патриархальной семьи, персонаж многих олонхо.

Солук Баатыр — парень-посыльный Джылга Хаан Тойона. Во многих олонхо этот персонаж носит имя Сорук Боллур.

Суксулла Хаан — кровавый перевал. *Суксулла* от *суксуй* "беспрерывно сыпать, обсыпать".

Таас Энгсилгэн — дух-хозяин каменного поля, предназначенного для битв богатырей. *Таас* — "камень"; *энгсилгэн* — "гулкий шум, водопад".

Тимир Джигискэн (Дьигискэн) — перевал. *Тимир* — "железо", *Дьигискэн* от *дьигиһий* "делать непроизвольное движение при испуге, вздрагивать".



Предметы старинного якутского военного снаряжения.

Тимир Тэмэлэкээн — родоначальница *абаасы*, мать Дыгыйдаан Бёгё. *Тимир* — "железо", *Тэмэлэкээн* от *тэмэлий* "смотреть широкими глазами".

Турантай — дух-хозяин кровавого перевала. *Турантай* "долгий, верзила, долговязый" — прозвище, даваемое людям, отличающимся высоким ростом.

Тумаан (Томоон)-имээн — см. *Кимээн-имээн*.

Торго Тююрэй (Торҕо Түүрэй) — см. *Илбис Кыыса*. *Торҕо* употребляется в словосочетаниях *торҕо бии* "острое лезвие", *торҕо күөх* "прекрасная зелень", *торҕо буруо* "густой дым", *торҕо сэлии* "быстрая рысь" (вид аллюра); *түүрэй* — "мешать, беспокоить".

Улуутуйар Улуу Тойон — глава племени *абаасы* Верхнего мира; один из сложнейших образов якутской мифологии , иногда — брат Юрюнг Айыы, глава одного из трех небесных племен; иногда — божество, даровавшее человеку огонь, вторую душу (*сүр*) и черных шаманов, но в то же время жестоко его карающее. *Улуутуйар* — "горделивый, кичливый", *улуу* — "великий".

Унаарытта Эбэ Хотун — долина (*алаас*). Якуты свое место обитания почтительно называют *эбэ* "бабушка", а в олонхо — *эбэ хотун* "бабушка-госпожа"; *Унаарытта* от *унаар* "марево сухой туман; тихий летний жар, когда воздух приобретает синеватый оттенок".

Уот Кудулу — мифологическое огненное море. *Уот* — "огонь, огненное, кипящее", *кудулу* — "ненасытное, прожорливое".

Уот Солуонньай — см. *Илбис Кыыса*.

Ургунньук Баатыр — богатырь *айыы аймаҕа*, воспитанник женщины-*абаасы* Сараханы Кююкэнньик.

Урдус Хотун — см. *Илбис Кыыса*. *Урдус* — термин родства и то же, что *удьуор, хаан* — "род, родня, потомок"; в переносном смысле "отродье".

Хаадыат Бэргэн — богатырь-*айыы*. *Хаадыат (ходуот)* — "смелый, мужественный".

Хаан Чугуйа — см. *Чугуйа Хаан*.

Хаан Эгиргэн — дух-хозяйка кровавого перевала. *Эгиргэн* от *эҕирий* "вдыхать, вбирать в себя воздух".

Хаанчылаан Куо — женщина племени *айыы аймаҕа*. В других олонхо Хаачылаан Куо.

Хатан Тэмиэрийэ — дух-хозяин огня. *Хатан* — "крепкий, твердой закалки"; *Тэмиэрийэ* от *тэмиэрий* "легко взлетать, взвиваться".

Хонгорой Джюрсун (Хоҥорой Дьуорсун) — узкий, высокий и голый мыс.

Чагыйа (Чаҕыйа) Хаан — проход из Нижнего мира в Средний мир. *Чаҕыйа* от *чаҕый* "бояться, опасаться грозного вида чего-нибудь, отступать, робеть"; *хаан* — "кровь, кровный родственник, большой, великий, важный, почтенный".

Чугдаан Бухатыыр — богатырь племени *айыы аймаҕа*. *Чугдаан* от *чугдаар* "кричать звонким голосом".

Чугуйа Хаан — перевал из Нижнего мира в Средний мир. *Чугуйа* от *чугуй* "пятиться назад, отступать"; *хаан* — см. *Чагыйа Хаан*.

Ытык Кыпсыйдаан — дочь Арсан Дуолая, сестра Сараханы Кюкэнньик. *Ытык* — "мутовка" (т.е. вертлявая, беспокойная); *Кыпсыйдаан* от *кыпсый (кыпчый, кыбын)* "сжимать ногами, держать ногами".

Эриэдэ Бэргэн — богатырь-*айыы*.

Эр Соготох (Эр Соҕотох) — главный герой многих олонхо. *Эр* — "муж, мужественный", *соҕотох* — "один, одинокий".

Эджинэ (Эдьинэ) Баай Хотун — родоначальница племени *айыы аймаҕа*.

Юрюнг Аар (Айыы) Тойон (Айыы Хаан) — верховное божество, глава небесных племен *айыы*. *Үрүҥ* — "белый"; *аар* — "почтенный, священный".

Юёдэн (Үөдэн) — то же, что *Ютюгэн*.

Ютюгэн (Үтүгэн) — преисподняя, Нижний мир; пропасть, бездна, неизвестная даль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 21.
2. *Ааβар* кинигэ (Книга для чтения) / Сост. С.А. Новгородов. — М., 1923. — 168 с.
3. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 200 с.
4. *Алексеев Н.А.* Ранние религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 318 с.
5. *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 233 с.
6. *Алексеев Э.Е.* Проблемы формирования лада (на материале якутской народной музыки). — М.: Музыка, 1976. — 288 с.
7. *Алексеев Э.Е., Николаева Н.Н.* Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981. — 101 с.
8. *Батталлаах* дьаһал, үтүргэннээх дьүүл (Утеснительное распоряжение, несправедливый суд) // Саха дойдута (Якутский край). — 1907. — 22 июля.
9. *Беляев В.М.* Якутские народные песни // Сов. музыка. — 1937. — № 9. — С. 11—26.
10. *Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену // Сб. трудов Н.-и. ин-та языка и культуры при СНК ЯАССР / Под ред. П.А. Ойунского. — М.; Якутск: Якутгосиздат, 1938. — Вып. 4. — 227 с.
11. *Бурнашев И.И.* Ырыа-тойук (Песнопения) / Зап. и подгот. к печати Г.У. Эргис. — Якутск: Якутгосиздат, 1944. — 74 с.
12. *Бүдүрүйбэт* Мүлдьү Бөҕө (Неспотыкающийся Мюлджю Бёгё). — М.; Якутск: Якутгосиздат, 1938. — 495 с.
13. *Васильев Г.М.* Якутское стихосложение. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. — 128 с.
14. *Васильев Г.М.* Живой родник. Об устной поэзии якутов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1973. — 303 с.
15. *Васильев Г.М.* Стих олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: (Мат-лы Всесоюз. конф. фольклористов). — Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1977. — С. 100—103.
16. *Верхоянский* сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. — Иркутск, 1890. — 311 с.
17. *Виноградов Н.Н.* О спектакле в г. Якутске на якутском языке под названием "олонхо" // Живая старина. — 1906. — № 3. — С. 70.
18. *Виташевский Н.А.* К материалам о якутских сказках // Живая старина. — Пг., 1912. — Вып. 2/3. — С. 449—466.
19. *Горохов К.И.* Исследования и материалы участников Якутской (Сибиряковской) экспедиции ВСОРГО в 1894—1896 годах в области этнографии якутов // Из истории Якутии XVII—XIX в. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. — С. 52—58.
20. *Григорян Г.А.* В Якутии // Сов. музыка. — 1956. — № 10. — С. 71—75.
21. *Григорян Г.А.* Музыкальная культура Якутской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. — М.: Музгиз, 1957. — С. 329—408.

22. *Диалектологический* словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — 392 с.
23. *Дмитриев П.Н.* Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: (Мат-лы Всесоюз. конф. фольклористов). — Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1977. — С. 118—120.
24. *Древнетюркский* словарь. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 676 с.
25. *Емельянов Н.В.* — Сюжеты якутских олонхо. — М.: Наука, 1980. — 375 с.
26. *Емельянов Н.В.* Мифологические божества в олонхо "Потомки Юрюнг Айыы Тойона" и "Баай Барыылаах — дух-хозяин черного леса" // Мифология народов Якутии. — Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. — С. 12—25.
27. *Емельянов Н.В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. — М.: Наука, 1983. — 246 с.
28. *Жирков М.Н.* Якутская народная музыка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981. — 118 с.
29. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — 727 с.
30. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и запад. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 493 с.
31. *Илларионов В.В.* Искусство якутских олонхосутов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. — 123 с.
32. Исторические предания и рассказы якутов / Изд. подгот. Г.У. Эргис; Ред. А.А. Попов: В 2 ч. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — Ч. 1. — 322 с.; Ч. 2. — 359 с.
33. *Ионов В.М.* Орел в воззрениях якутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. — 1913. — Т. 1, вып. 16. — 28 с.
34. *Ионов В.М.* Дух-хозяин леса у якутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. — 1916. — Т. 4, вып. 1. — С. 1—13.
35. *Кондратьев С.А.* Якутская народная песня. — М.: Сов. композитор, 1963. — 179 с.
36. *Корнилов Ф.Г.* Нотаҕарынан саха ырыаларын хомуура: (Сборник якутских песен для голоса без сопровождения). — М.: Музгиз, 1936. — 121 с.
37. *Кривошапко Г.М.* Музыкальная культура советского народа. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. — С. 184.
38. *Ксенофонтов Г.В.* Легенды и рассказы о шаманах якутов, бурят и тунгусов: Материалы к мифологии урало-алтайских племен в Северной Азии. — Иркутск, 1928. — Ч. 1. — 78 с.
39. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. — Т. 1. — 576 с.
40. *Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории. — М.: Наука, 1977. — 247 с.
41. *Кузьмина Е.Н.* Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 160 с.
42. *Кулаковский А.Е.* Научные труды / Сост. Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. — 483 с.
43. *Кунанбаева А.Б.* Проблемы казахской эпической традиции (на музыкальном материале 1960 — 1980-х годов): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1984. — 21 с.
44. *Кырдьык* кыайар (Правда побеждает): Якутские народные певцы о Великой Отечественной войне / Сост. А.Д. Неустроева. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1945. — 74 с.
45. *Лебедева Ж.К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 112 с.
46. *Линденау И.Я.* Описание народов Сибири: Первая половина XVIII в. — Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. — 176 с.
47. *Максимов Д.К.* Очерки истории Якутского драматического театра. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. — 168 с.
48. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаический памятник. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 462 с.
49. *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. — М.: Наука, 1986. — 320 с.
50. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР. — 1937. — Т. 1. — 607 с.
51. *Миддендорф А.* Путешествие на Север и Восток Сибири. — Спб, 1878. — Ч. II: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. — Отдел VI: Коренные жители Сибири. — С. 620—833.

52. *Новгородов* С.А. Дух-хозяин леса у якутов // Живая старина. — 1914. — Приложение № 1, 1915. — С. 16—22.
53. *Нюргун* Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; Ред. текста, пер. и коммент. Г.У. Эргиса. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. — 410 с.
54. *Образцы* народной литературы якутов, издаваемые под редакцией Э.К. Пекарского: В 3 ч., 8 вып. — Спб; Пг. — 1907—1918. — Ч. I: Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. — Вып. 1. — 1907. — 80 с.; Вып. 2. — 1908. — С. 81—194; Вып. 3. — 1909. — С. 195—280; Вып. 4. — 1910. — С. 281—400; Вып. 5. — 1911. — С. 401 — 476; Часть II: Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. — Вып. 1. — 1913. — 190 с.; Вып. 2. — 1918. — С. 191—258; Часть III: Образцы народной литературы якутов, записанные В.Н. Васильевым. — Вып. 1. — 1916. — 196 с.
55. *Ойунский* П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сб. трудов исслед. об-ва "Саха кэскилэ". — Якутск, 1927. — Вып. 1(4). — С. 98—139.
56. *Окладников* А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 1. — С. 228—280.
57. *Остуоруйа* (Сказка) // Саха дойдута (Якутский край). — 1907. — 16, 20, 30 дек.; 1908. — 3, 6, 13 янв.
58. *Очы-Бала*. Алтайское сказание / Сказитель А. Калкин, поэтич. пер. А. Плитченко // Сиб. огни. — 1983. — № 9. — С. 3—14.
59. *Пейко Н., Штейман* И. О музыке якутов // Сов. музыка. — 1940. — № 2. — С. 84—90.
60. [*Пекарский* Э.К.] Словарь якутского языка, составленный Э.К. Пекарским при ближайшем участии Д.Д. Попова и В.М. Ионова. — Спб.; Пг.; Л., 1907—1930. — Вып. 1—13. — 3858 стб.
61. *Петров Н.Е., Слепцов П.А., Барашков* П.П. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. — 142 с.
62. *Петров* В.Т. Роль фольклора в зарождении якутской литературы. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. — 95 с.
63. *Петров* В.Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе. — М.: Наука, 1978. — 138 с.
64. *Петров* В.Т. Традиции эпического повествования в якутской прозе. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — 84 с.
65. *Поговорим* по-якутски: Самоучитель якутского языка / Н.Д. Дьячковский, П.А. Слепцов, К.Ф. Федоров, М.А. Черосов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1976. — 176 с.
66. *Попов* А.А. Материалы по верованиям якутов Вилюйского округа // Сб. Музея антропологии и этнографии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 11. — С. 255—323.
67. *Пропп* В.Я. Русский героический эпос. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. — 552 с.
68. *Пухов* И.В. Исполнение олонхо // Докл. на II науч. сессии ИЯЛИ. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1951. — Вып. 1: История и филол. — С. 133—164.
69. *Пухов* И.В. "Олонхо" — народный героический эпос якутов // Вопросы изучения эпоса народов СССР. — М.: Изд-во АН СССР. — С. 209—225.
70. *Пухов* И.В. Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.
71. *Пухов* И.В. К вопросу о генетической общности якутского героического эпоса олонхо с эпосом других сибирских народов // Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. — Кишинев: Штиинца, 1971. — С. 200—210.
72. *Пухов* И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: Общность, сходство, различие // Типология народного эпоса. — М.: Наука, 1975. — С. 12—62.
73. *Пухов* И.В. От фольклора к литературе. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. — 128 с.
74. *Решетникова* А.П. Эпический стиль диэрэтии ырыа в инструментальной музыке якутских композиторов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: (Мат-лы Всесоюз. конф. фольклористов). — Якутск: Якут. фил. СО АН СССР. — С. 206—210.
75. *Рыбаков* Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981. — 607 с.
76. *Саха* норуотун айымньыта (Творчество якутского народа) / Сост. Г.М. Васильев, Х.И. Константинов. — Якутск: Якутгосиздат, 1942. — 252 с.
77. *Саха* фольклора (Якутский фольклор) / Сост. Д.К. Сивцев. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. — 336 с.
78. *Сборник* якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. — 246 с.

79. *Семенов* В.А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П.А. Ойунского. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. — 76 с.
80. *Серошевский* В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования / Под ред. проф. Н.И. Веселовского. — Спб: Изд-во имп. Рус. геогр. об-ва, 1896. — Т. 1. — 720 с.
81. *Скрябин* А. Саха ырыаларын ноталара (Ноты якутских песен) / Нотные записи А.В. Скрябина. Обраб. Виноградова и Аладова. — М.: Центральное изд-во народов СССР, 1927. — 28 с.
82. *Собо* С. Таатта ырыата (Песня о реке Татте) // Саха дойдута (Якутский край). — 1907. — 15 нояб.
83. *Строптивый* Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. — М.: Наука, 1985. — 608 с.
84. *Тобуроков* Н.Н. Якутский стих. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. — 160 с.
85. *Трощанский* В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов / Ред. Э.К. Пекарский, доп. и примеч. Э.К. Пекарского и Н.Ф. Катанова. — Казань: Тип. имп. ун-та, 1902. — 185 с.
86. *Унгвицкая* М.А., *Майногашева* В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. — Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1972. — 312 с.
87. *Фольклор*: Поэтическая система. — М.: Наука, 1977. — 343 с.
88. *Худяков* И.А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г. Базанова. — Л.: Наука, 1969. — 439 с.
89. *Шаракшинова* Н.О. Бурятское народное поэтическое творчество. — Иркутск, 1975. — 234 с.
90. *Шерхунаев* Р.А. Певцов благородное племя. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — 264 с.
91. *Ырыа-хоһоон* (Песни и стихи). — Якутск: "Просветительское общ-во Манчаары", Якутский отдел Губбюро РКП(б), 1922. — 48 с.
92. *Ырыалаах* С. Сайын (Лето) // Саха саната (Якутская речь). — 1912. — № 1. — С. 7—10.
93. *Эр Соготох* // Живая старина. — 1890. — Вып. 2. — С. 174—175; Вып. 3. — С. 165—174.
94. *Эр Соготох*. Запись А.А. Саввина со слов Г.Ф. Никулина из Майорского наслега Абыйского р-на. 1940. — Архив ЯФ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 108.
95. *Эргис* Г.У. Спутник якутского фольклориста. — Якутск: Якутгосиздат, 1945. — 95 с.
96. *Эргис* Г.У. Памятка собирателям советского фольклора. — Якутск: Якутгосиздат, 1947. — 56 с.
97. *Эргис* Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. — 402 с.
98. *Якутские* загадки / Сост., пер., вступ. статьи и коммент. С.П. Ойунской. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1975. — 376 с.
99. *Якутский* фольклор / Тексты и пер. А.А. Попова; Лит. обраб. Е.М. Тагер; Общ. ред. М.А. Сергеева. — М.: Сов. писатель, 1936. — 322 с.
100. *Якутские* народные песни: В 4 ч. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1977—1983. — Ч. 1: Песни о природе. — 1976. — 232 с.; Ч. 2: Песни о труде и быте. — 1977. — 422 с.; Ч. 3: Песни советского периода. — 1980. — 296 с.; Ч. 4: Якутские народные поэмы-тойуки. — 1983. — 280 с.
101. *Якутские* сказки / Изд. подгот. Г.У. Эргис. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964—1967. — Т. 1. — 308 с.; Т. 2. — 284 с.
102. *Якутско-русский* словарь / Под ред. П.А. Слепцова. — М.: Сов. энцикл., 1972. — 606 с.
103. *Ястремский* С.В. Остатки старинных верований у якутов // Изв. Вост.-Сиб. отд-ния РГО. — 1897. — Т. 28, вып. 4. — С. 136—265.
104. *Ястремский* С.В. Образцы народной литературы якутов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — 226 с. — (Труды Комиссии по изучению Якут. АССР; Т. 7).
105. *Böhtlingk* O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik. Text und Wörterbuch Besonderer Abdruck aus dritten Bandes von Dr.A.Th.v. Middendorf's Reise in dem anssersten Norden und Osten Sibiriens. — St.-Pbg, 1851. — S. 79—95.

SUMMARY

Yakuts are the northerhmost Turkic-speaking people who created the original cattle breeding and horse breeding culture in the north-east of Asia, that is in Valleys of the Lena, Yana, Indigirka and Kolyma rivers. Rich and unigue is their oral poetic art, the collection and reserch of which is closely connected with the development of science and sociopolitical ideas in Russia to which Yakutia was incorporated in the 20 — 30's of the 18th centry.

Myths, legends and songs of the Yakuts were first recorded by the members of the Great Northern (Second Kamchatskaya) expedition in the 40's of the 18th centry Academician A.F. Middendorf who traveled in the north and east of Siberia in 1842—1845 recorded and published the samples of all most principle genres of the Yakut folklore. In 1851 Academician O.N. Botlingk translated into German and published olonkho — the Yakut heroic epos — that had been recorded from memory by A.Ya. Uvarovsky a Russian born in Yakutia, remarkable connoisseur of the Yakut language and folklore. An important contribution to the reserch of the Yakut folklore was made by I.A. Khudyakov. Exiled to Verkhoyansk, he became proficient in the Yakut language, created an alphabet on the basis of the Russian script, made excellent records of the samples of oral poetry and translated them into Russian. Besides, he wrote a perfect ethnographic work on the material and spiritual culture of the Verkhoyansk region people. Another political prisoner E.K. Pekarsky compiled a famous dictionary of the Yakut language and published samples of the Yakut folk literature. At the same time together with E.K. Pekarsky other political prisoners such as N.A. Vitashevsky, V.M. Ionov, V.L. Seroshevsky, V.E. Troshchansky, S.V. Yastremsky and other were also engaged in the collection of ethnographis and folklore materials. Many of them participated in the Yakut (led by I.O. Sibirykov) expedition of the Siberian Department of the Russian Geographical Society in 1894—1896.

Influenced by the first Russian revolution of 1905—1907, the movement started in Yakutia for the development of the national culture; the public interest in folk arts arose and there appeared national writers and scientists such as A.E. Kulakovsky, V.V. Nikiforov, A.I. Sofronov and S.A. Novgorodov.

After 1917 the Yakut people got their official written language, wide masses learned reading and writing, there developed national fiction and professional arts. One of the basic sources for the formation of modern literature and arts is folklore. In the 20's the collection and study of the oral poetry of the Yakuts was carried on by the scientific Reserch society "Sakha keskile" (The Yakut Rebirth). This work acquired a more systematic and consistent character with the organisation in 1935 of the Scientific Reserch Institute of Language and History attached to the Soviet of People's Commissars

of the Yakut ASSR (now the Institute of Language, Literature and History of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The institute was headed by a prominent political and social figure, scientist and founder of the Yakut Soviet Literature Platon Aleksyevich Oyunsky. Ledby him the institute collected, studied and published national folklore. The institute became the center of the folklore, reserch in the republic. The publication of folklore was suspended in the years of the Great Patriotic War of 1941—1945.

In the postwar period the Institute arranged folklore expeditions which became regular the since 1960's; it also prepared manuals for the folklore collector. The issue of olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by G.U. Ergis initiated the Institute's bilingual scientific publications of the samples of the Yakut oral poetry.

In recent decades the Yakut folklore researchers published comprehensive works on the history of the development of the Yakut folklore and its traditional genres. There appeared works on the moral and aesthetic conten's of olonkho and its epic images, on the subjects of olonkho, the problems of its relations with the epos of turkic-mongolian peoples, on the sound arrangement and the rythmic system of the verse and the peculiaitles of the narrative structure of olonkho. They study the art of olonkhosuts — the narrators, investigate the problems of the role of folklore in the modern Yakut poetry and prose with the oral poetry, "the counter streams" of folklore traditions and the traditions of classic literatures in the development of young literatures. The Yakut folklore is often referred to in the general theoretical studies of historical and structural typology of the USSR peoples's epic monuments.

Olonkho occupies the central place in the genre system of the Yakut folklore. Long ago the first collector and resercher of the Yakut oral poetry I.A. Khudyakov called olonkho "the main kind of poetry, the main of enlightening".

Olonkho is genetically close to the epos of turkic-mongolian peoples, being the earliest ancient layer of the archaic epic art. Whereas the epos of turkis-mongolian peoples of the Baikal region and southern Siberia has developed from the epos of the tribal period to that of the class society, the Yakut olonkho has as if "set" as the epos reflecting profound features of the development and the gradual decay of the tribal system of the period of their ethnic formation (ethnic consolidation).

As the folklore genre olonkho unites more or less similar legends having the common moral-aesthetic system, the stable structure of the plot and composition and traditional personages. Olonkho is deeply related to mythology and is satiated with the mythological outlook and images.

The creators and keepers of olonkho are gifted folk narrators — olonkhosuts who from their early age imbibed the art of performance from the narrators of the generation. The gift of an olonkhosut is often an inherited one.

The main theme of olonkho is the fate of an epic tribe of ayii aimaga to which the uraanghai sakha (the ancient self — name of the Yakuts belong). The narration about the settlement of the Middle world the epic land of the Yakuts by people about the every day life of the uraanghai sakha forefathers, about the interrelations of the members of the family, kin and tribe, about their fight aganist the evil, forces for the peaceful, adundant and happy life in the land granted to them by the good spirits.

The introduction of olonkho describes the time of the events which is characterized as "martal years" of the "feats of arms" It also descrabes the time

when there had been no Yakuts yet, the time of the creaton of three mythological parts of the world. The Middle world is itended for people (ayii aimaga), protected by good deities (ayii) and spirits who are masters (ichchi) of the land, plants, mountains, etc. With spesial affection the introduction depicts the homeland of the main hero presented as the Middle world with its part called Sibiir (land) and as alaas — a comfortable place where the Yakut settlement is located. Thus, from the very beginning mythology is closely interwoven with reality, macrocosm of the epic world is inseparable from the microcosm of the olonkho creators. A great part in the description of the hero's homeland is dedicated to the sacred tree Aal Kuduk (Luuk) mas personifying the good forces of the Middle world, the "symbol of the inexhaustible fertility of the soil and eternal prosperity on it".

The plots of olonkho develop in consistent compositional parts:

1. The introduction containing the reason of the conflict;

2. The culmination where the plot achieves its climax the episodes of the hero's fight against his enemy;

3. The denouement in which all events with the good forces winning over evil ones and peaceful creative life beginning for the tribe of uraanghai sakha.

The personage system is stable and constant in practically all the stories. The main hero is a knight (it maxy be a woman) of the tribe ayii aimaga. His enemy is usually a knight from the abaahy tribe — the mythological dwellers of the Lower and Upper worlds, the evil personages of extremely complex characters who seem to embody representatives of hostile tribes. The conflict is always won by the main hero who kills or banishes the abaahy knight. Sometimes the enemy of the main hero is a knight from his own tribe, which reflects conflicts within the tribe. In this case the conflict is settled peace fully.

The other characters are grouped around the main hero and his enemy and represent members of the family and tribe (father, mother, brothers, sisters and fellow — tribesmen). Mythological personages play a special role among the characters of olonkho. The supreme deity Ayii toyon is main patron of the tribe ayii aimaga and the forefather (grandfather or father) of the olonkho main hero who is the ancestor of the human tribe uranghai sakha. Another direct of the inhabitants of the Middle world is Kyuryue Jesegey — the deity who gives horses to people.

There are three groups of olonkho es distinguished according to their plot:

1. Olonkhoes depicting the outcast descendants of the deity Ayii expelled from the Upper and settling in the Middle world. Olonkhoes about athlete girls, the first people of the Middle world also belong to this group. The peculiar feature of these early types of olonkhoes is the absense of the motif of heroic matchmaking characteristic of the knight epos.

2. Olonkhoes about the tribe forefathers. The main character of many stories of this group Er Sogotokh, the first inhabitant of the earth learns about his divine predestination to be the forefather of the tribe, undertakes a trip in search of a bride and after many ordeals and heroic deeds returns to his country with a young wife. Thus the hero's matchmaking, the formation of a family and its continuation are predominant in the olonkho about the forefathers.

3. Olonkhoes about knights who defend the tribe. Either the main hero is appointed by deities to defend the tribe and by the request of the Middle world inhabitants come down from the Upper world or, in other versions, children of the Middle world inhabitants defend their own tribe are appointed by the deitiest.

It shoild be mentioned that not all olonkho plots fit these three groups in many legends. The stated subjects and motifs from intricate interweaving plots.

There are also olonkhoes depicting the deeds of knights of two or three generations.

The epos "Kyys Debiliye Bukhatyyr" the manuscript of which is kept in the archives of the Yakut Scientific centre of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences is published for the first time. Marrated by the oldest olonkhosut Nikolai Petrovich Burnashov (1846—1950), the olonkho was recorded by the journalist Stepan Konstantinovich Dyakonov (1913—1966), in june—jule 1941, that is in the first days of the Great Patriotic War.

"Kyys Debiliye Bukhatyyr" is one of the best samples of the Yakut epos. A legend about women athletes it is one of thase very popular throughouz Yakutia.

"Kyya Debiliye Bukhatyyr" is a many-sided story. In terms of its moral-aesthetic contents and the variety of epic subjects that embraces characteristic features of the indicated three groups of olonkhoes.

The main character of "Kyys Debiliye Bukhatyyr" a migthy athlete-woman of the Upper world tribe "ayii aimaga" is expelled to the Middle world where she accomplishes heroic feats defending the people of her tribe who are exposed to the crafty desigenes of a woman of the tribe "ahaahy aimaga".

Her enemy is an abaahy woman Sarakhana Kyukennik the Junior daughter of the head of the Lower world Arsan Duoly. She acts agains the inhabitants of the Middle world with cunning and insidiousness. She does not make destructive raids. Settled in the Middle world together with her three sisters she kidnahs, three children from the three worlds and brings them up in hatred towards the people "ayii aimaga". Two of the three wards are descendants of the ayii aimaga. Fed with milk of the abaahy woman they inherit all the habits of the abaahy woman they inherit all the habits of the abaahy and do not differ from the third ward a son of the inhabitants of the Lower world. As they grow up, they destroy the peace and prosperity of the ayii aimaga people.

Chugdaan Bukhatyyr personifies the positive features of the defenders of the Middle world people. He and his relatives live happily and prosperously in one of the abundant countries of the Middle world. Chugdaan Bukhatyyr is depicted as a generous and hospitable forefather, an organizer of the kumys feast ysyakh. When the foster children of the abaahy invade his country Chugdaan Bukhatyyr tries to settle the conflict in a peaceful way and in order to escape bloodshed he tries to negotiate with them. After the abaahy foster chiedren destroy half of his wealth and threaten his tribe he starts figting two of his enemies. Feeling unequal thyt the forces are unequal Chugdaan Bukhatyyr begs Kyys Debiliye Bukhatyyr for help. Having a grudge aginst the supreme deities Kyys Debiliye does not make up her mind to help her tribesmen immediately. Later, however, she overcomes her resentment and together with the other ayii aimaga knights against the abaahy foster children.

The Olonkho blames the horrors of the battle between knights. The mostrepulsive personages of the Yakut mythology — the bloodthirsty war spirits-inflict frenzy onto the combatants who lose their human features. The description of the terrible fight of the knights reflects the idea about the abnormality of all kinds of murders and wars.

The Olonkho is permeated withs the idea oftpeace among the tribes, The supreme deities stop the bloody battle of knights. And the knight ofthe Lower world Dygyidaan Bege who is the cause of the bloody deeds is forever put in to prison by his tribe-fellows.

After peace and calm have been settled Kyys Debiliye takes care of the fate of her tribes people and helps them to regulate their life. Special attention is paid by her to the two foster children of the abaahy woman, who are of the ayii aimaga origin. She manges not only to quiet them, but also to help them return to their tribe, thus purifying them from the evie of the abaahy woman. Kyys Debiliye sends home the sons of the Upper and Middle worlds to the places where they lived and grew up before being kidnapped by the abaahy woman.

Thus Kyys Debiliye is not only a warrior but also organizer of the peaceful creative life of the ayii aimaga people. The text of the legend consists of free allitertional assonant verses, formed on the basis of the inner synharmony laws of the Yakut verse. The poetic system is of a tride structure: a chain of verses forms a complete semantic period with a number of rythmico-syntactic parralelisms and reiterations. Thus the first tride i.e. a period, consists of three semantic blocs with the first being an introdaction; the second and third blocs representing syntactic parallelism are a poetic description creating the image of the heaven. The olonkho text abounds in epithets and comparisons. The land (country, world) is defined by a constant complex epithet "eight-rimmed — eight-sided", "primordial"; low bushes are compared with Russian women in sarafans (national dresses) brich-trees with famous people and so on. All the descriptive epithets, various comparisons and parallelisms are grouped into semantic blocs, which from stable epic formulae and typical passages.

An Olonkho is performed in the manner of recitation and singing. The introduction of the legends, the description of knights, the country, the ysyakh festival the knight's preparations for the campaign and his departure, the depiction of the battle field and the kr ights' fight are performed as a more hastened recitation. Diverse is also the song composition of the olonkho. Thus monologues and dialogues of the characters are polysemantic in their and psychological nuances. They are varios in generes: these are an invocation song, an appeal song knight's boasting song, a weeping song, the deities' song, a damnation song, etc.

Olonkho has absorbed the best features of the Yakut verbal poetic art. Based on mythology and fairy-tale fantasy, saturated with the cult of poetry and shaman invocations, it reveals all the colourful expressive means of the folk language.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7
Якутский героический эпос "Кыыс Дэбилийэ". *Н.В. Емельянов, В.Т. Петров* 9
Музыка якутских олонхо. *А.П. Решетникова* 26

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

Кыыс Дэбилийэ 72
Кыыс Дэбилийэ 73

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Сведения о тексте и сказителе 289
Примечания к якутскому тексту 294
Комментарии к переводу 297
Словарь непереведенных слов 308
Словарь мифологических и эпических персонажей и топонимов 313
Список литературы 319
Summary 323

Научное издание

КЫЫС ДЕБИЛИЙЭ:
ЯКУТСКИЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС

Редактор *Т.В. Романенко*
Художник *В.А. Реймхе*
Художественный редактор *В.И. Шумаков*
Технический редактор *Л.П. Минеева*
Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Щербакова*
Оператор электронной верстки *О.П. Хмелева*
Оператор набора *Н.М. Лаптева*

ИБ № 42593

Сдано в набор 16.10.91. Подписано в печать 18.06.93. Формат 75x90 1/16. Гарнитура Лазурского.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,63. Усл. кр.-отт. 26,88. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 564. С119.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука", Сибирскае издательская фирма.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

40-00

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «КЫЫС ДЭБЭЛИЙЭ»

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ. ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

MONO R92 01533

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС "КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ"

Составитель А. Решетникова
Консультант Н. Данченкова
Звукорежиссер М. Дидык
Редактор К. Симонян
Художник В. Шумаков

И.Г. Тимофеев-Теплоухов

У.Г. Нохсоров

П.П. Ядрихинский

На пластинке представлены фрагменты якутских сказаний в исполнении выдающихся олонхосутов И. Г. Тимофеева-Теплоухова, П. П. Ядрихинского и У. Г. Нохсорова, которые воплощают традиции центральноякутского стиля сказывания. К сожалению, фонозаписи олонхо "Кыыс Дэбилийэ" нет. Но шесть напевов, характеризующих основные типы эпических героев (мужские и женские персонажи Среднего и Нижнего миров, а также белая шаманка Верхнего мира), в полной мере представляют стиль и характер пения в центральноякутских олонхо и позволяют судить о музыкальной драматургии сказания "Кыыс Дэбилийэ".

В якутской эпической традиции сложилась устойчивая система типов интонирования, связанных с определенными героями олонхо. Поэтому пластинка составлена таким образом, что на первой стороне даны напевы героев Верхнего и Среднего миров, а на второй — фрагменты музыкальных характеристик персонажей Нижнего мира.

В. Никифорова

Сторона 1

Вступительный речитатив и песня Кулун Куллустуура из олонхо "Строптивый Кулун Куллустуур" — 6.23
И.Г. Тимофеев-Теплоухов

Песня шаманки Айыы Умсуур из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" — 3.04
У.Г. Нохсоров

Сторона 2

Песня богатыря Нижнего мира из олонхо "Богатырь Кюн Джёсюёлджют" — 2.40
П.П. Ядрихинский

Песня девы-абаасы
из олонхо "Юрюнг Уолан" — 1.07
У.Г. Нохсоров

Песня посыльного Сорук Боллура из олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" — 1.10
У.Г. Нохсоров

Песня Хачылаан Куо
из олонхо "Юрюнг Уолан" — 2.56
У.Г. Нохсоров

На якутском языке

В СБОРНИК ВКЛЮЧЕНЫ ЗАПИСИ ИЗ «ЗОЛОТОГО АРХИВНОГО ФОНДА».

© Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук

© СП «Апрелевка — Саунд Инк», 1993.
Тип. СП. Заказ 195. Тираж 10000

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ
СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
АПРЕЛЕВКА
САУНД Инк
МОНО ▽ 33
R92 01533
ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
«КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ»
ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ РЕЧИТАТИВ И ПЕСНЯ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ из олонхо
«Строптивый Кулун Куллустуур»
И. Г. Тимофеев-Теплоухов
ПЕСНЯ ШАМАНКИ АЙЫЫ УМСУУР из олонхо
«Нюргун Боотур Стремительный»
У. Г. НОХСОРОВ
На якутском языке
Записи 1950-х—1960-х гг.

RUSSIAN-AMERICAN JOINT VENTURE

APRELEVKA SOUND Inc.

МОНО ▽33

2

R92 01534

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
«КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ»
ПЕСНЯ БОГАТЫРЯ НИЖНЕГО МИРА
из олонхо «Богатырь Кюн Джёсюёлджют»
П. П. ЯДРИХИНСКИЙ
ПЕСНЯ ДЕВЫ-АБААСЫ из олонхо «Юрюнг Уолан»
ПЕСНЯ ПОСЫЛЬНОГО СОРУК БОЛЛУРА из олонхо
«Нюргун Боотур Стремительный»
ПЕСНЯ ХАЧЫЛААН КУО из олонхо «Юрюнг Уолан»
У. Г. НОХСОРОВ
На якутском языке
Записи 1950-х—1960-х гг.